

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

IV

2020

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

№ 4 / 2020

DOI: 10.31143/2542-212X-2020-4

*Свидетельство о
регистрации*

Эл № ФС77-59844
от 17 ноября 2014

ISSN

2542-212X

Периодичность

4 раза в год

Учредитель/Издатель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Кабардино-Балкарский
государственный университет
им. Х.М. Бербекова»

Е-mail редакции

caucasology.kbsu@gmail.com

URL-адрес издания

[http://www.kbsu.ru/nauchnye-
izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/](http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/)

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, директор Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афаковна, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллари Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, Director, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Grozny, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор

Боров Аслан Хажисмелович

Редакционная коллегия

Кажаров А.Г. (заместитель главного редактора),
Азикова Ю.М. (ответственный секретарь),
Аккиева С.И., Аствацатурова М.А., Баразбиев М.И.,
Бауаев К.К., Бгажноков Б.Х., Берберов Б.А.,
Бозиева Н.Б., Борова А.Р., Бугай Н.Ф., Бухуров М.Ф.,
Геграев Х.К., Гутов А.М., Дзамихов К.Ф.,
Иванова С.Ю., Канукова З.В., Кочесоков Р.Х.,
Кудаева З.Ж., Кузьминов П.А., Кучукова З.А.,
Мамсиров Х.Б., Муратова Е.Г., Нальчикова Е.А.,
Прасолов Д.Н., Сабанчиев Х.-М.А., Тамазов М.С.,
Текуева М.А., Тимижев Х.Т., Тхагапсоев Х.Г.,
Тенов Т.З., Узнародов Д.И., Узнародов И.М.

Editor-in-Chief

Borov Aslan Hazhismelovich

Editorial board

Kazharov A.G. (Deputy Editor-in-Chief),
Azikova Yu.M. (Executive Secretary),
Akkieva S.I., Astvatsaturova M.A., Barazbiev M.I.,
Bauaev K.K., Bgazhnokov B.Kh., Berberov B.A.,
Bozieva N.B., Borova A.R., Bugay N.F., Buhurov M.F.,
Gegraev Kh.K., Gutov A.M., Dzamihov K.F.,
Ivanova S.Yu., Kanukova Z.V., Kochesokov R.Kh.,
Kudayeva Z.Z., Kuzminov P.A., Kuchukova Z.A.,
Mamsirov Kh.B., Muratova E.G., Nalchikova E.A.,
Prasolov D.N., Sabadchiev Kh.-M.A., Tamazov M.S.,
Tekueva M.A., Timizhev Kh.T., Thagapsoev Kh.G.,
Tenov T.Z., Uznarodov D.I., Uznarodov I.M.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история****Кожев З.А.**

Численность военно-служилого сословия Кабарды в эпоху зрелости традиционного общества (XVI-XVIII вв.) **12-26**

Дзамихов К.Ф., Варивода Н.В.

Материалы А.И. Алиевой о научном сотрудничестве адыгского просветителя Ш.Б. Ногмова и академика А.М. Шёгрена **27-68**

Прасолов Д.Н.

Земский вопрос в общественно-государственном взаимодействии на Кавказе в конце XIX – начале XX в. **69-94**

Новейшая история**Гуртуев Р.С., Кузьминов П.А.**

Накопление научных знаний о гидроэнергетических ресурсах Северного Кавказа и первые шаги по их реализации **95-106**

Бугай Н.Ф.

Приоритетные направления государственной национальной политики СССР в 1960-е – 1980-е годы **107-136**

*Двадцатый век в судьбах северокавказской интеллигенции***Бабич И.Л., Страйхорн К.**

Двадцатый век в судьбах северокавказской интеллигенции: И.М. Шаков и его потомки **137-158**

Хубиев Б.Б., Мамсиров Х.Б.

Человек в контексте эпохи: вехи общественной и научной деятельности М.Х. Герандокова **159-177**

Этнография, этнология, антропология**Фоменко В.А., Яновский В.С.**

Новые данные о Джинальском гроте в верховьях реки Юцы в окрестностях Кисловодска **178-191**

Нальчикова Е.А., Машуков Х.В.

Традиционный статус молодежи Кабардино-Балкарии и его трансформации: социальные основы и культурно-идеологические факторы **192-204**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА**Атласкиров А.Р.**

Коммеморативные практики в общественно-политической жизни
Кабардино-Балкарской Республики **205-228**

ЯЗЫКИ НАРОДОВ КАВКАЗА**Кумыкова Д.М., Кумыкова (Гучапшева) Э.Т.**

Средства экспликации семантики контрадикторности в производных
антонимах (на материале кабардино-черкесского языка) **229-239**

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА**Бухуров М.Ф.**

Типология сюжетов о нарте Тотреше в адыгском эпосе **240-258**

Гулиева (Занукоева) Ф.Х.

Карачаево-балкарские пословицы и поговорки: к проблеме
жанрового разграничения **259-270**

Кажарова И.А.

Аспекты восприятия и оценки литературы адаба адыгских
просветителей (на материале творчества А. Дымова) **271-283**

Сарбашева А.М.

Традиции и новаторство в творчестве Иссы Боташева **284-293**

Хавжокова Л.Б., Бейтуганова Ф.С.

Художественные особенности поэзии Бетала Куашева: система
образов, идиостиль, поэтика (К 100-летию со дня рождения поэта) **294-306**

Узденова Ф.Т.

Творческая индивидуальность Салиха Гуртуева **307-319**

Наши авторы**320-322**

CONTENTS

*HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY***Medieval and modern history****Kozhev Z.A.**

The Strength of the Military Service Class of the Kabarda in the Era
Maturity of Traditional Society (16th – 18th centuries) **12-26**

Dzamikhov K.F., Varivoda N.V.

A.I. Alieva's Materials on Scientific Cooperation of the Adyghe
Enlightener Sh.B. Nogmov and Academician A.M. Sjögren **27-68**

Prasolov D.N.

Zemstvo Question in public-state Interaction in the Caucasus in the late
19th – early 20th century **69-94**

Contemporary history**Gurtuev R.S., Kuzminov P.A.**

Accumulation of Scientific Knowledge on the Hydropower Resources of
the North Caucasus and First Steps Towards their Implementation **95-106**

Bugay N.F.

Priority Areas of the USSR State National Policy in the 1960s – 1980s **107-136**

*Twentieth Century in the Destinies of North Caucasus Intelligentsia***Babich I.L., Strayhorn Chr.**

Twentieth Century in the Destinies of North Caucasus Intelligentsia: I.M.
Shakov and his Descendants **137-158**

Khubiyev B.B., Mamsirov Kh.B.

A Man in the Context of an Era: Milestones in the Public and Scientific
Activities of M.Kh. Gerandokov **159-177**

Ethnography, ethnology, anthropology**Fomenko V.A., Yanovskiy V.S.**

New Scientific Evidences About the Dzhinal Grotto in the Upper Valley
of the Yutsa River in the Vicinity of Kislovodsk **178-191**

Nalchikova E.A., Mashukov Kh.V.

Traditional Standing of Youth in Kabardino-Balkaria and its
Transformations: Social Foundations and Cultural and Ideological Factors **192-204**

POLITICAL REGIONALISTICS AND ETHNOPOLITICS**Atlaskirov A.R.**

Commemorative Practices in the Public and Political Life of the Kabardino-Balkar Republic **205-228**

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS**Kumykova D.M., Kumykova (Guchapsheva) E.T.**

The Exposing Means of Contradictory Semantics in the Derivative Anthonyms (in the Kabardian-Circassian Language) **229-239**

FOLKLORE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS**Bukhurov M.F.**

Typology of Plots About Nart Totresh in the Adyghe Epic **240-258**

Gulieva (Zanukoeva) F.H.

Karachay-Balkarian Proverbs and Sayings: to the Problem of Genre Differentiation **259-270**

Kazharova I.A.

Aspects of Perception and Evaluation of Adab literature of Adyghe Educators (Based on the Works of A.G. Dymov) **271-283**

Sarbasheva A.M.

Traditions and Innovations in Issa Botashev's Creative Works **284-293**

Khavzhokova L.B., Beytuganova F.S.

Artistic Features of Betal Kuashev's Poetry: System of Images, Idiostyle, Poetics (To the 100th Anniversary of the Birth of the Poet) **294-306**

Uzdenova F.T.

Creative Individuality of Salikh Gurtuev **307-319**

Our authors
320-322

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история**

УДК 355/359(470.64)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-4-12-26

**ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЕННО-СЛУЖИЛОГО СОСЛОВИЯ КАБАРДЫ В
ЭПОХУ ЗРЕЛОСТИ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (XVI-XVIII вв.)****З.А. КОЖЕВ**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: zaurbek_k@mail.ru*

Аннотация. Различные аспекты военной истории и военной культуры черкесов в период европейского Позднего Средневековья и раннего Нового времени, на который приходится зрелость кабардинского феодализма, является традиционной темой отечественного кавказоведения. Несмотря на это, даже по базовым вопросам, к числу которых относится оценка численности военно-служилого сословия Кабарды, в адыгovedении нет научного консенсуса. Это связано, во-первых, с недостатком актового материала по ранним периодам истории черкесских княжеств, а во-вторых, с некритичным и обильным цитированием нарративных источников XVII-XVIII вв. с одновременным экстраполированием их данных на все Средневековье. Без достижения консенсуса по данному вопросу невозможно определение общих демографических параметров княжеских владений Черкесии (численность и внутренняя структура населения и т.д.) в период их расцвета. А без этого невозможна адекватная типологизация политий Западного Кавказа и оценка тех сложных демографических и социокультурных процессов, которые имели место в регионе на протяжении всего периода с XVI в. и вплоть до окончания Кавказской войны. Немногочисленные, но довольно подробные письменные источники по численности военно-служилого сословия в различных феодальных уделах Кабарды встречаются уже с 40-х годов XVII в. Они коррелируют с корпусом более поздних архивных и нарративных источников XVII-XVIII вв. и позволяют довольно определенно установить общую численность военно-служилого сословия Кабарды и ее мобилизационный ресурс в период Позднего Средневековья и в раннее Новое время.

Ключевые слова: черкесы; Кабарда; феодальное общество; военно-служилое сословие; уорки (уэркъ); мобилизационный ресурс.

THE STRENGTH OF THE MILITARY SERVICE CLASS OF THE KABARDA IN THE ERA MATURITY OF TRADITIONAL SOCIETY (16th-18th CENTURIES)

Z.A. KOZHEV

*Institute for Humanitarian studies – branch of the FSBSE «Federal Scientific Center 'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: zaurbek_k@mail.ru*

Abstract. Various aspects of the military history and military culture of the Circassians in the European Late Middle Ages and early Modern times which coincided with the maturity of Kabardian feudalism, is the traditional theme of Russian Caucasian studies. Despite this, even on basic issues, which include the estimation of the number of the military-service class in Kabarda, there is no scientific consensus in Adyge studies. This is due, firstly, to the lack of documentary material on the early periods of the history of the Circassian principalities, and secondly, to the uncritical and abundant citation of written narrative sources of the 17th-18th centuries with the simultaneous extrapolation of their data to the entire Middle Ages. Without reaching a consensus on this issue, it is impossible to determine the general demographic parameters of Circassia's princely possessions (size and internal structure of the population, etc.) during their heyday. And without this, it is impossible to adequately typologize the polities of the Western Caucasus and assess the complex demographic and socio-cultural processes that took place in the region throughout the entire period from the 16th century up to the end of the Caucasian War. A few, but rather detailed written sources on the number of the military-service class in various feudal estates of Kabarda have been found since the 40s of the 17th century. They correlate with a large framework of later archival and narrative sources of the 17th-18th centuries and make it possible to determine the mobilization resource and the total number of the military-service class of Kabarda in the period of the Late Middle Ages and in the modern times with sufficient precision.

Keywords: Circassians; Kabarda; feudal society; military service class; uorks (уэркъ); mobilization resource.

Из всего многообразия тем, связанных с образом черкесов в глазах окружающего мира, выделяется тема военная. С того времени, как адыги под именем черкесов стали известны восточным и западным авторам, последние неизменно отмечали их высокие воинские качества [АБКИЕА 1974; КРО 1957b: 152-161, 318-319, 359-364]. Гипертрофированное внимание к военному аспекту традиционной культуры черкесов вполне объяснимо. Очевидный для всякого наблюдателя военизированный быт черкесской феодальной элиты был обусловлен самими условиями существования в окружении могущественных внешних сил, стремившихся к доминированию в регионе. Специфическая и романтизированная черкесская воинственность звучит лейтмотивом в подавляющем большинстве нарративных источников XVI-XVIII вв. и по наследству переходит в отечественное кавказоведение. В связи с этим можно было бы ожидать более полного и детального освещения военной составляющей традиционной культуры черкесов. Однако следует признать, что изучение военной культуры адыгов в отечественном кавказоведении с самого начала оказалось в плену у историографических штампов и мифов, многие из

которых создавались исторической беллетристикой времен Кавказской войны. Только в последние десятилетия стали издаваться монографии и статьи, которые обозначили переход от некритичного цитирования нарративных источников и исторической беллетристики XVIII-XIX вв. к предметному и детальному изучению отдельных аспектов военной культуры черкесов [Мирзоев 2004; Мирзоев 2015; Мирзоев 2018; Остахов 2015; Остахов 2016; Остахов 2018; Кожев 2020 и др.]. Однако эта тема далека от исчерпания и выработки научного консенсуса по многим ключевым проблемам. Примером этому может служить такой, казалось бы, базовый вопрос, как определение численности военно-служилого сословия в черкесских феодальных политиях позднего средневековья и раннего нового времени, к которым относится основной массив имеющихся сведений [Бгажноков 2004; Кожев 1998].

В предлагаемой статье предпринимается попытка определить численность военно-служилого сословия Кабарды – одной из наиболее крупных и стабильных на протяжении избранного периода (XVI-XVIII вв.) черкесских политий с княжеской властью. Нижний хронологический рубеж исследования определяется отсутствием более ранних достоверных письменных источников по истории Кабарды и тем обстоятельством, что середина XVI в. – это время окончательной кристаллизации ее социально-политической системы и удельной структуры [Кожев 2006]. Верхняя хронологическая граница коррелирует с окончанием периода относительно стабильного развития традиционного черкесского общества в условиях эскалации Кавказской войны и связанных с этим демографических потерь и социально-политических трансформаций, имевших катастрофический характер [Кажаров 1994; Кожев 2006: 264-295]. В нашем исследовании мы будем опираться в основном на большей частью опубликованные русские архивные материалы и нарративные источники XVI-XVIII вв., а также сборники материалов по обычному праву черкесов, которые относятся уже к XIX в., но содержат ценную информацию по сословной структуре феодального черкесского общества, репрезентативную и для исследуемого периода [Архив ИГИ КБНЦ РАН; КРО 1957а; КРО 1957b; Сборник документов... 2003а; Сборник документов... 2003b; АБКИЕА 1974; Челеби 1979 и др.].

В эпоху Средневековья военное дело было привилегией и почетной обязанностью социальной элиты, которая узурпировала высшую земельную собственность и ее атрибуты в феодальном обществе – политическую и судебную власть. Даже европейские народы, военное дело которых в античности и Раннее Средневековье опиралось на массовые пешие племенные ополчения, ко времени Высокого Средневековья перешли к тактике использования войск феодального типа. Их ядро составляли конные латники – рыцари (от нем. *ritter*, первоначально – «всадник», «наездник»), постепенно превратившиеся в замкнутое сословие, чья военная служба королю и наследственной знати оплачивалась земельными пожалованиями. Этот переворот ярко охарактеризовал в своем классическом описании феодальной военной культуры Ф. Энгельс: «...Служба в пехоте стала презираться как атрибут рабов и крепостных, а поэтому неизбежно в соответственной степени

понижилось и качество пехотинца. К концу X столетия кавалерия была единственным родом войск, который повсюду в Европе действительно решал участь сражений, пехота же, гораздо более многочисленная в каждой армии, чем кавалерия, являлась не чем иным, как плохо вооруженной толпой, организовать которую почти не делалось никаких попыток. *Пехотинец даже не считался воином; слово miles (воин) сделалось синонимом конного воина (разрядка наша – К.З.)... Так было в классический период рыцарства* [Энгельс 1957: 188-189]. Превосходное вооружение, всадническая культура, военный профессионализм, даже при относительной малочисленности позволяли средневековому рыцарству доминировать на поле боя: «Рыцари не были очень многочисленны, и мы находим, что во многих крупных сражениях участвовало не более 800 или 1000 рыцарей. Но обыкновенно их было более чем достаточно для того, чтобы справиться с любым количеством пехоты, раз только им удавалось прогнать с поля сражения латников противника» [Энгельс 1957: 212-213].

Разделение общества на военно-служилое и податные сословия, столь характерное для феодальных обществ Европы и Азии, мы находим и в традиционном черкесском обществе. Княжеские владения Черкесии XVI-XVIII вв., прежде всего, Кабарда представляли собой яркий образец феодального общества, в котором высшая земельная аристократия – *пиши (пицы)*, опиралась на многочисленное военно-служилое сословие *уорков (уэркъ)*. Султан Хан-Гирей, характеризуя черкесские феодальные классы князей – *пиши* и дворян – *уорк*, в следующих выражениях описывал их взаимные обязательства: «Основатели княжеского достоинства в Черкесии, стремясь к верховному господствованию, имели нужду в помощи других для достижения своей цели – присвоить себе верховную власть; почему допуская одних, а других даже призывая в сообщество с собою, снискивали их усердие и привязанность к себе. Подобные сношения господствующих лиц с частью повинующихся неминуемо должно было последним доставить поверхность над большею частью подвластных первым; каковы преимущества произвели и второй класс, который завися от князей же, служил им на таких условиях, на коих основаны были их преимущества; служба такого рода произвела звание *дворянин (оркк)*, на черкесском языке означающее в благородном смысле «*служитель*», что само по себе доказывается употреблением этого слова в выражениях, когда хотят изъяснить *благородную услужливость, благородное обыкновение* и т.п. Впоследствии этот класс дворян разделился на разряды: 1) первостепенные, 2) второстепенные и 3) третьестепенные» [Султан Хан-Гирей 2009: 102-103]. В русских письменных источниках XVII-XIX вв. военно-служилое сословие Кабарды чаще всего определяется термином *узденъ*, но во внутреннем социальном обиходе черкесских обществ он не употреблялся [КРО 1957а: 384-387; КРО 1957b; Сборник документов... 2003а: 94; Сборник документов... 2003b; Ногмов 1994: 152-157; Думанов 1990: 131-145]. Разбор этимологии социальных терминов, и всех деталей происхождения, особенностей общественного статуса многочисленных категорий кабардинского дворянства не входят в задачи нашего исследования. Но и письменные источники и

отечественная историография убедительно доказывают, что его главной обязанностью была военная служба своим сюзеренам [Материалы... 1986: 183-193; Сборник документов... 2003а: 24-30, 76-95; Ногмов 1994: 152-161; Кудашев 1991: 107-114; Думанов 1990: 131-145; Кажаров 1994: 178-189 и т.д.]. В обобщающей справке по материалам исследований Комиссии для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей, составленной в 1885 г. в Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе говорилось: «Усвоенное кабардинцами военное ремесло, как *требующее не только особенной подготовки, но даже и особенного воспитания, составляло исключительное занятие уорков* (курсив наш – К.З.), для которых мирный труд земледельца составлял если не позорное, то, во всяком случае, крайне неприличное занятие» [Сборник документов... 2003а: 93]. Оценивая значение самой многочисленной категории незнатного служилого дворянства Кабарды, В.Н. Кудашев в «Исторических сведениях о кабардинском народе» оставил характерное замечание: «Сословие уорк-шаотлугусов составляло вооруженную силу народа. Ему кабардинцы обязаны, главным образом, своими завоеваниями и своею славой, как воинственного и сильного народа» [Кудашев 1991: 113]. На наш взгляд, характеристику В.Н. Кудашева можно смело распространить на все военно-служилое сословие Кабарды.

Сословие *уорков* не было абсолютно замкнутой корпорацией. Все источники свидетельствуют о том, что вплоть до конца независимого существования Кабарды доступ в ряды незнатного служилого дворянства, составлявшего подавляющее большинство черкесских *уорков*, был открыт для представителей зависимых сословий. Это происходило через личное освобождение и установление вассальных отношений с обязательством постоянной военной службы своему сюзерену, который в свою очередь был обязан предоставить новому вассалу *уэркътын* (т.е. «дворянское пожалование»), состоявшее из оружия, боевого коня и зависимых крестьян [Сборник документов... 2003а: 28-30, 92-94; Думанов 1999: 139-145].

Определение общей численности военно-служилого сословия Кабарды на протяжении XVI-XVIII вв. в абсолютных цифрах наталкивается на ряд трудностей. Во-первых, это недостаток письменных источников, особенно по XVI-XVII вв. Например, о численности военно-служилого сословия Кабарды XVI в. мы можем судить только по косвенным данным. Тем не менее, они достаточно точно определяют количественные параметры типичных для княжеских владений корпораций военно-служилого сословия. Так, численность дружины пяти жанеевских князей, в том числе Александра (Кудадека) Сибокова и Гаврилы (Камбулата) Тазрутова, которые в середине XVI в. выехали на службу в Москву, а затем в 1563 г. ушли в Великое княжество Литовское, составляла всего 300 воинов [Сборник... 1892: 156; Хотко 2001: 212-213]. Еще более характерным, является эпизод, связанный с вооруженной борьбой между великим князем – *пцыххуэ* Кабарды Кемиргоко Идаровым и его политическими противниками. К тому времени уже тесть Ивана Грозного, Кемиргоко Идаров осенью 1562 г. получил от него в свое распоряжение относительно небольшой отряд – 500 стрельцов и 500 городских казаков,

вооруженных огнестрельным оружием. И это позволило ему нанести решительное поражение своим противникам, т.е. тысячный отряд пеших стрелков оказался способен резко поколебать соотношение военных сил противоборствующих сторон [КРО 1957а: 11].

Во-вторых, это определенные разночтения в источниках, которые допускают неоднозначные интерпретации. Дело в том, что некоторые письменные источники дают общую численность вооруженных сил, которые в состоянии выставить феодальные уделы Кабарды без уточнения, какую его часть составляют профессиональные воины-*уорки* [КРО 1957b: 19, 69, 158; Челеби 1979: 52-98]. Так, основываясь на оценке Эвлия Челеби в его описании своего путешествия по Северному Кавказу в 1666 г., некоторые авторы отождествляют мобилизационные ресурсы Кабарды и других княжеских владений Черкесии с общей численностью дворянского ополчения [Бгажноков 2004: 47-52]. Однако Эвлия Челеби, описывая черкесские владения, прямо упоминает и конницу, и пехоту: у *хегаков* – 3000 конных и пеших воинов вооруженных ружьями; у *жанеевцев* – «десять тысяч богатырей-всадников с колчанами и пеших черкесов-джигитов с ружьями»; у *бесленеевцев* – 5000 «отважных, отборных воинов, конных и пеших» [Челеби 1979: 56, 63, 78]. В оценке численности вооруженных сил «Малой Жанетии» (т.е. части Жанеевского княжества – *К.З.*), *хатукаевцев*, *бжедугов*, *кемиргоевцев* и Большой Кабарды автор не делает никаких уточнений, но общий контекст описания феодальных владений Черкесии, не оставляет сомнений в том, что их военные контингенты включали и конницу и пехоту [Челеби 1979: 64, 73, 75, 86]. Примечательно, что оценка Эвлия Челеби общей численности войск Большой Кабарды в 60-х годах XVII в. и оценка собственных мобилизационных ресурсов ее владетелями уже в XVIII в., полностью совпадает, что позволяет с большим доверием отнестись к данным турецкого путешественника по всем черкесским княжествам [КРО 1957b: 19, 69; Челеби 1979: 86]. В расспросных речах посла Большой Кабарды Султан-Али Абашева в Посольском приказе, датированных началом 1718 г., содержится идентичная оценка ее мобилизационного ресурса: «Черкасских и кабардинских войск выходит в поле до 10 тысяч» [КРО 1957b: 19]. Несколько позднее в марте 1732 г. другой кабардинский посол – князь Магомет Атажукин сообщал: «В Большой Кабарде военных людей собирается 10000 человек, половина конных, другая – пехоты...» [КРО 1957b: 69]. Действия дворян в пешем строю, если речь не шла о вынужденном спешивании из тактических соображений во время сражения, была редчайшим исключением в средневековой Европе. Для Кабарды это было немыслимо даже в исследуемый период. Пешее ополчение кабардинские феодалы формировали исключительно из представителей зависимых, податных сословий в случаях, когда пытались компенсировать свою малочисленность в столкновениях с могущественными внешними противниками – в XVI-XVIII вв., в первую очередь, с Крымским ханством. В «Записке о кабардинцах» из материалов Коллегии иностранных дел, датированной второй половиной 70-х годов XVIII в. это типично средневековое отношение к военному делу как феодальной привилегии выражено весьма категорично: «У них (кабардинских

пиш-уорков – К.З.) не в обыкновении употреблять своих подданных на войне, естли же когда их употребляют, то в самой крайности, что бывает весьма редко, да и то токмо в пехотные полки, а не в конные...» [КРО 1957b: 69]. Однако реалии военной культуры Кабарды того периода были несколько сложнее.

Действительно, во внутривосполитических конфликтах и феодальных войнах как минимум с первой половины XVII в. в Кабарде было общим правилом не привлекать представителей непривилегированных сословий к боевым действиям. Однако боееспособная мужская часть зависимого населения по необходимости привлекалась к боевым действиям как вспомогательная сила. Азовский губернатор Ф.М. Апраксин в 1711 г. со слов союзных России кабардинских владельцев так оценивал мобилизационный ресурс Кабарды и других черкесских политий, потенциально готовых поддержать этот союз: «Князей-де их и мурз, и узденей, и черкес, которые всегда готовы к войне, конницы, оружейных, кроме черных работных людей, тысяч с пятнадцать, а в нужный случай с работными людьми их сберется тысяч с тридцать или больше; и те-де работные их люди к войне заобычны ж и всегда будут в готовности» [Кудашев 1991: 50]. Повышение боевой ценности неорганизованных, необученных, лишенных защитных доспехов, но многочисленных масс пехоты со второй половины XVII в. в Черкесии, как и несколько ранее в Западной Европе и России было, видимо, связано с широким распространением огнестрельного оружия, что отмечает уже Эвлия Челеби, посетивший Северный Кавказ в 1666 г. [Челеби 1979: 52-98]. Кроме того, значительная часть зависимых сословий – «черные люди», «токашевы», «тукашуки» (*лхукъуэцауэ* или *лхукъуэцо* – досл. «крестьянские витязи»), по имущественному положению примыкавшие к незнатному служилому дворянству, имевшие возможность приобретать и содержать верховых лошадей, формировали бездоспешную конницу. По кабардинским обычно-правовым нормам такая конная служба была одной из обязанностей значительной части княжеских подданных: «*Чагары* (*луэгу* или *лхукъуэцауэ* – К.З.) княжеские должны из каждого дома всякий день являться верхом на собственной лошади и с оружием для услуг и исполнять все приказания его» [Леонтович 1882: 251]. По источникам XVII-XVIII вв. бездоспешная крестьянская конница составляла до двух третей всей кабардинской кавалерии [КРО 1957a: 384-387; КРО 1957b: 369]. Эта конница, в качестве войск второй линии, была способна поддержать атаку ударной панцирной дворянской кавалерии или довершить активным преследованием разгром противника.

Уже в XVII в., благодаря сбору данных о внутренней политике Кабарды агентами русского правительства, появляется первый подробный перечень мобилизационных потенциалов всех ее феодальных уделов на конец 30-х – начало 40-х гг. XVII в. Это Глава 28 («Род кабардинских и черкасских мурз и князей») из родословной книги, принадлежавшей А.И. Лобанову-Ростовскому [КРО 1957a: 384-387]. Документ давно введен в научный оборот и хорошо известен, но неоправданно игнорируется авторами, занимающимися оценкой мобилизационных ресурсов различных княжеских владений Черкесии [Бгажноков 2004; Алоев 2008]. Вместе с тем он предельно конкретен и не имеет

аналогов по своей информативности даже среди более поздних источников XVIII в. По данным росписи родословной «кабардинских князей и мурз» самым крупным феодальным владением Кабарды был удел, который в русских источниках известен как *Казиева Кабарда*, возглавлявшийся двоюродными братьями Алегукой Шогенуковым и Хатокшоко Казиевым. Он состоял из 50 *вотчин-къуажэ* с мобилизационным ресурсом «узденей добрых с тысячу с лишком, конных да черных людей з две тысячи с лишком» [КРО 1957а: 386]. Второй по своему потенциалу была «Шолохова Кабарда» или *Талостаней* с 40 селениями: «...А людей в них узденей конных с 700, да черных людей с тысячу и больши» [КРО 1957а: 387]. В трех небольших феодальных уделах бывшей Идаровой Кабарды или *Идарея* насчитывалось в общей сложности дворянской конницы 355 человек, «опричь черных людей», которых соответственно должно было быть не менее 700 [КРО 1957а: 384-385]. Мобилизационный ресурс, как и количество селений *Джиляхстаней* в росписи «кабардинских князей и мурз» не обозначены, но мы можем его определить оценочно. По карте Большой и Малой Кабарды 1744 г. С. Чичагова *Джиляхстаней* состоял из двух княжеских и 13 уоркских селений и эти данные вполне репрезентативны для середины XVII в. [КРО 1957b: 115; Кожев 2020: 122-123]. Мобилизационный ресурс одной феодальной вотчины-къуажэ в Кабарде в середине XVII в. составлял примерно 20 профессиональных воинов-уорков [КРО 1957а: 384-386]. Следовательно, мы можем, не опасаясь серьезных погрешностей, оценить мобилизационный ресурс *Джиляхстаней* в этот период примерно в 300 человек дворянской панцирной конницы и 600 человек бездоспешной конницы из «черных людей». Кроме того, в низовьях Терека, вокруг русской крепости Терки, с начала XVII в. оформилось особое вассальное Московскому царству владение Идаровых (ветвь Сунчалеевичей). К середине века в терских слободах проживало 59 семей «дворовых и задворных» узденей Муцала Сунчалеевича Черкасского, которых мы также можем причислить к военно-служилому сословию Кабарды, т.к. владение Идаровых в низовьях Терека было частью наследственных владений Иналидов [КРО 1957а: 192-193]. Учитывая, что каждый двор выставлял, как минимум, одного воина, а, по меньшей мере, половина уоркских семей могла выставить двух и более воинов, можно оценить их численность в 90-100 человек. Суммируя мобилизационные ресурсы всех феодальных уделов Кабарды, мы получим цифру примерно в 2 500 человек панцирной дворянской кавалерии и соответственно 5000 простой бездоспешной, но вполне боеспособной конницы из «черных людей». Приведенные в росписи «кабардинских князей и мурз» цифры задают рамочные ограничения в оценке численности военно-служилого сословия Кабарды в XVI-XVIII в. и исключают возможность произвольного интерпретирования более поздних количественных показателей. Принимая во внимание мобилизационный ресурс кабардинских уорков, и применяя обычный коэффициент расчета доли боеспособных мужчин к общей численности населения как 1/5, мы увидим, что к моменту создания росписи «кабардинских князей и мурз» военно-служилое сословие всей Кабарды состояло из 12-13 тыс. человек. Его распределение между различными уделами могло меняться в связи

с пресечением одних княжеских фамильных линий и исчезновением их владений (Идаровы и *Идарей*) и формированием новых (Хатокшочковы, Мисостовы, Джамбулатовы). Но общая численность сословия *уорков*, как и количество вотчин-*къуажэ* в Кабарде при этом существенно не менялась [КРО 1957а: 385-387; КРО 1957b: 114-115; Налоева 2015].

Архивные документы XVII в., содержащие оценки численности военных сил сторон в крупнейших сражениях эпохи феодальных войн в Кабарде, например в битве на Малке 12 июля 1641 г., подтверждают приведенный выше порядок цифр [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед.хр. 12. Л. 148-153; Кожев 2020: 122-128]. Существует только один письменный источник, диссонирующий с их общей массой. Это небольшая записка о кабардинцах по материалам Коллегии иностранных дел, озаглавленная «О кабардинцах, также о прежнем и нынешнем их состоянии» и составленная после 1775 г. [КРО 1957b: 318-319]. В ней содержится часто цитируемая оценка вооруженных сил Кабарды: «...По делам 1739 года видно, что Большая Кабарда в состоянии была выставить в поле до 6000 человек, *состоящего из одних беков и узденей, а Меньшая до 3000* (курсив наш – К.З.), ибо у них не в обыкновении употреблять своих подданных в войне, естли же когда их употребляют, то в самой крайности, что бывает весьма редко, да и то токмо в пехотные полки, а не в конные, которые лично всегда они составляют сами» [КРО 1957b: 318]. Приведенные ранее многочисленные данные опровергают утверждение авторов этого документа о том, что конная служба в Кабарде – это исключительная привилегия дворян. Кроме того, само это краткое описание явно имеет вторичный характер. Существует гораздо более раннее и пространное «Описание кабардинского народа, сочиненное в мае 1748 г.» [КРО 1957b: 152-161]. Оно в четыре раза больше по объему, содержит массу актуальной информации по внутри- и внешнеполитической истории Кабарды первой половины XVIII в. и, что самое важное для нашей темы, оценку ее вооруженных сил: «*Ныне в Большой Кабарде на Баксане военных людей собратся может слишком 6 тысяч человек ... А в Малой Кабарде у Татартупа военных людей собратся может с небольшим 3 тысячи человек*» [КРО 1957b: 158]. Документ составлен хорошо информированным современником, который перечисляет имена главных кабардинских владельцев и их численность по уделам, а его формулировки предельно корректны [КРО 1957b: 158]. Этот документ очевидно и послужил основой для более поздней краткой компиляции, в которой буквально воспроизведена оценка численности вооруженных сил Большой и Малой Кабарды, но само определение конных «*военных людей*» было произвольно интерпретировано как исключительно дворянское феодальное ополчение, состоящее «*из одних беков и узденей*». В документе 1748 г. вызывает вопрос лишь значительное увеличение численности кавалерии Большой Кабарды с 5 тыс., упоминаемых Магометом Атажукиным в 1732 г., до 6 тыс. Такое заметное увеличение численности конного войска Большой Кабарды в течение 16 лет естественным приростом населения объяснить трудно, слишком беспокойной была внутривнутриполитическая жизнь и внешнеполитический контекст ее существования.

На наш взгляд, протокол расспросов Магомета Атажукина содержит важные детали, позволяющие непротиворечиво интерпретировать такое существенное различие между оценками численности конного войска Большой Кабарды в 1732 г. и 1748 г. Отвечая на вопрос о взаимоотношениях между кабардинскими князьями и северокавказскими абазинами, Магомет Атажукин заявил: «Абазинский народ из древних лет еще у предков их кабардинцев, во владении были и жили они, абазинцы, при реке Баксане, на луговой стороне, которого народу было 800 дворов, а в тех дворах *военных людей конных и пехотных з 2000 человек* (курсив наш – К.З.); и тому лет з 9 как, Дели-Салтан с Саадет-Гирей султаном с крымским и кубанским войском приходили на Большую Кабарду. И оные султаны тогда вышеписанный абазинской народ от них, кабардинов, силою взяли и перевезли на реку Кубань, и тамо при реке Кубане поселили, до которых от Большой Кабарды переезду два дни. И ныне живут оные под владением крымского хана» [КРО 1957b: 59]. В ходе русско-турецкой войны 1735-1739 гг. князя Большой Кабарды, являвшейся союзницей России, вернули себе протекторат над башильбаевцами и абазинами-тапанта и переселили последних в долину р. Кумы, в район Пятигорья [КРО 1957 b: 96-97, 114-115]. В 1748 г. абазины-тапанта были вновь прочно инкорпорированы в Большую Кабарду. Их мобилизационный ресурс – «*военных людей конных и пехотных з 2000 человек*», при принятии обычной для Кабарды пропорции между пешим крестьянским ополчением и конным войском, и дает искомую разницу в 1 тыс. всадников между данными Магомета Атажукина (5 тыс. конница в 1732 г.) и оценками вооруженных сил Большой Кабарды в 1748 г. Позднее, особенно с обострением кабардино-русских отношений и началом возведения Кавказской кордонной линии, кабардинские князья сами способствовали переселению подвассальных абазин за Кубань. И в ходе русско-турецкой войны 1787-1791 гг. конное полевое войско Большой Кабарды без абазинских контингентов вновь насчитывало 5 тыс. всадников во главе с *тцыхуэ* Мисостом Атажукиным и всеми взрослыми князьями: «Конницы самыми справными панцырными 2000-ми и *узденями* 3000-ми *редовыми токами* (курсив наш – К.З.)» [КРО 1957 b: 369].

К самому концу XVIII в. начинают появляться документы, содержащие подробные учетные данные о численности военно-служилого сословия по уделам. Это связано с началом функционирования вновь учрежденных выборных судебных органов – родовых судов и родовых расправ, с помощью которых правительство России пыталось взять под контроль Кабарду. В выборах принимали участие все совершеннолетние мужчины дворянского сословия и по спискам выборщиков мы можем точно оценить общую численность военно-служилого сословия к концу XVIII в., до начала многолетней эпидемии чумы, резко сократившей численность населения Кабарды. Так, согласно рапорту генерал-майора Ю.Б. Бибикова от 14 сентября 1793 г., в двух уделах Большой Кабарды княжеских фамилий Хатокшоко и Мисост «...в выборах происходило: в отлучках находящихся, старых, больных и малолетних – 77, всего налицо 1781 человек» [Сборник документов... 2003b: 7-24]. То есть общая численность совершеннолетних мужчин-*уорков* в уделах

Хатокшковых и Мисостовых в 1793 г. составляла 1858 человек. К сожалению, мы не имеем настолько точных данных по уделу Джамбулатовых и Малой Кабарде, однако можно без критических погрешностей вычислить примерную численность выборщиков и в этих кабардинских владениях. В уделе Джамбулатовых (Джамботей) – одном из трех в Большой Кабарде, их должно было быть в два раза меньше чем учтено в рапорте Ю.Б. Бибикова, т.е. около 930 человек, что дает нам совокупную численность совершеннолетних мужчин-*уорков* в Большой Кабарде примерно в 2800 человек. Учитывая стандартное для XVIII в. соотношение численности населения, а следовательно и военно-служилого сословия, между Малой и Большой Кабардой как один к двум, мы получим близкую к реальной оценочную цифру в 4200 совершеннолетних мужчин-*уорков* для всей Кабарды на конкретную дату – сентябрь 1793 г. Для середины 1770-х гг. эту цифру необходимо несколько откорректировать в сторону увеличения, так как за 14 лет до выборов в родовые суды и родовые расправы кабардинцы, и, в первую очередь, сословие *уорков*, понесло катастрофические потери в ходе семимесячной войны 1779 г. В финальном сражении на Малке в сентябре 1779 г. погибло 300 князей и дворян, а кроме этой битвы кабардинцы понесли существенные потери при неудачных осадах русских крепостей Азово-Моздокской кордонной линии [Бутков 1869: 52-58]. К 1793 г. эти потери не могли быть компенсированы естественным приростом и, по нашему мнению, до катастрофических военных потерь 1779 г. численность мобилизационного ресурса и всего военно-служилого сословия Кабарды должна оцениваться примерно на 10% выше чем в 1793 г. Но даже с учетом этой поправки общая численность сословия *уорков* Кабарды к концу XVIII в. с учетом женщин и несовершеннолетних детей не могла превышать 14-15 тыс. человек с мобилизационным ресурсом до 3 тыс. доспешных панцирных всадников.

Резюмируя итоги исследования, мы можем сделать следующие выводы:

Военно-служилое сословие Кабарды в XVI-XVIII вв. – *уорки* (*уэркъ*), было четко стратифицированной категорией населения, чьей основной социальной функцией была военная служба своим сюзеренам – кабардинским князьям – Иналидам. Оно не было абсолютно замкнутой корпорацией. Доступ в него для представителей зависимых сословий был открыт.

Его общая численность к 40-м годам XVII в. колебалась в пределах 12-13 тыс. человек при мобилизационном ресурсе примерно в 2500 панцирных всадников. И эти данные можно признать вполне репрезентативными для всего предшествующего столетия, когда сложились основные территориальные, социальные и демографические параметры Кабарды. В XVIII в. наметился заметный (до 20%) рост численности военно-служилого сословия Кабарды, в основном за счет массовой инкорпорации в состав Большой Кабарды субэтнических групп северокавказских абазин-тапанта. К концу XVIII в. численность военно-служилого сословия Кабарды можно оценить в 14-15 тыс. человек с мобилизационным ресурсом до 3000 панцирных всадников.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архив ИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук».

АБКИЕА 1974 – *Адыги, балкарцы и карачаевцы* в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К.Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 636 с.

Алоев 2008 – *Алоев Т.Х.* Факторы резистентности Большой Кабарды военному натиску Крымского ханства (вторая четверть XVII – первая треть XVIII в.) // Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII в. Исследования и материалы. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. – С. 186-219.

Бгажноков 2004 – *Бгажноков Б.Х.* Воинский класс и демографическое пространство Черкесии в XVII – середине XIX в. // Вестник института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – 2004. – Вып.11. – С. 45-81.

Бутков 1869 – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 3. – СПб.: Типография императорской академии наук, 1869. – 624 с.

Думанов 1990 – *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата (первая половина XIX в.). – Нальчик: Эльбрус, 1990. – 264 с.

Кажаров 1994 – *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. – Нальчик: Эль-фа, 1994. – 440 с.

Кожев 1998 – *Кожев З.А.* Динамика численности населения Кабарды (XVIII – первая четверть XIX в.) // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 2. – С. 116-126.

Кожев 2006 – *Кожев З.А.* Политическая история Черкесии (с нач. XV в. до 1763 г.) // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – С. 168-203.

Кожев 2020 – *Кожев З.А.* Очерки военно-политической истории Черкесии XV-XVII вв. – Нальчик: Принт Центр, 2020. – 144 с.

КРО 1957а – *Кабардино-русские отношения* в XVI-XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. – Т. 1. – 478 с.

КРО 1957б – *Кабардино-русские отношения* в XVI-XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. – Т. 2. – 424 с.

Кудашев 1991 – *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 190 с.

Леонтович 1882 – *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Вып.1-2. – Одесса: Типография П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. – 850 с.

Материалы... 1990 – *Материалы Я.М. Шарданова* по обычному праву кабардинцев первой половины XIX в. / Составление, введение и примечания Х.М. Думанова. – Нальчик: Эльбрус, 1990. – 320 с.

Мирзоев 2004 – *Мирзоев А.С.* Черкесское наездничество «ЗекIуэ» (из истории военного быта Черкесии в XVIII – первой половины XIX в.). – Нальчик: Эль-фа, 2004. – 304 с.

Мирзоев 2015 – *Мирзоев А.С.* Некоторые аспекты традиционной военной культуры черкесов // Известия КБНЦ РАН. – 2015. – № 5(67). – С. 171-177.

Мирзоев 2018 – *Мирзоев А.С.* Военная культура черкесов и связанная с ней терминология // Вестник КБИГИ. – 2018. – № 1(36). – С. 20-29. DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-20-28.

Налоева 2015 – *Налоева Е.Д.* Генеалогия кабардинских князей как исторический источник // Налоева Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-экономической истории / Сост. А.С. Мирзоев. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – 371 с. (Приложение)

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 232 с.

Остахов 2015 – *Остахов А.А.* Роль стрелкового боя в тактике черкесов в XIV-XVIII вв. (на базе археологических материалов) // Археология и этнология Северного Кавказа. – 2015. – № 4. – С. 93-106.

Остахов 2016 – *Остахов А.А.* Кризис ударной мощи горцев в эпоху Кавказской войны: на примере черкесов // Археология и этнология Северного Кавказа. – 2016. – № 6. – С. 106-111.

Остахов 2018 – *Остахов А.А.* Кризис рукопашного боя у черкесов в эпоху Кавказской войны (1765–1864) // Археология и этнология Северного Кавказа. – 2018. – №8. – С. 96-101.

Сборник документов... 2003а – *Сборник документов* по сословному праву народов Северного Кавказа (1793-1897 гг.). – Нальчик: Эль-фа, 2003. – Т. 1. – 348 с.

Сборник документов... 2003b – *Сборник документов* по сословному праву народов Северного Кавказа (1793-1897 гг.). – Нальчик: Эль-фа, 2003. – Т. 2. – 488 с.

Сборник... 1892 – *Сборник* Русского Исторического Общества. Т. 71: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, часть 3-я (годы с 1560 по 1570): Т. 3. – СПб., 1892. – 807 с.

Султан Хан-Гирей 2009 – *Султан Хан-Гирей*. Избранные труды и документы. – Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. – 672 с.

Хотко 2001 – *Хотко С.Х.* Очерки истории черкесов от эпохи киммерийцев до Кавказской войны. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. – 432 с.

Челеби 1979 – *Челеби, Эвлия*. Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. – М.: Наука, 1979. – 288 с.

REFERENCES

Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv. / Sostavlenie, redaktsiya perevodov, vvedenie i vstupitel'nye stat'i k tekstam V.K. Gardanova [Adygs, Balkars and Karachais in the news of European authors of the XIII-XIX centuries / Compilation, editing of translations, introduction and introductory articles to the texts of V.K. Gardanov]. – Nalchik: El'brus, 1974. – 636 p. (In Russian)

ALOEV T.Kh. *Faktory rezistentnosti Bol'shoi Kabardy voennomu natisku Krymskogo khanstva (vtoraya chetvert' XVII – pervaya tret' XVIII v.* [Factors of resistance of Big Kabarda to the military onslaught of the Crimean Khanate (second quarter of the 17th – first third of the 18th century)]. IN: *Kanzhal'skaya bitva i politicheskaya istoriya Kabardy pervoy poloviny XVIII v. Issledovaniya i materialy* [Battle of Kanzhal and the political history of Kabarda in the first half of the 18th century. Researches and materials]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2008. – P. 186-219. (In Russian)

Arkiv IGI KBNTs RAN [Archive of the Institute for Humanitarian studies – a branch of the Federal State Budget Scientific Institution «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»].

BGAZHNOKOV B.Kh. *Voinskii klass i demograficheskoe prostranstvo Cherkessii v XVII – seredine XIX v.* [Military class and demographic space of Circassia in the 17th – mid 19th centuries]. IN: *Istoricheskii vestnik*. – 2004. – Issue 11. – P. 45-81. (In Russian)

BUTKOV P.G. *Materialy dlya novoi istorii Kavkaza s 1722 po 1803 god* [Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803. Part 3]. – Saint Petersburg: Tipografiya imperatorskoi akademii nauk, 1869. – 624 p.

CHELEBI, EVLIYA. *Kniga putestestviya. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya. Vyp. 2* [Travel book. The lands of the North Caucasus, Volga and Don region. Issue 2]. – Moscow: Nauka, 1979. – 288 p. (In Russian)

DUMANOV Kh.M. *Sotsial'naya struktura kabardintsev v normakh adata (pervaya polovina XIX v.)* [The social structure of the Kabardians in the norms of adat (first half of the 19th century)]. – Nalchik: El'brus, 1990. – 264 p. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vv.: Dokumenty i materia-ly v 2-kh tomakh. T. 1 [Kabardian-Russian relations in the XVI-XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes. Vol. 1]. – Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1957. – 478 p. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vv.: Dokumenty i materia-ly v 2-kh tomakh. T. 2 [Kabardian-Russian relations in the XVI-XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes. Vol. 2]. – Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1957. – 424 p. (In Russian)

KAZHAROV V.Kh. *Traditsionnye obshchestvennye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Traditional social institutions of the Kabardians and their crisis at the end of the 18th – first half of the 19th century]. – Nalchik: El'-fa. 1994. – 440 p. (In Russian)

KHOTKO S.Kh. *Ocherki istorii cherkesov ot epokhi kimmeriitsev do Kavkazskoi voyny* [Essays on the history of the Circassians from the Cimmerian era to the Caucasian war. Saint Petersburg]. – Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2001. – 432 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Dinamika chislennosti naseleniya Kabardy (XVIII – pervaya chetvert' XIX v.)* [Dynamics of the population of Kabarda (18th – first quarter of the 19th century)]. IN: *Etnograficheskoe obozrenie*. – 1998. – No. 2. – P. 116-126. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Ocherki voenno-politicheskoi istorii Cherkessii XV-XVII vv.* [Essays on the military and political history of Circassia in the 15th-17th centuries]. – Nalchik: Print Tsentr, 2020. – 144 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Politicheskaya istoriya Cherkessii (s nach. XV v. do 1763 g)* [Political history of Circassia (from the beginning of the 15th century to 1763)]. IN: *Adygsкая, (cherkesskaya) entsiklopediya* [Adyghe (circassian) encyclopedia]. – Moscow: B.Kh. Akbashev foundation, 2006. – P. 168-203. (In Russian)

KUDASHEV V.N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode* [Historical information about the Kabardian people]. – Nalchik: El'brus, 1991. – 190 p. (In Russian)

LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev* [Adats of the Caucasian highlanders. Issue 1-2]. – Odessa: Tipografiya P.A. Zelenogo (b. G. Ul'rikha), 1882. – 850 p. (In Russian)

Materialy Ya.M. Shardanova po obychnomu pravu kabardintsev pervoi poloviny XIX v. / Sostavlenie, vvedenie i primechaniya Kh.M. Dumanova [Materials of Ya.M. Shardanov on the customary law of the Kabardians of the first half of the 19th century / Compilation, introduction and notes by Kh.M. Dumanov]. – Nalchik: El'brus, 1990. – 320 p. (In Russian)

MIRZOEV A.S. *Cherkesskoe naezdnichestvo «ZekIue» (iz istorii voennogo byta Cherkessii v XVIII – pervoi poloviny XIX v.)* [Circassian equestrianism "ZekIue" (from the history of the war life of Circassia in the 18th – first half of the 19th century)]. – Nalchik: El'-fa, 2004. – 304 p. (In Russian)

MIRZOEV A.S. *Nekotorye aspekty traditsionnoi voennoi kul'tury cherkesov* [Some aspects of the traditional military culture of the Circassians]. IN: *Izvestiya KBNTs RAN*. – 2015. – No. 5(67). – P. 171-177. (In Russian)

MIRZOEV A.S. *Voennaya kul'tura cherkesov i svyazannaya s nei terminologiya* [Military culture of the Circassians and related terminology]. IN: *Vestnik KBIGI*. – 2018. – No. 1(36). – P. 20-29. DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-20-28. (In Russian)

NALOEVA E.D. *Genealogiya kabardinskikh knyazei kak istoricheskii istochnik* [The genealogy of the Kabardian princes as a historical source (An album of 14 genealogical maps)]. IN: NALOEVA E.D. *Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodpl'nogo sotsiuma i problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii / Sost. A.S. Mirzoev* [NALOEVA E.D. Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and the problems of socioeconomic history. Compiled by A.S. Mirzoev]. – Nalchik: Pechatny Dvor Ltd., 2015. – 371 p. (In Russian)

NOGMOV Sh.B. *Istoriya adykheiskogo naroda* [The history of the Adychian people]. – Nalchik: El'brus, 1994. – 232 p. (In Russian)

OSTAKHOV A.A. *Krizis rukopashnogo boya u cherkesov v epokhu Kavkazskoi voyny (1765-1864)* [The crisis of hand-to-hand fighting among the Circassians during the Caucasian War (1765-1864)]. IN: *Arkheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza*. – 2018. – No. 8. – P. 96-101. (In Russian)

OSTAKHOV A.A. *Krizis udarnoi moshchi gortsev v epokhu Kavkazskoi voyny: na primere cherkesov* [The crisis of the striking power of the highlanders in the era of the Caucasian War: the example of the Circassians]. IN: *Arkheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza*. – 2016. – No. 6. – P. 106-111. (In Russian)

OSTAKHOV A.A. *Rol' strelkovogo boya v taktike cherkesov v XIV-XVIII vv. (na baze arkheologicheskikh materialov)* [The role of small arms combat in the tactics of the Circassians in the XIV-XVIII centuries. (based on archeological materials)]. IN: *Arkheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza*. – 2015. – No. 4. – P. 93-106. (In Russian)

Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza (1793-1897 gg.) [Collection of documents on the estate law of the peoples of the North Caucasus (1793-1897). Vol. 1]. – Nalchik: El'-fa, 2003. – 348 p. (In Russian)

Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza (1793-1897 gg.) [Collection of documents on the estate law of the peoples of the North Caucasus (1793-1897). Vol. 2]. – Nalchik: El'-fa, 2003. – 488 p. (In Russian)

Sbornik Russkogo Istoricheskogo Obshchestva. T. 71: Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim gosudarstvom, chast' 3-ya (gody s 1560 po 1570): T. 3 [Collection of the Russian Historical Society. Vol. 71: Monuments of diplomatic relations between the Moscow state and the Polish-Lithuanian state, part 3 (years from 1560 to 1570): Vol. 3]. – Saint Petersburg, 1892. – 807 p. (In Russian)

SULTAN KHAN-GIREY. *Izbrannye trudy i dokumenty* [Selected works and documents]. – Maykop: Poligraf-Yug, 2009. – 672 p. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история****УДК 94 (=352.3) + 80.352.30****DOI 10.31143/2542-212X-2020-4-27-68****МАТЕРИАЛЫ А.И. АЛИЕВОЙ О НАУЧНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ
АДЫГСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ Ш.Б. НОГМОВА И
АКАДЕМИКА А.М. ШЁГРЕНА****К.Ф. ДЗАМИХОВ
Н.В. ВАРИВОДА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: kbigi@mail.ru, variks1@yandex.ru*

Аннотация. Авторы статьи полагают, что с 1990-х гг. можно говорить о ногмоведении как самостоятельном направлении адыгской историографии. В статье подводятся основные итоги развития этого направления, позволяющие приблизиться к обобщенной оценке роли Ш.Б. Ногмова как выдающегося ученого-просветителя, основоположника исторической и филологической науки в Кабардино-Балкарии. Однако нельзя сказать, что многогранная деятельность адыгского просветителя изучена во всех деталях, в полной мере раскрывающих его место в северокавказском историко-культурном процессе. В приложении к статье авторы публикуют для широкого круга читателей письма Ш.Б. Ногмова к своему наставнику и научному консультанту академику Российской академии наук А.М. Шёгрёну. Они были извлечены из Отдела рукописей Национальной библиотеки Финляндии (г. Хельсинки) известным российским ученым-филологом, главным научным сотрудником Института мировой литературы РАН, доктором филологических наук А.И. Алиевой. Она любезно предоставила в распоряжение авторов копии с оригинала писем с разрешением их публикации.

Ключевые слова: Россия; Северный Кавказ; первая половина XIX в.; культурные связи; Ш.Б. Ногмов; А.М. Шёгрё; А.И. Алиева; источники; эпистолярное наследие.

**A.I. ALIEVA'S MATERIALS ON SCIENTIFIC COOPERATION OF THE
ADYGHE ENLIGHTENER SH.B. NOGMOV AND
ACADEMICIAN A.M. SJÖGREN**

K.F. DZAMIKHOV
N.V. VARIVODA

Institute for Humanitarian studies – Affiliated of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»

360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18

E-mail: kbigi@mail.ru, variks1@yandex.ru

Abstract. The authors of the article believe that since the 1990s one may speak about Nogmov's studies as an independent direction of the Adyghe historiography. The article summarizes the main results of the development of this direction, which make it possible to approach a generalized assessment of the role of Sh.B. Nogmov as an outstanding scientist and educator, the founder of historical and philological science in Kabardino-Balkaria. However, it cannot be said that the multifaceted activity of the Adyghe educator has been studied in all details, fully revealing his place in the North Caucasian historical and cultural process. In the appendix to the article, the authors publish letters to Sh.B. Nogmov to his mentor and scientific adviser, Academician of the Russian Academy of Sciences A.M. Sjögren. They were extracted from the Department of Manuscripts of the National Library of Finland (Helsinki) by the famous Russian philologist, chief researcher at the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology A.I. Aliyeva. She has kindly provided the authors with copies of the original letters with permission to publish them.

Keywords: Russia; North Caucasus; first half of the 19th century; cultural connections; Sh.B. Nogmov; A.M. Sjogren; A.I. Aliyeva; sources; epistolary heritage.

В 2019 году исполнилось 225 лет со дня рождения выдающегося ученого-просветителя, основоположника исторической и филологической науки в Кабардино-Балкарии Шоры Бекмурзовича Ногмова. Среди его бесспорных заслуг написание первого систематизированного труда по истории Кабарды с древнейших времен до XVIII в. Если же учитывать, что его «История адыгейского народа» – это чуть ли не первый после «Истории государства российского» Н.И. Карамзина (и опиравшийся на нее) последовательный нарратив, в котором прослеживается исторический путь одного из народов Российской империи, то он приобретает значение символической вехи в культурной истории Кабардино-Балкарии и всего Кавказа. Не менее важными вехами национальной культурной истории были труды Ш.Б. Ногмова в области филологических наук: создание первой грамматики и составление первого алфавита кабардино-черкесского языка, начало записи фольклора адыгов, а его «История...» была одним из первых авторских литературных произведений и стоит у начала не только национальной историографии, но и литературы. Так же велика его роль как общественного деятеля, который был тесно связан с многими выдающимися деятелями русской науки и культуры, в числе которых исследователи называют А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.А. Одоевского, а также ряд ученых Российской академии наук.

В трагическую для адыгского мира эпоху военных действий на Кавказе, Ш.Б. Ногмов и другие представители замечательной плеяды адыгских

просвещенцев заложили основы и наметили программу приобщения своих соотечественников к мировой культуре через «грамоту, книги, письмо». Они осознанно выбрали для себя просветительскую миссию, чтобы помочь своему народу осознать новую историческую ситуацию, несущую не только потери, но и возможность встать на путь социально-культурного прогресса. Одновременно они стремились через свои работы ознакомить просвещенную часть русского и европейского обществ с историей и культурой своего народа, утвердить за ним достойное место в мировом сообществе. Таким путем, по их мнению, они могли добиться внимания и благорасположения со стороны развитых государств и наций.

Исторический процесс рассматривался адыгскими просветителями как результат деятельности человека, т.е. исторические факты и события объясняются как следствие осознанных и осмысленных действий людей. Он интерпретируется тем же Ш.Б. Ногмовым как линейный процесс, как развитие человеческого общества от низших форм к высшим. По его мнению, высшее благо и прогресс в обществе, в данном случае для адыгов, связаны с развитием науки и просвещения. Они есть важнейшее условие развития адыгского общества и только на этой основе возможны позитивные результаты будущего социально-экономического и гражданского устройства. Как мы видим, объяснение исторического процесса и основные положения ногмовского мировоззрения актуальны и перекликаются с проблемами современности. Своей «Историей адыгейского народа», грамматикой кабардинского языка, фольклорными записями, Ш.Б. Ногмов, по мнению кавказоведов, поднял планку только что зарождавшейся национальной науки на такую высоту, которая даже более, чем через два столетия вызывает уважение ученого мира.

Считаем своим долгом еще раз с благодарностью назвать имена замечательных ученых, сохранивших и внесших огромный вклад в изучение бесценного наследия адыгского просветителя: академики Российской Академии наук А.М. Шёгрэн и А.П. Берже, советские ученые-кавказоведы Г.А. Кокиев, Г.Ф. Турчанинов, В.К. Гарданов, И.В. Тресков, Т.Х. Кумыков, З.П. Кардангушев, А.И. Алиева и многие другие. Отечественная академическая наука XX в. дала объективную оценку многим достоинствам трудов Ш.Б. Ногмова. Однако нельзя сказать, что многогранная деятельность адыгского просветителя полностью изучена и определено его значение в истории национальной культуры. На наш взгляд, с 1990-х гг. можно говорить о таком сложившемся отдельном направлении адыгской историографии, как ногмоведение. Увидели свет монографические исследования, многочисленные статьи, материалы научных конференций, посвященные основным этапам жизни и деятельности, научному наследию Ш.Б. Ногмова. Незаменимую роль в выработке основных концептуальных положений, способствовавших становлению и развитию ногмоведения, сыграли научные конференции, состоявшиеся в разное время на базе Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН: «Юбилейная сессия, посвященная к 100-летней годовщине со дня смерти Ш. Ногмова» (июнь 1944 г.), «Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX века» (март 1974 г.),

«Юбилейная научная конференция, посвященная 200-летию Ш.Б. Ногмова» (октябрь 1994 г.), «Просветительство в этнокультурном пространстве Северного Кавказа. К 225-летию Ш.Б. Ногмова» (ноябрь 2019 г.).

Однако до настоящего времени научное сообщество еще не осуществило сводного академического издания исторических и филологических трудов Ш.Б. Ногмова. Существующие отдельные издания – «Истории адыгейского народа» и «Филологических трудов» в 2-х томах (исследовал и подготовил к печати Г.Ф. Турчанинов) сыграли неоценимую роль в изучении истории национальной духовной культуры и определили место в ней наследия Шоры Бекмурзовича Ногмова. Но они давно стали библиографической редкостью. Поэтому назрела необходимость в издании, в котором были бы собраны все труды просветителя и его эпистолярное наследие. Такое издание в четырех томах, содержащее полное собрание выявленных к настоящему времени работ самого Ш.Б. Ногмова и материалы, характеризующие основные этапы развития ногмоведения, осуществлено в 2020 г. институтом гуманитарных исследований КБНЦ РАН [Ногмов 2020].

Предлагаемая читателям публикация посвящена, в частности, новым материалам научного наследия Ш.Б. Ногмова, которые выявлены доктором филологических наук, главным научным сотрудником Института мировой литературы Российской академии наук Аллой Ивановной Алиевой.

Осуществленное ею фундаментальное исследование, посвященное основоположнику российского академического кавказоведения академику Андрею Михайловичу Шёгрёну, и введенные в научный оборот материалы существенно обогатили ногмоведение [Основоположник... 2010]. А.И. Алиева впервые изучила всю совокупность рукописных материалов, хранящихся в трех архивах в Петербурге (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Институт восточных рукописей РАН, Центральный государственный исторический архив) и двух архивах в Хельсинки (Отдел рукописей Национальной библиотеки Финляндии и Литературный архив Финского литературного общества). До А.И. Алиевой российские кавказоведы, в том числе и ногмоведы, работали преимущественно в фонде А.М. Шёгрена в филиале Архива Академии наук в Петербурге и в ЦГИА; к материалам ученого, что находятся в Институте восточных рукописей, бывшем Азиатском музее, никто из современных исследователей не обращался. В архивах Хельсинки никто из отечественных исследователей по указанной выше тематике до А.И. Алиевой не работал. Ей первой из российских специалистов удалось изучить всю совокупность рукописных материалов о А.М. Шёгрёне, хранящихся во всех вышеуказанных пяти архивах в Петербурге и в Хельсинки, в том числе, имеющих отношение к творчеству Ш.Б. Ногмова.

Прежде всего, речь идет об оригиналах двух рукописей, принадлежащих Ш.Б. Ногмову: первого варианта «Начальных правил адыгейской грамматики» (1840 г.) и переработанного адыгским просветителем с учетом замечаний А.М. Шёгрена, подробно рецензировавшего первоначальный текст, второго варианта под названием «Начальные правила кабардинской грамматики». Следующая группа материалов – это переписка Ш. Ногмова с академиком

А. Шёгреном и извлечения из дневника последнего о его путешествии и изысканиях на Кавказе [Основоположник... 2010]. Следует отметить, что все указанные материалы включены в издание «Ногмов Ш.Б. Исторические и филологические труды» [Ногмов 2020].

Экспедиция А.М. Шёгрена на Кавказ и в Крым подробно описывается ученым в дневнике, который охватывает период с сентября 1835 до января 1838 г. Особый интерес для него представляет изучение осетинского языка, который, по его мнению, мог обнаружить родственность со скандинавскими, в первую очередь, с финским. Знакомство с Ш.Б. Ногмовым, рукописью «Записки о Черкесии» Хан-Гирея, а также с Л.Я. Люлье и К.И. Таушем и наработками их исследований по черкесскому языку в этот период обусловили новое направление его научных интересов. «У меня была возможность усовершенствовать свои знания в черкесском и написать более основательную грамматику этого языка – книгу, которая, помимо научного интереса, могла бы оказаться весьма полезной и в политическом отношении», – писал А.М. Шёгрэн [Основоположник... 2010: 57].

В «Дневнике Шёгрена с сентября 1835 до января 1838 г.» подробно прослеживается история знакомства и дружбы с Ш. Ногмовым, этапы их сотрудничества, опыт совместной работы. Ученый скрупулезно фиксирует кабардинские топонимы. «Я предпринял давно задуманное путешествие, чтобы посетить лейтенанта Ногму. После того как проедешь Подкумок со слободами и небольшой ручей Гитсу (Юцэ, Джуцэ – К.Д., Н.В.), с другой стороны от Ховечеродской станицы местность несколько поднимается, после чего <начинается> сплошная ровная и плоская степь с лугами и полями проса, принадлежащими черкесам. В конце дороги есть кордон у ручья, впадающего в Подкумок, который русские называют Золка – искажение черкесского названия «Дзелуко», состоящего из «дзел» – ольха и «кво» – ущелье. В 2 часа прибыл я в Кармов-аул (черк. Квармахабла), где нашел родной дом Шоры. Селение примерно из 40 дворов лежит у реки Малка и населено черкесами и абазинами (3 семьи Квармос, Абесиан и Адехе<?>)» [Основоположник... 2010: 28-282].

Встречаются интересные наблюдения и суждения Шёгрена об особенностях материальной и духовной культуры различных кавказских этнических общностей. На наш взгляд, современным исследователям будут весьма интересны этногенетические предания, зафиксированные ученым. Приведем один фрагмент, относящийся к Дигории: «С помощью переводчика я начал в присутствии хозяина и других жителей проверять описание Клапрота в «Дополнении», в ее второй части. Подтвердили, что семья Бадигата (Бадиката) происходит из Мадзхара (Маджары – К.Д., Н.В.), и добавили, что их предок еще раньше вышел из Константинополя или Крыма к немцам; в той земле, где они находились некоторое время, еще и теперь живут члены их рода, равно как и в Мадзхаре. Оттуда два брата приехали сюда, и один из них, Абдул-хан, осел здесь, а другой – Тчинктухо-хан, напротив, поселился западнее и стал родоначальником балкарцев; здешние семьи считают, что находятся с балкарцами в близком родстве. Дигорцев они обычно называют басаиата или асси; оно употребительно также у восточных осетин. По уверению здешних

жителей, это название относится только к балкесам (балкарцам – К.Д., Н.В.), но исключает их соседей, таких как халемцы (холамцы – К.Д., Н.В.), бесинги (безенги – К.Д., Н.В.), тшегеры (чегемы – К.Д., Н.В.) и карачаевцы <...> Дигорцы сами себя называют Дигора; восточные осетины, напротив, называют их Тигур (Тигурлэг). Значение имени, впрочем, и того и другого неизвестно, как и повод к нему. Они должны называться «Туганафырт». «Дурэвэрд» означает совершенно правильно <нрзб.>, но сама сказка о великане им совершенно неизвестна. Не является ли она <плодом> ума самого Клапрота?...» [Основоположник... 2010: 248-249]. Или такое извлечение: «Визит старшины этой местности; это скромный и учтивый, но слепой старик из рода Чергессата. Он рассказал, что его предки прежде жили у Черного моря. Оттуда переселились 3 брата, из которых двое осели здесь, а один в Кабарде: род их прежде назывался Таврас и только позже принял нынешнее имя» [Основоположник... 2010: 254-255]. Довольно интересно предание о священном лесе Тшетага, которое безусловно связано с легендарным Хетагом, зафиксированное в дневнике 18 мая 1837 г.: «...во время пути переводчик рассказал мне историю о совершенно круглом и густом участке леса, который находится перед селением и носит название Тшеттэджигагад (читается «Тшэттэдж и жыг хадэ» по-кабардински, т.е. «лес или сад Тшетага» – К.Д., Н.В.), по имени некоего Тшетага, которого до этого места преследовали из Кабарды; он бежал оттуда. Он добрался до Нарских долин, где еще можно найти многочисленную и уважаемую семью Тшеттаг, ведущую свой род из Кабарды. Один раз в году в этом месте празднуют память об этом событии, принося жертву и веселясь в этом «лесном парке» [Основоположник... 2010: 248].

Приведенный фрагмент демонстрирует богатство содержания работы А.И. Алиевой. Авторы настоящей публикации ставят своей главной целью ознакомление заинтересованного читателя с письмами Ш.Б. Ногмова к А.М. Шёгрёну, который с момента их знакомства стал для него и добрым товарищем, и наставником, и научным консультантом. В свое время, в 1944 г. Г. Турчанинов публиковал небольшие извлечения из переписки Ш.Б. Ногмова с А.М. Шёгреном, Х.Д. Френом и Ф.И. Кругом [Шора... 1944]. Введенная в научный оборот А.И. Алиевой переписка Ногмова с Шёгреном содержит новый интересный материал. Публикуемые в приложении к данной статье письма охватывают период с 1837 по 1841. С точки зрения формы, привлекает внимание, что они написаны хорошим литературным русским языком. С точки зрения содержания, основной предмет писем Ш.Б. Ногмова – это его научные интересы в области адыгской филологии и истории. С точки зрения выступающей в них прагматики, видно стремление Ш.Б. Ногмова довести свои изыскания до подлинно научного уровня с опорой на консультации и помощь А.М. Шёгрена. В письме от 19 июля 1840 г. прочитывается, на первый взгляд, связь активности Ш.Б. Ногмова с личным карьерным интересом, когда он просит своего корреспондента привлечь внимание высокого начальства к его ученым трудам. Тем интереснее, то объяснение, которое адыгский просветитель дает своим мотивам через год в письме от 5 июля 1841 г. Он

характеризует себя как человека, «горящего ревностью к просвещению и сближению с Российской державой своего народа», и продолжает: «Если по Вашей рекомендации я могу привлечь на себя внимание Правительства, то это послужит к убеждению моих единоземцев, что не одна личная храбрость и искусное владение оружием могут заслужить благосклонность Правительства. Без сомнения, распространение сего мнения будет поощрять молодых людей к учению, разысканиям и возбуждать в них соревнование к просвещению себя знанием и науками, чуждыми доселе нашему народу».

А.М. Шёгрэн будет вспоминать Ш.Б. Ногмова и после июня 1844 г., когда адыгский просветитель ушел из жизни. В опубликованной впервые на финском языке в 1955 г. рукописи «Мой путь в науке», которая является своеобразной автобиографией Шёгрена, рассказывается о приезде Ш. Ногмова в Петербург и его попытке встретиться с А.М. Шёгреном. Но последний с конца мая 1844 г. переехал на летний период в Токсово. Приехав же в столицу на очередное заседание Академии и услышав о приезде Ногмы, Шёгрэн поспешил повидаться с ним. Тот был уже тяжело болен, простудившись после бани, однако, визит Шёгрена доставил ему большую радость. Друзья составили план совместной работы, к которому намеревались приступить, когда Шёгрэн вернется в город в сентябре и когда Ногмов уже совсем оправится и адаптируется к петербургскому климату. Чтобы не утомлять больного лишними беседами Шёгрэн быстро распрощался и обещал его навестить в свой следующий приезд спустя две недели. Но когда он приехал и зашел к больному, то услышал известие, опечалившее его до глубины души, что его друг умер три дня тому назад и уже был погребен [Основоположник... 2010: 881].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ногмов 2020 – *Ногмов Ш.Б. Исторические и филологические труды: в 4-х т.* – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2020. – Т.1. – 316 с.; Т. 2. – 306 с.; Т.3. – 198 с.; Т.4. – 246 с.

Основоположник... 2010 – *Основоположник русского кавказоведения академик Андрей Михайлович Шёгрэн. Исследования. Тексты / Составление А.И. Алиевой.* – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – 952 с.

Шора... 1944 – *Шора Бекмурзович Ногмов (1844-1944).* Серия документальных материалов из жизни и деятельности. Подготовил к печати Г. Турчанинов. – Нальчик: Кабгосиздат, 1944. – 20 с.

REFERENCES

NOGMOV Sh.B. *Istoricheskie i filologicheskie trudy: v 4-kh t.* [Historical and philological works: in 4 vols]. – Nalchik: IGI KBNTS RAN, 2020. – Vol. 1. – 316 p.; Vol. 2. – 306 p.; Vol. 3. – 198 p.; Vol. 4. – 246 p. (In Russian)

Osnovopolozhnik rossiiskogo kavkazovedeniya akademik Andrei Mikhailovich Shegren. Issledovaniya. Teksty [The founder of Russian Caucasian studies, academician Andrei Mikhailovich Sjogren. Researches. Texts. Compilation by A.I. Alieva]. – M.: IMLI RAN, 2010. – 952 p. (In Russian)

Shora Bekmurzovich Nogmov (1844-1944). Seriya dokumental'nykh materialov iz zhizni i deyatel'nosti. Podgotovil k pechati G. Turchaninov [Shora Bekmurzovich Nogmov (1844-1944). A series of documentary materials from life and work. Prepared for publication by G. Turchaninov]. – Nalchik: Kabgosisdat, 1944. – 20 p. (In Russian)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Письма Ш.Б. Ногмы^{1*}

Милостивый государь,

Приятнейшее для меня Ваше письмо я имел счастье получить величайшим восхищением 14 февраля, за которое приносім совершенное обрадование. Вы извините, я не могу сегодня отправиться к Вам потому, что поздно получил письмо Ваше. При том не мог от болезни вдруг верхом ездить. Однако ж завтрашнего числа непременно буду стараться приехать к вам. Итак, вы будете дожидать <меня> завтра.

С истинным почтением и совершенною преданностию имеющий
быть
Вашим
Милостивый государь,
покорнейшим слугою
Шора Бекмурзин Ногма
14 февраля 1837 г.

---

^{1*}Письма опубликованы д.ф.н. А.И. Алиевой по рукописям, хранящимся в Отделе рукописей и редких книг Национальной библиотеки Финляндии (г. Хельсинки). Коллекция акад. А.И. Шёгрена 209.19.

Евг. д. 27^е

Многотысячи людей

Пришедшим к нам в этот вечер
 Касбам и много других людей
 Со всеми своими вещами и
 12^е февраля. Вечером пришел
 Соборный судья. Он
 и знает, и не могу сказать
 Отправляется в село потому
 что. Можно получить много
 денег. При этом не могу от
 Толпы людей на входе
 в село. Однако за входе
 к селу на входе есть
 там при этом

и жить в Судити Сариданъ За
вотра

Его нестаннымъ похвалити
и совершенного предантиса
милитарна бинтиса.

Ваминте

и Министровъ Трудяръ

на Кавказе и на Кавказе

Мира и Кавказе и на Кавказе

Известно и на Кавказе
44 февраля 1857г.

Г. Пятигорск 6 июня 1838 г.

Милостивый государь!

Приятнейшее для меня Ваше письмо я имел счастье получить с величайшим восхищением 7 мая, за которое весьма благодарю и за Ваше доброе расположение ко мне. Чувствительно, что вы стараетесь для общей пользы. Я в приятную обязанность поставляю себе во-первых засвидетельствовать Вам мое искреннее почтение с пожеланием совершенного здоровья, всех возможных благ и душевного спокойствия. Поспешаю вас уведомить в ответ, что я не получил от барона Розена свою «Адигскую грамматику», ничего даже <нрзб.> и неизвестно, где она находится. После разлучения с Вами я видел<ся> два раза с бароном Розеном, но <он> не знает об ней. Однажды я писал два раза в Тифлис <тому>, которому поручил послать <ее> по почте – по причине, <что> тогда я был болен, но он, вероятно, ее потерял <нрзб>

Я уже начал заниматься по советованиям вашим, постараюсь снова перебелить черновик и рассмотреть хорошенько, и, окончивши, pošлю к Вам на Ваше благосмотрение. Я весьма доволен, что вы имели случай говорить с Вашим министром Уваровым о «Грамматике Адигейской»; я уверен, что вы искреннего благодеяния, и значит, здесь для меня. Я с удовольствием соглашусь с его предложением и с вашим советом, буду стараться исполнить все, кончить до августа или до сентября месяца.

Непременно как окончу, так и пишу к Вам прямо тогда, как Вам благоугодно в Академии, я ни в чем не сомневаюсь. Извините меня, что и прежде я напрасно сомневался, не зная о благих Ваших намерениях, за то я недоверчивый черкес есть, и что прошло, то прошло, я теперь Ваш слуга. По советованиям Вашим я уже постараюсь прибавлять к «Грамматике» словосочинение или синтаксис практического употребления, также и словарь, отдельным образом с разговором; я полагаю, что кажется не так трудно будет, впрочем, не знаю, я не делал до того, и «Грамматика» самой лучшей будет, потому что всю снова рассматривал, только в русском языке не так сильна.

С тем прошу Вас не оставить меня, уведомить о вашем здравии, если имеете досуг, чем премного одолжите.

С истинным почтением и совершенною преданностью, имеющего быть вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою Шора Бекмурзин Ногма.

но медленным путем. Впрочем не моя это работа
теперь;

и еще можно заметить, что в настоящее
время постараюсь вновь приобрести Черкесов
и равносильных Корсетовых и окончивших панте-
он. Если вы будете благодарны, и в том же
случае, что вы могли еще вступить с вами
в переписку, уверованно сражающимся. А что
еще, и уверованно, что вы, несправедливо благодарны
и ^{в том} же случае, и в судившемся в том
своем предположении и в вашем, что вы буду-
те стараться и поощрять все, что будет доведено
к вам доверенно моему, на предмет как окон-
чить так и так, и в том же случае, что вы
будете благодарны в том же случае, и не могу
сомневаться, и в том же случае, что и в том же
и на предмет сомневаться и в том же случае
в том же случае, и в том же случае, и в том же
случае, и в том же случае, и в том же случае, и в том же

и мѣръ вѣща свѣда. Но совѣта вѣща
 вѣща, и у насъ по старинѣ прибавлено
 въ грамоты, о словосочиненіи или вѣщахъ
 практическаго употребленія, такъ и словъ
 о медвѣдѣхъ и образъ въ разсказаніи; а
 потому, что вѣщахъ и мѣрахъ труднѣе
 быть, въ прописи по старинѣ и медвѣдѣхъ до-
 того, а грамоты вѣщахъ и мѣрахъ
 потому, что вѣщахъ и мѣрахъ, такъ
 въ русскому языку не такъ вѣщахъ и мѣрахъ.

Свѣдѣніи про насъ и о вѣщахъ и мѣрахъ
 увидѣнныя о вѣщахъ и мѣрахъ вѣщахъ и мѣрахъ
 да сѣмъ, что не много обидѣнны.

Съ истиннымъ почтеніемъ и увер-
 реніемъ преданности и покорности
 Бѣмъ

Вашему
 милостивому Государю
 покорнишійся Свѣдѣ
 — Монахъ въ мѣрахъ и мѣрахъ.

Милостивый государь!

Андрей Михайлович!

Начиная новый год, прежде всего я спешил пожелать Вам благополучия и представить новое уверение в моем почтении. Это почитаю первою и священнейшею обязанностью, и если исполнение оной примете благосклонно, <буду считать>, что мера моего счастья исполнена.

Столько уже времени я имею честь пользоваться Вашими благодеяниями, а за оные не мог заплатить ничем. По крайней мере осмеливаюсь уверить Вас, что я всякую минуту готов быть Вашим.

При сем <при>совокупляю, что я перед сим писал <Вам> письмо два раза, но не знаю, получили или нет? «Грамматику» и «Синтаксис» или «Словосочинение» кончил, и «Разговор» еще <только> начинается, могу ли?

Послать к Вам для благо<рас>смотрения и добавления после, то есть «Разговор» и отдельно «Словарь» после прислать к Вам, или вместе, однакож я опоздал, время пропущено, причины тому были; мне поручена должность секретаря; впрочем, добавление скоро успеет.

С истинным с глубочайшим почтением и преданностью ваш,
Милостивый государь,

*Покорнейший слуга
Бек-Мурзин Ногма.
2 января 1839 года.
Кр<епись> Нальчик.*

Евф. 2. 12. Евфр.

Милостивый Государь !

Андрей Михайлович

Итак, мой друг, прежде всего
я спешу поздравить вас
с наступающим, и представить но-
вое уверение в моей почтенности
Этой Почтенной Первой и второй
и третьей обязанности, и если
исполнение этой обязанности бла-
гоприятно, то и моя моя ста-
вится исполнено, Этолько уде
время и много счастья похва-
стать вашим благополучием,
а за вами не могу замечать

ни темъ, но крайней мѣрѣ освѣ-
тлается увѣрить васъ, что я
всю минуту готовъ быть
вашимъ.

При этомъ совсѣтующимъ, что
я передъ вами пишу письмо
два раза по незнакомому
мнѣ почтъ? Угнетенности
и скотнической или словесности
не кончить, а разсказать еще
какимъ-то, или? Понимаете?

Послать въ Санктъ-Петербургъ
 въ настоящее время, а добавление
 послать то есть разговарь
 и одной словице послать
 приложить въ Санктъ, или
 внести, однако въ оное
 въ время. Пропустить, пришло
 тому было много. Пропу-
 стить доверность секретаря
 въ прочих добавлений скоро
 уделить.

Въ настоящее время въ музее
 у меня послать пред-
 ложить.

Вашимъ

Милостивый Государь

Правительствующий Сенатъ

2 января

1839 года — Бюро-исправникъ министру
 Кр. министру

Милостивый государь,

Андрей Михайлович!

Письмо Ваше от 25 апреля я имел удовольствие получить через Патерсона, благодарю Вас за доброе ко мне расположение и относительно трудов моих уведомляю, что «Грамматика» мною окончена, исправлена и дополнена и теперь до самых глаголов вовсе не та, что была прежде; вскоре она будет отправлена к Вам. Что же касается до недоверия моего к Вам, то оно всегда было чуждо меня – доказательством сему может служить моя «Грамматика», которую Вы скоро получите. Ибо если бы я не доверял Вам, то мог бы найти много средств отправить «Грамматику» через вышнее начальство в Академию, – но я надеюсь на Ваше слово.

Признаюсь Вам, что мне весьма бы было обидно, если бы Вы издали прежде меня взятую Вами копию с моей «Грамматики», которая неправильна; ныне же я усовершенствовал <ее> введением европейских букв и исправил во всех неполнотах, – однако я уверен, что Вы этого никогда бы не сделали и писали ко мне не с таким намерением.

В Нальчике писем от Вас я не получал, и все время это был занят – мне вот уже два года как поручена должность секретаря в Временном суде, и кроме того составлено мною «Историческое описание атихейского народа» от древних времен, которого оглавление, желая удовлетворить Ваше любопытство, при сем прилагаю. Труд этот уже мною окончен и в скором времени поеду в Тифлис.

Прилагаю еще старинную рукопись, которой я едва мог достать два листка, и то с великим трудом; прошу покорнейше Вас разобрать, на каком языке и какие слова в сей рукописи, и с русским объяснением прислать ко мне. Это из книги наших древних священников.

Затем, пожелав Вам всего доброго и всегда с истинным почтением и преданностью имею честь быть

*Ваши,
Милостивый государь,
Покорный слуга
Ногма Шора Бек-Мурзин.
5 июля 1840 года.
Пятигорск.*

*Оглавление
Глава
Об источниках, служащих к собранию исторических сведений об атихейских племенах.
Начертание из книги Шогенова.
Предание о происхождении атихейских или черкесских народов.*

Предание о сношениях черкесских народов с греками со времен Юстиниана.

Предание и песни о Бейкане Аварском и об угнетениях его черкесских народов за неповиновение.

Объяснение.

Предание о князе Лавристане.

Пословицы и сказки.

Исследование, от чего получили название разные горские племена.

Предание и песни о нашествии китайского хана в Кабарду.

О происхождении нынешних кабардинских, бесленейских и камергойских князей.

Предание о подвигах Инала.

Предание и песни об атыхейском князе Безруко и войне его с Тамтаракай.

О старшинах и владельцах атыхейских и разделении камергуйских князей.

Быт древних атыхов или черкесов, о физическом и нравственном их характере.

Предание и песни о князе Ельжеруко Химишове и великане Ридаде, сражение их с разными народами на берегах Азовского моря.

Предание о жестокой битве и страшной борьбе на ущелии Кеичнатау нашего народа с калмыками.

Предание о князе Шолохе Тотлостанове.

Предание и песни о победе кабардинского князя Киниао Калихетановича в Дагестан и о склонении им дагестанцев к войне с нашим народом.

Предание о князе Ельжеруко Конокове.

Предание о кабардинском князе Темрюке Маремиковиче Тотлостанове, о победах его над врагами и союзе его с русскими и о способствовании нашего народа царю Иоанну Васильевичу в войне.

Предание и песни о беспокойствах, претерпенных кабардинцами от больших орд, о смерти князя Казы Пишабисоновича и жестокой битве на Калькужине.

Предание о князе Карошае Шолоховиче Тотлестанове и о нашествии хана Джанбека на Кабарду.

Предание и песни о набеге Закубанского князя Антиноко в Крым, взятии у хана войска и истреблении безвинно своего отечества.

Предание и песни о несогласии между кабардинскими князьями и истреблении князей Жанцоровых.

Предание о нашествии Крымского хана в Кабарду, о притеснениях кабардинского народа и наложении подати.

Предание о князе Кургоко Хатокиукине, истреблении крымских войск и уничтожении податей.

Предание о вторичном вторжении крымских и турецких войск в Кабарду и совершенном отражении оных кабардинцами.

Предание о князе Алешико Шогенове и смертоубийствах, произведенных им через панцырь адешем.

Предание о князе Мудармафе Тотлестанове.

Предание о распрях между кабардинскими князьями Бекмурзою и Кайтукоко.

Предание о князьях Ассимбеке и Мисосте.

Предание о верности князя Девлет Гирея к России.

Предание о князе Берслане Цапца и поход его в Дагестан.

Предание о князе Айдемиркане.

Предание и песня о сражении с русскими на Куре <нрзб.> и поступлении кабардинцев в подданство России.

О милостях, дарованных Императрицею Екатериною II кабардинскому народу.

О введении князем Адиль Гиреем Хачожукиным магометанской веры, и учреждении им шариатского разбирательства с присовокуплением древних обрядов.

О правах, дарованных кабардинцам императором Александром II.

Ел. Д. 20^е Авг.

с Милостивым Государь

«Андрей с Михайлович!»

Письмо Ваше от 25 с. Августа я и считая удоволь-
ствием получить, благодарю Васъ за доброе ко мне рас-
положение и откровенно трудовъ моихъ удовольствую,
что Грамматика мною окончена, исправлена и подана
мне, и теперь до самыхъ глаголовъ все на то что
была прежде, вскорѣ она будетъ отправлена ко Вамъ.
Что же касается до недоверия моего ко Вамъ, то оно
всегда было чуждо мне, — доказательствомъ сему можетъ
служить мое Грамматика которую вы скоро получите
ибо еслибы я недоверялъ Вамъ то могъ бы найти
иное средство отправить грамматикъ чрезъ ваше
начальство въ Академiю, — но я надѣюсь на ваше слово.
Притомъ вамъ, что мнѣ весьма бы было обидно если
бы вы и сами прежде или вѣстнѣ вами когда-то о моей
Грамматикѣ, которая неграмматична, писали бы я усовер-
шенствованъ введенiемъ Европейскихъ буквъ и исправилъ
бы въ ней неосиностарь, — однако я уверяю что вы этого
никогда бы не сдѣлали и писали бы что не такъ и такъ
рѣшили. Въ Насмѣлку, письмо отъ васъ я не получаю
и все время это было занятъ, — мнѣ вотъ уже два года

какъ поручили Должность Секретаря въ Императорскомъ Судѣ
и къ тому составлено много Историческое описание
Антинейскаго народа отъ древнихъ времёнъ, котораго
написание весьма удовлетворить Ваше величество при
сей прилагая; трудъ этотъ уже много оконченъ и
высходящъ впереди отъ Мидии. Прилагается
старинную рукопись, которой я едва много достать два
листа и то съ великимъ трудомъ, прошу покорнѣйше
Ваше разсудить на какомъ языкѣ и какія слова въ сей
рукописи и въ русскихъ объясненіяхъ приписать хочеть.
Это въ книги нашихъ древнихъ священниковъ. Размѣръ
попышетъ Вамъ всего добраго и всегда съ истиннымъ
почтениемъ и преданностію къ Вамъ келье быть

Ваша

С Милостивымъ Государь.

Покорный Слуга и сына шари.

Бѣн-мурза

5 Июня 1840 г.

Патриархъ

Описавленіє.

Глава

1. Възстановление сурмацар по собранию историческим документов от Английских писателей.
2. Описание жизни Моголов.
3. Описание происхождения Английских или Черкесских народов.
4. Описание отношений Черкесских народов со сторонами других племен.
5. Описание жизни в Батталье Сваровских и орудиях их Черкесских народов за последние.
6. Описание.
7. Описание описания Словянских.
8. Описание исландских.
9. Описание того что получили название разнородных писем.
10. Описание жизни в Английских или Кабардах.
11. Описание происхождения исландских, Боснийских или Черкесских племен.
12. Описание описания Исландских.
13. Описание жизни в Английских или Батталье и орудиях их.
14. Описание жизни в Английских или Черкесских, орудиях их.
15. Описание жизни в Английских или Черкесских, орудиях их.
16. Описание жизни в Английских или Черкесских, орудиях их.
17. Описание жизни в Английских или Черкесских, орудиях их.
18. Описание жизни в Английских или Черкесских, орудиях их.
19. Описание жизни в Английских или Черкесских, орудиях их.
20. Описание жизни в Английских или Черкесских, орудиях их.
21. Описание жизни в Английских или Черкесских, орудиях их.

22. Предание и песни обитойной свари кабардинцев от боиниры орды, о смерти князя Кавказского и князя-кой бунта на кабардинцев.
23. Предание о князе Кабардинском Момисетанови и князе-тви князя Бокаева на Кабарду.
24. Предание и песни о битвах кабардинцев с турками в Крайне-Восточной Азии и с турками в Крайне-Восточной Азии.
25. Предание и песни о битвах кабардинцев с турками в Крайне-Восточной Азии и с турками в Крайне-Восточной Азии.
26. Предание о битвах кабардинцев с турками в Крайне-Восточной Азии и с турками в Крайне-Восточной Азии.
27. Предание о битвах кабардинцев с турками в Крайне-Восточной Азии и с турками в Крайне-Восточной Азии.
28. Предание о битвах кабардинцев с турками в Крайне-Восточной Азии и с турками в Крайне-Восточной Азии.
29. Предание о битвах кабардинцев с турками в Крайне-Восточной Азии и с турками в Крайне-Восточной Азии.
30. Предание о битвах кабардинцев с турками в Крайне-Восточной Азии и с турками в Крайне-Восточной Азии.
31. Предание о битвах кабардинцев с турками в Крайне-Восточной Азии и с турками в Крайне-Восточной Азии.
32. Предание о битвах кабардинцев с турками в Крайне-Восточной Азии и с турками в Крайне-Восточной Азии.
33. Предание о битвах кабардинцев с турками в Крайне-Восточной Азии и с турками в Крайне-Восточной Азии.
34. Предание о битвах кабардинцев с турками в Крайне-Восточной Азии и с турками в Крайне-Восточной Азии.
35. Предание о битвах кабардинцев с турками в Крайне-Восточной Азии и с турками в Крайне-Восточной Азии.
36. Предание о битвах кабардинцев с турками в Крайне-Восточной Азии и с турками в Крайне-Восточной Азии.
37. Предание о битвах кабардинцев с турками в Крайне-Восточной Азии и с турками в Крайне-Восточной Азии.
38. Предание о битвах кабардинцев с турками в Крайне-Восточной Азии и с турками в Крайне-Восточной Азии.
39. Предание о битвах кабардинцев с турками в Крайне-Восточной Азии и с турками в Крайне-Восточной Азии.
40. Предание о битвах кабардинцев с турками в Крайне-Восточной Азии и с турками в Крайне-Восточной Азии.

Милостивый государь Андрей Михайлович!

Окончив, исправив и дополнив совершенно свою «Черкесскую грамматику» прибавлением «Синтаксиса» и «Словаря», мне весьма приятно препроводить ее к Вам. Теперь Вы сможете видеть, справедливо ли Ваше мнение о моем недоверии, о котором в письмах Ваших часто упоминается, – я доказал Вам свое доверие и, надеюсь искренно, что Вы будете мне способствовать столько, сколько будет возможно. Я Вас покорнейше прошу представить труд мой господину Министру Уварову, и независимо <к> Демидовской премии, просить его о исходатайствовании мне в поощрение прочим с Монаршей наградой. Узнав в нашем эскадроне от штаб-ротмистра Туганова о предписании 1830 года господина графа Бенкендорфа, нашего благодетеля, коим предложено было о составлении «Черкесской грамматики», что и побудило меня ревностно заниматься составлением «Грамматики». И когда справитесь, то постарайтесь чрез господина Министра Уварова довести до сведения его сиятельства графа Бенкендорфа о моем сочинении. Доброе Ваше расположение заставляет меня надеяться, что просьба моя не будет Вами оставлена, и Вы, как и прежде уверяли меня, будете во всем стараться по возможности. Посылаю при сем к Вам один лист бумаги за моей подписью. Может быть, Вам нужно будет для представления в Академию – то, что нужно, на нем напишете. Что же касается до напечатания «Грамматики», то я очень прошу у Вас совета. Я в сем деле не сведущ, и уверен, что Вы мне напишете, как лучше. В «Грамматике» я употребил знаки для легчайшего произношения, и хотя будут ошибки, но Вы сами знаете, что в нашем языке произношение весьма трудное. Ожидаю от Вас ответа и навсегда с истинным почтением и преданностью имею честь быть.

*Ваш,
Милостивый государь,
Покорнейший слуга
Ногма Шора Бекмурзин
19 июля 1840 г.
Пятигорск.*

Еф. Д. 27 №4

Милостивый Государь.

Андрей Михайлович.

Окончив, исправно и допущив совершенно свою
Черкесскую Грамматику, прибавившим Рун. пакиши
и Ровар, мне весьма приятно, препроводить
ее во Вамь. Теперь Вы можете видеть, спра-
ведливо ли Вамь много ослесил недостаток
оногогого во письмахъ Вашихъ часто упоми-
нается, — Я доложилъ Вамь свое доверие и наде-
юсь непременно что Вы будете мне способств.-
вать, столько, сколько будетъ возможно. Яван
покорнейше прошу представить трудъ мой Го-
сударю Министру Уварову, и просить его о награде
премии, просить его о изсрочае тайств.-
нии мне в поощрение прочихъ с Котарией награда
уматъ во нашемъ складочномъ отъ Устава Рун.-
Писания отъ 1830 года (Томодине.)

Графа Бенкендорфа нашего благодетеля, который
предложил было о составлении Чеченского
Госплана что и побудило меня ревностно
заняться составлением Греческого
иногда справиться то постараюсь чрез
Генерала Силистра Яковлева довести до
сведения Его Величества Графа Бенкендорфа
о своем сочинении. Другое Ваше распоря-
жение составляет меня надменно что
хотят еще потребовать ваши ассигновки и как
как и прежде утвердились мои бюджет ввешив
стараться по возможности. По возможности
и вашим одиозным сметам буду за мной
писано, может быть ваши нужные бюджет
представили в составлении то что нужно нам
написать. Кроме касает до напечатания
Госплана то я все прошу у Вас сойти
с в себе грех не сводить и уважать
но вы мои написание как лучше. В
Госплана я употребил такие же и

много прощения, и хотя будут оштрафованы, сами знают что во наших ^{делах} прощения все же труднее. Оштрафов от вас столько и на всегда со истинными почтениями и уважением имеем честь быть.

Ваша

С Милостивой Вера
 Говорилась ~~вас~~
 полна шара ~~Вас~~ ~~мурман~~

19 Июн 1840 году
 Митрополит.

Милостливый государь! Андрей Михайлович!

От 5-го июня прошлого 1840 года, при страховом письме я отправил к Вам два листа, взятых мною из оказавшейся в Кабарде нашей книги, которые просил Вашего рассмотрения; в какие времена рукопись эта существовала, а как равно и на каком она написана наречьи, и по рассмотрении листы те с переводом возвратить ко мне; с тем вместе отправил к вам и оглавление сочиненной мною рукописи древних кабардинских песен и преданий. И после того 19 числа того же месяца я отправил при особом письме к Вам «Грамматику», сочиненную мною на кабардинском языке – с русскими объяснениями, но по сие время не имею от Вас уведомления, получено ли то и другое Вами или нет, это меня крайне беспокоит. Сомнения Ваши в моих будто бы к Вам недовериях, я уже доказал, что я всегда Вам доверяю; желал бы однакож видеть и Ваши ко мне, ничем иным, как уведомлением, какие приняты о «Грамматике» моей Вами меры, и что можно чрез оную ожидать. Столь долгое молчание Ваше заставляет меня думать о нездоровье Вашем, или куда-либо отсутствию. Прошу Вас покорнейше, поспешите уведомить меня обо всем подробно. Вместе с теми письмами я отправил также <письма> к некоторым моим приятелям, на которые давно уже имею оттоле ответы. Нетерпели<во> ожидая Вашего уведомления и имея честь засвидетельствовать Вам мое нижайшее почтение, и поздравить с наступившим Новым годом, который желаю Вам препроводить весело и благополучно. С каковым пребуду всегда, Милостливый государь, Ваш покорнейший слуга.

Ногма Шора Бекмурзин

Пишите <по> адрес<у>: Его благородию милостивому государю поручику Ногме Шоре Бек-мурзину. Находящемуся за секретаря в Кабардинском Временном суде. Чрез г. Ставрополь в крепость Нальчикскую в Большой Кабарде.

Генваря 22 дня

1841 года

Крепость Нальчикская

Ег. 2. 3 мая

Милости ваш Государь!

Андрей Михайлович!

От 5го июня прошлого года, при отправле-
нии письма, отправилъ также два листа, вы-
тисав мною изъ находящихся въ кабульте нашей
книги, которые просилъ вашего рашиотренія,
всакіе времена рукописи она существовала,
а какъ равно и многократно она писана на пергаментъ,
рашиотренія листа тѣхъ передъ вами вѣдѣ-
нныя были; въ томъ листѣ отправилъ
также и помаленсіе сочиненіе мною рукопи-
си, древнихъ кабульскихъ почтъ, и предъ вами.
Въ томъ 19го числа того же листа, и отпра-
вилъ при содѣиіи письма также грамматику,
сочиненную мною Никабурдискимъ языкомъ
въ рускомъ и въ латинскомъ, но по сіе времени
никогда тѣхъ васъ уведомленія, поученомъ

[illegible]

Всего многополучно. Скажи
Пробудь всегда

Аминь сии ваши Государь

Ваш

Иванович Свиря
Наличие широты

нишите Адрис: Ео Спародино
Аминь сии ваши Государь Пробудь
Наличие широты Свиря. Неко
описаны в секретаря в Кабардин-
ском Арестанском Суде. Чувств.
Стефанов в Арестанском Суде. Чувств.
Аминь сии ваши Кабардин.

Генерал 22. 22.
1841 год

Милостивый государь, Андрей Михайлович!

Занятия по должности, занимаемой мною в Кабардинском суде, не позволили мне отвечать некоторое время <на> Ваше письмо от 24 ф<еврля> из Петербурга. Теперь, не имея свободного времени, спешу уведомить Вас сим ответом. Листы, находящиеся ныне у Вас из книги Исмаила Шогенова, хранятся издавна в его фамилии, которая происходит от греков, и название<м> которой <Шоген> доказывает, что его предки были сами священники. Последний старец из этого рода, умевший читать эту книгу, скончался <в> 1839 году. Фамилия эта имеет суеверную привязанность <к> сей книге и хранит ее, как семейную драгоценность.

Благодарю Вас за снисходительное внимание, с которым Вы беретесь разобрать мою «Грамматику». И в этом случае совершенно полагаюсь на Ваше благоусмотрение, на милостивое расположение, которое Вы изъявляете в Ваших письмах, и не ишу никакой награды. Единственное мое желание состоит в том, чтобы содействовать к образованности моих <нрзб.> и обратить внимание высшего начальства на труды человека мало ученого, но горящего ревностью к просвещению и сближению с Российской державой своего народа.

Если по Вашей рекомендации я могу привлечь на себя внимание Правительства, то это послужит к убеждению моих единомыслителей, что не одна личная храбрость и искусное владение оружием могут заслужить благосклонность Правительства. Без сомнения, распространение сего мнения будет поощрять молодых людей к учению, разысканиям и возбуждать в них соревнование к просвещению себя знанием и науками, чуждыми доселе нашему народу.

С особенным почитанием к Вам имею честь быть Вашим покорнейшим слугою. Ногма Шора Бекмурзин.

5 июля 1841 года.

Г. Пятигорск.

Ел. 2. 24 авг.

Милостивый Государь!

Андрей Иванович.

Сожитие по долготности занимаемой
мною в в. кабардинском Суде невозможности
мне отвечать на которое время Ваше
письмо отъ 24 ф. изъ Петербурга теперь
никуда свободное время пишу уведомляю
вас лишь отъяснить. Моей нахаживаю
письмо у вас изъ казен и писала исполнова
Хранитель издавши в в. Его фамилии, которая
происходит отъ Греков, и названъ которъ
[Шолен] доказываетъ то по предку быти
Сими Сидизиники, послѣднимъ старцу изъ
Этого рода унаволивъ исполнова эту

Книгу Спенсера 1859 году Франклин Эм-
милль с удовольствием привезаю вам. Свой труд
надеюсь ее мать семейную драгоценность.
Благодарю вас за искренно любительное внимание
и подтвердить вы беретесь разобратъ мою
грамматику. И въ этомъ случае совершенно
полагаясь на ваше благожелательное на-
милостивое расположение которое вы
изъявите въ вашихъ письмахъ и не-
многою нибатой награды благодарности мое
желание, состоитъ въ томъ чтобы соеди-
нствовать въ образованности мою востанов-
и обратитъ внимание высшего начальства

на труды Шовалова многоуважаемого, почитаю-
щего равносущно въ Проввѣщеніи ибли-
женіи въ русскую державу своего народа.
Семь по Вашей рекомендаціи и моему
привлеченію себя вниманію прави-
тельства, это это поощреніе въ
указаніи моему единоземцу въ томъ
не одна малая храбрость и заслуженное
владеніе оруженіемъ могутъ Васуэну
Благословеніемъ Правительства,
бывъ соинтересное разсмотрѣніе его
мнѣній будетъ поощрять молодыхъ
людей въ усиліи развѣдывать и
возбуждать въ насъ соревнованіе
въ Проввѣщеніи себя знаніемъ и
науками, сущими доверять почиту
народу.

От родственника Доминикана
Иванъ много всего знаетъ,
Вашинъ.

Покорнейшимъ Кулою.
Иванъ много всего знаетъ.

С. Иванъ
1841 года

С. Иванъ

Милостивый государь!
Андрей Михайлович!

Получив Ваше письмо, от 10 минувшего августа писанное, с возвращением моей рукописи и с приложением собственной Вашей записки, на которое уведомить честь имею: найденные Вами в моем сочинении ошибки весьма основательны. Следовательно, я и не смею быть в претензии за сделанные Вами мне замечания, но, напротив того, приношу Вам искреннюю мою благодарность за пожертвование двухмесячного времени на исправление ошибок и недостатков <э>того сочинения. Это я принимаю знаком истинного Вашего ко мне благорасположения; будьте уверены, что я потщусь к оправданию оногo.

Теперь позвольте сказать Вам откровенно: не имея никакого совершенно воспитания, да и к тому же еще не владея хорошо русским языком, как бы я не руководствовался рекомендованною Вами переделкою, но мог ли обойтись без ошибок.

Дикая необразованная наша сторона, в которой я жительствую, отнюдь не могла бы препятствовать к усовершенствованию умственного развития. Если бы я имел некоторое образование, к тому же не был бы занят другими народными делами, от коих по обязанности моей отказаться не смею, что и не дозволило мне отъехать для рассмотрения наперед такового моего сочинения на обращение внимания на главнейшие его несовершенства сведующего человека. Кроме того, побуждаем будучи высшим начальством о скорейшем представлении в корпусный штаб моего сочинения, содержавшего в себе предания и песни кабардинского народа, вынужден был отправиться в Тифлис, поручив мою рукопись писарю как для окончания, так и отправления к Вам, отчего произошли такие несо<о>бразности с настоящими правилами; ныне же я усугублю все мои способности к исправлению всех ошибок и исключу не понравившиеся Вам буквы, и в генваре месяце будущего 1842 года представлю к Вам. По получении которой Вы примете на себя труд пересмотреть оную, и если и затем найдете какие-либо ошибки, то исправив таковые, представьте в Академию для напечатания от имени моего и выпущения в свет, ибо я – если потружусь при немалых моих занятиях, то это не для корысти, но единственно для пользы моих соотечественников; следовательно, с Демидовскою наградой, которая по существующему положению следует мне, я предоставляю Вам ведаться там по усмотрению Вашему, как я уже писал к Вам и прежде.

С глубочайшим моим высокопочитанием и совершенною преданностию, имею честь быть навсегда, милостивый государь, Вашим покорным слугою

*Ногма Шора Бекмурзин. Сентябрь 26 дня 1841 года Кр<епость>
Нальчик в Кабарде.*

Лт. 2 26 окт.

Милостивый Григорь!

Андрей Михайлович!

Получивъ ваше письмо отъ 10 минутоваго звонка
тщательное съвозвращениемъ моей рукописи, не преминулъ
сблизиться вашей записки, на которую, уфудомъ
сестрѣ милой: нѣжданно вашей Вмѣстѣ Кочевья сибиря
всѣмъ основательны, Сидоровичи, и не мѣло бѣтъ
въ прѣдѣлахъ Запѣмныхъ вашей мѣло Запѣмной, но на
противъ того приношу вамъ непреклонную мою благода
рность. Запорочиваніе звѣздъ мѣлкого времени: настра
вляю сибиря и недостатковъ того Кочевья, Это я при
нимаю знакомъ и спинаю вашей Кочевья Благоурапо
вреніе. Будете уверены, что я потяну къ привданію
оно.

Теперь позвольте сказать вамъ откровенно: не
мѣло тѣмъ совершенно воспитаніе, да и тѣмъ
буде неважно хорошо Русскимъ издѣкамъ, какъ бы

[illegible]

1. Блудъ тайный и оный в охоту и маневры не-
вероятно преданности, оный асть Гитт
наблюда

милостивому Титулу

Revised manuscript Program

Harper's Map of the Empire

(Cambridge) 1844. Total

Fr. Hamburg
an Kasper Gt

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история**

УДК 94(47)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-4-69-94

**ЗЕМСКИЙ ВОПРОС В ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОМ
ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НА КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.¹****Д.Н. ПРАСОЛОВ**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: dmprasolov@gmail.com*

Аннотация. На примере общественно-государственного взаимодействия по проблеме учреждения земского самоуправления на Кавказе рассматривается формирование и функционирование публичной сферы на Юге России, включенной в общероссийское пространство общественного мнения. В конце XIX в. региональное земское движение проявлялось в форме общественных обсуждения моделей ожидаемых преобразований. К северу и к югу от Кавказского хребта этот процесс происходил достаточно обособленно. При этом общероссийская земская традиция хотя и служила образцом, но кавказские деятели неоднократно заявляли о необходимости учитывать специфику и местные традиции общественной самоорганизации. С восстановлением в 1905 г. Кавказского наместничества земский вопрос стал обсуждаться в организованном сверху диалоге с властью, достигая уровня Совета министров и Государственной думы. В исследовании определены основные этапы, направления и формы репрезентации идей введения земских учреждений в Кавказском крае. Выявлено значительное влияние региональной публицистики на постановку, обсуждение и общественный контроль земских инициатив, которые во многом стали возможны при содействии Кавказского наместничества, стремившегося к большей автономии от столичных властей. Однако региональная общественность стремилась к большему, чем это была способна организовать имперская администрация на Кавказе в социально-политических условиях начала XX в. Не добившись учреждения земств, участники земского движения на Кавказе провели значительную земскую работу: от анализа социально-экономической ситуации, основанного на значительной статистической и исследовательской работе, до проектного планирования, способствуя своей деятельностью формированию основных признаков публичной сферы, как открытой сферы рационально-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00264 «Южный Кавказ в составе Российской империи: политико-правовые и социально-экономические трансформации».

критических дебатов вокруг общественных проблем. Однако, формируя первичные параметры гражданского общества, современного общественного сознания, преодолевая корпоративные рамки и вырабатывая основы этнополитических идеологий, общественность различных территорий Кавказского края все больше обособливалась в региональных пониманиях своих земских нужд, что во всей противоречивости созидательной и разрушительной силы проявилось в публичной политике под воздействием революции 1917 г.

Ключевые слова: местное самоуправление; земство; земское движение; публичная сфера; Северный Кавказ; Закавказье; Кавказское наместничество; И.И. Воронцов-Дашков; съезд доверенных.

ZEMSTVO QUESTION IN PUBLIC-STATE INTERACTION IN THE CAUCASUS IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY

D.N. PRASOLOV

*Institute for Humanitarian studies – branch of the FSBSE «Federal Scientific Center 'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: dmprasolov@gmail.com*

Abstract. On the example of public-state interaction on the problem of the establishment of zemstvo self-government in the Caucasus the formation and functioning of the public sphere in the South of Russia, included in the all-Russian space of public opinion, is considered. At the end of the 19th century the regional zemstvo movement manifested itself in the form of public discussions of the models of expected transformations. To the north and to the south of the Caucasus range this process took place rather separately. Thus the all-Russian zemstvo tradition served as a model, but the Caucasian figures repeatedly declared the necessity of taking into account the specificity and local traditions of public self-organization. With the restoration of the Caucasian Viceroyalty in 1905 the *Zemstvo* question began to be discussed in an organized dialogue with the authorities from above, reaching the level of the Council of Ministers and the State Duma. The study identifies the main stages, directions and forms of representation of the ideas of the introduction of zemstvo institutions in the Caucasus region. It reveals a significant influence of regional journalism on the formulation, discussion and public control of zemstvo initiatives, which were largely made possible with the assistance of the Caucasian viceroyalty, which sought greater autonomy from the capital authorities. However, the regional public sought more than the imperial administration in the Caucasus was capable of organizing in the socio-political conditions of the early 20th century. Without achieving the establishment of zemstvos, the participants of the zemstvo movement in the Caucasus carried out considerable zemstvo work: from the analysis of the socio-economic situation based on considerable statistical and research work to project planning, contributing by their activity to the formation of the main features of the public sphere as an open sphere of rational-critical debates around public problems. However, forming the primary parameters of civil society and modern public consciousness, overcoming the corporate framework and elaborating the bases of ethno-political ideologies, the public of different territories of the Caucasian Region were more and more settling in the regional understandings of their zemstvo needs, which in all contradiction of creative and destructive power showed itself in the public policy under the influence of the Revolution of 1917.

Keywords: local self-government; zemstvo; zemstvo movement; public sphere; North Caucasus; Transcaucasia; Caucasian viceroyalty; I.I. Vorontsov-Dashkov; congress of entrusted.

«Земство, господа, это необходимая почва для возникновения
действительной общественности...»
кн. П. Туманов [Открытие... 1909]

После введения земского самоуправления в России пространство империи неформально разделилось на две категории: земские и неземские губернии. Земское движение в губерниях, где самоуправление существовало с 1864 г., стремилось к расширению прав, функций и разнообразию социального состава местного самоуправления. Оно активизировалось в 1890-х гг. и достигло апогея накануне и в период первой русской революции, фактически завершившись с институционализацией партии конституционных демократов [Трутовский 1915: 148-154]. Судя по всему, земцы европейских губерний России имели мало представления о стремлениях к земству на южной окраине Российской империи. В обобщающей работе И.П. Белоконского кавказская земская активность вообще не упоминается [Белоконский 1914], а в многотомном обзоре 40-летней истории российского земства кавказский аспект вопроса нашел отражение только в небольшой части библиографического указателя в четвертом томе [Веселовский 1911: 18-20], в то время как активисты кавказского земского движения регулярно апеллировали к опыту общероссийского земства.

Современная историография земского движения на Кавказе носит фрагментарный характер. В статье Л.Ш. Мачукаевой заявлена постановка проблемы введения земского самоуправления на Северном Кавказе в начале XX в. [Мачукаева 2019]. Однако в работе воспроизводится фрагмент ее кандидатской диссертации 2004 г., по сравнению с которой к 2019 г. источниковая и историографическая база исследования так и не была расширена. Между тем, еще в 1925 г. Г. Мартиросиан кратко охарактеризовал один из этапов земского движения на Тереке [Мартиросиан 1925: 24-26]. В.С. Дякин составил обобщающую характеристику рассмотрения земского вопроса на Кавказе в контексте правительственной национальной политики в Российской империи [Дякин 1998: 547-556]. Публикации С.А. Айларовой дополнили картину участия в земских процессах Г. Баева [Айларова 2011]. В монографии С. Дарчиевой земские вопросы кратко рассмотрены в контексте административных преобразований на Кавказе и в повестке нескольких созывов Государственной думы [Дарчиева 2015: 74-76]. Важной публикацией являются документы, иллюстрирующие взаимодействие по земским вопросам Г. Баева и М. Караулова [Дарчиева 2011]. Земский вопрос в функционировании наместничества затрагивается в научной биографии И.И. Воронцова-Дашкова [Исмаил-Заде 2005: 152-154]. В специальном исследовании по истории последнего Кавказского наместничества лишь кратко охарактеризованы земские проекты И.И. Воронцова-Дашкова, но упоминается введение земства в Ставропольской губернии, не входившей в состав наместничества [Кондрашева 2003: 215-216; 222-225]. В современных исследованиях земское движение в Кавказском крае как единый процесс не стало предметом специального

исследования. При этом имеется значительный корпус источников, в том числе публикаций в периодической печати, главным образом публицистического характера, которые свидетельствовали о большой важности земского вопроса для общественного мнения конца XIX – и особенно начала XX в. Рассмотрение земских дискурсов позволяет наглядно оценить резонанс, который получило общественно-государственно взаимодействие по проблемам совершенствования местного самоуправления на Кавказе в конце XIX - начале XX в.

Понятием земское движение на Кавказе можно условно обозначить индивидуальные и коллективные формы региональной общественной активности, направленные на побуждение государства к учреждению в различных административно-территориальных единицах кавказского края земского самоуправления. Деятели и наблюдатели земского движения на Кавказе часто вдохновлялись ретроспективными образами последовательной и настойчивой общественной борьбы. Открывая в начале октября 1909 г. губернское земское совещание в Тифлисе, Г. Туманов напомнил присутствующим, что еще в 1867 г. дворянство Тифлисской губернии возбудило ходатайство о всесословном земстве, поскольку существовало «одною жизнью с крестьянством и поэтому почтенно стремилось к земской реформе с привлечением возможно широких слоев населения к участию в земских собраниях» [Открытие... 1909]. В первом номере кратковременно издававшегося журнала «Жизнь Кавказа» обозначался еще один из начальных эпизодов: «В 1871 году... вопрос о кавказском земстве был возбужден по случаю посещения края Императором Александром II» [Новиков 1910].

Автор подробного обзора на страницах «Русского богатства» в 1899 г. более точно передавал содержание первых мероприятий земского движения. В 1871 г. в действительности состоялось не ходатайство, а обсуждение его возможности в преддверии высочайшего визита на Кавказ. Избранная для этого комиссия, «не оценив исторической важности предположенной задачи и руководствуясь узко-сословными интересами, предпочла ходатайствовать о сложении приказного долга и устранила вопрос о земстве, так как он, мог помешать первому ходатайству» [Иванович 1899: 128]. По итогам этой поездки Александр издал рескрипт на имя своего брата, наместника на Кавказе Михаила Николаевича, в котором, под впечатлением увиденных изменений после умиротворения Кавказа, он высказал мысль о возможности многие из горских обществ «подчинить общим с русским населением гражданским учреждениям». В начале XX в. этот «завет» использовался как повод к напоминанию высшей власти о необходимости «распространить на горское население все без изъятия лучшие гражданские учреждения, одним из каковых безусловно является земское самоуправление» [Баев 1904: 916].

Еще одним эпизодом земского движения в Закавказье стала непродолжительная работа комиссии тифлисского дворянского собрания в 1882 г. [Туманов 1908: 169]. Избранные для ходатайства о земских учреждениях по итогам совещаний признали такие планы несвоевременными в связи в начавшимся в Петербурге обсуждением пересмотра земского положения 1864 г.

Существенным препятствием оказалось и то, что «дворяне, не платившие тогда в Закавказье земских сборов, признали невыгодным для себя обложение своих земель при земских учреждениях» [Иванович 1899: 129].

В 1890 г. было издано новое Земское положение, которое ужесточило контроль губернской администрации и министерства внутренних дел за местным самоуправлением, усилило в нем роль дворянства в ущерб земскому участию крестьянства, имея «целью сделать земство сословным и земскую службу – службой чиновничьей» [Веселовский 1918: 12-16]. Перемены в то же время послужили катализатором широкого общественного обсуждения необходимости и возможностей распространения самоуправления на территории не земских губерний.

Важным сигналом к активизации земского движения на Кавказе стала записка министра финансов С.Ю. Витте от 30 апреля 1894 г., в которой обращалось внимание «на сильную неурядицу и запутанность, царящие в местных финансах, и зависящие от отсутствия земских повинностей». «В министерском предложении главному кавказскому начальству» прямо указывалось, что «в настоящее время реформа хозяйственного управления в тех губерниях, в которых не действует земское положение, представляется настоятельно необходимой, так как действующие в них местные хозяйственные органы, учрежденные в первой половине текущего столетия и почти не подвергшиеся изменениям до последнего времени, настолько устарели, что не только не отвечают более предъявленным к ним, как со стороны правительства, так и с точки зрения интересов местного населения, требованиям, но и оказываются недостаточными для исполнения всех тех функций, которые возлагаются на них всеми издающимися законами». Такой взгляд на ситуацию был поддержан Государственным советом, который «счел нужным поручить министру внутренних дел до истечения срока действия земских смет на трехлетие с 1896-1898 гг. ... внести на уважение Государственного совета свои соображения по вопросу о преобразовании учреждений, ведающих делами о земских повинностях в губерниях, где не введены земские учреждения, и о мерах, кои могли бы способствовать правильной постановке в этих губерниях земского хозяйства». По результатам последовавших губернских совещаний в этих регионах «все пришли к одному заключению – необходимости введения земств в не земских губерниях» [Ставрополь... 1897: 2].

Тифлисское дворянство 31-го мая 1894 г. поручило кн. Г. Туманову, составить мотивированную записку об учреждении земства в губернии. В феврале 1896 г. записка была представлена предводителю дворянства, а 1-го июля 1898 г. дворянское собрание после жарких прений передало вопрос на рассмотрение особой комиссии [Баев 2011: 115]. Чтобы сделать положения ходатайства наглядными Г. Туманов сравнил состояние социально-культурного и бытового благоустройства Тифлисской губернии с земскими, продемонстрировав вопиющие недостатки организации и финансирования актуальных общественных нужд. Однако обсуждение проекта ходатайства в уездных дворянских собраниях столкнулось с множеством местных и сословных противоречий, тормозивших согласование единого документа под

предлогом преждевременности земских учреждений. Наиболее категорично высказался князь Орбелиани: «Идея земского управления хороша, но не будем увлекаться дешевым либерализмом и признаемся, что мы к такому самоуправлению не подготовлены». Сторонникам земства пришлось выдержать информационный прессинг «преждевременников» и со страниц газеты «Кавказ». Однако, преодолев сопротивление, тифлисское дворянское собрание большинством в 74 голоса против 11 «признало необходимость земских учреждений для своей губернии» и избрало депутацию для проведения в «высших учреждениях Империи настоящего насущного вопроса».

Организация ходатайства Кутаисского дворянства обошлась без внутренних противоречий. Позаимствовав у тифлисских коллег методику сравнительной аргументации, но отмежевавшись от их «сословного эгоизма», ввиду очевидных преимуществ земств для местного благоустройства и сельского хозяйства, в Кутаиси приняли решение о ходатайстве [Иванович 1899: 130-140].

Усилению общественного резонанса способствовал перенос земских дискуссий за пределы сферы формализированной бюрократической связи в публицистическую среду периодической печати. Форматом этого переноса становятся не только статьи в региональных газетах, публикации в центральных или профильных изданиях, но и брошюры, издаваемые активистами земского движения для придания своим инициативам большего публицистического эффекта. Условием, необходимым для реализации их устремлений, были не только внешние факторы, связанные с активизацией земского движения в России на рубеже XIX-XX вв. Целевой аудиторией кавказского земского движения стала национальная интеллигенция, сформировавшаяся и активно пополнявшаяся. Таким образом в земском общественно-политическом процессе сложилось взаимодействие инициаторов, исполнителей и определенной целевой аудитории, готовых соучаствовать в земском дискурсе.

К аргументам кн. Туманова из брошюры «О введении земства в Тифлисской губернии» 1897 г., и в дальнейшем обращались для критики тенденциозного представления о неготовности кавказцев к введению земства [Баранов 1905: № 100]. Оценивая причины неудачи этого этапа кн. Г. Туманов впоследствии писал, что «в то время как одна, большая часть дворянства, сочувствовала реформе, другая кучка крупных землевладельцев всячески тормозила дело. Такое же несочувственное отношение встретил проект реформы и со стороны местной влиятельной бюрократии, не желавшей выпускать из своих рук земского дела» [Туманов 1908: 169].

Вопрос о введении земского самоуправления в Кубанской области был поднят областной администрацией также вслед за предложением министра финансов от 30 апреля 1894 г. [Ставрополь... 1897: 2]. Областная администрация «посмотрела на дело шире, чем министерская записка». Исходя из того, что «местная администрация, заваленная массой других непосредственно относящихся к ее ведению дел, не может с таким успехом справляться с земским хозяйством, как это делают земские самоуправления,

которые к тому же и ближе стоят к населению, лучше могут знать местные нужды и лучшие способы приискать для их удовлетворения». При этом за образец был взят опыт самобытного, но формально не земского самоуправления в Уральском казачьем войске, «где при войсковом хозяйственном управлении в качестве совещательного учреждения собирався съезд выборных от всех станиц области». Съезд доверенных уральского казачьего войска был отмечен отдельной статьей словаря Брокгауза и Эфрона [Брокгауз 1901: 201-203]. К показательному опыту деятельности этого «самого демократического земского органа самоуправления на всем пространстве империи» впоследствии апеллировал в 1907 г. Г. Баев, публикуя свой проект введения земских учреждений в Терской области [Баев 1907а: № 37. С. 2].

Однако опыт Уральского казачьего войска не мог быть прямо перенесен на Кубань. Население области только на 1/3 состояло из казаков, и поэтому земский проект должен был учитывать еще и интересы иногороднего населения и частных землевладельцев, а также горских народов. Предполагалось, что выборные на областной съезд от разных групп избирались на окружных съездах, но пропорция их представительства зависела от усмотрения начальника области. По прошествии двух лет после разработки проекта и ввиду отсутствия его продвижения газета «Северный Кавказ» видела больше недостатков кубанского проекта местного самоуправления, весьма существенных даже в сравнении с «без того ограниченным положением 1890 г.» [Ставрополь... 1897].

Особенным подходом в земской инициативе отличался осетинский общественный деятель Г. Баев. Очевидно, и в его случае побудительным мотивом первых ходатайств послужила вышеупомянутая записка С.Ю. Витте и ее резонанс на Кавказе. В 1894 г. Г. Баев стал инициатором прошения начальнику Терской области о введении земских учреждений в крае, выработанных с учетом местных условий [Дзалаева 2012: 174]. В 1914 г. Г. Баев вспоминал: «Лично в продолжение около 20 лет я систематически работал над осуществлением этого дела в родной Терской области» [Дарчиева 2011: 101].

В публицистике Г. Баева в этот период формируется определённый комплекс сведений и аргументов, которые не просто обосновывали необходимость земств, но и демонстрировали готовность народов Терской области к этим преобразованиям. В этой части проекты Г. Баева отличались от других земских инициатив на Кавказе, поскольку апеллировали не только к насущной необходимости введения земств, но к опыту деятельности местного не земского самоуправления в форме народных сборов выборных (съездов доверенных). В обоснование этих проектов в 1901 г. в XVI книге «Кавказского вестника» была опубликована пространная статья «О введении земского самоуправления в Терской области». Начав с краткого обзора земских инициатив в Кубанской области и Тифлисской губернии, Г. Баев особо отмечал, что «грузинская народность, одна из древнейших по своей христианской культуре в мире, не менее нуждается в улучшении своей жизни и не менее способна к восприятию земского самоуправления, чем

многочисленные инородцы и иноверцы – башкиры, пермяки, чувашаи, мордва, черемисы, татары, которые давно уже пользуются земскими учреждениями» [Баев 2011: 115]. При этом автор был убежден, что «из других местностей Кавказа наиболее подготовлена почва для земского самоуправления в Терской области», что было обусловлено «не только всей их прошлой общественно-исторической жизнью, но также и практикою управления после присоединения их к России» [Баев 2011: 118]. Однако в этом усматривается и уязвимость аргументации Г. Баева в глазах администрации. Опыт, к которому он апеллировал, представлял собой действующую модель администрирования, органичную военно-народному управлению. Функциональность этого опыта в нормативной практике и софинансировании общественными суммами некоторых инфраструктурных, социально-бытовых и просветительских инициатив едва ли побуждали местные власти институционализировать в земской форме то, что и так работало.

Характеризуя результаты деятельности сборов выборных доверенных осетин, кабардинцев и горцев Нальчикского округа, чеченцев, кумыков и других народов Терской области, Г. Баев сожалел, что «это обычное самоуправление со своим самообложением целых округов, коллективными просьбами, общественными окружными суммами ... существует по милости обычая и административного благоусмотрения, но не на прочном фундаменте закона» [Баев 2011: 123]. Осетинский общественный деятель был убежден, что «местное горское население не может послужить препятствием к введению земских учреждений, так как оно систематически подготовлено своим обычным самоуправлением к сознательному обсуждению местных нужд и готово приносить материальные жертвы для улучшения своей жизни. Обычное это самоуправление приобрело уже в крае все права гражданства, хотя закон о нем еще ничего не говорит». Поэтому суть его предложений сводилась к выработке законодательного положения об организации в Терской области упрощенного земского самоуправления «сообразно местным особенностям» [Баев 2011: 125].

В 1902 г. в рамках общероссийского особого совещания о нуждах сельского хозяйства был организован Терский областной комитет. Оценивая результаты его деятельности, Г. Баев сожалел, что он «состоял исключительно из чиновников. Часть их, принадлежа к Терскому казачеству, так или иначе, могла защищать интересы этого населения, но со стороны 500-тысячного туземного населения ни одного представителя в составе комитета не было, т.е. 4/5 населения области лишены были права высказать очень и очень многое о нуждах своих в хозяйственной жизни». Взяв на себя задачу преодоления этой ограниченности, автор писал, что «если представители туземного населения не могли подать свой голос в областном комитете... то мы не лишены возможности, путем печати, защищать свои интересы, так как они касаются хозяйственной жизни пятисоттысячного чисто земледельческого населения, о котором имеются самые жалкие представления и сведения в большой публике». И в дальнейшем Г. Баев, более чем кто-либо другой к северу от Кавказского хребта использовал каждую возможность для того, чтобы заявить о земских нуждах народов Терской области. В одном из апрельских выпусков 1904 г.

газеты «Право» информацией о совещании 1902 г. он продолжил обоснование региональных земских нужд, отметив, что «единственным живым вопросом, возникшим на этом собрании, является вопрос о введении земского самоуправления в Терской области, так как в этом заинтересовано все население области, в особенности туземное, состоящее из горских племен – кАбардинцев, осетин, чеченцев, ингушей и кумыков» [Баев 1904: 907]. Впоследствии в этом специализированном издании не раз появлялись и другие материалы по проблемам и перспективам кавказского земства.

Совещания и проекты 1890-х гг. позволяли синхронизировать земские инициативы в общественном дискурсе по обе стороны кавказского хребта. Дифференцированные по регионам мероприятия имели и разные последствия, объединенные, однако, безрезультатностью с точки зрения учреждения земских институтов. Гораздо более значимым стало накопление опыта общественной активности в организации корпоративных дискуссий, диалогов с представителями власти и в формировании публичного языка земских инициатив с особой аргументацией, формулировками целей и контраргументов оппонентам. Основным информационным инструментом в придании процессу большей публичности становится печатное слово и значительно расширившееся пространство прессы, доступное увеличивающемуся слою читающей аудитории. Причем, пресса не только региональная, но и центральная, в том числе и профильная, специализированная. Первый этап земских движений на Кавказе содержал признаки формирования в региональном сообществе специфического уровня общественных отношений, которую Ю. Хабермас назвал «публичной сферой». Ее проявление заключалось в том, что на страницах печатных изданий «участниками общественно-значимой интеллектуальной дискуссии становятся те, кто пишут, и те, кто читают, а главной целью их общения становится интерпретация» актуальных общественных событий и процессов [Черепанова 2011: 42]. Этот известный концепт предполагает рассмотрение условий и механизмов формирования типа публичности, который «образует исторический фон для современных форм публичной коммуникации» [Чугров 2017: 169]. В результате развития данной тенденции в модернизирующихся обществах складывался опыт публичной, рационально-критической дискуссии [Публичная сфера... 2013: 249], в котором общественность «осознает себя как полноправного партнера-оппонента власти и начинает действовать проактивно, превращаясь в политического субъекта» [Юдин 2017: 125].

Новое объединение земских усилий стало возможным только в условиях, сложившихся к 1905 г. Манифест 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию Государственного порядка» объявлял о намерении «образовать сверх ныне существующих губернских и уездных земских учреждений, в теснейшей с ними связи, общественные установления по заведыванию делами благоустройства на местах в небольших по пространству участках» [Манифест... 1909: 4]. Этот вдохновляющий нормативный акт не давал ясных сценариев распространения общероссийского земского порядка на Кавказ, но явно содействовал здесь росту общественных ожиданий. 18 января

1905 г. Г. Баев открывал свою статью в «Пятигорском листке» словами поддержки новой правительственной политики: «Провозглашенная столь мужественно и открыто новым министром внутренних дел князем П.Д. Святополк-Мирским политика доверия к началам самоуправления невольно побуждает всех, кому дороги интересы скорейшего развития народной массы по пути культурного развития, возбудить подобного рода вопросы о введении местного самоуправления на тех окраинах, которые до сих пор лишены этого лучшего украшения русской культуры» [Баев 1905].

Еще большей общественной активности способствовало восстановление 25 февраля 1905 г. на Кавказе должности наместника, которую занял И.И. Воронцов-Дашков. В его Программе была заявлена «политика умиротворения», основанная на сотрудничестве со всеми «благомыслящими людьми всех сословий и народностей кавказского населения» [Волхонский 2006: 92]. В своем обращении "К населению Кавказского края" 31 марта 1905 г. Наместник объявил об организации общественного обсуждения предстоящих перемен: «По указаниям, данным мне Его Императорским величеством, мною будут собраны совещания представителей населения; сюда должны войти выборные от дворянства, городов и сельских обществ, а также от духовенства православного, армяно-григорианского и магометанского. Совещаниям предложено будет высказаться о тех мероприятиях, которые неотложно необходимо принять для прекращения всяких разбоев, грабежей и беспорядков, выяснить, насколько ощущается необходимость в изменении ныне действующего в крае судебного устройства, обсудить возможность и целесообразность способов применения положения о земских учреждениях» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 12. Л. 4]. Таким образом, высшая кавказская власть впервые выступила инициатором земских преобразований, а в крае стали складываться условия для прямого публичного диалога представителей общества с администрацией наместника. Общественный оптимизм был точно передан Ф. Щербиной: «настоящий поход за земством был начат с назначением наместником на Кавказе графа Воронцова-Дашкова» [Щербина 1910: 941]

С середины марта 1905 г. во Владикавказе заседала «Комиссия для рассмотрения вопроса о причинах грабежей и разбоев» в Терской области, которая предполагала выработать решения «о принятии мер к их прекращению». В работе совещаний принимал участие Г. Баев. Очевидно, не без его влияния на заседании 4 апреля было принято постановление: «Комиссия пришла к глубокому убеждению, что прекращение грабежей и разбоев в крае станет возможным лишь при предоставлении широкого простора самостоятельности местного населения в деле устройства всех сторон общественной жизни. Ввиду этого Комиссия, всецело присоединяясь к тем пожеланиям, которые в последнее время единодушно высказываются со всех концов России в смысле коренного преобразования государственного административного строя и правового порядка, признает необходимым и неотложным введение в Терской области земского самоуправления, которому должно быть вверено заведывание всеми отраслями местного благоустройства с предоставлением органам самоуправления необходимой самостоятельности и

независимости и с тем, чтобы к активному участию в них были привлечены на основах всеобщей равноправности и без различия национальности выборные представители всего местного населения» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 15. Л. 24 об.]. В июне 1905 г. «доверенные от осетинских сельских обществ» представили генерал-майору Н.И. Михайлову петицию для вручения наместнику на Кавказе графу Воронцову-Дашкову, где «широкое местное самоуправление» значилось в числе реформ, без которых дальнейшее мирное культурное развитие народа и поднятие его экономического благосостояния немыслимы» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 30. Л. 21 об.]. Тогда же доверенными ингушского народа были заявлены требования «ввести земские учреждения на началах, выработанных местными выборными силами» [Революция 1905... 1980: 94]. Земские потребности были заявлены и в петициях грузин и «кавказских мусульман» [Волхонский 2006: 92].

В июле 1905 г. наместник распорядился организовать губернские и областные совещания «для выяснения подходящих форм земских учреждений» [Волхонский 2006: 99]. Особенность момента заключалась в том, что в сравнении с общественными мероприятиями 1890-х гг., на совещаниях, устроенных по предложению высшей кавказской власти «уже не требовалось убедить местное начальство и общество в желательности и возможности» введения земства. Теперь речь шла «лишь о том, как бы придать земской реформе возможно более широкое значение, в уровень тому политическому движению, которое шло тогда стремительною волною» [Туманов 1910: 26].

Объясняя малоуспешность мероприятий 1905 г., Наместник писал: «Вследствие особых условий того времени, совещания эти в некоторых уездах не могли состояться вовсе, а состоявшиеся – не дали надлежащего материала для постановки вопроса на практическую почву. Обстоятельства эти, в связи с упомянутыми выше тревожными условиями прошедшего времени, побуждавшими меня сосредоточить все внимание на борьбе с проявлениями анархии и мерах к поддержанию спокойствия, – не позволили своевременно приступить к осуществлению намеченного преобразования» [Циркуляр... 1909: 1].

Существенным недостатком совещаний 1905 г. стало рассмотрение земского вопроса только для Закавказья, в связи с чем в октябре 1905 г. Н. Розанов сравнивал ситуацию с известным подходом «разделяй и властвуй»: «На этот раз край разделен на Северный Кавказ и Закавказье. И второе получает земское самоуправление, а первый сохраняет свое status quo» [Розанов 1905]. С недоумением оценивал непоследовательность такой политики и Ф. Щербина: «Медовый месяц ожиданий земства на Кавказе прошел до манифеста 17 октября и почти не коснулся Северного Кавказа. По какой-то непонятной логике вопрос о земских учреждениях предложен был для выяснения населению Кавказского Наместничества в одних Закавказских губерниях, включая в них и губернию Черноморскую» [Щербина 1911: 376].

Признавая, что «только при содействии организованной работы общественных сил и доверии к ним возможно поставить дело земского управления на прочных основаниях», в начале 1907 г. И.И. Воронцов-Дашков

представил «Всепоподданнейшую записку» с программой реформ по управлению Кавказским краем. В земской части проекта автор писал: «Экономические, топографические и этнографические условия Кавказского края позволяют думать, что вряд ли есть еще другая часть Империи, где мелкая земская единица была бы более соответственной общему укладу жизни местного населения», предлагая начать нововведение с учреждения всесословных сельских и уездных земств. При этом не учреждать губернских земств, перераспределив часть их полномочий на уровень уездных. При этом наместник признавал, что «не все местности края одинаково подготовлены к самостоятельности. В этом отношении все восточное Закавказье очень отстало от Западного и в особенности, например, Дагестан» [Воронцов-Дашков 1907: 144-147]. В целом проект предполагал «сочетание внутрирегиональной централизации с ведомственной связью с правительственными учреждениями через их представительство в составе Совета – высшего при наместнике органа кавказской администрации» с перспективой трансформации Совета «в некий представительный орган наподобие сеймов. Ибо именно с привлечением местного представительства связывал кавказский наместник усиление законодательных функций Совета, а следовательно, управленческой вертикали на Кавказе, что обеспечивало достаточную в условиях империи автономию в управлении краем» [Исмаил-Заде 2005: 153-154].

Проект наместника вновь предназначался только для Закавказья и не удивительно, что ввиду такого умолчания северокавказские деятели сразу же проявили свою публицистическую активность, пытаясь привлечь внимание наместника к земским и другим общественным нуждам Северного Кавказа. Показательна в этом смысле методичность Г. Баева, который опубликовал в трех февральских номерах газеты «Терек» [Баев 1907b], и, параллельно, в «Тифлисском листке» [Баев 1907c], комплиментарные статьи о достижениях в гражданском развитии народов Терской области за первые годы наместничества И.И. Воронцова-Дашкова. А вслед за этим в четырех номерах «Терека», повторив основные положения своих предыдущих публикаций о земстве Терской области, Г. Баев представил проект «Положения о земском управлении Владикавказского округа, основанного на съезде выборных от сельских обществ» [Баев 1907a].

На Северном Кавказе все же состоялись областные совещания «под надзором общественного мнения» и при участии «сведущих людей» и представителей местного населения [Невольный 1913: № 132. С. 2]. В августе 1907 г. во Владикавказе был составлен проект положения общего областного земства для горцев и казаков, [С-н 1907: № 190]. В марте 1908 г. газета «Терек» проявляла сдержанный оптимизм: «Мы накануне введения в Терской области земского самоуправления», при этом недоумевая, почему к участию в областном совещании не были приглашены Г. Баев и депутаты 2 созыва Госдумы М. Караулов и Т. Эльдарханов [Сапронов 1908: № 55. С. 2]. Проблемой стала также обозначившаяся в ходе обсуждений особая позиция части казачества, выступившего за самостоятельное самоуправление вне земства. Как писал один из их представителей в совещании, «все эти проекты о

введении земского самоуправления в Терской области в уме каждого казака складываются в одно желание: у нас есть войсковое хозяйство, и оно должно быть передано в наше распоряжение, и пока наша настоятельная надобность не удовлетворена, пока, эта мысль не получила осуществления, забота о других, об общем земстве казаку кажется смешной» [Сапронов 1908: № 56. С. 2].

В Кубанской области, с учетом опыта прошлых обсуждений пришли к пониманию «ввести общее земское самоуправление для всех сословий, так как и казаки, и прочие сословия одинаково заинтересованы в заведовании местными хозяйственными делами». Дальнейшее обсуждение организации земских учреждений передали «на рассмотрение особых съездов: представителей казачества, иногороднего населения и туземцев, причем было поручено известному земскому статистику Ф.А. Щербине составить ко дню съездов брошюру о сущности земских учреждений». Однако ничего из запланировано сделано не было и «начальство опять пришло к заключению, что о земстве говорить еще преждевременно» [Невольный 1913: № 132. С. 5].

В 1907 г. еще глубже проявилось отсутствие единодушия в лагере сторонников закавказского земства по вопросу о модели будущего самоуправления: «по российскому шаблону» или с учетом региональной специфики. О. Семин критиковал земские проекты Г. Туманова за сосредоточенность на интересах крупных и мелких землевладельцев, стремящихся освободиться от полицейского надзора. Автор выражал сомнения, что при существующем правовом и государственном строе возможно учреждение земства, «отвечающее требованиям кавказской трудовой массы и приспособленное к местным условиям» [Семин 1907: 2143-2144]. На это Г. Туманов ссылался на опыт «земских деятелей во внутренних губерниях», среди которых были не одни привилегированные классы, подчеркивал, что на данном этапе важно добиться прежде всего учреждения земства, поскольку его отсутствие способствовало превращению сельского самоуправления «в фискально-полицейскую канцелярию» [Туманов 1908: 171].

Региональные земские дискуссии происходили на фоне беспрецедентного информационно-политического давления, оказанного на руководство Кавказского края со стороны высших столичных властей. Значительное общественное внимание к Кавказу привлек инициированный П. Столыпиным и реализованный правыми партиями III Государственной думы т.н. «Кавказский запрос», направленный на критику методов и результатов деятельности И.И. Воронцова-Дашкова [Исмаил-Заде 2005: 137-139]. В апреле 1908 г. газета «Терек» с беспокойством воспроизводила мнение столичных газет о том, что «с 1905 по настоящее время кавказскими сепаратистами терроризировано все благоразумное мирное население Кавказа» [Запрос правых... 1908]. Думское большинство отвергло основные претензии наместнику, особо признав необходимым скорейшее «проведение земских учреждений» как одно из основных средств в борьбе с разбоями и сепаратизмом. С этих дебатов обсуждение перспектив самоуправления на Кавказе становится неотъемлемой частью думского дискурса, за которым пристально следила столичная и региональная пресса [Сергеев 2011: 49-51].

И.И. Воронцов-Дашков циркуляром от 31 мая 1909 г., объявил об организации новых земских совещаний. Закавказским губернаторам было предложено расширить их социальный состав, обеспечив представительство «прав меньшинства населения и в частности – русской части его ввиду разноплеменного состава жителей» [Циркуляр... 1909: 2]. Заявленная в новом проекте схема земских учреждений теперь уже состояла «из четырех, самоуправляющихся и самооблагающихся, бессловных единиц: сельской и участковой, как низших органов земского управления, затем уездной, обнимающей территорию целого уезда, и окружной, включающей все губернии и области Закавказья» [Циркуляр... 1909: 2].

Вместе с тем в прессе критически отмечалось, что характерной чертой циркуляра от 31 мая стало «полнейшее игнорирование всех работ последнего времени по реформе», потому что не учитывались «проекты, частью внесенные в Думу, частью гласно обсуждавшиеся не далее, как минувшею весной в совете местного хозяйства» [Кавказское земство... 1909: 2]. Также отмечались и проявившиеся культурные дистанции и недопонимания между участниками заседаний. «Тифлисский листок» сообщение о первом частном собрании членов тифлисского губернского совещания 6 октября 1909 г. начал с общего впечатления: в зале городской думы в присутствии губернатора М.А. Лозинского «представители городов и крестьян очень живо интересуются вопросом о введении земства на Кавказе». Но далее обнаружились проблемы в коммуникации и ретрансляции идей самоуправления на языке, доступном присутствующей общественности: «К сожалению, докладчики, по нашему мнению, дают разъяснения в форме, не совсем доступной приезжим из деревни. Кроме того, очень многие туземцы не настолько знакомы с русским языком, чтобы вполне понимали принятую терминологию юридических понятий. Поэтому следовало бы делать сообщения в более популярной форме» [Открытие... 1909].

Тем не менее, новые совещания вызвали значительно большее внимание прессы и очевидный оптимизм местных деятелей. За ними следили газеты, которые не только информировали и обсуждали, но и постоянно подчеркивали на примере публикуемых материалов, насколько Кавказ подготовлен для собственного земского самоуправления. Г. Туманов оценивал новый этап земских обсуждений, как совершенно не похожий на прежние. Осенние совещания 1909 г. «не были так элементарны, как в 90-х годах прошлого столетия, и, в большей своей части не затрагивали вовсе вопроса о желательности и возможности у нас земской реформы. Предполагалось, что этот вопрос уже решен в принципе и обществом и правительством» [Туманов 1910: 26].

Однако решения оказались не однозначны. Идея краевого земства не получила поддержки в столице из-за опасений, что введение самоуправления кавказской окраины вызовет обвинения в «сепаратистских стремлениях» [Туманов 1910: 26]. Бакинское, Дагестанское, Елисаветпольское и Карское совещания высказались за создание уездных и губернских земств, Черноморское – только за губернское, Тифлисское, Кутаисское и Эриванское –

за губернское, уездное и мелкую (сельскую) земскую единицу. Но и эти результаты так и не воплотились в законопроект [Дякин 1998: 554].

Итоги совещаний 1909 г. усиливали растерянность наместника в земском вопросе. В отчете за пять лет управления Кавказом он писал о продолжающемся поиске «определенного прототипа, который, под влиянием местных условий, с известными изменениями, даже, быть может, различными для разных частей края, мог бы быть применен к Кавказу» [Воронцов-Дашков 1910]. При этом, пренебрегая общественным мнением, до конца своего наместничества Воронцов-Дашков оставался сторонником краевого земства, объясняя такую централизацию необходимостью уравнительного распределения земских расходов [Дякин 1998: 552].

Общегосударственный масштаб земского движения, при его региональном разнообразии, подчас не позволяли даже заинтересованным наблюдателям своевременно отслеживать развитие земских инициатив. В 1915 г. В. Трутовский писал, что по итогам совещаний конца 1900-х гг. «Кавказу не удалось получить никакого земства. И ничто так не характеризует безнадежности осуществления этого вопроса, как то, что в Государственной Думе ни одна общественная или партийная группа не внесла даже законопроекта о Кавказской земстве» [Трутовский 1915: 209]. Между тем, даже в краткосрочной II Думе депутаты успели заявить вопрос о земской реформе [Сапронов 1908: № 55. С. 2]. 8 декабря 1912 г. 45 депутатов Государственной Думы III созыва обратились к председателю Совета Министров за информацией о ходе «выработки правительством законопроектов, касающихся Кавказского края», в том числе о введении земства. Ссылались они на то, что разработка их «по почину правительства «в особо торжественной форме была возведена Наместником 1 апреля 1905 г., а основные начала означенных реформ, намеченные гр. Воронцовым-Дашковым во всеподданнейшем отчете 1907 г. по управлению краем, получили Высочайшее одобрение по журналу Совета Министров 14 декабря того же 1907 г.» [РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 43. Л. 2-3]. В разъяснении Воронцова-Дашкова были подробно описаны причины, почему до сбора подробных поземельно-статистических сведений и проведения административных преобразований начать переход к земскому самоуправлению не представляется возможным [РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 43. Л. 27 об.]. Дальнейшие разъяснения показали, что старания северокавказских земских деятелей, пропагандировавших достижения обычного неземского самоуправления народов Терской области, оказались не принятыми во внимание при обсуждении земского вопроса на уровне наместничества. Введение земства в северокавказской части Наместничества предполагалось после восстановления земства на Дону, с применением его положения к казачьим районам Терской и Кубанской областей. В докладе председателю Совета министров В. Н. Коковцову 14 марта 1913 г., замещающий наместника на Кавказе А.П. Никольский выразил сомнение в возможности применить «одинаковый строй земских учреждений» ввиду административных, экономических, правовых, национальных и культурных особенностей различных частей Кавказского края. Совет при Наместнике распоряжался

земскими сборами в Закавказье, в том числе финансируя разнообразные местные нужды, но затруднялся найти приемлемый механизм распределения этих расходов с участием представителей местных сообществ. Сложность разрешения земского вопроса для региона «привела высшую местную власть к заключению, что в отношении этого края необходимо отказаться от мысли учреждения здесь земства на началах, принятых для внутренних губерний России, и ограничиться пока осторожной постепенной подготовкой населения к переходу от ныне существующего земского хозяйства к земскому самоуправлению, в пределах имеющейся к тому возможности» [РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 43. Л. 33-36].

В 1909 г. Северный Кавказ остался без совещаний, но региональная публицистика продолжала поддерживать интерес общественности к земским потребностям силами Ф. Щербины [Щербина 1910; Щербина 1911], Ах. Цаликова [Цаликов 1910] и др. При таком пренебрежении Наместничества земскими проектами Северного Кавказа, региональные деятели активизировали свою деятельность через нижнюю палату российского парламента.

В мае 1913 г. автору «Приазовского края» даже представлялось, что «вопрос о земском самоуправлении на Северном Кавказе находится в более счастливом положении, чем в Закавказье». Такое впечатление складывалось на основе внесения законодательных предположений о земстве в Черноморской губернии, а также в казачьих областях, в Государственную думу. В тесной связи с этим вопросом продвигался еще один: о выделении Кубанской, Терской областей и Черноморской губернии из состава Кавказского наместничества. По мнению И. Невольного, сохранение северокавказских провинций в составе последнего неблагоприятно отражается на городском самоуправлении. «В таком же положении окажется и будущее земство» [Невольный 1913: № 135. С. 5]. В июне 1912 г. III Государственная дума высказалась за выделение Кубанской и Терской областей из состава Наместничества, но не была поддержана военным ведомством [Сергеев 2011: 51].

14 января 1914 г. на первом же заседании IV Государственной Думы после рождественских «каникул», 37 членов Государственной думы внесли «законодательное предположение» о введении земских учреждений в Терской области. 22 января 1914 г. Организатор этой инициативы депутат от терского казачества М. Караулов выступил на страницах областных ведомостей с обоснованием заявленного проекта, учитывавшего опыт городского, казачьего и сельского самоуправления [Караулов 1914: № 16. С. 5]. Поддержку этой инициативе терского депутата лично выразил Г. Баев, попросив учесть региональную особенность: «Ввиду бедности населения в экономическом отношении, мы просим дать нам пока только окружные уездные земские учреждения, согласно административному разделению нашей области» [ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 30. Л. 1-2].

Вместе с законодательным предположением о введении земства в Терской области вновь было заявлено о выделении Кубанской и Терской областей из состава наместничества. Проект аргументировался исторически обусловленным экономическим и политическим единством Северного Кавказа

«со всем юго-востоком земли русской». Также отмечалась искусственность его связи «с прочими частями Наместничества», что «не только тормозит культурно-экономическое развитие самого Предкавказья, но и косвенным образом задерживает и общее слияние всего Кавказского края с остальными частями Империи» [Л.К. 1914]. Такой внутрикраевой сепаратизм не был поддержан ни советом министров, ни наместником на Кавказе [Дякин 1998: 551] и, возможно, привел к тому, что очередной этап земских совещаний вновь не затронул северокавказские области.

Несмотря на Первую мировую войну и прифронтовое положение Кавказа разработка земского вопроса была продолжена с прибытием на Кавказ в сентябре 1915 г. нового наместника великого князя Николая Николаевича [Дякин 1998: 552]. В марте 1916 г. Государственная Дума продолжила обсуждение вопроса об учреждении самоуправления в не земских губерниях. С подачи кавказских депутатов вновь нижняя палата парламента единогласно признала «желательность законодательного предположения о ведении земских учреждений в Терской области» [Земство... 1916]. В апреле-мае 1916 г. в Тифлисе с участием наместника прошло краевое совещание [Краевое совещание... 1916], на котором обозначились два особых мнения: большинство высказалось за скорейшее введение в Закавказье Земского положения 1890 г., а меньшинство не согласилось с этим решением [Земское совещание... 1916].

Мозаичность локальных территориальных, этнических и корпоративных земских интересов регулярно подтверждалась информацией из разных уголков Кавказского края. Вспоминая наиболее острые моменты совещаний по земству, высокопоставленный очевидец отмечал возрастание межэтнической конкуренции: «Споры принимали такой оборот и при этом меду армянами и грузинами, что мне казалось, что о земском самоуправлении мечтать нам, кавказцам, не приходится вовсе, даже в отдаленном будущем. На первый план победоносно выступал всегда национальный момент, непримиримый, жестокий и достаточно логический. Преодолеть этот момент, конечно, никто и никогда не смог бы» [Цит. по: Исмаил-Заде 2005: 413]. В краевом совещании 1916 г. противоречия грузинских, армянских и мусульманских (азербайджанских) представителей в земском вопросе проявились с еще большей силой [Армянский вестник: 1916. № 14. С. 1-2; № 16. С. 1-2; № 19. С. 1-2]. Из-за непримиримости позиций «Петроградские ведомости» видели ситуацию следующим образом: «Каждая национальность, за исключением русской, хочет иметь свое земство, удобное только для нее, такое земство, где она была бы представлена лучше других национальностей, и держала бы в своих руках бразды правления» [Цит. по: Армянский вестник. 1916. № 14. С. 21]

Свои интересы в ходатайствах о земстве заявляли и местные корпоративные совещания: кавказское медицинское общество, съезды врачей, виноделов и виноградарей, деятелей по кустарной промышленности и другие [Трутовский 1915: 209]. Об избрании отдельных представителей на краевое совещание 1916 г. ходатайствовали сторонники учреждения военно-промышленного комитета на Кавказе [Дарчиева 2011: 101-102], члены Императорского Кавказского общества сельского хозяйства и тифлисского

биржевого комитета. На заседании городской думы в Тифлисе предлагалось «сначала ходатайствовать об увеличении числа представителей от столицы края», но особо отмечалось, что «единственным кандидатом на представительство в этом совещании может быть князь Г.М. Туманов, десятки лет занимавшийся вопросом о земстве на Кавказе» [Кавказ: 1916. № 72. С. 3]. О. Семин приводил примеры вовлечения в земские дискурсы наиболее политизированной социалистами части бакинского пролетариата [Семин 1915: 86-89].

В итоговом проекте земского самоуправления для Закавказья учет местных особенностей состоял в принципе бессословности, введении налогового, а не земельного ценза, и соблюдении административного надзора губернаторов и наместников, вместо губернских по местным делам присутствий, согласно Положению 1890 г. В докладе императору 23 сентября 1916 г. Николай Николаевич сообщал, что проект земской реформы «уже изготовлен и в течение октября будет заслушан в Совете наместника и внесен затем в Совет министров» [Доклад... 1916: 545]. Проект «Положения о земских учреждениях в Закавказье» 31 декабря 1916 г. был представлен для предварительного обсуждения в Межведомственном совещании [Дякин 1998: 552]. В конце февраля 1917 г. земский вопрос вступил в новый этап своего существования.

На протяжении обсуждения реформ местного самоуправления Кавказский край относился к «неземским губерниям» [Трутовский 1915: 198]. Февральская революция 1917 г. «приняла на себя задачу дать всем народам и окраинам земское самоуправление» планируя, по сведениям Б.Б. Веселовского, уравнивать 27 губерний и областей со «староземскими» регионами России. «Работу эту, ввиду ее спешности, пришлось выполнить почти всецело в центре, в Петрограде, приглашая, конечно, к участию в работах местных сведущих людей». В работах заседаний особого совещания и его «не-земской комиссии» принимали участие и представители народов Кавказского края. Проект для Терской и Кубанской областей был «передан на обсуждение местных людей». Подготовка проекта для Закавказья, «где особенно остро сталкивались различные национальные интересы, (главным образом мусульман и армян в Эриванской и Елизаветпольской губ.)», затягивалась, так как планировалось «образовать по возможности однородные по своему национальному составу губернии и уезды». По итогам 6-ти месяцев работы Кавказский край так и не вошел в число российских территорий, где земства были утверждены законодательно [Веселовский 1918: 43-47]. В ноябре 1917 г. введение Закавказского земства упиралось в невозможность согласовать административное разграничение между различными национально-политическими силами [Земское совещание... 1917].

Таким образом, земское движение не привело к учреждению земского самоуправления на Кавказе, но его активисты провели значительную аналитическую работу, обосновывая необходимость преобразований, с опорой на действующие практики и достижения. В 1910-1911 гг. материалы закавказских совещаний 1909 г. были изданы в 9-ти объемных томах, включая

протоколы заседаний и подробную социально-экономическую статистику, собранную для организации обсуждения земского вопроса с учетом каждой отдельной губернии, области и т.п. Десятым томом были изданы протоколы Краевого совещания по вопросу о введении земских учреждений в Закавказье весной 1916 г. Наряду с обстоятельным обоснованием своих земских проектов для Терской области Г. Баев показал возможности и практическую пользу использования в земской работе общественных капиталов [Баев 1908]. О. Семин представил социально-экономический и фискальный анализ возможностей земских преобразований применительно к потребностям развивающегося промышленного района Баку [Семин 1908]. Каждая точка зрения высказывалась в полемике видных «земцев» (например, О. Семина и Г. Туманова в журнале «Право») [См.: Семин 1907; Туманов 1908]. В отдельных фрагментах и злободневных выступлениях эти дискурсы транслировались в еще более широкую аудиторию через периодическую печать. Накопленный материал был столь существенен, что видные представители земского движения выпускали тематические сборники статей. Вполне вероятно, что этот примечательный активистский прием был вызван стремлением усилить общественный резонанс на очередном этапе земских дискуссий. В 1905 г. Г. Туманов издал материалы, подготовленные им с началом инициированных наместничеством земских совещаний [Туманов 1905]. Публицист П. Кара-Мурза выпустил сборник своих статей из бакинских газет [Кара-Мурза 1909], а Г. Евангулов в 1914 г. в авторской редакции без купюр газеты «Кавказ» переиздал свои материалы по проблемам местного самоуправления, заключая их мнением о целесообразности введения участковых и уездных земств, оставляя на уровне губерний и Наместничества «нынешний бюрократический порядок ведения земского хозяйства» [Евангулов 1914: 67].

Обсуждение земских вопросов способствовало формированию нового опыта политической культуры на Кавказе. Общественная самоорганизация в обосновании необходимости введения общероссийских форм местного самоуправления рассматривалась как условие органичной интеграции края в сложное политическое и социально-экономическое пространство Российской империи. Участники земских обсуждений видели возможность применить самобытный практический опыт местной самоорганизации для преодоления трудностей управления Кавказом, повышения эффективности правоохранительной деятельности, развития социально-бытовой инфраструктуры и просвещения.

Масштабность общественно-государственного диалога в земском вопросе на Кавказе расширяет перспективы исследования многообразия гражданского активизма в Российской империи в начале XX в. Формирование национальной интеллигенции и ее включенность в плюралистичное информационное пространство региона и Российской империи в целом, способствовало оформлению публичной сферы, которая позволяла осуществлять постановку вопросов, обсуждать их, следить за событиями и выражать все разнообразие общественного мнения. Публицистический уровень этого дискурса обнаружил

существенные различия в понимании земских перспектив между общественностью и властью, отдельными территориями Кавказского края и многообразием их национальных, сословных и корпоративных интерпретаций. Эта тенденция может рассматриваться как качественно новый этап развития региональной интеллектуальной культуры.

Таким образом, кавказская общественность и региональная власть, взаимодействуя друг с другом, хотя и не добились учреждения земств, но на пути к этому провели значительную земскую работу: от анализа до проектного планирования. Однако формирование первичных параметров гражданского общества, современного общественного сознания, попытки преодоления корпоративных разграничений, сопровождались и выработкой основ этнополитических идеологий. Общественность различных территорий Кавказского края все больше обособливалась в региональных пониманиях своих земских нужд, что во всей противоречивости созидательной и разрушительной силы проявилось в публичной политике под воздействием революции 1917 г.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Армянский вестник – журнал «*Армянский вестник*». – Москва.
- Баев 1904 – *Баев Г.* О введении земства в Терской области // *Право*. – 1904. – № 16. – Стлб. 907-916.
- Баев 1905 – *Баев Г.* О введении земских учреждений в Терской области // *Пятигорский листок*. – 1905. – № 226. – С. 2.
- Баев 1907а – *Баев Г.* О введении земского самоуправления в Терской области // *Терек*. – 1907. – № 36. – С. 2; № 37. – С. 2-3; № 38. – С. 2; № 40. – С. 2-3.
- Баев 1907б – *Баев Г.* Работа Наместника Кавказского среди горских племен Терской области // *Терек*. – 1907. – 7, 8 и 9 февраля.
- Баев 1907с – *Баев Г.* Шаги гражданственности среди горских племен Терской области // *Тифлисский листок*. – 1907. – № 30. – С. 2; № 33. – С. 2; № 48. – С. 2.
- Баев 1908 – *Баев Г.* Народный кредит в Терской области. – Владикавказ: Тип. Сергея Назарова, 1908. – 56 с.
- Баев 2011 – *Баев Г.* О введении земского самоуправления в Терской области // *Известия СОИГСИ*. – 2011. – № 6 (45). – С. 114-126.
- Баранов 1905 – *Баранов Евг.* Вопрос о земстве на Сев. Кавказе // *Баку*. – 1905. – № 99. – С. 2-3; № 100. – С. 3.
- Белоконский 1914 – *Белоконский И.П.* Земское движение. 2-е изд., испр., знач. доп. – М.: [Тип. Г. Лисснера и Д. Собко], 1914. – 397 с.
- Веселовский 1911 – *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. – СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1911. – Т. 4. – 696 с.
- Веселовский 1918 – *Веселовский Б.Б.* Земство и земская реформа. – Пг.: Т-во О. Н. Поповой, 1918. – 48 с.
- Волхонский 2006 – *Волхонский М.А.* Первая русская революция и восстановление Наместничества на Кавказе // *Кавказский сборник*. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2006. – Т. 3 (35). – С. 87-106.
- Воронцов-Дашков 1907 – *Воронцов-Дашков И.И.* Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. – [Санкт-Петербург]: Гос. тип., 1907. – 164 с.
- Воронцов-Дашков 1910 – *Воронцов-Дашков И.И.* Всеподданнейший отчет за пятилетие управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. – СПб.: Гос. тип., 1910. – 60 с.

- Дарчиева 2011 – *Дарчиева С.В.* К введению земского самоуправления в Терской области // Известия СОИГСИ. – 2011. – Вып. 6 (45). – С. 101-104.
- Дарчиева 2015 – *Дарчиева С.В.* Государственная Дума Российской империи и вопросы экономического, политического и культурного развития Северного Кавказа (1906-1917 гг.). – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. – 260 с.
- Дзалаева 2012 – *Дзалаева К.Р.* Осетинская интеллигенция (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 298 с.
- Доклад... 1916 – *Доклад* великого князя Николая Николаевича императору Николаю II о политическом положении на Кавказе, 23 сентября 1916 г. // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX в. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. – С. 542-552.
- Дякин 1998 – *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). – СПб.: «ЛИСС», 1998. – 1000 с.
- Евангулов 1914 – *Евангулов Г.Г.* Местная реформа на Кавказе: [Статьи]. – СПб.: тип. т-ва А.С. Суворина "Новое время", 1914. – 67 с.
- Законодательное... 1914 – *Законодательное* предположение о введении земских учреждений в Терской области // Терская жизнь. – 1914. – 15 июля. – С. 2.
- Запрос правых... 1908 – *Запрос правых* о Кавказе // Терек. – 1908. – № 81. – С. 3.
- Земское совещание... 1916 – *Земское совещание* в Тифлисе // Армянский вестник. – 1916. – № 19. – С.15-19.
- Земское совещание... 1917 – *Земское совещание* // Кавказ. – 1917. – № 10 (253). – С. 2.
- Земство... 1916 – *Земство* в Терской области // Кавказ. – 1916. – № 52. – С. 2.
- Иванович 1899 – *Иванович.* Земские учреждения на Кавказе (Письмо из Тифлиса) // Русское богатство. – 1899. – Вып. V-VIII. – С. 127-140.
- Исмаил-Заде 2005 – *Исмаил-Заде Д.И.* Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 511 с.
- Кавказ – газета «Кавказ». – Тифлис.
- Кавказское земство... 1909 – *Кавказское земство* // Терские ведомости. – 1909. – № 92. – С. 1-2.
- Кара-Мурза 1909 – *Кара-Мурза П.М.* Накануне земской реформы на Кавказе: сборник статей. – Баку: Издание Первого Типографского Товарищества, 1909. – 65 с.
- Караулов 1914 – *Член Государственной Думы М.А. Караулов.* Земство в Терской области // Терские Ведомости. – 1914. – № 16. – С. 2-3; № 17. – С. 2.
- Кондрашева 2003 – *Кондрашева А. С.* Кавказское Наместничество и его деятельность на Северном Кавказе, вторая половина 40-х гг. XIX в. – начало XX в.: дисс ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2003. – 319 с.
- Краевое совещание... 1916 – *Краевое совещание* // Кавказ. – 1916. – № 98. – С. 3.
- Л.К. 1914 – *Л.К.* Выделение Терской и Кубанской обл. из наместничества. Земство в Терской области: (От нашего Петербург. корреспондента) // Баку. – 1914. – № 29. – С. 3.
- Манифест... 1909 – *Манифест* 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию Государственного порядка» // Законодательные акты переходного времени. 1904-1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России. – Изд. 3-е, пересм. и доп. по 1 сентября 1908 года / Под ред. пр.-доц. Н.И. Лазаревского. – СПб.: Юрид. кн. склад "Право", 1909. – С. 3-6.
- Мартиросиан 1925 – *Мартиросиан Г.К.* Социально-экономические основы революционных движений на Тереке. – Владикавказ: Типография Ингушии "Свет", 1925. – 116 с.
- Мачукаева 2004 – *Мачукаева Л.Ш.* Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (На материалах Терской области): дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2004. – 226 с.

Мачукаева 2019 – *Мачукаева Л.Ш.* О введении земского самоуправления на Северном Кавказе в начале XX века: к постановке проблемы // Актуальные проблемы истории народов Северного Кавказа. Сборник материалов научной конференции г. Грозный, 19 октября 2019 г. – Махачкала: АЛЕФ, 2019. – С. 292-297.

Невольный 1913 – *Невольный И.* Краевые очерки. К введению земства на Кавказе // Приазовский край. – 1913. – № 132. – С. 5; № 135. – С. 5.

Новиков 1910 – *Новиков А.И.* О земстве на Кавказе // Жизнь Кавказа. – СПб. – 1910. – № 1. – Стб. 9-12.

Открытие... 1909 – *Открытие* губернского земского совещания // Тифлисский листок. – 1909. – № 227. – С. 2.

Публичная сфера... 2013 – Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади: коллектив. моногр. под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова. – М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. – 360 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Революция 1905... 1980 – *Революция 1905-1907* годов на Терек: Документы и материалы. Т. I: 1905 год / Сост. А.К. Джанаев и др. – Орджоникидзе: Ир, 1980. – 296 с.

Розанов 1905 – *Розанов Н.* Земство на Северном Кавказе // Пятигорский листок. – 1905. – № 451. – С. 4.

Сапронов 1908 – *Сапронов К. И.* Земское самоуправление в Терской области // Терек. – 1908. – № 55. – С. 2-3; № 56. – С. 2.

Семин 1907 – *Семин О.* Какое самоуправление нужно Кавказу? // Право. 1907. – № 32. – Стб. 2140-2144.

Семин 1910 – *Семин О.* Основные вопросы местного самоуправления. Земская реформа на Кавказе и в нефтяном регионе Баку. – Баку: Изд. тип. "Труд" С.Г. Берладира, 1910. – 107 с.

Сергеев 2011 – *Сергеев В.Н.* Кавказский запрос в III Думе: борьба фракций (1907-1912 гг.) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2011. – № 1. – С. 41-57.

С-н 1907 – *С-н М.* Земство Терской области // Терек. – 1907. – № 188. – С. 2-3; № 190. – С. 2-3

Ставрополь... 1897 – *Ставрополь*, 29-го июня // Северный Кавказ. – 1897. – № 52. – С. 2-3.

Трутовский 1915 – *Трутовский В.* Современное земство. – Пг.: Изд. П.И. Певина, 1915. – 288 с.

Туманов 1905 – *Туманов Г.М.* К введению на Кавказе земского самоуправления: [сборник материалов]. – Тифлис: Электротипография типографского товарищества «Гермес», 1905. – 80 с.

Туманов 1908 – *Туманов Г.* Когда ввести земские учреждения на Кавказе? // Право. – 1908. – № 3. – С. 168-171.

Туманов 1910 – *Туманов Г.* Кавказ в 1909 г. // Жизнь Кавказа. – 1910. – № 1. – С. 23-31.

УЦДНИ АС КБР – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.

Цаликов 1910 – *Цаликов Ах.* Административная практика и земство на Северном Кавказе // Жизнь Кавказа. – 1910. – № 4. – Стлб. 1-12.

Циркуляр... 1909 – *Циркуляр* Наместника Его Императорского Величества на Кавказе, 31 мая 1909 года, № 11879. Гг. губернаторам Закавказского края // Кавказ. – 1909. – № 125. – С. 1-2.

Черепанова 2011 – *Черепанова Т.В.* «Неспособность к разговору», или статус публичной сферы в информационном обществе: Х. Арендт и Ю. Хабермас // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2011. – № 2 (91). – С. 41-49.

Чугров 2017 – Чугров С.В. Формирование и эволюция публичности (о книге Ю. Хабермаса) // Социологические исследования. – 2017. – № 12. – С. 168-172. DOI: 10.7868/S0132162517120169.

Щербина 1910 – Щербина Ф. Письма о земстве на Северном Кавказе // Земское дело. – 1910. – № 11-12. – С. 941-944.

Щербина 1911 – Щербина Ф. Письма о земстве на Северном Кавказе // Земское дело. – 1911. – № 4. – С. 376-378.

Юдин 2017 – Юдин Г.Б. Рецензия на книгу: Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества (2016) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – Т. I. – № 1. – С. 123-133.

REFERENCES

Armyanskii vestnik [«Armenian Bulletin» magazine]. – Moscow.

BAEV G. *Narodnyi kredit v Terskoi oblasti* [People's loan in the Terek region]. – Vladikavkaz: Tip. Sergeya Nazarova, 1908. – 56 p. (In Russian)

BAEV G. *O vvedenii zemskikh uchrezhdenii v Terskoi oblasti* [On the introduction of zemstvo institutions in the Terek region]. IN: *Pyatigorskii listok*. – 1905. – No. 226. – P. 2. (In Russian)

BAEV G. *O vvedenii zemskogo samoupravleniya v Terskoi oblasti* [On the introduction of zemstvo self-government in the Terek region]. IN: *Terek*. – 1907. – No. 36. – P. 2; No. 37. – P. 2-3; No. 38. – P. 2; No. 40. – P. 2-3. (In Russian)

BAEV G. *O vvedenii zemskogo samoupravleniya v Terskoi oblasti* [On the introduction of zemstvo self-government in the Terek region]. IN: *Izvestiya SOIGSI*. – 2011. – No. 6 (45). – P. 114-126. (In Russian)

BAEV G. *O vvedenii zemstva v Terskoi oblasti* [On the introduction of zemstvo in the Terek region]. IN: *Pravo*. – 1904. – No. 16. – Column 907-916. (In Russian)

BAEV G. *Rabota Namestnika Kavkazskogo sredi gorskikh plemen Terskoi oblast* [Work of the Governor of the Caucasus among the mountain tribes of the Terek region]. IN: *Terek*. – 1907. – 7, 8, 9 February. (In Russian)

BAEV G. *Shagi grazhdanstvennosti sredi gorskikh plemen Terskoi oblasti* [Steps of citizenship among the mountain tribes of the Terek region]. IN: *Tiflisskii listok*. – 1907. – No. 30. – P. 2; No. 33. – P. 2; No. 48. – P. 2. (In Russian)

BARANOV, Evg. *Vopros o zemstve na Sev. Kavkaze* [The question of zemstvo on North Caucasus]. IN: *Baku*. – 1905. – No. 99. – P. 2-3; No. 100. – P. 3. (In Russian)

BELOKONSKY I.P. *Zemskoe dvizhenie* [Zemstvo movement]. – M.: [Tip. G. Lissnera i D. Sobko], 1914. – 397 p. (In Russian)

CHEREPANOVA T.V. «Nesposobnost' k razgovoru», ili status publichnoi sfery v informatsionnom obshchestve: Kh. Arendt i Yu. Khabermas ["The Inability to Talk, or the Status of the Public Sphere in the Information Society: H. Arendt and J. Habermas]. IN: *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki*. – 2011. – No. 2 (91). – P. 41-49. (In Russian)

CHUGROV S.V. *Formirovanie i evolyutsiya publichnosti (o knige Yu. Khabermasa)* [The Formation and Evolution of Publicity (about J. Habermas's book)]. IN: *Sotsiologicheskie issledovaniya*. – 2017. – No. 12. – P. 168-172. DOI: 10.7868/S0132162517120169. (In Russian)

DARCHIEVA S.V. *Gosudarstvennaya Duma Rossiiskoi imperii i voprosy ekonomicheskogo, politicheskogo i kul'turnogo razvitiya Severnogo Kavkaza (1906-1917 gg.)* [State Duma of the Russian Empire and issues of economic, political and cultural development of the North Caucasus (1906-1917)]. – Vladikavkaz: IPTs SOIGSI VNTs RAN i RSO-A, 2015. – 260 p. (In Russian)

DARCHIEVA S.V. *K vvedeniyu zemskogo samoupravleniya v Terskoi oblasti* [To the introduction of zemstvo self-government in the Terek region]. IN: *Izvestiya SOIGSI*. – 2011. – Iss. 6 (45). – P. 101-104. (In Russian)

Doklad velikogo knyazya Nikolaya Nikolaevicha imperatoru Nikolayu II o politicheskom polozhenii na Kavkaze, 23 sentyabrya 1916 g. [Report of Grand Duke Nikolai Nikolaevich to Emperor Nicholas II on the political situation in the Caucasus, September 23, 1916]. IN: *Kavkaz i Rossiiskaya imperiya: proekty, idei, illyuzii i real'nost'. Nachalo XIX – nachalo XX v.* [Caucasus and the Russian Empire: projects, ideas, illusions and reality. Early 19th – early 20th century]. – SPb.: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», 2005. – P. 542-552. (In Russian)

DYAKIN V.S. *Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX – nachalo XX vv.)* [The national question in the domestic politics of tsarism (XIX – early XX centuries)]. – SPb.: «LISS», 1998. – 1000 p. (In Russian)

DZALAEVA K.R. *Osetinskaya intelligentsiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Ossetian intelligentsia (second half of the XIX – early XX centuries)]. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012. – 298 p. (In Russian)

EVANGULOV G.G. *Mestnaya reforma na Kavkaze* [Local reform in the Caucasus]. – SPb.: tip. t-va A.S. Suvorina "Novoe vremya", 1914. – 67 p. (In Russian)

ISMAIL-ZADE D.I. *Graf I.I. Vorontsov-Dashkov. Namestnik Kavkazskii* [Count I.I. Vorontsov-Dashkov. Viceroy of the Caucasus]. – M.: ZAO Tsentrpolirraf, 2005. – 511 p. (In Russian)

IVANOVICH. *Zemskie uchrezhdeniya na Kavkaze (Pis'mo iz Tiflisa)* [Zemstvo institutions in the Caucasus (Letter from Tiflis)]. IN: *Russkoe bogatstvo*. – 1899. – Vyp. V-VIII. – P. 127-140. (In Russian)

KARA-MURZA P.M. *Nakanune zemskoi reformy na Kavkaze: sbornik statei* [On the Eve of the Zemstvo Reform in the Caucasus: A Collection of Articles]. – Baku: Izdanie Pervogo Tipografskogo Tovariščestva, 1909. – 65 p. (In Russian)

KARAULOV M.A. *Zemstvo v Terskoi oblasti* [Zemstvo in the Terek region]. IN: *Terskie Vedomosti*. – 1914. – No. 16. – P. 2-3; No. 17. – P.2. (In Russian)

Kavkaz [the newspaper "Caucasus"]. – Tiflis.

Kavkazskoe zemstvo [Caucasian Zemstvo]. IN: *Terskie vedomosti*. – 1909. – No. 92. – P. 1-2. (In Russian)

KONDRASHEVA A.S. *Kavkazskoe Namestnichestvo i ego deyatelnost' na Severnom Kavkaze, вторая половина 40-х гг. XIX в. – начало XX в.: диссертация ... кандидата исторических наук* [The Caucasian Viceroyalty and its activities in the North Caucasus, the second half of the 1940s – the beginning of the twentieth century: dissertation for the candidate of historical sciences degree]. – Stavropol', 2003. – 319 p. (In Russian)

Kraevoe soveshchanie [Regional meeting]. IN: *Kavkaz*. – 1916. – No. 98. – P. 3. (In Russian)

L.K. *Vydelenie Terskoi i Kubanskoi obl. iz namestnichestva. Zemstvo v Terskoi oblasti: (Ot nashego Peterburg. korrespondenta)* [Separation of the Terek and Kuban Regions from the Viceroyalty. Zemstvo in Terskaya oblast: (From our Petersburg. correspondent)]. IN: *Baku*. – 1914. – No. 29. – P. 3. (In Russian)

MACHUKAEVA L.Sh. *O vvedenii zemskogo samoupravleniya na Severnom Kavkaze v nachale XX veka: k postanovke problem* [On the Introduction of Zemstvo Self-Government in the North Caucasus in the Early Twentieth Century: Toward a Problem Statement]. IN: *Aktual'nye problemy istorii narodov Severnogo Kavkaza. Sbornik materialov konferentsii g. Grozny, 19 oktyabrya 2019 g.* [Actual problems of the history of the peoples of the North Caucasus. Collection of materials of the scientific conference. Grozny, October 19, 2019]. – Makhachkala: ALEF, 2019. – P. 292-297. (In Russian)

MACHUKAEVA L.Sh. *Sistema upravleniya Severnym Kavkazom v kontse XIX – nachale XX veka (Na materialakh Terskoi oblasti): dis. ... kand. ist. nauk* [The Management System of the North Caucasus in the Late 19th – Early 20th Century (On the Materials of the Terek Region): dissertation for the candidate of historical sciences degree]. – Moscow, 2004. – 226 p. (In Russian)

Manifest 12 dekabrya 1904 g. «O prednachertaniyakh k usovershenstvovaniyu Gosudarstvennogo poriyadka» [Manifesto of December 12, 1904. "On the Outlines for the

Improvement of the State Order"]. IN: *Zakonodatel'nye akty perekhodnogo vremeni. 1904-1908 gg.: Sbornik zakonov, manifestov, ukazov Pr. Senatu, reskriptov i polozhenii komiteta ministrov, otnosyashchikhsya k preobrazovaniyu gosudarstvennogo stroya Rossii.* – Izd. 3-e, peresm. i dop. po 1 sentyabrya 1908 goda / Pod red. pr.-dots. N.I. Lazarevskogo [Transitional legislative acts. 1904-1908: Collection of laws, manifestos, decrees to the Senate, rescripts and provisions of the committee of ministers relating to the transformation of the state system of Russia. – Ed. 3rd, rev. and add. to September 1, 1908 / Ed. by N.I. Lazarevsky]. – SPb.: Yurid. kn. sklad "Pravo", 1909. – P. 3-6. (In Russian)

MARTIROSIAN G.K. *Sotsial'no-ekonomicheskie osnovy revolyutsionnykh dvizhenii na Tereke* [Socio-economic foundations of the revolutionary movements on the Terek]. – Vladikavkaz: Tipografiya Ingushii "Svet", 1925. – 116 p. (In Russian)

NEVOLNY I. *Kraevye ocherki. K vvedeniyu zemstva na Kavkaze* [Regional sketches. To the introduction of zemstvo in the Caucasus]. IN: *Priazovskii krai.* – 1913. – No. 132. – P. 5; No. 135. – P. 5. (In Russian)

NOVIKOV A.I. *O zemstve na Kavkaze* [About the zemstvo in the Caucasus]. IN: *Zhizn' Kavkaza.* – SPb. – 1910. – No. 1. – Column 9-12. (In Russian)

Otkrytie gubernskogo zemskogo soveshchaniya [Opening of the governorate zemstvo meeting]. IN: *Tiflisskii listok.* – 1909. – No. 227. – P. 2. (In Russian)

Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keis stadi: kollektivnaya monografiya pod redaktsiei E.R. Yarskoi-Smirnovoi i P.V. Romanova [Public sphere: theory, methodology, case study: collective monograph edited by E.R. Yarskaya-Smirnova and P.V. Romanov]. – M.: OOO «Variant»: TsSPGI, 2013. – 360 p. (In Russian)

Revolutsiya 1905-1907 godov na Tereke: Dokumenty i materialy. T. I: 1905 god / Sost. A.K. Dzhanayev i dr. [Revolution of 1905-1907 on the Terek: Documents and materials. Vol. I: 1905 / Comp. A.K. Dzhanayev and others]. – Ordzhonikidze: Ir, 1980. – 296 p. (In Russian)

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. (In Russian)

ROZANOV N. *Zemstvo na Severnom Kavkaze* [Zemstvo in the North Caucasus]. IN: *Pyatigorskii listok.* – 1905. – No. 451. – P. 4. (In Russian)

SAPRONOV K.I. *Zemskoe samoupravlenie v Terskoi Oblasti* [Zemstvo self-government in Terek Oblast]. IN: *Terek.* – 1908. – No. 55. – P. 2-3; No. 56. – P. 2. (In Russian)

SEMIN O. *Kakoe samoupravlenie nuzhno Kavkazu?* [What kind of self-government does the Caucasus need?]. IN: *Pravo.* – 1907. – No. 32. – Column. 2140-2144. (In Russian)

SEMIN O. *Osnovnye voprosy mestnogo samoupravleniya. Zemskaya reforma na Kavkaze i v neftyanom regione Baku* [Basic Issues of Local Self-Government. Zemstvo reform in the Caucasus and the Baku oil region]. – Baku: Izd. tip. "Trud" S.G. Berladira, 1910. – 107 p. (In Russian)

SERGEEV V.N. *Kavkazskii zapros v III Dume: bor'ba fraktsii (1907-1912 gg.)* [The Caucasian Inquiry in the Third Duma: The Struggle of Factions (1907-1912)]. IN: *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS.* – 2011. – No. 1. – P. 41-57. (In Russian)

SHCHERBINA F. *Pis'ma o zemstve na Severnom Kavkaze* [Letters on Zemstvo in the North Caucasus]. IN: *Zemskoe delo.* – 1910. – No. 11-12. – P. 941-944. (In Russian)

SHCHERBINA F. *Pis'ma o zemstve na Severnom Kavkaze* [Letters on Zemstvo in the North Caucasus]. IN: *Zemskoe delo.* – 1911. – No. 4. – P. 376-378. (In Russian)

S-n M. *Zemstvo Terskoi oblasti* [Zemstvo of the Terek Oblast]. IN: *Terek.* – 1907. – No. 188. – P. 2-3; No. 190. – P. 2-3. (In Russian)

Stavropol', 29-go iyunya [Stavropol', June 29th]. IN: *Severnyi Kavkaz.* – 1897. – No. 52. – P. 2-3. (In Russian)

TRUTOVSKY V. *Sovremennoe zemstvo* [The Modern Zemstvo]. – Pg.: Izd. P.I. Pevina, 1915. – 288 p. (In Russian)

TSALIKOV Akh. *Administrativnaya praktika i zemstvo na Severnom Kavkaze* [Administrative practices and zemstvo in the North Caucasus]. IN: *Zhizn' Kavkaza*. – 1910. – No. 4. – Column 1-12. (In Russian)

Tsirkulyar Namestnika Ego Imperatorskogo Velichestva na Kavkaze, 31 maya 1909 goda, №11879. Gg. gubernatoram Zakavkazskogo kraya [Circular of His Imperial Majesty's Viceroy in the Caucasus, May 31, 1909, No. 11879. To the Governors of the Transcaucasian Region]. IN: *Kavkaz*. – 1909. – No. 125. – P. 1-2. (In Russian)

TUMANOV G. *Kavkaz v 1909 g.* [Caucasus in 1909]. IN: *Zhizn' Kavkaza*. – 1910. – No. 1. – P. 23-31. (In Russian)

TUMANOV G. *Kogda vvesti zemskie uchrezhdeniya na Kavkaze?* [When to introduce zemstvo institutions in the Caucasus?]. IN: *Pravo*. – 1908. – No. 3. – P. 168-171. (In Russian)

TUMANOV G.M. *K vvedeniyu na Kavkaze zemskogo samoupravleniya: (sbornik materialov)* [Toward the Introduction of Zemstvo Self-Government in the Caucasus: (A collection of materials)]. – Tiflis: Elektropechatnya tipografskogo tovarishchestva «Germes», 1905. – 80 p. (In Russian)

UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi respubliki* [Management of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkar Republic].

VESELOVSKY B.B. *Istoriya zemstva za sorok let. T. 4.* [The history of zemstvo for forty years. Vol. 4]. – SPb.: Izd-vo O. N. Popovoi, – 1911. – 696 p. (In Russian)

VESELOVSKY B.B. *Zemstvo i zemskaya reforma* [Zemstvo and Zemstvo's reform]. – Pg.: T-vo O. N. Popovoi, 1918. – 48 p. (In Russian)

VOLKHONSKY M.A. *Pervaya russkaya revolyutsiya i vosstanovlenie Namestnichestva na Kavkaze* [The first Russian revolution and the restoration of Governorate in the Caucasus]. IN: *Kavkazskii sbornik*. – M.: NP ID «Russkaya panorama», 2006. – Vol. 3 (35). – P. 87-106. (In Russian)

VORONTSOV-DASHKOV I.I. *Vsepoddanneishaya zapiska po upravleniyu Kavkazskim kraem general-ad"yutanta grafa Vorontsova-Dashkova* [The most recent note on the management of the Caucasus region, Adjutant General Count Vorontsov-Dashkov]. – Sankt-Petersburg: Gos. tip., 1907. – 164 p. (In Russian)

VORONTSOV-DASHKOV I.I. *Vsepoddanneishii otchet za pyatiletie upravleniya Kavkazom general-ad"yutanta grafa Vorontsova-Dashkova* [The most recent report for the five-year administration of the Caucasus, Adjutant General Count Vorontsov-Dashkov]. – SPb.: Gos. tip., 1910. – 60 p. (In Russian)

YUDIN G.B. *Book review: Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: Studies on the Category of Bourgeois Society (2016)* [Book review: Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: Studies on the Category of Bourgeois Society (2016)]. IN: *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. – 2017. – Vol. I. – No. 1. – P. 123-133. (In Russian)

Zakonodatel'noe predpolozhenie o vvedenii zemskikh uchrezhdenii v Terskoi oblasti [Legislative assumption of the introduction of zemstvo institutions in the Terek region]. IN: *Terskaya zhizn'*. – 1914. – 15 July. – P. 2. (In Russian)

Zapros pravyykh o Kavkaze [Request from the right about the Caucasus]. IN: *Terek*. – 1908. – No. 81. – P. 3. (In Russian)

Zemskoe soveshchanie [Zemstvo meeting]. IN: *Kavkaz*. – 1917. – No. 10 (253). – P. 2. (In Russian)

Zemskoe soveshchanie v Tiflise [Zemstvo meeting in Tiflis]. IN: *Armianskii vestnik*. – 1916. – No. 19. – P. 15-19. (In Russian)

Zemstvo v Terskoi oblasti [Zemstvo in the Terek region]. IN: *Kavkaz*. – 1916. – No. 52. – P. 2. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Новейшая история

УДК 908

DOI 10.31143/2542-212X-2020-4-95-106

НАКОПЛЕНИЕ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ О ГИДРОЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Р.С. ГУРТУЕВ

*Северо-Кавказский институт – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
357502, Ставропольский край, г. Пятигорск, ул. Дунаевского, 5
E-mail: rasul.gurtuev@mail.ru*

П.А. КУЗЬМИНОВ

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: petrakis_hist@bk.ru*

Аннотация. План государственной электрификации России, столетие которого отмечается в этом году, стал основой коренной экономической модернизации России, проведенной в чрезвычайно сжатые, по историческим меркам, сроки. Сегодня, когда многие исследователи занимаются поисками истинных авторов планов электрификации страны, сопоставляя вклад царского и большевистского правительств в его подготовку, и нередко придавая этим спорам идеологическую окраску, авторы настоящей статьи на примере Кавказского района доказывают безусловную преемственность планов электрификации. Более того, источники свидетельствуют о том, что создателями практически всех технических проектов и планов – и в царское, и в советское время – являлись одни и те же люди – крупные ученые, инженеры-энергетики, которые принимали активное участие в разработке плана ГОЭЛРО.

Ключевые слова: электрификация; ГОЭЛРО; Северо-Кавказский край; Кабардино-Балкария; Терек; Баксан.

ACCUMULATION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE ON THE HYDROPOWER RESOURCES OF THE NORTH CAUCASUS AND FIRST STEPS TOWARDS THEIR IMPLEMENTATION

R.S. GURTUEV

North-Caucasian Institute – Branch of FSBEI of HE «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»

357502, Stavropol Territory, Pyatigorsk, Dunaevsky street, 5

E-mail: rasul.gurtuev@mail.ru

P.A. KUZ'MINOV

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky Str., 173

E-mail: petrakis_hist@bk.ru

Abstract. The Russian State Electrification Plan, which is celebrating its centenary this year, has become the basis for Russia's fundamental economic modernization, which has been carried out in an extremely short period of time by historical standards. Today, when many researchers are looking for the true authors of the country's electrification plans respectively assessing the contribution of the Tsarist and Bolshevik governments to its preparation, and often giving these disputes an ideological coloring; the authors of this article prove the absolute continuity of electrification plans using the example of the Caucasus region. Moreover, sources show that the creators of almost all the technical projects and plans – both in Tsarist and Soviet times – were the same people – major scientists, energy engineers, who were actively involved in the development of the GOELRO plan.

Keywords: electrification; GOELRO plan; North Caucasian Region; Kabardino-Balkaria; Terek; Baksan.

В этом году исполняется 100 лет плану ГОЭЛРО, принятому на VIII съезде Советов 29 декабря 1920 г., ставшему теоретической и практической основой строительства экономики РСФСР и Советского Союза. Реализация плана ГОЭЛРО сыграла значительную роль в социально-экономическом развитии народов страны и позволила построить в Северо-Кавказском крае первые крупные объекты электроэнергетики. В ходе обоснования и подготовки их возведения была проведена серьезная изыскательская работа геологических экспедиций Российской Академии наук, крупных ученых-энергетиков, энтузиастов-любителей, которые, не жалея времени и сил, исследовали возможности использования водных сил и минеральных богатств региона. Только благодаря скрупулёзному сбору разносторонней информации стало возможно появление первенцев советской индустрии в нашем крае.

Для реконструкции слабо изученного этапа электрификации Северного Кавказа мы использовали документальные материалы, выявленные в Государственном Архиве Ростовской Области [ГАРО. Ф. 2443. Оп. 2. Д. 246], Управлении центра документации новейшей истории Архивной службы КБР [УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 446 и др.], Управлении центрального государственного архива Архивной службы КБР [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 283 и др.], Трудах комиссии по рассмотрению вопросов о применении электрической тяги на путях сообщения [Программа... 1904], Отчете о

деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, состоящей при императорской Академии Наук за 1916 год [Отчет о деятельности... 1917]. Отдельные сведения о целенаправленной работе инженеров и ученых в этом направлении приводят А.И. Грищенко и П.С. Зиноватный [Грищенко, Зиноватный 2008], П.И. Люблинский [Люблинский 1920], В.Я. Пеннер и Н.В. Пеннер [Пеннер 1993], Н.С. Симонов [Симонов 2016; Симонов 2017], Р.И. Цориев [Цориев 1988] и др.

Утвержденный в 1920 г. проект предлагал обоснованную стратегию восстановления разрушенной Гражданской войной и Иностранной интервенцией промышленности (план А) и создания энергетической и материальной базы для ускоренной индустриализации страны (план Б) на базе опережающего развития электроэнергетики. В соответствии с ним территория страны была условно разделена на восемь экономических районов, по каждому из которых была разработана программа освоения имеющихся полезных ископаемых путем создания промышленных комбинатов, работающих на электроэнергии, вырабатываемой крупными Государственными Районными Электростанциями (ГРЭС).

В раздел ГОЭЛРО, посвященный электрификации Кавказского района, входила территория от Ростова-на-Дону на севере до южных границ бывшей Российской Империи в Закавказье. Хотя Закавказье в то время представляло из себя три формально независимых государства: Азербайджанскую и Армянскую Советские и Грузинскую Демократическую республики, план их экономического развития также был включен в план. Отмечалось, что «в настоящем очерке рассматривается весь Кавказ в целом в прежних границах» [Электрификация... 1920: 3]. Поэтому, например, проект Терской ГРЭС, объекты которой должны были размещаться как на территории РСФСР, так и территории Грузинской Демократической Республики, содержал замечание о важности политического решения вопроса и роли гидроэнергетики в процессе укрепления добрососедских отношений между государствами.

Подчеркнем, план электрификации Кавказского района был основан на данных, собранных в конце XIX – начале XX века в ходе научных экспедиций, исследовавших возможности строительства объектов энергоснабжения, в первую очередь, в интересах электрификации железных дорог. В регионе было построено достаточное количество мелких энергоустановок – в основном тепловых – они использовались для освещения и коммунальных нужд городов и отдельных предприятий.

В 1913 г. в Области Донского войска, Закавказье, Ставропольской, Терской, Дагестанской, Черноморской и Кубанской губерниях, по данным Н. Симонова, работали 77 центральных и 1037 частных электростанций [Симонов 2017: 26]. Однако бурное железнодорожное строительство требовало источников энергии совершенно другого масштаба, поэтому здесь напрашивалось приоритетное использование даровой энергии многочисленных горных рек.

Исторически в Российской Империи сложилось так, что «утилизация водной энергии» находилась в ведении Министерства путей сообщения

[Симонов 2017: 24], следовательно, исследования гидроэнергетических запасов Кавказского региона проходили по этому ведомству. Закономерно, что ответственным руководителем кавказской группы разработчиков плана ГОЭЛРО был Генрих Осипович Графтио – крупный инженер-энергетик, выпускник столичного Института инженеров путей сообщения, профессор Электротехнического института, член подкомиссии по «белому углю» Комиссии по изучению естественных производительных сил России [Отчет о деятельности... 1917: 38], руководитель экспедиций Императорского Русского технического общества по исследованию гидроэнергетических ресурсов рек Закавказья и Черноморского побережья Кавказа, а с 1918 г. руководитель Электрожелдора – основного разработчика планов электрификации железнодорожных магистралей. С его именем связано большинство исследований и проектов использования энергетического потенциала рек Кавказа.

Так в декабре 1903 г. на III Электротехническом съезде Г.И. Графтио выступил с обоснованным планом электрификации, строящейся в то время железной дороги на Черноморском побережье Кавказа, предлагая построить электростанции на реках Туапсе, Шахе, Мзымта, Псоу, Кодоре. Электрифицировалось предполагалось участки Армавир-Майкоп-Туапсе и Сухум-Новосенаки. Проект Г.И. Графтио был поддержан отраслевым министерством, и 4 июня 1904 г. комиссия по рассмотрению вопросов о применении электрической тяги на путях сообщения при МПС одобрила «Программу исследования мощности главнейших рек восточного побережья Черного моря» с бюджетом в 270 тыс. рублей для комплексного исследования рек, «как источников механической энергии для надобностей названного побережья, в размерах, могущих иметь общественное значение» [Программа... 1904: 5].

Одновременно, Г.И. Графтио представил проект постройки электрифицированной Транскавказской перевальной железной дороги для соединения Владикавказской и Закавказской дорог с использованием энергетического потенциала рек Рион, Ингур и Терек [Люблинский 1920: 48-49].

На некоторых горных реках Кавказа к этому времени уже имелись небольшие гидроэнергетические установки. Самой крупной была установка мощностью 950 л.с. на реке Ардон, построенная бельгийскими промышленниками в 1887 г. для обеспечения энергией Садонских рудников в Северной Осетии [Цориев 1988: 28-29].

В 1903 году в г. Пятигорске на реке Подкумок по проекту первого ординарного профессора электротехники в России М.А. Шателена и Г.О. Графтио была построена Центральная гидроэлектростанция мощностью 700 кВт, которая впоследствии получила собственное имя «Белый уголь»¹.

---

¹ ГЭС «Белый уголь» // ПАО «РОССЕТИ Северный Кавказ»: сайт. URL: https://www.rossetisk.ru/press_center/ges-belyy-ugol/ (дата обращения: 17.09.2020).

26 марта 1913 г. она стала частью первой в мире энергосистемы, начав параллельную работу с Пятигорской «Тепловой» электростанцией.

В июне 1910 г. британский подданный Чарльз Стюарт обратился к кавказскому наместнику И.И. Воронцову-Дашкову с ходатайством, в котором испрашивал разрешения на строительство электростанций на р. Терек и оз. Гокчи (ныне – озеро Севан) [Грищенко, Зиноватный 2008: 30]. Проекты технических правил о распределении электрической энергии в рамках этой концессии разрабатывались под руководством профессора Петербургского Электротехнического института П.С. Осадчего [Грищенко, Зиноватный 2008: 15], будущего активного участника разработки плана ГОЭЛРО, заместителя председателя Госплана СССР. В августе 1912 г. Государственный Совет рассмотрел вопрос об условиях сдачи казенных оброчных платежей на Кавказе для устройства гидроэлектростанций и после утверждения условий соглашения императором Николаем II Ч.Г. Стюарту была выдана концессия на 75 лет «на эксплуатацию водных сил озера Гокчи и реки Терек на Кавказе с правом распределять добываемую электрическую энергию – для снабжения ею железных дорог, портов, трамваев, фабрик, заводов, станций городского и частного освещения, и прочее – на сотни верст от центральных станций, по всему Кавказу до Баку, Грозного, Майкопа и Батума» [Симонов 2016: 142]. Соглашения такого рода были крайне редки в России, поскольку строительство мощных электростанций и соответствующих распределительных сетей – дело дорогостоящее и рискованное. Предполагаем, что именно поэтому проект предпринимателя Ч.Г. Стюарта не был реализован.

В 1911 г. Акционерное общество Владикавказской железной дороги решило электрифицировать Минераловодский участок: заместитель начальника службы тяги Вацлав Иванович Лопушинский произвел оценку возможностей такой модернизации железной дороги. Эскизный проект строительства гидроэлектрических установок в варианте «Баксан-Хулам» его не устроил. По его мнению, перевод железнодорожных перевозок в данном районе с паровозной тяги на электрическую не имел коммерческого смысла [УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 446. Л. 1]. Мы полагаем, что имелись в виду установки на реках Баксан и/или Черек. Следует особо отметить, что рассчитывать на другой результат экспертной оценки известного инженера, соавтора проектов самых популярных серий российских паровозов начала XX века¹ было бы сложно. Использование силы воды и топливной энергии для выработки электричества, которое используется для железнодорожных перевозок, были, по его мнению, «вообще не выгодны» [УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 446. Л. 2]. Руководство компании, понимая очевидную заинтересованность инженера Лопушинского в развитии паровозной тяги в ущерб электрификации железнодорожной ветки, выразило недоверие этому решению и остановилось на альтернативном варианте, который представила

---

¹ Лопушинский Вацлав Иванович. Биография // Электронный архив людей: сайт. URL: <http://people-archive.ru/character/lopushinskiy-vaclav-ivanovich/> (дата обращения: 16.02.2020).

группа инженеров той же Владикавказской железной дороги с участием начальника службы связи В.А. Покшишевского.

Правление дороги создало для окончательного решения специальную комиссию под председательством Г.О. Графтио, в состав которой вошли столичные профессора и авторитетные специалисты. Комиссия поддержала проект электрификации Минераловодской ветки от энергии горных рек, а также значительно расширила его – предполагалась электрификация еще и Тебердинской линии, и железнодорожного пути от Невинномысска до Прохладной [УЦДНИ АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 446. Л. 2].

В силу этого понятно, почему очерк «Электрификация Кавказского района» плана ГОЭЛРО, подготовленный под руководством профессора Генриха Графтио, начинался словами: «В отношении... наличия источников для производства электрической энергии, Кавказ находится в совершенно исключительно благоприятных условиях, обладая в изобилии топливом в виде нефти и каменного угля и громадными гидравлическими силами горных рек и озер» [Электрификация... 1920: 3]. Накопленный массив информации, а также возможность комплексного использования энергетических ресурсов, обеспечивал низкую себестоимость электроэнергии и объясняет заинтересованность советских органов власти в этом вопросе.

Теоретическая девятимесячная, за исключением зимнего периода мелководья, мощность гидравлических сил рек всего Кавказского района оценивалась в 15,7 млн. л.с., в том числе энергия крупных рек, на которых имелась возможность рационального размещения крупных гидроэлектрических установок, оценивалась в 2,7 млн. л.с. Потенциал рек Черноморского побережья оценивался: Шахе – 20 000 сил, Мзымты – 60 000 сил, Псоу – 20 000 сил и Бзыби – 110 000 сил. Реки Кубанского района: Белая, Малая и Большая Лаба, Малый и Большой Зеленчук, Кубань с Тебердой в общем имели потенциал в 300 000 сил. А реки бассейна Терека: Малка, Баксан, Урвань, Урух, Ардон, Терек, Асса и Аргун – в общем 450 000 сил [Электрификация... 1920: 4-5]. Оценка минеральных ресурсов региона резюмировалась фразой: «Громаднейшая часть Кавказа до настоящего времени совершенно не исследована за трудной доступностью или отсутствием путей сообщения... Ввиду сего ряду разработок надлежит предоставить естественный ход развития, имея в виду, что почти всюду можно рассчитывать на необходимую гидроэлектрическую энергию» [Электрификация... 1920: 8-9].

План ГОЭЛРО предполагал комплексное освоение минеральных и энергетических ресурсов, поэтому на Северном Кавказе планировалось построить шесть крупных государственных районных электростанций, в том числе две – тепловые:

- тепловую мощностью 38,4 МВт в Екатеринодаре (Краснодаре) – для обеспечения населения, железнодорожного движения и мукомольной промышленности;

- гидравлическую мощностью 66,9 МВт на Кубани – для электрификации Майкопских нефтяных месторождений, свинцово-цинковых рудников в

бассейне рек Большой и Малый Зеленчуки, железнодорожного движения, мукомольной промышленности и населения;

- Терскую гидравлическую мощностью 75,4 МВт в Дарьяльском ущелье – для обеспечения энергией медных и свинцово-цинковых рудников и заводов в Садонском и Девдоракском ущельях, железнодорожного движения, в том числе и предполагаемой к строительству перевальной дороги в Грузию, Грозненских нефтяных промыслов, населения и мукомольной промышленности в районе города Георгиевска;

- Аргунскую гидравлическую мощностью 25,1 МВт – для обеспечения нефтедобычи и обеспечения железных дорог и населения;

- Грозненскую тепловую мощностью 20 МВт для обеспечения местных нефтепромыслов.

Кроме того, по мере изучения перспектив расширения добычи нефти на Майкопских нефтепромыслах, предполагалось строительство ГЭС на реке Белой для обеспечения электричеством их работы [Электрификация... 1920: 47-48].

Рассматривалась также возможность использования энергии рек Кубань и Теберда для разработки Эльбрусского месторождения медных и свинцово-цинковых руд в бассейне рек Зеленчук. Это была целостная программа энергостроительства в Северо-Кавказском регионе по первоначальному варианту плана государственной электрификации России в 1920 г.

Однако по мере увеличения объема научных данных о минеральных богатствах страны, которые доставляли системно работающие экспедиции Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), первоначальный план ГОЭЛРО, создававшийся в условиях крайнего дефицита ресурсов в стране, стал претерпевать изменения. Интересно, что сами разработчики плана ГОЭЛРО предполагали такой ход развития событий, предваряя свой доклад словами: «Комиссия отдает себе ясный отчет в несовершенстве своей работы... За нами придут другие люди, которые в более спокойное время, с более совершенным запасом сил и средств, смогут продолжить наш научный анализ, исправить наши ошибки и развернуть более широкие перспективы» [План электрификации... 1920: 5].

Непрерывный характер изысканий на Северном Кавказе подтверждается документальным материалом. Нами выявлено письмо члена президиума ЦИК КБАО Заракуша Мидова в президиум Севкавплана 10 декабря 1924 года: «Кабардино-Балкарская область по вопросу об изысканиях по устройству Районной Гидро-электрической станции на реках Баксане и Малке, считает необходимым соблюдение следующих основных положений: 1) Все работы сконцентрировать в особой объединённой партии, увязав их с интересами НКПС, Края, Кабардино-Балкарской области и другими заинтересованными сторонами. 2) Все средства, отпускаемые на этот счёт, в целях экономии их расходования сконцентрировать в руках этой партии. 3) Местопребывание руководящего органа г. Нальчик...». Мотивируя эти требования, З. Мидов отметил, что у КБАО есть «крайняя заинтересованность» в гидроэлектростанциях на реках Баксан и Малка, и подчеркнул, что

«инициатива в деле изысканий принадлежит Кабардино-Балкарской области задолго до этого момента – на что уже израсходована крупная сумма и что по этому вопросу имеются ориентировочные материалы» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 283. Л. 23]. Надо полагать цитируемое письмо стало реакцией руководства Кабардино-Балкарской автономной области на многочисленные группы исследователей, которые вели исследования энергетических богатств Кабардино-Балкарии различными экспедициями Академии наук, плановых органов, наркоматов, государственных трестов, акционерных обществ.

25 мая 1925 г. в ЦИК КБАО поступила на согласование программа исследований рек Северного Кавказа по линии Наркомата путей сообщения. Цель программы – подготовить к 1 января 1926 г. результаты гидрометрических работ на реках Малка, Баксан, Теберда, Верхняя Кубань и Мзымта. Приоритетным вариантом для Народного комиссариата путей сообщения на тот момент была р. Малка: план предполагал создание «эскизного проекта гидротехнической части электрификации Минераловодской ветки Северо-Кавказской железной дороги от реки Малки, как наиболее обследованной к данному моменту и наиболее удовлетворяющей потребности железных дорог» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 283. Л. 32].

Остальные реки были исследованы меньше – на них предполагалось организовать водомерные посты для проведения гидрометрических наблюдений, сбора данных, их систематизации и анализа. Относительно Баксана оговаривалась возможность создания параллельного проекта, «в случае получения дополнительных сумм от КБАО или Севкавплана» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 283. Л. 32].

Исследовательские работы по изучению гидроэнергетических запасов автономии не ограничивались крупными проектами. В 1925 г. в г. Нальчике на берегу пруда, питавшего водой ванное здание курорта, по проекту профессора электротехники Тимирязевской сельскохозяйственной академии И.Г. Артемьева строится небольшая, но на то время самая крупная в Кабардино-Балкарии гидроэлектростанция мощностью 100 л.с. – первенец серьезной энергетики автономии. Ее открытие стало событием большого политического и пропагандистского значения, а энергия использовалась для освещения правительственных учреждений, домов и улиц не только Нальчика, но и районов: Затишье, Долинск, сел Вольный Аул и Мужичий хутор [Пеннер 1993: 64]. Находясь по рабочим вопросам в горной части республики И.Г. Артемьев не упустил возможности изучить небольшие горные реки в верховьях реки Баксан на предмет строительства гидроэлектростанций. Об этом свидетельствует докладная записка в ЦИК КБАО, написанная его рукой [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 283. Л. 46-49]. В ней говорится, что он обследовал район селения Верхний Баксан с целью изучения возможностей строительства гидроэлектростанций на близлежащих притоках Баксана: реках Адыр-Су, Сылтран-Су и Кыртык. Профессор Артемьев отметил благоприятные условия для строительства высоконапорных гидроэлектростанций на трех притоках Баксана, а в случае с Сылтран-Су предлагал использовать в качестве регулирующего бассейна озеро Сылтран-кель у подножия ледника, из которого

вытекает река. Докладная записка была снабжена выполненными от руки эскизами и примечанием о необходимости дополнительных гидрометрических измерений, в особенности для зимнего режима.

Государственная плановая комиссия при Совете Труда и Обороне (Госплан), созданная на базе комиссии ГОЭЛРО 13 июля 1923 г., практически сразу после своего создания приступила к формированию перспективных планов развития экономики всей страны. В рамках подготовки единого общесоюзного плана в краях, областях и республиках были созданы соответствующие подразделения Госплана, которые занимались сбором статистической информации и перспективным планированием. В Северо-Кавказском крае (образован 16 октября 1924 г. в результате присоединения к Юго-Восточному краю всех национальных автономных областей, за исключением Дагестана. – Авт.), таким органом являлась Северокавказская плановая комиссия (Севкавплан).

С 1925 г. Госплан составлял годовые планы развития экономики, формируя целевые показатели – так называемые «контрольные цифры». Однако практически сразу была установлена цель – разработать долгосрочную стратегию развития экономики на базе опережающего развития энергетики. При подготовке первого пятилетнего плана (1927-1932 гг.) его энергетической основой стала пятилетка электрификации, основные мероприятия которой были разработаны на основе подготовленного специальной комиссией Госплана СССР в июне 1926 г. доклада «Общие предпосылки к генеральному плану реконструкции народного хозяйства на энергетической базе на ближайшие 10-15 лет».

В 1927 году Севкавплан разработал и утвердил пятилетний перспективный план крупного электростроительства на Северном Кавказе, представленный начальником Крайэнергобюро КСНХ В.А. Покшишевским [ГАРО. Ф. 2443. Оп. 2. Д. 246. Л. 55-91]. Этот документ резюмировал результаты изучения энергетических богатств региона и представлял собой созданную на базе этих знаний карту экономического районирования территории. В свою очередь, районирование территории определяло долгосрочную стратегию экономического развития Северо-Кавказского края в целом и созданных в регионе национальных автономий, в частности.

Северный Кавказ в энергетическом плане был разделен на три района: Северный, Центральный и Южный. Северный район, включавший Шахтинский, Донской и Таганрогский округа, определялся как центр сельскохозяйственного машиностроения, энергетика которого основывалась на тепловых электростанциях, работающих на отходах угольного производства и соединенных линиями электропередачи в единую мощную энергосистему [ГАРО. Ф. 2443. Оп. 2. Д. 246. Л. 65].

Электроснабжение Центрального энергетического района предполагалось провести за счет сооружения и усиления групповых электростанций в крупных сельских поселениях.

Южный энергетический район – полоса между Кавказским хребтом и магистралью Северо-Кавказской железной дороги, протяженностью около 850

километров между городами Новороссийск и Грозный, предполагалось обеспечить электроэнергией трех тепловых и семи гидравлических электрических станций с общей установленной мощностью 300 МВт, соединенных единой сверхмагистралью.

Тепловые ГРЭС строились в Новороссийске (30 МВт), Краснодаре и Грозном (по 20 МВт), гидравлические станции предполагалось строить на реках Белая (в окрестностях Майкопа) – 50 МВт, Баксан – 40 МВт, Гизельдон – 20 МВт, Кубань и Теберда – 80 МВт, Аргун и Сунжа – 20 МВт, Мзымта – 20 МВт. Все эти станции вместе с малыми ГЭС на оросительных каналах и малых реках, которые к тому времени уже работали или строились, должны были составить единый энергетический комплекс – основу горнорудной и нефтедобывающей промышленности и высокомеханизированного сельского хозяйства [ГАРО. Ф. 2443. Оп. 2. Д. 246. Л. 65].

Таким образом, непрерывно накапливающиеся в течение трех десятилетий научные данные о Кавказском регионе позволили подготовить и провести комплекс значительных по масштабу изменений в инфраструктуре и подготовить ускоренное экономическое развитие Северо-Кавказского региона. В процессе этой работы, которой не смогли помешать ни военные, ни политические и экономические катаклизмы, произошла трансформация подходов к разработке и реализации планов энергетического строительства – от проектов возведения единичных объектов энергетики в интересах частных компаний, страна перешла к комплексному освоению минеральных ресурсов региона на базе опережающего развития энергетики.

Безусловно, эта трансформация была обоснована изменением статуса основного заказчика электрификации. Только прямое участие государства в обосновании и разработке систем электроснабжения населения и промышленности позволило создать единую, рационально размещенную, грамотно организованную, экономически эффективную схему производства и распределения электроэнергии. Ее возможностями мы пользуемся и сегодня.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ГАРО – Государственный Архив Ростовской Области.

Грищенко, Зиноватный 2008 – *Грищенко А.И. Зиноватный П.С.* Энергетическое право России. – М.: Юрист, 2008. – 279 с.

Люблинский 1920 – *Люблинский П.И.* К вопросу об электрификации железных дорог. – Пг.: Издательство редакции специальных технических и экономических изданий НКПС, 1920. – 55 с.

Отчет о деятельности... 1917 – *Отчет о деятельности* Комиссии по изучению естественных производительных сил России состоящей при императорской Академии Наук за 1916 год. – Пг.: Тип. Имп. Академии наук, 1917. – 52 с.

Пеннер 1993 – *Пеннер В.Я. Пеннер Н.В.* Нальчик глазами современников. – Нальчик: Эль-Фа, 1993. – 144 с.

План электрификации... 1920 – *План электрификации РСФСР.* Введение к докладу VIII съезду Советов Государственной Комиссии по Электрификации России. – М.: Государственное техническое издательство, 1920. – 230 с.

Программа... 1904 – *Программа* исследования мощности главнейших рек восточного побережья Черного моря. Труды Комиссии по рассмотрению вопросов о применении электрической тяги на путях сообщения. – СПб.: [Б. и.], 1904. – 25 с.

Симонов 2016 – *Симонов Н.С.* Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. – М.: Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2016. – 320 с.

Симонов 2017 – *Симонов Н.С.* Энергетическая статистика дореволюционной России. // Статистика и экономика. – 2017. – Т. 14. – № 4. – С. 22-32.

УЦГА АС КБР – Управление центрального государственного архива Архивной службы КБР.

УЦДНИ АС КБР – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы КБР.

Цориев 1988 – *Цориев Р.И.* Электрификация горного края. – Орджоникидзе: Ир, 1988. – 239 с.

Электрификация... 1920 – *Электрификация* Кавказского района. Составлено Государственной комиссией по Электрификации России. Научно-технический отдел. – М.: [Б.и.], 1920. – 50 с.

REFERENCES

Elektrifikatsiya Kavkazskogo raiona. Sostavleno Gosudarstvennoi komissiei po Elektrifikatsii Rossii. Nauchno-tehnicheskii otdel [Electrification of the Caucasus region. Compiled by the State Electrification Commission of Russia. Scientific and Technical Department]. – М.: [W.p.], 1920. – 50 p. (In Russian)

GARO – Gosudarstvennyi Arkhiv Rostovskoi Oblasti [State Archive of Rostov Region]. (In Russian)

GRISHCHENKO A.I. ZINOVATNYI P.S. *Energeticheskoe pravo Rossii* [Russian Energy Law] – Moscow: Yurist, 2008. – 279 p. In Russ.

LYUBLINSKII P.I. *K voprosu ob elektrifikatsii zheleznykh dorog* [On the issue of railroad electrification]. – Petrograd: Izdatel'stvo redaktsii spetsial'nykh tekhnicheskikh i ekonomicheskikh izdaniy NKPS, 1920. – 55 p. (In Russian)

Otchet o deyatelnosti Komissii po izucheniyu estestvennykh proizvoditel'nykh sil Rossii sostoyashchei pri imperatorskoi Akademii Nauk za 1916 god [Report on the activities of the Commission for the Study of Natural Productive Forces of Russia under the Imperial Academy of Sciences for 1916]. – Petrograd: Tip. Imp. Akademii nauk, 1917. – 52 p. (In Russian)

PENNER V.Ya. PENNER N.V. *Nal'chik glazami sovremennikov* [Nalchik with the eyes of contemporaries]. – Nal'chik: El'-Fa, 1993. – 144 p. (In Russian)

Plan elektrifikatsii RSFSR. Vvedenie k dokladu VIII s'ezdu Sovetov Gosudarstvennoi Komissii po Elektrifikatsii Rossii [Electrification plan of the RSFSR. Introduction to the report of the VIII Congress of Soviets of the State Commission for Electrification of Russia]. – Moscow: Gosudarstvennoe tekhnicheskoe izdatel'stvo, 1920. – 230 p. (In Russian)

Programma issledovaniya moshchnosti glavneishikh rek vostochnogo poberezh'ya Chernogo morya. Trudy Komissii po rassmotreniyu voprosov o primenenii elektricheskoi tyagi na putyakh soobshcheniya [A program to study of the power of the major rivers of the eastern Black Sea coast. Proceedings of the commission for consideration of the application of electric traction on tracks]. – SPb.: [W.p.], 1904. – 25 p. (In Russian)

SIMONOV N.S. *Energeticheskaya statistika dorevolutsionnoi Rossii* [Energy statistics of pre-revolutionary Russia]. IN: *Statistika i ekonomika*. – 2017. – Vol. 14. – No. 4. – P. 22-32. (In Russian)

SIMONOV N.S. *Razvitie elektroenergetiki Rossiiskoi imperii: predystoriya GOELRO* [Development of the electric power industry of the Russian Empire: GOELRO prehistory]. – Moscow: Izdatel'stvo Universiteta Dmitriya Pozharskogo, 2016. – 320 p. (In Russian)

TSORIEV R.I. *Elektrifikatsiya gornogo kraya* [Electrification of the mountainous region]. – Ordzhonikidze: Ir, 1988. – 239 p. (In Russian)

UTsDNI AS KBR – *Upravlenie tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby KBR* [Office of the documentation centre for the latest history of the Archive Service of KBR]. (In Russian)

UTsGA AS KBR – *Upravlenie tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva KBR* [Office of the Central State Archives of the Archive Service] (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Новейшая история**

УДК 323.1 (470)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-4-107-136

**ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СССР В 1960-е – 1980-е ГОДЫ****Н.Ф. БУГАЙ***Институт российской истории Российской академии наук**336219, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19**E-mail: nikolay401@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы осуществления государственной национальной политики в один из сложных периодов советской истории. Именно в 1960 – 1980-е годы проявились трудности взаимодействия центра и национальных регионов страны, ощущалось влияние последствий превалирования персонифицированного фактора в национальной политике. Значительное внимание уделено анализу событий на территории Северо-Кавказского региона, где отчетливо проявлялись специфика национальной политики, выражавшаяся в характере мер, проводимых центром в этой сфере. Шел процесс выработки новых социальных технологий ее реализации с целью гармонизации межэтнических отношений. Приоритетное значение приобрели вопросы социального плана, связанные с исправлением ошибок прошлого, прежде всего – последствий принудительных переселений этнических групп населения, целых народов. Этим были нарушены, в частности, выработанные народным творчеством основы нации-строительства. В исследуемый период существенно изменились формы и методы взаимодействия граждан с органами партийной и советской власти, совершенствовалась политическая система. Состояние экономического сектора государства стало самостоятельным фактором, влиявшим на общественно-политическую жизнь многонационального сообщества. Требуют нового осмысления уроки идеологической и политической работы по решению такой кардинальной задачи как формирование общности «советский народ». Эта концепция отражала не только идейно-политическую конъюнктуру начала 1970-х годов, потребовалось столетие, чтобы стало возможным констатировать ее воплощение в жизнь. Вместе с тем в этот период был утрачен тот динамизм проводимых преобразований, который наблюдался в этой сфере жизни общества в 1920-е годы, утрачивала свое значение и устоявшаяся «модель» его развития. Общество испытывало потребность в модернизации многих сторон сферы межэтнических отношений. Примером реализации этих мер выступал и Северо-Кавказский регион (восстановление национальных государственных образований, решение территориальных проблем, совершенствование системы управления, проведение комплекса мер по внедрению в жизнь новых социальных технологий по управлению национальными процессами, обращение к положительным практикам прошлого в осуществлении преобразований, консолидация граждан на основе созидательных задач). Далеко не все планы развития советского общества были реализованы в рассматриваемый период, что в определенной мере объясняет его дальнейшую судьбу.

Ключевые слова: государственность; Северный Кавказ; республика; национальная политика; технология; реабилитация.

PRIORITY AREAS OF THE USSR STATE NATIONAL POLICY IN THE 1960s – 1980s

N.F. BUGAY

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
336219, Moscow, Dm. Ulyanov st., 19
E-mail: nikolay401@yandex.ru*

Abstract. The article examines the problems of the implementation of state ethnic policy in one of the most difficult periods of Soviet history. It was in the 1960s and 1980s that difficulties in interaction between the center and the national regions of the country manifested themselves, and the impact of the consequences of the prevalence of the personified factor in national politics was felt. Considerable attention is paid to the analysis of events on the territory of the North Caucasus region, where the specificity of the national policy was clearly manifested, expressed in the nature of the measures carried out by the center in this area. There was a process of developing new social technologies for its implementation in order to harmonize interethnic relations. Social issues related to the correction of mistakes of the past, first of all, the consequences of forced relocations of ethnic groups of the population and entire peoples, have acquired priority importance. This violated, in particular, the foundations of nation-building worked out by the peoples' creativity. During the period under study, the forms and methods of interaction of citizens with the bodies of party and Soviet power changed significantly, the political system was improved. The state of the economic sector of the nation has become an independent factor influencing the social and political life of the multinational community. The lessons of ideological and political work on the solution of such a cardinal task as the formation of the "Soviet people" community require a new understanding. This concept reflected not only the ideological and political conjuncture of the early 1970s, in fact it took half a century of development to make possible official statement of its implementation. At the same time, during this period, the dynamism of the reforms that was observed in this sphere of social life in the 1920s was lost, and the established "model" of its development was losing its significance. Society felt the need to modernize many aspects of the sphere of interethnic relations. An example of the implementation of these measures was the North Caucasian region (restoration of national state formations, solution of territorial problems, improvement of the management system, implementation of a set of measures to implement new social technologies to manage national processes, appeal to the positive practices of the past in the implementation of transformations, consolidation of citizens based on constructive tasks). By no means all plans for the development of Soviet society were implemented during the period under review, which to a certain extent explains its further fate.

Keywords: statehood; North Caucasus; republic; national policy; technology; rehabilitation.

Постановка проблемы

В развернувшейся в 1960-е годы в СССР научной дискуссии утверждалось положение о решении национального вопроса в Советском Союзе, а также о реализации ранее намечавшихся планов в этой сфере государственной политики. В качестве целей национальной политики признавались: дальнейшее поступательное развитие жизни народов СССР;

удовлетворение конституционных прав граждан страны, в том числе – этнических, конфессиональных; формирование демократических механизмов осуществления политики; установление диалога между институтами государственной власти и населяющими государство народами в интересах достижения общественно-политической стабильности, создания условий для обеспечения его безопасности и, в конечном счете, сохранения самой государственности.

Что касается публикаций по изучаемому периоду национальной политики, то они в большей мере носят оценочный характер. Внимание концентрируется на действиях «вождей» того времени. Однако роли трудящихся масс мало уделялось внимание. Не раскрывается фактор взаимодействия политиков с гражданами страны, формы воздействия населения на органы власти. Но без этого не понять, как стали возможны выход из ситуации, связанной с обострением межэтнических отношений, и ликвидация последствий негативной политики в прошлом.

Не отказываясь от анализа социально-политической обстановки, автор ставит целью определить приоритетные направления национальной политики и концентрирует внимание на решении задач, остро стоявших перед обществом и государством. По нашему мнению, прежде всего, это преодоление последствий нарушения основ советского национально-государственного обустройства, выразившегося в принудительном переселении народов и групп населения. Оно породило элементы отчужденности во взаимоотношениях граждан с органами государственной власти и необходимость решения комплекса вопросов социального плана в условиях неудовлетворительного состояния экономической сферы. Все эти факторы имели место на Северном Кавказе. Без решения этих задач вряд ли было бы возможным продвижение вперед.

С целью рассмотрения этих вопросов автор в ходе исследования проблемы опирался на принцип историзма и применял общепринятые методы исторического исследования – проблемно-хронологический подход, историко-системный и сравнительный анализ. Основу анализируемых данных составили новые архивные материалы, выявленные в таких архивохранилищах, как РГАСПИ, РГАНИ, Архив Президента РФ, Верховного Совета СССР и др.

Национальная политика: общие проблемы осмысления и политической практики

Государственная национальная политика понятие более емкое, чем это порой трактуется в литературе. Вряд ли, можно ставить знак равенства между государственной национальной политикой, которая предусматривает, прежде всего, общегосударственные интересы в международном плане, включая и сферу хозяйствования: освоение территории, транспортные коммуникации, развитие различных отраслей народного хозяйства, образования, торговли и т.д. и, с другой стороны – *политику межэтнических отношений, т.е. отношений между народами, группами людей, проживающими в одном государстве.*

Межнациональные (межэтнические) отношения характеризуют связи между этническими общностями, а также между представителями различных национальностей на личностном или групповом уровне, а в рамках многонациональных государств рассматриваются как составная часть более общего понятия – «национальные (этнонациональные) отношения, включающего в себя как внутринациональные (внутриэтнические) связи, так и межнациональные (межэтнические) отношения.

Конечно, второе направление несколько более узкое по своему содержанию и нацеленности, однако, оно распространяется именно на людей, принадлежащих к разным этническим общностям, идентифицирующих себя с тем или иным народом, государственностью, территорией.

Решение национального вопроса в Советском Союзе в целом и его составляющих, как утверждалось в итоге упомянутой выше дискуссии в обществе, базировалось на накопленном опыте предшествующих поколений. Ощущалась потребность в конструировании новой «модели» политики в государстве. Выполнение этой задачи было направлено на совершенствование самой национальной политики, получение ответа на вопрос о сущности нации. Этот вопрос по-прежнему оставался в числе приоритетных. От этого в прямой зависимости находилось формирование и самосознания, и национального сознания граждан страны, повышение их этнической мобильности, мобилизация и консолидация этнических общностей на реализацию поставленных задач прежде всего в сфере экономики и культуры.

Национальной политикой, проводимой И. Сталиным в 1930-е – начале 1950-х годов в Советском Союзе был нанесен определенный ущерб этническим общностям, подвергшимся разного рода деструктивным воздействиям со стороны государства. Очевидным в этом плане оставалось нарушение конституционных прав граждан, недоверие, выраженное целым народам относительно их готовности выполнять свой гражданский долг по защите Отечества в годы Великой Отечественной войны.

В октябре 1956 г. был подготовлен проект постановления «О восстановлении национальной автономии калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей». Эти же меры проводились и применительно к другим народам страны. В августе 1960 г. на проходившем в Нальчике Всероссийском совещании руководителей автономных республик и областей, с территорий которых выселялись население в 1930-1940-е годы, было заявлено о завершении реабилитации.

Социально-политическая обстановка во второй половине 1950-х годов сопровождалась и определенной децентрализацией, расширением некоторых прав советских республик. Меры, которые проводились органами советской и партийной власти в 1950-е годы, а именно расширение компетенции союзных республик в решении вопросов труда и заработной платы, распределения промышленных зон с передачей предприятий; более широкое участие автономных республик в планировании и финансировании, в реализации мер административно-территориального обустройства; переход в управлении промышленностью от отраслевого к территориальному принципу управления

были востребованными процессом развития и совершенствования самой государственности.

Союз ССР оставался не только многонациональным, но и федеративным государством, имеющим в своем составе национальные образования. Под понятием «*федерализм*» подразумевается система основных принципов определенной формы государственного устройства и его функционирования. В советский период федеративная форма обязательно увязывалась с решением национального вопроса. В то же время преувеличение роли национального фактора в строительстве федерации могло не столько сплотить сколько, напротив, разделить население, подорвать устои государственности, как таковой.

Одним словом, исторический процесс совершенствования государственности показывал, что главной задачей становилось сохранение ее целостности, создание условий для обеспечения безопасности.

В обществе негласно развивалась дискуссия по вопросу о государственном устройстве, в ходе которой отстаивалась и идея его базирования на административно-территориальном принципе. Это подразумевало отказ от этнического начала как приоритетной основы территориального деления, учет не только компактного проживания этнических общностей, но и экономико-географического принципа, что позволило бы сформировать более гибкий механизм интеграции регионов России, получающих статус земель.

Полагалось, что административно-территориальный подход к федерации способствует укреплению государственности путем централизации, стимулируя процессы интеграции, единство гражданской общности.

Национальная политика государства и его территориальная организация органично взаимосвязаны, по той простой причине, что последняя выступает в качестве основного ингредиента самого государства.

Национальная политика во многом определяется особенностями его территории. Направление деятельности сообщества также во многом зависит от территории проживания, с учетом этого формируется и определенные традиции народа, и обычаи, и собственный менталитет, трудовые навыки и род занятий. Важными составляющим выступают климат, экологическая среда, обеспечение водными ресурсами, полезными ископаемыми.

Вот почему в исследуемый период предпринимались огромные усилия к тому, чтобы увязать территориальное деление с принципами экономического районирования. Это было одной из трудных задач, которые надо было решать в связи с переходом от отраслевого к территориальному управлению экономикой. Не случайно проблема неоднократно выносилась на обсуждение и даже предлагались конкретные планы (Ю. Андропов). Ее нерешенность, в том числе применительно и к национальным областям, способствовала усилению кризисных явлений в обустройстве самой государственности.

Не случайно и то, что эта сложная задача обсуждалась в ходе подготовки новой редакции Конституции СССР в 1960-е гг. Были определены в проекте и соответствующие положения. Тем не менее, предлагаемые изменения

федеративных отношений сводились только к расширению прав республик «осуществлять дипломатические и экономические отношения», содействовать укреплению и расширению связей народов в сфере культуры. В целях обеспечения безопасности государства разрешалось формировать республиканские войсковые соединения. Хотя и провозглашался суверенитет республик, но на практике он выглядел несколько усеченным.

Национальный вопрос получал свое видение и толкование в работе Конституционной комиссии по подготовке новой Конституции СССР, которая начала свою деятельность в 1962 году. В составе комиссии была образована подкомиссия, которой руководил А.И. Микоян. Она как раз и занималась вопросами национальной политики, а также национально-государственного устройства [РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 37. Л. 215-216]. В новой конституции предполагалось расширить права союзных республик и более четко определить основы взаимоотношений между центром и республиками [РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 37. Л. 215-216].

Большинство предложений, касающихся национальной политики, сводилось не к отстаиванию прав конкретных национальностей, а, скорее, к отказу от культивирования национальной самобытности. Отдельные ученые, представители СМИ предлагали упразднить понятие «национальность» вообще и ликвидировать соответствующую графу в паспорте и анкетах.

Для Конституции Союза ССР, как и конституций союзных и автономных республик, было характерно наличие положений, регулирующих правовой статус человека и гражданина, его прав и свобод, но предпочтение отдавалось общегосударственным ценностям. Были определены подходы к федеративным конституционным нормам. Важная роль отводилась и международному законодательству, в частности Международному пакту о гражданских и политических правах, Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах.

В течение всего периода власть время от времени возвращалась к национальному вопросу, но, и это главное, воспринимала его через призму отдельных «националистических проявлений» или «националистических настроений». Этнические конфликты в официальных документах подавались под прикрытием разного рода эвфемизмов: их квалифицировали как «хулиганские действия», «антиобщественные проявления», «массовые беспорядки», «бесчинства» и т.д.

«Национализм» в трактовке официальной идеологии не был этнической категорией, во всяком случае, не этничность выдвигалась на первый план в качестве его сущностного признака.

Политика центральной власти в национальном вопросе зависела от общей обстановки в стране, степени политической и социальной напряженности, характера международного положения государства в конкретный момент времени. Первые признаки очередного «закручивания гаек» в этой сфере проявились уже в середине 1960-х гг., хотя настоящая реакция с соответствующими идеологическим обоснованием и административными санкциями последовала в начале 1970-х годов. Одной из главных причин этого

поворота был рост недовольства, особенно активно демонстрируемого интеллигенцией и молодежью в национальных регионах.

В научном плане вызывает определенный интерес толкование употребления терминологии, раскрывающей национальную и федеративную политику. И в этом отношении сыграла большую роль состоявшаяся дискуссия по многим аспектам проблемы и самому понятию – «национальный вопрос» в журнале «Вопросы истории» в 1966-1970 гг. Этот вопрос рассматривался в рамках дискуссии по теории нации. На страницах журнала были опубликованы статьи ученых – участников дискуссии [Джунусов 1966; Мнацаканян 1966; Семенов 1966; Бурмистрова 1966; Агаев 1967; Калтахчян 1967; Козлов 1967; Тавакалян 1967; Ананченко 1967; Лашук 1967; Цамерян 1967; Горячева 1967; Исаев 1968; Дроздов 1968; Зайченко, Сабиров 1968; Росенко 1968]

О результатах данной дискуссии высказаны совершенно разные мнения. Например, М.И. Куличенко считал, что в определенной мере сама дискуссия была порождена тенденцией к созданию обобщенных характеристик национальных процессов в Союзе ССР и, вместе с тем, немало способствовала ее дальнейшему развитию. Он отмечал: «Хотя, на первый взгляд, она завершилась тем, с чего началась, однако в ходе ее стала очевиднее сложность национальных явлений и было привлечено внимание к некоторым аспектам национальной проблематики, которые прежде оставались в тени (например, национальное самосознание, соотношение в национальном этнического и собственно социального)» [Основные направления... 1979]. Эта проблема была объектом внимания и в работах других авторов [Куличенко 1972, Грошев 1967, Грошев 1974]. Толкование этих аспектов темы, их отражение в последующем изложила в своей работе Н.В. Михайлова [Михайлова 2012]. Применительно к этому периоду ею даны оценки состояния советского общества. Тем не менее оставался вопрос, так все же удалось ли к 1960-м годам решить «национальный вопрос», в понимании того времени?

Проблемы реабилитации репрессированных народов: Северный Кавказ

В 1960-1980-х годах в непростых условиях социально-экономического положения в сфере национальной политики пришлось заниматься и тлеющей *проблемой реабилитации этнических общностей, подвергшихся в прошлом мерам деструктивной политики, их возвращения, обустройства*. Это было наследие, оставшееся от прошлой национальной политики.

Реабилитация таких народов как чеченцы, ингуши, карачаевцы, калмыки, балкарцы, а также частично этнических меньшинств в основном завершилась, а вернее, она переходила в окончательную стадию. Были приняты десятки нормативно-правовых документов (например, постановление Совета Министров ДАССР и бюро Обкома КПСС от 20 апреля 1960 г. № 136/13 «О мерах по хозяйственному и трудовому устройству чеченского населения в республике»; постановление Совета Министров ДАССР от 11 октября 1960 г. № 340 «О мерах по хозяйственному устройству чеченского населения,

возвратившегося в Казбековский район Дагестанской АССР» [Постановление Совета... 1992].

На проходившем 25 августа 1960 г. кустовом совещании в г. Нальчик (Кабардино-Балкарская АССР) руководителями всех правительств северокавказских республик, краев и областей было заявлено о состоявшейся реабилитации названных народов Северного Кавказа. 1960-й год был признан годом «окончания реабилитации народов на Северном Кавказе», и в том числе калмыков [Стенограмма... 2011: 91-141].

В исторической литературе, особенно западной, бытует мнение о том, что инициатором реабилитации после смерти И. Сталина (1953 г.) и до середины 1960-х годов (этот отрезок времени выделен ими в самостоятельный период реабилитации) стала партийная верхушка, и осуществлялась реабилитация при плотно закрытых дверях [Энциклопедия изгнания... 2013].

Инициаторами реабилитации граждан прежде всего выступали представители этнических общностей, всех других групп населения, подвергшихся репрессивным воздействиям со стороны государства.

Длительное время партийные органы старалась «задушить» в корне эту идею. В первой половине 1950-х годов в ЦК КПСС направлялись спецпереселенцами тысячи писем, и необходимой была реакция на подобные обращения. Только в 1953 г. в Москву от спецпереселенцев поступило 70 717 обращений, а в 1953 г. – их число возросло почти вдвое – 130 582 обращения. Сама жизнь диктовала изменение ситуации.

Партийная же верхушка по своему назначению и с учетом тех циркуляров, которые направлялись в местные органы власти по вопросам спецпереселенцев, по своему положению просто не могла быть инициатором названных действий.

Решение организационных вопросов, несомненно, приносило положительные результаты. С 1957 по 1961 гг. валовая продукция промышленности Чечено-Ингушетии возросла на 49%. В капитальное строительство было вложено 427,5 млн рублей, выстроены 49 промышленных предприятий, химзавод, сахарный завод, Новогрозненская ТЭЦ, завод железнодорожных конструкций, гормолзавод и другие. Возросла засеваемая площадь в колхозах и совхозах. поголовье крупного рогатого скота увеличилось на 31% [ГА РФ. Ф. А-317. Оп. 1. Д. 201. Л. 97].

Конечно, большое внимание государством уделялось социальной политике. В первую очередь – обеспечению жильем прибывавших в республику граждан. На середину 1960 г. в Чечено-Ингушской АССР было построено 31 тыс. домов, находились в стадии строительства 13 тыс. индивидуальных домов. Этот показатель мог быть более высоким, если учесть, что, по приблизительным данным, оставалось неудовлетворительным освоение выделенных кредитов на жилищное строительство. Так, из 50 млн руб., предоставленных по плану на жилищное строительство на 1960 г., к августу было освоено только 11, 5 млн рублей (23%). [ГА РФ. А- 518. Оп.1. Д. 151. Л. 10].

Использовалась и такая мера как предоставление квартир за счет общественно-жилищного фонда. Отмечалось, что таким образом было обеспечено жильем около 11 тыс. семей. Эта мера явилась немалым подспорьем в решении жилищной проблемы в целом. Названное совещание (г. Нальчик) признавало, что проблема в целом решается «удовлетворительно» [ГА РФ. Ф. А-317. Оп. 1. Д. 201. Л. 97. Л. 5].

К августу 1960 г. в народном хозяйстве республики удалось трудоустроить, замечал зам. председателя Правительства Чечено-Ингушской АССР С.А. Атиев, около 100 тыс. трудоспособных чеченцев и ингушей, в том числе в сельском хозяйстве – более 71 тыс., в отраслях промышленности – 11 тыс. человек, остальные – в прочих отраслях народного хозяйства. В числе нетрудоспособных к этому периоду оставалось 20-25 тыс. граждан – чеченцев и ингушей. [ГА РФ. Ф. А-317. Оп. 1. Д. 201. Л. 97. Л. 9]. Следует учитывать, что к 1960 г. в местах поселений (принудительное переселение) оставались еще около 100 тыс. чеченцев и ингушей. В числе их, по приблизительным данным, было еще трудоспособных в пределах 30 тыс. человек. В случае приезда в республику этой части принудительно переселенных в 1940-е годы могли возникнуть дополнительные трудности, сопровождаемые социальной напряженностью, а также и с необходимостью трудоустроить около 50 тыс. человек. Была проведена соответствующая работа со специалистами Министерства сельского хозяйства РСФСР. Были определены ссуды в размере 13 млн рублей и средства, направлявшиеся на строительство жилья, приобретение скота и др. [ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 151. Л. 9].

Несмотря на имевшиеся трудности, заметно возростала социально-трудовая активность населения республики. Уже в 1960 г. был выполнен план сдачи и продажи государству колосовых зерновых. Сверх плана было сдано 1 млн пудов зерна. [ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 151. Л. 9].

В начале 1960-х годов чеченцы и ингуши активно привлекаются к общественно-политической жизни республики. Среди 955 секретарей первичных организаций 122 человека были чеченцы и ингуши. Из 10 349 членов профсоюзов, избранных в состав областного Совета профсоюзов, обкомов и райкомов, было 4577 чеченцев и ингушей (44,2%) [Репрессированные народы... 1994].

Особое внимание и забота проявлялись об обустройстве граждан, возвращавшихся в республику. С этой целью 24 февраля 1962 г. Совету Министров Чечено-Ингушской АССР разрешалось израсходовать на оказание единовременной помощи прибывшим в автономную республику из Казахской и Киргизской ССР, а также на организационные мероприятия, связанные с переездом, 100 000 рублей. Эта мера осуществлялась за счет сверхпланового остатка средств по государственному бюджету Чечено-Ингушской АССР на 1962 год [ГА РФ. Ф. А-317. Оп. 1. Д. 201. Л. 97]. С целью улучшения положения в социальной сфере республики проводились и другие мероприятия.

Из 118 тыс. трудоспособного населения удалось трудоустроить 112 323 человека. 19 тыс. человек были заняты в промышленном производстве республики. Уже в 1961 г. решались частично и вопросы социальной политики.

Проживали в коммунальных квартирах 10 тыс. человек, построили и купили дома 73 тыс. человек. 10 400 семей завершал строительство индивидуальных построек, 1600 семей расселялись по частным квартирам [По решению... 2003: 783; Бугай 2006а: 130].

В 1960 г. в Дагестанскую АССР из Средней Азии прибыло 1660 семей чеченцев (9 тыс. человек). Они были расселены в Хасавюртовском районе. Сразу же на государственном уровне было рассмотрено положение вновь прибывших переселенцев и определялись меры по улучшению их материального положения. 2000 семей, остававшихся в местах поселения, выразили желание переселиться в Чечено-Ингушскую АССР. Все они переезжали на жительство в Курчалоевский, Малгобекский, Надтеречный и Наурский районы. Из мест принудительного переселения на 1961 г. возвратились в республики 468 тыс. человек (384 тыс. чеченцев и 84 тыс. ингушей). При этом на территорию Дагестанской ССР прибыло 28 тыс. чеченцев, в Северо-Осетинскую АССР – 8 тыс. ингушей [«По решению... 2003: 783; Бугай 2006б: 128].

В целях улучшения общего состояния Калмыцкой автономной области (АССР с 29 июля 1958 г.) и, прежде всего, укрепления ее материальной базы, центром были переданы 1220 автомашин разных марок, тракторов всех марок – 1167, комбайнов зерновых – 150 и другой техники. В хозяйствах Калмыкии на 1960 г. работали 7538 тракторов, 1174 комбайна, 2977 автомашин, большое количество другой техники.

Укрепление технической базы позволяло собрать и сдать государству 10 млн пудов зерна [ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 151. Л. 53-54]. Министерство Сельского хозяйства РСФСР выделило 70 млн рублей на культурно-бытовые нужды, жилищное строительство. За 3,5 года (1957-1960) были также использованы долгосрочные кредиты в сумме 79 914 тыс. рублей [ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 151. Л. 23]. В форме кредита на строительство домов и покупку скота в этот же период было предоставлено калмыкам – бывшим спецпереселенцам – 5576,1 тыс. руб. Повсеместно ощущалась нехватка строительных материалов [ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 151. Л. 31].

Социально-экономические проблемы реабилитации в научном плане изучал профессор В.Б. Убушаев, данные которого, также свидетельствуют об огромной работе, проведенной в плане реабилитации калмыков во второй половине 1950-х годов и в 1960-е годы. По его сведениям, уже в марте 1957 г. был решен вопрос о выделении единовременного денежного пособия и ссуды для индивидуального строительства, приобретения скота, оказания единовременной помощи.

Только на капитальное строительство, по сведениям В.Б. Убушаева, было выделено 73 млн руб., 40 тыс. куб. м. леса, детали сборных домов, стройматериалы, разнообразная техника. В порядке помощи остро нуждавшимся семьям, инвалидам войны и труда было выдано более 1 млн руб. и построены жилые дома на 734 тыс. рублей.

Для строительства индивидуальных домов калмыцкому населению была предоставлена на льготных условиях через Сельхозбанк ссуда в 63 млн рублей.

Всего за два года калмыцким населением было приобретено более 8 тыс. голов крупного рогатого скота, построено пять тыс. индивидуальных домов.

В целом государство израсходовало на индивидуальное жилищное строительство 107, 5 млн. руб. на приобретение скота – 18, 5 млн руб., на переселение и оказание единовременной помощи – 6,6 млн рублей. К ноябрю 1957 г. прибыло в область 9318 семей, все были обеспечены постоянным жильем [Убушаев 1991: 72].

Сложно протекало обустройство возвращавшихся граждан и в других регионах края. На территорию бывшей Карачаевской АО в целом к 1960 г. прибыли 21 тыс. семей (73 тыс. человек), главным образом карачаевской национальности. Они расселялись в 6 районах области. Из 31 тыс. трудоспособных к лету 1960 г. удалось трудоустроить более 20 тыс. человек, в том числе 7 тыс. женщин [ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 151. Л. 34]. Начиная с 1960-х годов, народы области активно участвовали в восстановлении ее экономического потенциала, возрождения культуры народов. Их представляли, наряду с карачаевцами и черкесами, абазины, ногойцы, русские, осетины, балкарцы и др.

В отчете по КЧАО на совещании в Нальчике 25 августа 1960 г. также читаем: «На капитальное строительство по народному образованию мы получаем средств достаточно. По линии здравоохранения в 1960 г. выделено 2 млн. рублей. Строится областная больница и районная больница в Малокарачаевском районе. Одна районная больница уже в 1960 г. была введена в эксплуатацию. На 1961 год Госпланом предусматривалось выделение средств в сумме 4 млн рублей для строительства объектов здравоохранения. В районах возводились также Дома культуры» [ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 151. Л. 35].

Как и в других республиках, средства, отпущенные на строительство жилья, слабо осваивались [ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 151. Л. 43]. Имели место случаи, когда средства, отпущенные на индивидуальное жилье, «использовались на нужды колхозов, т. е. не по целевому назначению».

По имеющимся данным, более 60 тыс. карачаевцев поселились на землях, на которых они до принудительного выселения не проживали. И руководство автономной области в 1962 г. сообщало Бюро ЦК КПСС по РСФСР: «Сохраняется обстановка нормальных межнациональных отношений, без острых конфликтов. Народы по отношению друг к другу лояльны и терпимы. Нередко у представителей отдельных народов возникает чувство национальной ущемленности. Это связано с кадровой политикой, распределением лимитных мест в вузы, необъективным приемом экзаменов, с ограничением в области культуры и искусства (действовала карачаевская и черкесская труппы театра, но не было ногойской и абазинской)» [ГА РФ. Ф. Р. 7523. Оп. 102. Д. 521. Л. 122].

В Северо-Осетинскую АССР возвратилось 5776 ингушей. Проблем с трудоустройством, по заявлению заместителя председателя Совета Министров Северо-Осетинской АССР к августу 1960 г., не существовало. Сразу же были трудоустроены 1138 семей, в которых насчитывалось трудоспособных 1995 человек. Ингуши были заняты на предприятиях и учреждениях – 442 семьи

(1098 человек), в совхозах – 156 семей (289 человек), оставались без работы – 338 человек [ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 151. Л. 45]. Следует также заметить, что в этот период в Северо-Осетинскую АССР возвращались и осетины – 3392 семьи (около 20 тыс. человек), переселявшиеся в середине 1940-х годов, а также позднее, на территории, входившие до выселения чеченцев и ингушей, в состав Чечено-Ингушской АССР [ГА РФ. Ф. Р. 7523. Оп. 102. Д. 521. Л. 122].

Министерство здравоохранения РСФСР выполняло большую работу по реализации этих приоритетных направлений, связанных со здоровьем ранее репрессированных граждан. В 1960 г. были проведены дополнительно капиталовложения в эту сферу по Кабардино-Балкарской АССР – 7,9 млн руб., Дагестанской АССР – 4 млн руб., Северно-Осетинской АССР – 6,9 млн руб. Освоение же выделенных средств составило от 5 до 25% [ГА РФ. Ф. Р. 7523. Оп. 102. Д. 521. Л. 38]. Привлекает внимание и предлагавшаяся программа улучшения положения в здравоохранении республик. В связи с этим было рекомендовано наладить в республиках и областях санэпидслужбу.

Одним словом, на Северном Кавказе в 1960-е годы восстановление гражданских прав и хозяйственной сферы жизни репрессированных народов набирало обороты. Однако все эти мероприятия проводились в активной фазе только применительно к титульным нациям и отдельным этническим меньшинствам, переселявшимся совместно с ними.

Применительно к титульным народам автономий региона параллельно с этими мерами необходимо было также решать вопросы реструктуризации *национально-государственных образований*. Это была одна из важнейших проблем проводимой в 1950-1960-е гг. реабилитации. Однако органы партийного руководства избрали путь воспрепятствования движению репрессированных народов в связи с этим вопросом.

Проблемы реабилитации российских немцев, крымских татар и других национальных групп

Острым и противоречивым оставалось положение российских немцев, крымских татар, греков, реабилитация которых в 1960-е годы была ограничена полумерами. В случае с немцами специфической и весьма щекотливой для официальных советских властей проблемой было распространенное среди них стремление к репатриации. Причем речь шла о Западной Германии – ФРГ, и это в условиях холодной войны и массовым исходом немцев из ГДР на Запад через Западный Берлин.

В конце 1950-х – начале 1960-х годов каждый день границу пересекали сотни людей (более трех тысяч в неделю). Так, только с 1 по 7 ноября 1958 г. в Западный Берлин перебралось 3759 человек, с 8 по 14 ноября – 3468 человек. По данным правительства ГДР, в 1959-1961 гг. страну покинуло 420 тыс. человек [АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 939. Л. 91]. Всего с 1949 г. по 1961 г. с Востока на Запад страны перебежало 2,6 млн немцев [Die vergessenen Opfer... 2005: 10]. В феврале 1960 г. посольство ФРГ получило 706 разрешений советских властей на выезд немцев из СССР в Германию. Выезд мог осуществляться

исключительно в «формате» воссоединения семей, как отдельные случаи, на основе индивидуальных запросов. К августу 1960 г. компетентные органы СССР дали разрешение переселиться в ФРГ около 13 500 немцам. Количество желающих переселиться к «капиталистам» возрастало день ото дня. Такое положение не могло не тревожить руководство СССР. 1 августа 1960 г., за год до сооружения стены в Берлине, было объявлено о завершении репатриации советских немцев в Германию.

Но в стране работа по реабилитации советских немцев продолжалась. В частности, 29 августа 1964 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья». Тем самым были сняты огульные обвинения в отношении немцев, ставшие «основанием» для их поголовной депортации в 1941 г. [История российских... 1993].

В 1960-1980-х гг. на территории бывшей АССР немцев Поволжья шло нарастание удельного веса немцев-горожан. Обратное явление наблюдалось лишь в Гурьевской и Карагандинской областях Казахской ССР, откуда происходил отток преимущественно городского немецкого населения. Увеличивалась численность немецкого населения. В Саратовской области проживало на начало 1980-х годов уже 11 тыс. немцев, в Волгоградской области – 19 тыс. немцев [Скучаева 2011: 487].

В РСФСР большинство немцев проживало на территории Алтайского края. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., в крае их проживало 143 тыс. (5% от населения края), а к концу 1960-х годов численность немцев здесь возросла до 160 тыс. человек. Значительная часть немцев сосредоточивались в Славгородском районе (17 тыс. человек – 52% от населения района). Конечно, и немцев Алтайского края не покидала мысль о создании собственной автономии, в том числе и на территории Славгородского района.

Основная часть трудоспособной немецкой молодежи была вовлечена в общественно-политическую работу. За счет производственников и интеллигенции коммунистическая ячейка возросла до 3520 человек, комсомольская – до 6600 человек. Из числа 29 295 депутатов местных советов, 1345 насчитывали граждане немецкой национальности, 6 человек были заведующие отделами райкомов КПСС и райисполкомов, 6 – директорами совхозов, 14 – председателям колхозов [Скучаева 2011: 487]. Значительную часть немецкого населения составляли учителя, врачи, механизаторы, животноводы, полеводы и др.

Начиная с 1970-х годов, Краснодарский край становится одним из мест сосредоточения немецкого населения. Численность его в крае возросла на 39,89%. Эта тенденция отмечена и применительно 1980-х годов (на 31,80%). Немцы составляли четвертую по численности неславянскую национальную группу в крае после армян, татар и греков. Нарастала миграция немцев на территорию Краснодарского края, однако в последующем ситуация резко менялась.

Что же касается территории бывшей Автономии немцев Поволжья, то переселение на нее немцев по-прежнему было затруднено. Отказ в прописке применялся к немцам не только здесь, но и на Украине. В информации по этому поводу М.П. Георгадзе сообщал о том, что Президиум Верховного Совета СССР уже проводил работу по снятию указанного правового ограничения с немцев – граждан Союза ССР [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 2. Л. 5].

На территории Казахской ССР в конце 1960-х годов проживало еще свыше 700 тыс. немцев. Они расселялись главным образом в Целиноградской, Карагандинской, Кустанайской и Восточно-Казахстанской, Кокчетавской областях. Регионы с компактным проживанием немецкого населения отличались активным их участием в хозяйственной и общественно-политической жизни.

В рассматриваемый период в республике более одной тысячи граждан из немцев находились на руководящей партийно-советской и хозяйственной работе, более 300 коммунистов немцев были избраны членами горкомов, обкомов, секретарями первичных организаций. В местные советы в марте 1969 г. были избраны от немцев 5852 человека, что на 73 депутата больше по сравнению с выборами 1968 года.

Особое внимание сосредоточивалось на налаживании интеллектуальной стороны жизни немецкого сообщества в республиках, предпринимались усилия в плане обучения родному языку. В масштабе республики обучением было охвачено 35 555 учащихся немцев.

В этот же период органы советской власти на местах начинают всячески чинить препятствия в оформлении документов на выезд. Невозможно было быстро получить архивные справки. Документы от германских служб зачастую вообще не принимались во внимание. Усилилась пропаганда против ФРГ, постоянно в прессе сообщалось о безработице, других социальных проблемах. Активизировалась работа и в немецком движении за восстановление автономии немцев Поволжья. Стали более частыми контакты с руководством страны [Правда восторжествует... 2010: 7-11]. Они проходили в позитивной тональности. На встрече с председателем Президиума Верховного Совета СССР А.И. Микояном, проходившей в июне 1965 г. в Москве, давалась не только высокая оценка работе советских немцев, но и признавалось, что «сейчас в Целинном крае (тогда ряд областей Северного и Центрального Казахстана) без немцев вести сельское хозяйство невозможно» [Правда восторжествует... 2010: 9]. Тем не менее просьба советских немцев об автономии не была удовлетворена.

Выезд оставался по-прежнему закрытым, и только в 1970-х годах переговоры о немцах в Союзе ССР возобновились, их продолжил канцлер Вилли Брандт. Канцлеру удалось тогда «выторговать» разрешение советских властей на выезд группы российских немцев, еврейских активистов, а также писателя А. Солженицына. Однако количество переселенцев исчислялось несколькими тысячами.

Под влиянием улучшения отношений с ФРГ после заключенных в начале 1970-х годов московских договоров, восстановивших нормальные

дипломатические, торговые и гуманитарные контакты между СССР и Западной Германией, начинается настоящее паломничество российских немцев за «антрагами» – заявлениями на выезд.

Параллельно в СССР продолжилась либерализация мер в отношении немцев. В 1972 г. принимается Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан». Принудительно переселенным немцам СССР разрешалось возвращение на Волгу в индивидуальном порядке.

Те из немцев, кто в середине 1970-х годов, на свой страх и риск, вернулись в Саратовскую и Волгоградскую области, к которым отошли еще в 1941 г. земли бывшей АССР немцев Поволжья, с удивлением обнаруживали, что их оттуда не гонят, а позволяют оформить прописку, приобрести жилье и устроиться на работу. Но на этот риск пошли тогда лишь единицы. Власти же получили еще один козырь: немцы не хотят возвращаться на Волгу, они укоренились в местах нынешнего проживания.

Одним словом, замалчивание и неопределенность с решением этого вопроса, а также наличие серьезных фактов дискриминации советских немцев способствовали нарастанию среди них эмиграционных настроений. В 1951-1985 гг. в среднем ежегодно из страны выезжало 2720 немцев. Но динамика развивалась по нарастающей и, например, в 1976 г. в Германию выехало 6790 человек, а в 1986-1990 гг. в среднем ежегодно выезжало 62000 человек [Вольф, Гемпель 2007: 3].

С просьбой о решении национальной проблемы советских немцев в ЦК КПСС обращались в 1980-е годы и граждане других национальностей. Среди них ученые, историк из Барнаула Л.В. Малиновский, режиссер драматического театра в г. Темиртау Б.А. Атабаев, учитель И.В. Трутанов и другие. «Судьба этого народа, – писал Л.В. Малиновский, – трагична. Немецкие колонисты пострадали за то, что их предки произошли когда-то от того же национального корня, из которого развивался позднее немецкий фашизм» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 52. Л. 50 Л. 171-176]. Решение проблем российских немцев продолжались.

Реабилитация в 1960 г. для многих из этнических общностей, подвергшихся репрессии, не получила завершения. Уже в 1960-е годы она считалась закрытой для одних народов (чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки, карачаевцы), однако в отношении других этнических общностей – советских немцев с территории Крымской АССР, этнических общностей советских республик Закавказья, регионов на Северо-Западе страны – пока подобные меры не проводились.

Так, мало коснулась реабилитация, проводимая в СССР во второй половине 1950-х годов и в начале 1960-х годов, жизни крымских татар. Практически весь период проживания крымских татар в республиках Средней Азии, главным образом в Узбекской ССР, был связан с последовательной, не прекращавшейся борьбой за возвращение в Крым. По своей сути это была борьба прежде всего за свои права. Иногда она принимала экстремистскую направленность, но тем не менее конечные цели ее были прозрачными –

возвращение и восстановление государственности на территории, с которой крымские татары были выселены принудительным образом.

После принятия Президиумом Верховного Совета СССР Указа от 5 сентября 1967 г. № 1861-УП отменялись полностью решения государственных органов власти в части, содержащих обвинения в отношении граждан татарской национальности, проживавших в Крыму [Бугай... 2006а: 130]. В область начался массовый заезд граждан татарской национальности. По данным секретаря обкома Крымского областного комитета КП Украины Н. Кириченко в Крымской области на 1972 г. проживало более 3000 татар, большая часть из которых прибыла в порядке переселения по линии оргнабора. Однако отдельные семьи, по его данным, возвратились на прежние места жительства в Узбекскую ССР, считая, что условия жизни там не хуже, чем в Крыму [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 52. Л. 50-55]. Помимо прочего, это было связано с тем, что в ответ на конфликты и нарушения общественного порядка местные власти административными мерами добивались возвращения татар к прежним местам жительства. В начале 1973 г. в сельских районах находилось всего 27 татарских семей (160 человек). Тем не менее к концу 1973 г. в области проживало 3496 граждан татарской национальности (567 семей), из которых 2403 чел. (392 семьи) прибыли в порядке планового переселения [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 56. Д. 107. Л. 25-28].

Этот процесс продолжался в 1970-1980-е годы. Центром сосредоточения крымско-татарского населения становится Краснодарский край, близко расположенный к Крыму. В информации Краснодарского крайкома КПСС «Об обстановке среди лиц крымско-татарского национальности, проживающих на территории Краснодарского края» от 2 июля 1987 г. констатировалось: «За последние годы в Краснодарский край в большом количестве прибывают из Средней Азии и других территорий страны лица татарской национальности с намерением поселиться на постоянное местожительство» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 100. Д. 148. Л. 55-60]. Селились татары в основном в Крымском, Темрюкском, Абинском районах, в Новороссийске, Анапе, Краснодаре, Геленджике. Динамика их переселения такова: в 1970 г. на территории края проживало 9 тыс. человек, в 1975 г. – 13 тыс. чел., 1982 г. – 20 тыс. чел., 1983 г. – около 22 тыс. чел., 1987 г. – 24 тыс. человек (0,5 % численности населения края). Большинство жителей этой национальности добросовестно выполняли свой гражданский долг, около 15 тыс. граждан работали в народном хозяйстве. Более 13 тыс. – были участниками социалистического соревнования. Многие активно участвовали в общественно-политической жизни [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 100. Д. 148. Л. 55-60].

Партийные и советские органы власти Узбекской ССР, где проживало 100 тыс. крымских татар, проводили целый комплекс мер по улучшению их жизненных условий. В 1968 г. в Ташкентском Педагогическом институте им. Низами на факультете русского языка и литературы создано отделение татарского языка и литературы (слово «крымскотатарский» в названии отсутствовало). Многие из татар возглавляли государственные учреждения,

занимали высокооплачиваемые должности на производстве, были передовиками производства.

Аналогичная работа проводилась также в Киргизской ССР (проживало 3600 татар), Таджикской ССР и в других республиках. Вторая половина 1980-х годов была связана с новой фазой работы по переселению крымских татар, их промежуточным расселением на территории Краснодарского края и Республики Адыгея. Изменялась, несомненно, и тактика крымско-татарского движения.

В конечном итоге вопрос решался и созданной 12 июля 1989 г. Советом Национальностей Верховного Совета СССР Государственной комиссией (председатель Г. Янаев). Итоги ее работы нашли отражение в постановлении Верховного Совета СССР «О выводах и предложениях комиссии по проблемам советских немцев и крымско-татарского народа». Становилась очевидной необходимость более обстоятельной проработки вопроса. В связи с этим поручалось «образовать Государственную комиссию для решения практических вопросов, связанных с восстановлением прав советских немцев и крымско-татарского народа» [Ведомости Съезда... 1989: 495]. Месяц спустя такая комиссия была создана постановлением Совета Министров СССР. В ее состав вошли первый заместитель Председателя Совета Министров СССР В.Х. Догужиев, заместитель Председателя Совета Министров РСФСР В.Г. Захаров и другие, всего 10 человек. Проводилась работа по подготовке «Концепции государственной программы возвращения крымских татар на постоянное жительство в Крымскую область». Было также разработано Положение о Государственной комиссии по проблемам крымского народа. Предстояло переселить в область 330-350 тыс. человек – крымских татар, армян, греков, болгар, немцев. Правительством СССР были выделены денежные средства для возвращения крымских татар.

Еще в 1937 г. корейцы, проживавшие в приграничных районах Дальнего Востока, были депортированы в Казахстан и Среднюю Азию. В 1960-1980-х гг. среди них развернулось движение за возвращение в Российскую Федерацию. В целом следует заметить, что естественная миграция российских корейцев в эти годы шла не на Дальний Восток, а в основном в Ростовскую область, Ставропольский и Краснодарский края, в Кабардино-Балкарскую Республику и в Республику Северная Осетия-Алания. Первая волна миграции корейцев в Астраханскую область приходится именно на 1960-1970-е гг. В Российской Федерации корейцы были заняты в самых различных областях народного хозяйства и культуры. На Юге России в Северо-Кавказском регионе корейцы расселялись не компактными поселениями, а отдельными семьями, бригадами, бравшими на подряд обработку пустовавшие земли под бахчевые культуры, лук и другие овощи.

С учетом заинтересованности в корейцах как в надежной производительной силе администрации таких субъектов Российской Федерации как Волгоградская, Ростовская, Нижегородская, Воронежская, Тамбовская, Липецкая и других областей принимали решения о выделении земельных участков российским корейцам. Им же оказывается помощь в обустройстве и

расселении. Подобные меры принимались и в Ленинградской области. Согласно переписи населения 1989 г., в Ленинграде проживало 2962 корейца (из них 757 человек считали корейский язык родным), а в Ленинградской области их насчитывалось 577 человек (119 из них – знали свой язык).

В Волгоградской области обосновались и эмигрировавшие только из Таджикистана 1000 корейцев-беженцев, которые как на индивидуальной основе, так и с помощью администраций области и районов решали вопросы обустройства, трудовой занятости и социального обеспечения. Всего же в области официально было зарегистрировано более 10 000 корейцев.

Из регионов Северная Кавказа к началу 2000-х гг. значительная часть корейского населения была сосредоточена в Республике Северная Осетия-Алания (около 3 тыс. чел.). В республике помимо сельского хозяйства корейцы осуществляли и коммерческую деятельность. Формирование корейской общины в Кабардино-Балкарии относится к концу 1950-х годов, когда были сняты ограничения на проживание граждан корейской национальности в пределах республик Средней Азии и Казахстана. В Кабардино-Балкарской Республике по данным переписи населения 2002 г. численность корейской когорты населения составляла более 3000 человек, она оставалась стабильной. Самая большая концентрация корейского населения наблюдалась в Ростовской области – около 20 000 человек по приблизительным данным.

Корейцы расселялись также на территории Краснодарского и Ставропольского краев. Их численность подвергалась изменениям. В 1989 г. на территории Краснодарского края насчитывалось 1157 корейцев, затем их численность возросла до 5 тыс. человек. На территории Ставропольского края насчитывалось корейцев значительно меньше. Однако они продолжали прибывать на поселение в край.

В Республике Калмыкия корейцы (около 2 тыс. человек) были заняты в сельском хозяйстве, главным образом, в овощеводстве. Многие из них удостоены почетных званий «Заслуженный работник сельского хозяйства Калмыкии», а также звания «Заслуженный мелиоратор». Частично корейцы представлены и в сфере здравоохранения республики. Своим трудом корейцы вносят заметный вклад в усиление экономического и духовного потенциала регионов своего проживания.

Еще 2 июня 1944 г. последовало Постановление Государственного Комитета Оборона СССР № 5984 под грифом «секретно» о выселении из Крымской АССР 14300 болгар, 15040 греков, 9919 армян. Совместно с крымскими татарами переселенцы из Крыма составили 230 тыс. человек. Затем 57680 греков, турок и армян, по данным Б. Сагария, за период 1948-1949 гг. было выселено из Грузии и Краснодарского края. К этническому меньшинству относились на Юге РСФСР итальянцы, которые в количестве 700 человек в 1942 г. выселялись с территории Крымской АССР, частично из Абхазской АССР [Сталинские депортации... 2005]. Из Сухуми итальянцы наряду с другими (немцы, персы) были выселены уже в 1941 г. и рассматривались они также как «неблагонадежные». По мере развития военных событий в СССР «зачищались» от итальянцев и другие регионы. Подвергшиеся репрессиям

итальянцы были переведены в статус рабочих трудовых колонн. По имеющимся сведениям, в конце 1950-х годов – в 1960-е годы многие из них оказались в Италии.

Таким образом, такие национальные группы, как немцы, поляки, греки, которые подверглись принудительным переселениям на территории РСФСР, так и не получили со стороны государства полной реабилитации, т.е. такой, какой она была определена позднее положениями Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (26 апреля 1991 г.).

Вместе с тем можно сделать заключение, что их полноправие в качестве граждан СССР было восстановлено. 26 октября 1972 г. состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС, на котором был рассмотрен вопрос «Об отдельных категориях граждан, переселенных в прошлом из мест их проживания в другие районы СССР». Было принято решение снять ограничение в выборе места жительства, установленное в период Великой Отечественной войны в отношении граждан отдельных национальностей, переселенных из мест их проживания в другие районы СССР, одобрен проект Указа Президиума Верховного Совета СССР по этому вопросу.

Одновременно перед партийными и государственными органами республик, краев и областей, куда в свое время были принудительно переселены названные группы переселенцев, ставилась задача проводить необходимую работу по закреплению постоянного проживания этих граждан в соответствующих республиках, краях и областях. Рекомендовалось оказывать им помощь в решении вопросов хозяйственного устройства и культурного развития с учетом их национальных особенностей и интересов.

3 ноября 1972 г. Президиумом Верховного Совета СССР был опубликован Указ «О снятии ограничения в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан» № 3521-VIII. Он касался немцев, греков, болгар, армян и членов их семей; бывших греческих и турецких граждан и иранских подданных, принятых в советское гражданство; греческих и турецких граждан и иранских подданных; бывших греческих и турецких граждан и иранских подданных – лиц без гражданства.

Представители перечисленных категорий наделялись правом избирать место жительства на всей территории Союза ССР в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме, а иностранцы и лица без гражданства – в соответствии с законодательством о порядке проживания в СССР иностранцев и лиц без гражданства

Уже в середине 1980-х годов греки, болгары, армяне и члены их семей, бывшие греческие граждане и иранские подданные, принятые в советское гражданство; греческие и турецкие граждане, иранские подданные; бывшие греческие и турецкие граждане и иранские подданные – лица без гражданства объявлялись гражданами СССР, обретали право избирать место жительства на всей территории СССР. Иностранцы же и лица без гражданства наделялись этим правом в соответствии с законодательством о порядке проживания в СССР иностранцев и лиц без гражданства [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 179. Л. 173-174].

Проявления напряженности в национальном вопросе и поиски стабильных решений

К началу 1970-х гг. можно было отметить конструирование определенного курса, который не претерпел существенных изменений и в последующие десять лет. В марте 1972 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС с докладом выступил председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов, упомянувший о «националистических проявлениях» [Шелест 1994: 503-511]. Обсуждение доклада выявило совершенно разноплановые подходы в оценке вопроса о проявлениях «национализма» и борьбы с ним. В конечном итоге Л.И. Брежнев призывал участников заседания и к решительной борьбе с национализмом, и осторожному к нему отношению. Особую озабоченность вызывали в партийном руководстве проявления национально-политической нестабильности, которые прямо связывались с безопасностью государства. В этом контексте звучал призыв обратить пристальное внимание на состояние национального аспекта общественной жизни, усилить борьбу с проявлениями национальной ограниченности. Именно таким был курс в данном направлении государственной национальной политики.

Традиционной для советской идеологии и политики была установка на вовлечение возвратившихся спецпереселенцев в общественное хозяйство, партийные, советские и общественные организации. Однако формальные успехи в этой работе не могли сами по себе разрешить проблемы, имевшие национальный характер, глубоко затрагивавшие историческое и этническое самосознание.

Еще в 21 июня 1954 г. писателем М. Мамакаевым было направлено в Президиум ЦК КПСС письмо по вопросу об отмене ограничений в отношении спецпоселений и об устройстве народов в районах прежнего проживания. Но решение этой задачи протекало сложно, особенно в плане территориального обустройства [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 18. Л. 68-78]. Это подтверждала и практика дальнейшего развития межэтнических отношений. Ингушской элитой были оформлены конкретные претензии по вопросу о территориях, что подталкивало к прямым действиям.

В январе 1973 г. в столицу Чечено-Ингушской АССР Грозный съехались ингуши из Назрановского, Малгобекского, Сунженского районов республики, а также из Пригородного района Северной Осетии. В течение трех дней (16-19 января) в городе проходили многолюдные митинги с требованиями о возвращении Пригородного района, сопровождавшиеся оскорбительными выпадами против осетин. С помощью милиции ситуацию удалось взять под контроль. Союзное правительство выделило дополнительные средства для развития инфраструктуры Пригородного района, здравоохранения и культуры.

Волнения в Грозном обсуждались на секретариате ЦК КПСС. Это был второй случай, после грозненских беспорядков 1958 г., рассмотрения этнического конфликта на высшем уровне. 13 марта 1973 г. было принято

постановление ЦК КПСС «Об антиобщественных националистических проявлениях в г. Грозном». Усилия были направлены на стабилизацию обстановки.

Событием исторической важности в рассматриваемый период явилось принятие Конституции СССР 1977 года. Ее ядром становилась идея о сформулированной новой исторической интернациональной общности – «советский народ». Эта идея широко транслировалась в массы, получила в целом признание.

Ценность новой Конституции СССР была и в том, что она с учетом накопленного поколениями богатого опыта национально-государственного и советского строительства обобщила все основные изменения в этой сфере жизни общества и предложила механизмы для дальнейшего совершенствования этой системы. В отличие от Конституции 1936 г. в ней самостоятельный раздел был посвящен национально-государственному устройству СССР. Если статья 13 прежней редакции определяла СССР как «союзное государство, образованное на основе добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик», то статья 70 Конституции 1977 г. давала более развернутое определение: «Союз Советских Социалистических Республик – единое союзное многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма, в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик». Как видно, оно насыщено элементами, коррелирующими с понятием национальной государственности.

По мнению и ученых, и государственных, и общественных деятелей того времени, это заметно продвигало вперед национально-государственное строительство в Союзе ССР в целом, делало его более совершенным. Решению этой задачи были подчинены и принятый в 1980 г. Закон РСФСР «Об автономных округах», в 1982 г. – Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «О порядке решения вопроса административно-территориального устройства РСФСР» и др.

Однако даже в связи с принятием новых конституций союзных республик в 1978 г. латентная напряженность в национальных отношениях вновь вышла на поверхность.

В новых конституциях союзных республик только Грузия, Армения и Азербайджан смогли закрепить статус языка титульной нации как языка государственного. Языковая проблема прокатилась по всей стране, стала в очередной раз одной из составляющих грузино-абхазского и армяно-азербайджанского конфликтов. Волнения вокруг «абхазо-грузинской проблемы» возникли в связи с обсуждением новых конституций союзных и автономных республик весной 1978 г. В ряде районов Абхазии состоялись митинги с требованиями придать абхазскому языку статус государственного, прекратить миграцию в Абхазию грузин, добиться выхода республики из Грузии и присоединения ее к РСФСР на правах автономии. Приняли компромиссный вариант: в Конституции Абхазской АССР появилось положение о равном статусе трех языков – абхазского, грузинского и русского.

31 августа 1978 г. Политбюро ЦК КПСС приняло специальное постановление «О дальнейшем совершенствовании системы изучения русского языка в союзных республиках».

В начале 1980-х гг. возникло новое обострение этноконфликтной ситуации в северокавказском регионе. В нескольких селах Пригородного района произошли волнения осетинского населения. На многочисленных собраниях звучали требования о принудительном выселении всех ингушей за пределы Северо-Осетинской АССР. Здесь же в адрес ингушей появились листовки с угрозами [РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 23. Д. 33. Л. 3]. В столице республики (г. Орджоникидзе) 24-26 октября 1981 г. прокатились антиингушские волнения. Поводом к волнениям послужил факт убийства ингушами гражданина осетинской национальности.

ЦК КПСС по результатам этих событий 14 января 1982 г. принял постановление «О крупных недостатках в работе Северо-Осетинского обкома КПСС по идейно-политическому, интернациональному воспитанию трудящихся». Первый секретарь Северо-Осетинского обкома партии Б.Е. Кабалоев был освобожден от занимаемой должности. Совет министров принял решение ввести временное ограничение прописки граждан в Пригородном районе. МВД СССР поручено было принять дополнительные меры к изъятию огнестрельного и холодного оружия, незаконно хранящегося у населения Северной Осетии и Чечено-Ингушетии.

Всего за 1984-1986 гг. в конфликтном регионе страны было зарегистрировано более 100 «националистических проявлений». В числе их убийства и избиение «на почве неприязненных отношений между ингушами и осетинами, хулиганские действия и т.д. [Этнические и религиозные... 2012: 318]. Положение дел на Северном Кавказе вызывало все большую озабоченность со стороны органов государственной власти. Назрела необходимость в принятии неотложных мер, способных обеспечить долгосрочную стабильность в регионе.

Однако общий ход общественно-политических изменений в стране в условиях «перестройки» второй половины 1980-х гг. имел противоположные результаты. Не случайно в российском обществе до сих пор нет единства в ее оценке общество. Если обратиться к данным «Левада-центра», то в 2005 г. неверным курс на перестройку считали 70% опрошенных, а в 2014 г. только 24% опрошенных дали положительную оценку политике перестройки.

Эти показатели напрямую увязаны с негативными последствиями перестройки для социальных и межнациональных отношений. Проблематика административно-территориального устройства оказалась одним из узловых пунктов общественно-политических коллизий этого периода [Территория и власть... 2012: 212]. Потребовалось изменение методов управления народным хозяйством, переход к управлению комплексному, а в связи с этим и повышение уровня самостоятельности союзных и автономных республик. Существовавшее до этого якобы монолитное единство советского общества куда-то исчезло. В январе 1987 г. очередной Пленум ЦК КПСС официально признал, что «негативные явления и деформации, с которыми мы повели

борьбу, проявились и в сфере национальных отношений» [Материалы Пленума... 1987: 38]. Очередной шаг к признанию существовавших противоречий в сфере межэтнических отношений был сделан на 19-й Всесоюзной конференции КПСС 28 июня – 1 июля 1988 года. В резолюции о межнациональных отношениях отмечалось, что в Союзе ССР «абсолютизировались достигнутые результаты в решении национального вопроса, утверждались представления о беспроblemности национальных отношений...» [Материалы... 1988: 134-135].

Партийная конференция также констатировала, что в рамках перестройки политической системы «следует осуществить назревшие меры по дальнейшему развитию и укреплению Советской Федерации на основе демократических принципов. Речь идет, прежде всего, о расширении прав союзных республик и автономных образований путем разграничений компетенции Союза ССР и советских республик, децентрализации, передачи на места ряда управленческих функций...» [Материалы... 1988: 134-135].

Что это означало на практике? Был избран путь поощрения децентрализации, передачи республикам целого ряда управленческих функций, перехода на принципы хозрасчета, установления прямых хозяйственных связей. Внедрение элементов демократии и гласности в общественно-политическую жизнь в годы перестройки обнажило десятилетиями копившиеся проблемы в экономической, социальной, политической и духовной сферах, а также в области межэтнических отношений.

Обществом все отчетливее осознавалось несоответствие между декларируемыми целями развития «социалистических наций» и реальным их состоянием. Это означало наличие этнического кризиса и кризиса прежней формы национальной государственности.

Состоявшийся в сентябре 1989 г. Пленум ЦК КПСС по национальному вопросу принял платформа КПСС «Национальная политика партии в современных условиях». В ней предлагалось значительно расширить права союзных республик, разграничить полномочия союзного центра и республик, придать новый статус автономным образованиям, создать лучшие возможности для сохранения национальных языков и развития национальных культур [Материалы Пленума... 1989: 13-14; 205-211]. Но управляемость национально-политическими процессами была уже утрачена.

Заключение

Дискуссия 1960-х гг. в обществе по национальному вопросу все же содействовала тому, что в многонациональное сообщество продвигалось понятие «советский народ как новая историческая общность», а также идейные установки о равноправии национальных языков, о языке межэтнического общения.

Для 1960-х гг. оставалась характерной и проблема ликвидации негативного наследия прошлых лет. Верно подмечается в связи с этим такая особенность в эволюции национальной политики применительно к 1960-1980-м

гг., как утрата динамизма в развитии национально-государственной системы, характерного для 1920-х гг.

Привлекал внимание в этой ситуации вопрос и о русской нации. Не случилось ли так на практике, что ее влияние, как самого многочисленного сообщества (более 85% населения России в исследуемый период) заметно понизилось.

Относительно 1970-1980-х гг. следует признать, что советское общество утрачивало состоявшуюся «модель» развития, нарабатывая элементы либерализации системы, вводя экономические стимулы. Последующие реформы, включая и период «перестройки», были продолжением этого курса, логическим завершением которого стала рыночная (буржуазная) трансформация рубежа 1980 – 1990-х – начала 2000-х годов.

В Северо-Кавказском регионе страны, материалы по которому лежат в основе настоящей публикации, национально-государственное строительство вообще становилось одним из приоритетных направлений государственной национальной политики. Ее ключевым элементом явилось восстановление государственных образований ранее репрессированных народов. Одновременно с возвращением к историческим местам проживания шел процесс модернизации этнических общностей, совершенствования форм и «моделей» вовлечения их в единый советский социум. В этих условиях уже не стало столь острой идеологической борьбы, проявлений националистических устремлений отдельных групп населения.

Восстанавливались такие государственные образования, как Чечено-Ингушская АССР, Кабардино-Балкарская АССР. Автономия карачаевцев была восстановлена в составе Карачаево-Черкесской автономной области. Несколько позднее воссоздана была Калмыцкая автономная область, трансформировавшаяся в последующем в Калмыцкую АССР. В составе Дагестанской АССР был возрожден Ауховский административный район, на территории которого проживало чеченское население. Конечно, протекал этот процесс неоднозначно, имел свою специфику в отдельных автономиях. Так, ингуши возвращались в места своего проживания в Пригородный район, но он оставался в составе Северо-Осетинской АССР.

Таков главный практический результат осуществления национальной политики в Союзе ССР в рассматриваемый период. Надо признать, что она не была спонтанной и в ней проявлялась в определенной мере установка на управление всеми национальными процессами со стороны государственных структур. Они руководствовались, в первую очередь, задачами по созданию условий для обеспечения безопасности государства и народов его населяющих.

Не лишена была национальная политика и негативных сторон. Одним из порождавших их факторов была персонификация государственного руководства (Н.С. Хрущев, М. Горбачев и др.). В жизнь неукоснительно воплощались не всегда оправданные идеи, генераторами которых являлись названные политические фигуры.

Игнорировался исторически накопленный опыт. Неоправданные и неэффективные меры принимались в области управления хозяйством, что

имело негативные последствия, прежде всего, для аграрной сферы, для жизненного уровня населения страны. Повсеместно процветало шапкозакидательство. Провозглашенные политические лозунги не получали реального идеологического, ресурсного и организационного подкрепления. Допускались недооценка роли и места этнических меньшинств, попрание их прав (немцы, крымские татары, греки и др.). Это распространялось и на этнические меньшинства Северного Кавказа, которые были не только достойными защитниками своей Отчизны, но и вносили весомый вклад в восстановление экономики государства, возрождение культуры его народов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Агаев 1967 – *Агаев А.Г.* Нация, ее сущность и самосознание // Вопросы истории. – 1967. – № 7. – С. 87-104.
- Ананченко 1967 – *Ананченко Н.П.* От нации к интернациональной общности людей // Вопросы истории. – 1967. – № 3. – С. 23-35.
- АП РФ – Архив президента Российской Федерации.
- Бугай 2006a – *Бугай Н.Ф.* Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века). – М.: МСНК-Пресс, 2006. – 464 с.
- Бугай 2006b – *Бугай Н.Ф.* Чеченская Республика: конфронтация, стабильность, мир. – М.: Гриф и Ко, 2006. – 476 с.
- Бурмистрова 1966 – *Бурмистрова Т.Ю.* Некоторые вопросы теории нации // Вопросы истории. – 1966. – № 12. – С. 100-110.
- Ведомости Съезда... 1989 – *Ведомости Съезда* народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1989. – № 25.
- Вольф, Гемпель 2007 – *Вольф Э.Л., Гемпель Ю.К.* О социокультурном становлении сообщества российских немцев – реабилитационный аспект // *Hoffnung (Надежда)*. – 2007. – № 6.
- ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Горячева 1967 – *Горячева А.И.* Является ли психический склад признаком нации? // Вопросы истории. – 1967. – № 8. – С. 91-104.
- Грошев 1967 – *Грошев И.И.* Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики. – М.: Мысль, 1967. – 420 с.
- Грошев 1974 – *Грошев И.И.* Борьба партии против национализма. – М.: Политиздат, 1974. – 127 с.
- Джунусов 1966 – *Джунусов М.С.* Нация как социально-этническая общность людей // Вопросы истории. – 1966. – № 4. – С. 109-116.
- Дроздов 1968 – *Дроздов И.Ф.* Являются ли традиции признаком нации? // Вопросы истории. – 1968. – № 3. – С. 83-91.
- Зайченко, Сабиров 1968 – *Зайченко В.М., Сабиров К.* Общность психического склада – один из существенных признаков нации // Вопросы истории. – 1968. – № 5. – С. 75-81.
- Исаев 1968 – *Исаев М.И.* Нация и язык // Вопросы истории. – 1968. – № 2. – С. 99-112.
- История российских... 1993 – *История российских немцев в документах (1763-1992 гг.)* / Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. – М.: Международный институт гуманитарных программ, 1993. – 448 с.
- Калтахчян 1967 – *Калтахчян С.Т.* К вопросу о понятии «нация» // Вопросы истории. – 1966. – № 6. – С. 57-71.
- Козлов 1967 – *Козлов В.И.* Некоторые проблемы теории нации // Вопросы истории. – 1967. – № 1. – С. 10-24.
- Куличенко 1972 – *Куличенко М.И.* Национальные отношения и тенденция их развития. – М.: Мысль, 1972. – 563 с.

- Лашук 1967 – *Лашук Л.П.* О формах донациональных этнических связей // Вопросы истории. – 1967. – № 4. – С. 77-92.
- Материалы Пленума... 1987 – *Материалы Пленума* Центрального Комитета КПСС, 27-28 января 1987 г. – М.: Политиздат, 1987. – 94 с.
- Материалы Пленума... 1989 – *Материалы Пленума* Центрального Комитета КПСС, 19-20 сентября 1989 г. – М.: Политиздат, 1989. – 255 с.
- Материалы... 1988 – *Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза*. 28 июня – 1 июля 1988 года. – М.: Политиздат, 1988. – 160 с.
- Михайлова 2012 – *Михайлова Н.В.* Концептуальная эволюция национальной и федеративной политики в России: дисс. ... доктора политических наук. – М., 2012. – 338 с.
- Мнацаканян 1966 – *Мнацаканян М.О.* Нация и национальная государственность // Вопросы истории. – 1966. – № 9. – С. 27-36.
- Основные направления... 1979 – *Основные направления* изучения национальных отношений в СССР / Отв. ред. М.И. Куличенко. – М.: Наука, 1979. – 319 с.
- По решению... 2003 – *«По решению Правительства Союза ССР...»* (Депортация народов: документы и материалы) / Составители, авторы предисловия, комментарии: Н.Ф.Бугай, А.М.Гонов. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. – 927 с.
- Постановление Совета... 1991 – *Постановление Совета* Министров ДССР от 2 декабря 1991 г. № 243 «О признании утратившими силу некоторых решений Правительства ДССР, принятых в связи с насильственным переселением чеченского населения в годы Великой Отечественной войны» // Республика Дагестан: современные проблемы национальных отношений (В документах Верховного Совета, Совета Министров и общественных объединений). – Махачкала: Правительство Республики Дагестан, 1992. – С. 83-84.
- Правда восторжествует... 2010 – *«Правда восторжествует – мы верим в это»* // Нойес лебен. – Июль 2010. – С. 7-11.
- РГАНИ – *Российский государственный архив новейшей истории.*
- РГАСПИ – *Российский государственный архив социально-политической истории.*
- Репрессированные народы... 1994 – *Репрессированные народы* России: чеченцы и ингуши / Сост. Н.Ф. Бугай. – М.: Капъ, 1994. – 259 с.
- Росенко 1968 – *Росенко М.Н.* Современная эпоха и некоторые вопросы теории нации // Вопросы истории. – 1968. – № 7. – С. 40-49.
- Семенов 1966 – *Семенов П.Г.* Нация и национальная государственность в СССР // Вопросы истории. – 1966. – № 7. – С. 72-81.
- Скучаева 2011 – *Скучаева О.Е.* Заселение территории бывшей Республики немцев Поволжья в послевоенное время (1940-1960-е гг.) // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляд и оценки через 70 лет: материалы 3-й междунар. науч.-практ. конференции. Саратов, 26-28 августа 2011 г. – М.: МСНК-пресс, 2011. – С. 480-487.
- Сталинские депортации... 2005 – *Сталинские депортации. 1928-1953* / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. – М.: МФД: Материк, 2005. – 904 с.
- Стенограмма... 2011 – *Стенограмма* кутового совещания председателей Совета Министров, заместителей председателей крайисполкомов и облисполкомов, республик, краев и областей Северного Кавказа о завершении трудового и хозяйственного устройства возвращающегося на прежние места жительства балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского населения. 25 августа 1960 г. г. Нальчик // Известия СОИГСИ. – 2011. – Вып. 5(44). – С. 91-141.
- Тавакалян 1967 – *Тавакалян Н.А.* Некоторые вопросы понятия «нация» // Вопросы истории. – 1967. – № 2. – С. 115-123.
- Территория и власть... 2012 – *Территория и власть* в новой и новейшей истории Российского государства / Отв. ред. В.Н. Захаров. – М.: РОССПЭН, 2012. – 407 с.

- Убушаев 1991 – *Убушаев В.Б.* Калмыки: выселение и возвращение. 1943-1957. – Элиста: Санан, 1991. – 92 с.
- Цамерян 1967 – *Цамерян И.П.* Актуальные вопросы марксистско-ленинской теории нации // Вопросы истории. – 1967. – № 6. – С. 107-122.
- Шелест 1994 – *Шелест П.Е.* ...Да не судимы будете: Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. – М.: Ed. Q: Квинтэссенция, Б. г. (1994). – 612 с.
- Энциклопедия изгнания... 2013 – *Энциклопедия изгнания.* Депортации, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке / Ред. кол.: Д. Брандес, Х. Зундхауссен, Ш. Трёбст / Ред.: Д. Мешков. – М.: «РОСПЭН», 2013. – 727 с.
- Этнически и религиозные... 2012 – *Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства* / Отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. – М.: Новый хронограф, 2012. – 448 с.
- Die vergessenen Opfer... 2005 – *Die vergessenen Opfer der Mauer: Flucht und Inhaftierung in Deutschland 1961-1989* / Hrsg.: Stiftung Gedenkstätte BerlinHohenschönhausen. – Berlin: KOMAG, 2005. – 65 s.

REFERENCES

- AGAIEV A.G. *Natsiya, ee sushchnost' i samosoznanie* [The nation, its essence and self-consciousness]. IN: *Voprosy istorii*. – 1967. – No. 7. – P. 87-104. (In Russian)
- ANANCHENKO N.P. *Ot natsii k internatsional'noi obshchnosti lyudei* [From the nation to the international community of people]. IN: *Voprosy istorii*. – 1967. – No. 3. – P. 23-35. (In Russian)
- AP RF – *Arkhiv prezidenta Rossiiskoi Federatsii* [Archive of the President of the Russian Federation]. (In Russian)
- BUGAY N.F. *Chechenskaya Respublika: konfrontatsiya, stabil'nost', mir* [Chechen Republic: confrontation, stability, peace]. – M.: Grif i Ko, 2006. – 476 p. (In Russian)
- BUGAY N.F. *Reabilitatsiya repressirovannykh grazhdan Rossii (XX – nachalo XXI veka)* [Rehabilitation of repressed citizens of Russia (XX - early XXI century)]. – M.: MSNK-Press, 2006. – 464 p. (In Russian)
- BURMISTROVA T.Yu. *Nekotorye voprosy teorii natsii* [Some questions of the theory of the nation]. IN: *Voprosy istorii*. – 1966. – No. 12. – P. 100-110. (In Russian)
- Die vergessenen Opfer der Mauer: Flucht und Inhaftierung in Deutschland 1961-1989 / Hrsg.: Stiftung Gedenkstätte BerlinHohenschönhausen. – Berlin: KOMAG, 2005. – 65 s. (In German)
- DROZDOV I.F. *Yavlyayutsya li traditsii priznakom natsii?* [Are traditions a sign of a nation?]. IN: *Voprosy istorii*. – 1968. – No. 3. – P. 83-91. (In Russian)
- DZHUNUSOV M.S. *Natsiya kak sotsial'no-etnicheskaya obshchnost' lyudei* [Nation as a socio-ethnic community of people]. IN: *Voprosy istorii*. – 1966. – No. 4. – P. 109-116. (In Russian)
- Entsiklopediya izgnaniya. Deportatsii, prinuditel'noe vyselenie i etnicheskaya chistka v Evrope v XX veke* / Red. kol.: D. Brandes, Kh. Zundkhaussen, Sh. Trebst / Red.: D. Meshkov [Encyclopedia of Exile. Deportations, forced evictions and ethnic cleansing in Europe in the twentieth century / Ed. by D. Meshkov]. – M.: «ROSPEN», 2013. – 727 p. (In Russian)
- Etnicheskii i religiozniy faktory v formirovanii i evolyutsii rossiiskogo gosudarstva* / Отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков [Ethnic and religious factors in the formation and evolution of the Russian state / Ed. by T.Yu. Krasovitskaya, V.A. Tishkov]. – M.: Novyi khronograf, 2012. – 448 p. (In Russian)
- GA RF – *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation]. (In Russian)
- GORYACHEVA A.I. *Yavlyayetsya li psikhicheskii sklad priznakom natsii?* [Is the mental warehouse a sign of a nation?]. IN: *Voprosy istorii*. – 1967. – No. 8. – P. 91-104. (In Russian)

- GROSHEV I.I. *Bor'ba partii protiv natsionalizma* [Party fight against nationalism]. – M.: Politizdat, 1974. – 127 p. (In Russian)
- GROSHEV I.I. *Istoricheskii opyt KPSS po osushchestvleniyu leninskoi natsional'noi politiki* [Historical experience of the CPSU in the implementation of the Leninist nationality policy]. – M.: Mysl', 1967. – 420 p. (In Russian)
- ISAEV M.I. *Natsiya i yazyk* [Nation and language]. IN: *Voprosy istorii*. – 1968. – No. 2. – P. 99-112. (In Russian)
- Istoriya rossiiskikh nemtsev v dokumentakh (1763-1992 gg.)* / Sost. V.A. Auman, V.G. Chebotareva [History of Russian Germans in documents (1763-1992) / Compiled by V.A. Auman, V.G. Chebotareva]. – M.: Mezhdunarodnyi institut gumanitarnykh programm, 1993. – 448 p. (In Russian)
- KALTAKHCHYAN S.T. *K voprosu o ponyatii «natsiya»* [On the question of the concept of "nation"]. IN: *Voprosy istorii*. – 1966. – No. 6. – P. 57-71. (In Russian)
- KOZLOV V.I. *Nekotorye problemy teorii natsii* [Some problems of the theory of the nation]. IN: *Voprosy istorii*. – 1967. – No. 1. – P. 10-24. (In Russian)
- KULICHENKO M.I. *Natsional'nye otnosheniya i tendentsiya ikh razvitiya* [National relations and the tendency of their development]. – M.: Mysl', 1972. – 563 p. (In Russian)
- LASHUK L.P. *O formakh donatsional'nykh etnicheskikh svyazei* [On the forms of pre-national ethnic ties]. IN: *Voprosy istorii*. – 1967. – No. 4. – P. 77-92. (In Russian)
- Materialy Plenuma Tsentral'nogo Komiteta KPSS, 19-20 sentyabrya 1989 g.* [Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU, September 19-20, 1989]. – M.: Politizdat, 1989. – 255 p. (In Russian)
- Materialy Plenuma Tsentral'nogo Komiteta KPSS, 27-28 yanvarya 1987 g.* [Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU, January 27-28, 1987]. – M.: Politizdat, 1987. – 94 p. (In Russian)
- Materialy XIX Vsesoyuznoi konferentsii Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza. 28 iyunya – 1 iyulya 1988 goda* [Materials of the XIX All-Union Conference of the Communist Party of the Soviet Union. June 28 – July 1, 1988]. – M.: Politizdat, 1988. – 160 p. (In Russian)
- MIKHAILOVA N.V. *Kontseptual'naya evolyutsiya natsional'noi i federativnoi politiki v Rossii: diss. ... doktora politicheskikh nauk* [Conceptual Evolution of National and Federal Politics in Russia: Dissertation for the Doctor of Political Science Degree]. – M., 2012. – 338 p. (In Russian)
- MNATSAKANYAN M.O. *Natsiya i natsional'naya gosudarstvennost'* [Nation and national statehood]. IN: *Voprosy istorii*. – 1966. – No. 9. – P. 27-36. (In Russian)
- Osnovnye napravleniya izucheniya natsional'nykh otnoshenii v SSSR* / Otv. red. M.I. Kulichenko [The main directions of studying national relations in the USSR / Executive editor M.I. Kulichenko]. – M.: Nauka, 1979. – 319 p. (In Russian)
- «Po resheniyu Pravitel'stva Soyuz SSR...» (Deportatsiya narodov: dokumenty i materialy)* / Sostaviteli, avtory predisloviya, kommentarii: N.F. Bugai, A.M. Gonov ["By the decision of the Government of the USSR ..." (Deportation of peoples: documents and materials) / Compilers, authors of the preface, comments: N.F. Bugai, A.M. Gonov]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2003. – 927 p. (In Russian)
- Postanovlenie Soveta Ministrov DSSR ot 2 dekabrya 1991 g. No. 243 «O priznanii utrativshimi silu nekotorykh reshenii Pravitel'stva DSSR, prinyatykh v svyazi s nasil'stvennym pereseleniem chechenskogo naseleniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny»* [Decree of the Council of Ministers of the DSSR of December 2, 1991 No. 243 "On recognizing as invalid some decisions of the Government of the DSSR adopted in connection with the forced resettlement of the Chechen population during the Great Patriotic War"]. IN: *Respublika Dagestan: sovremennye problemy natsional'nykh otnoshenii (V dokumentakh Verkhovnogo Soveta, Soveta Ministrov i obshchestvennykh ob"edinenii)* [The Republic of Dagestan: Contemporary Problems of National Relations (In the documents of the Supreme Council, Council of Ministers and public associations)]. – Makhachkala: Pravitel'stvo Respubliki Dagestan, 1992. – P. 83-84. (In Russian)

«*Pravda vostorzhestvuet – my verim v eto*» ["Truth will prevail – we believe in it"]. IN: *Noies leben*. – July, 2010. – P. 7-11. (In Russian)

Repressirovannyye narody Rossii: chechentsy i ingushi / Sost. N.F. Bugai [Repressed peoples of Russia: Chechens and Ingush / Comp. by N.F. Bugay]. – M.: Kap', 1994. – 259 p. (In Russian)

RGANI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii [Russian State Archives of Contemporary History]. (In Russian)

RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Social and Political History]. (In Russian)

ROSENKO M.N. *Sovremennaya epokha i nekotorye voprosy teorii natsii* [The modern era and some questions of the theory of the nation]. IN: *Voprosy istorii*. – 1968. – No. 7. – P. 40-49. (In Russian)

SEMENOV P.G. *Natsiya i natsional'naya gosudarstvennost' v SSSR* [Nation and national statehood in the USSR]. IN: *Voprosy istorii*. – 1966. – No. 7. – P. 72-81. (In Russian)

SHELEST P.E. *...Da ne sudimy budete: Dnevnikovyie zapisi, vospominaniya chlena Politbyuro TsK KPSS* [...And you will not be judged: Diary entries, memoirs of a member of the Politburo of the CPSU Central Committee]. – M.: Ed. Q: Kvintessentsiya, B. g. (1994). – 612 p. (In Russian)

SKUCHAEVA O.E. *Zaselenie territorii byvshei Respubliki nemtsev Povolzh'ya v poslevoennoe vremya (1940-1960-e gg.)* [Settlement of the territory of the former Republic of the Volga Germans in the post-war period (1940-1960s)]. IN: *Nachal'nyi period Velikoi Otechestvennoi voiny i deportatsiya rossiiskikh nemtsev: vzglyad i otsenki cherez 70 let: materialy 3-i mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii. Saratov, 26-28 avgusta 2011 g.* [The initial period of the Great Patriotic War and the deportation of Russian Germans: a view and assessments in 70 years: materials of the 3rd international scientific and practical conference. Saratov, August 26-28, 2011]. – M.: MSNK-press, 2011. – P. 480-487. (In Russian)

Stalinskie deportatsii. 1928-1953 / Pod obshch. red. akad. A.N. Yakovleva; Sost. N.L. Pobol', P.M. Polyan [Stalin's deportations. 1928-1953 / Under the general editorship of Academician A.N. Yakovlev; Comp. by N.L. Pobol', P.M. Polyan]. – M.: MFD: Materik, 2005. – 904 p. (In Russian)

Stenogramma kustovogo soveshchaniya predsdatelei Soveta Ministrov, zamestitelei predsdatelei kraispolkomov i oblispolkomov, respublik, kraev i oblastei Severnogo Kavkaza o zavershenii trudovogo i khozyaistvennogo ustroistva vozvrashchayushchegosya na prezhnie mesta zhitel'stva balkarskogo, chechenskogo, ingushskogo, kalmytskogo i karachaevskogo naseleniya. 25 avgusta 1960 g. g. Nalchik [A transcript of a cluster meeting of the chairmen of the Council of Ministers, deputy chairmen of regional executive committees and regional executive committees, republics, territories and regions of the North Caucasus on the completion of the labor and economic arrangement of the Balkar, Chechen, Ingush, Kalmyk and Karachai population returning to their former places of residence. August 25, 1960 Nalchik]. IN: *Izvestiya SOIGSI*. – 2011. – Iss. 5(44). – P. 91-141. (In Russian)

TAVAKALYAN N.A. *Nekotorye voprosy ponyatiya «natsiya»* [Some questions of the concept of "nation"]. IN: *Voprosy istorii*. – 1967. – No. 2. – P. 115-123. (In Russian)

Territoriya i vlast' v novoi i noveishei istorii Rossiiskogo gosudarstva / Otv. red. V.N. Zakharov [Territory and power in the modern and recent history of the Russian state / Ed. by V.N. Zakharov]. – M.: ROSSPEN, 2012. – 407 p. (In Russian)

TSAMERYAN I.P. *Aktual'nye voprosy marksistsko-leninskoi teorii natsii* [Topical issues of the Marxist-Leninist theory of the nation]. IN: *Voprosy istorii*. – 1967. – No. 6. – P. 107-122. (In Russian)

UBUSHAEV V.B. *Kalmyki: vyselenie i vozvrashchenie. 1943-1957* [Kalmyks: eviction and return. 1943-1957]. – Elista: Sanan, 1991. – 92 p. (In Russian)

Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov SSSR i Verkhovnogo Soveta SSSR [Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR]. – 1989. – No. 25. (In Russian)

WOLF E.L., GEMPEL Yu.K. *O sotsiokul'turnom stanovlenii soobshchestva rossiiskikh nemtsev – reabilitatsionnyi aspekt* [On the socio-cultural formation of the community of Russian Germans – the rehabilitation aspect]. IN: Hoffnung (*Nadezhda*). – 2007. – No. 6. (In Russian)

ZAICHENKO V.M., SABIROV K. *Obshchnost' psikhicheskogo sklada – odin iz sushchestvennykh priznakov natsii* [The commonality of the mental warehouse is one of the essential features of a nation]. IN: *Voprosy istorii*. – 1968. – No. 5. – P. 75-81. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Новейшая история*****Двадцатый век в судьбах северокавказской интеллигенции***

УДК 94(44) 81 (=35) - 054.72

DOI 10.31143/2542-212X-2020-4-137-158

**ДВАДЦАТЫЙ ВЕК В СУДЬБАХ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: И.М. ШАКОВ И ЕГО ПОТОМКИ¹****И.Л. БАБИЧ**

*Институт этнологии и антропологии РАН
119334, Москва, Ленинский проспект, 32а
babi7chi@yandex.ru*

К. СТРАЙХОРН

*Международный преподаватель
Сальвадор, Бразилия
christianstrayhorn@gmail.com*

Аннотация. В статье, на основе двух типов источников – государственных и частных архивов Франции и семейного архива Шаковых-Страйхорн рассматриваются судьбы нескольких поколений одной из кабардинских фамилий – Шаковых. Один из известных представителей адыгской интеллигенции – доктор Измаила Магометовича Шакова родился в 1878 г. в Кабарде и сделал отличную карьеру в Российской империи. Он получил высшее медицинское образование, имел медицинскую практику и основал свою клинику в Грозном. Женился, в семье было трое детей. Революция 1917 г. во многом изменила его жизнь. Он был вынужден вместе с семьей эмигрировать во Францию. В статье анализируется профессиональная и общественно-политическая жизнь Измаила Шакова в эмиграции, описана его семейная жизнь в Грозном, Нальчике и Париже. Отдельно автор рассматривает круги общения Шакова в Париже (мусульманский, русский и кавказский). В Париже родилась внучка Фатима, которая вышла замуж за американца. Супруги переехали на постоянное жительство в США. С этого времени начинается новая страница жизни Шаковых. В США родились правнуки и праправнуки Шаковых, которые стали американцами. Потомки потеряли национальную и религиозную идентичность, кабардинские корни. Авторы анализируют причины сложившейся ситуации.

Ключевые слова: Северный Кавказ; интеллигенция; Кабарда; И.М. Шаков; медицина; Франция; общественно-политические взгляды; масоны; семья; США; национальная идентичность; религиозная идентичность.

---

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

TWENTIETH CENTURY IN THE DESTINIES OF THE NORTH CAUCASUS INTELLIGENTSIA: I.M. SHAKOV AND HIS DESCENDANTS

I.L. BABICH

*Institute of Ethnology and anthropology RAS
119334, Moscow, Lenin Ave., 32a
babi7chi@yandex.ru*

Chr. STRAYHORN

*International Lecturer
Salvador, Brazil
christianstrayhorn@gmail.com*

Abstract. This article represents the study of the destinies of several generations one of of one of the Kabardian families, Shakov on the basis of two types of sources – state and private archives in France and the Shakov-Strayhorn' family archive. One of the well-known persons among Adyg's intelligentsia – doctor Izmail Magometovich Shakov was born in 1878 in Kabarda. He had an excellent career in the Russian Empire. He received a higher medical education, had a medical practice and founded his own clinic in Grozny. He got married, the family had three children. The 1917 revolution changed his life in many ways. He was forced to emigrate with his family to France. The article analyzes the professional and socio-political life of Izmail Shakov in exile, describes his family life in Grozny, Nalchik and Paris. Separately, the authors examine Shakov's social circles in Paris (Muslim, Russian and Caucasian). A granddaughter Fatima was born in Paris, who married an American. The couple moved to the United States where for permanent residence. Since that time, a new page in the life of the Shakovs begins. The great-grandchildren and great-great-grandchildren of the Shakovs, who were born in the United States became Americans. The descendants have lost their Kabardian roots and national and religious identity. The authors analyze the reasons for the current situation.

Keywords: North Caucasus; intelligentsia; Kabarda; I.M. Shakov; medicine; France; masons; socio-political views; Shakov's family; USA; national identity; religious identity.

ВВЕДЕНИЕ

Октябрьская революция 1917 г. вызвала среди многих народов Российской империи эмиграционные процессы: в различных странах мира оказались не только русские граждане Российской империи, но и северокавказцы. Среди них было много представителей горской элиты: врачей, журналистов, чиновников, военных [Бабич 2019]. Одним из таких был кабардинец Измаил Магомедович Шаков. Он родился в Кабарде, в ауле Кучмазукино 19 апреля 1878 г. в семье узденя. Еще в Российской империи он стал одним из первых дипломированных врачей-северокавказцев, получил многолетнюю медицинскую практику и основал свою врачебную клинику. После Октябрьской революции вместе с другими соотечественниками в 1921 г. эмигрировал в Османскую империю. С 1923 г. обосновался во Франции, где оставался до конца своей жизни. Умер Измаил 25 мая 1941 г. в Париже в возрасте 63 лет. Шаков был похоронен на мусульманском кладбище Бобиньи (под Парижем).

В предлагаемой статье, подготовленной на основе собранных материалов в государственных и частных архивах Франции, а также материалов семейного архива потомков Шаковых мы опишем судьбы нескольких поколений одной из кабардинских фамилий – Шаковых.

В 1920-е годы во Франции оказалось несколько ветвей кабардинской фамилии Шаковых. С одной стороны, мы знаем, что была семья Шаковых (точнее Шаковых-Возжовых-Шардановых), о которой речь пойдет в данной статье. А, с другой стороны, по нашим архивным данным, полученным во Франции, были члены других семей Шаковых, которые, тем не менее, были тоже родственниками (но степень родства нам пока неизвестна). В частности, во Франции проживал Джамал Джамурзович Шаков (21 сентября 1900 г. рожд.). Известно, что 22 февраля 1930 г. в Париже он женился на Цаце Казанковой (22 мая 1907 г. рожд.). Супруги проживали в 15-м округе Парижа, где обосновались как русские, так и кавказские эмигранты. Джамал работал чернорабочим. Известно, что умер он после 1952 г. [OFPPRA; AP. Etat civil. Mariages. 1930. Reg. 341. 15-й округ].

Кроме этой семьи в Париже жили: Константин Шаков (15 июня 1896 г. рожд.), которому уже в 1933 г. удалось получить французское гражданство, Мурат Шаков (12 мая 1919 г. рожд.), который выехал во Францию ребенком (видимо с родителями), и получивший гражданство в 1960 г. [APP]. К настоящему времени, мы не располагаем информацией об их родственных связях между собой и с семьей Измаила Шакова, однако, очевидно, что определенная связь была. В 2014 г. Кристиан Страйхорн встречалась с проживающим ныне в Париже Измаилом Шаковым (фото № 1), который рассказывал ей о своей родственной связи с доктором Шаковым: его отец (а может быть и дед – прим. И.Л. Бабич) был братом доктора. Предположительно, это мог быть один из вышеуказанных трех Шаковых: Джамал, Мурат или Константин¹.

Фото 1. Кристиан Страйхорн и Измаил Шаков. Париж, 2014 г.

¹ Полевые материалы К. Страйхорн. Интервью с Измаилом Шаковым. Апрель, 2014 г. Париж (Франция).

1. ИЗМАИЛ МАГОМЕТОВИЧ ШАКОВ: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Жизнь Измаила до революции

Как мы указывали выше, Измаил родился в 1878 г. в ауле Кучмазукино. Его родителями была узденъ Магомет Шаков и Ногай Кармова. Мальчик окончил основанную российской администрацией в 1860 г. в Нальчике для распространения гражданственности и образования среди покорившихся горцев горскую школу. Затем продолжил свое образование в Ставропольской гимназии и на медицинском факультете Киевского университета, который он окончил в 1907 г. в возрасте 29 лет, получив звание лекаря. Свою деятельность Шаков начал на земской службе в Александровском уезде Херсонской губернии, где пережил вместе с населением время холерной эпидемии. В дальнейшем Измаил работал в земской службе Самарской, Саратовской и Уфимской губерний. В 1908 г. Шаков решил продолжить образование и прослушал врачебные курсы в Клиническом институте вел. кн. Елены Павловны в Санкт-Петербурге (ныне – Санкт-Петербургская медицинская академия), посвятив себя дальнейшей врачебной деятельности. В частности, Измаил прошел хирургическую ординатуру в больнице в г. Елизаветграде (до 2016 г. Кировоград, ныне – Кроповницкий, Украина) и стал служить в Херсонском земстве, где проработал до 1912 г. С 1912 г. Шаков начал работать участковым врачом на Владикавказской железной дороге и поселился в Грозном. Там же в 1914 г. Измаил открыл собственную хирургическую клинику. Таким образом, Измаил Шаков, проявив с детства способности к учению и трудолюбие, сумел в Российской империи успешно реализовать свой потенциал. Практически перед самой Октябрьской революцией он построил свою медицинскую карьеру на Северном Кавказе. Ему было 39 лет. Расцвет творческих сил мужчины [Бабич 2019: 151-185].

Фото 2. Измаил Шаков (справа) до революции.

После свершения Октябрьской революции 1917 г. Шаков вместе с семьей вернулся на свою родину – в Кабарду, сумел организовать медицинскую практику в Нальчике и пережил вместе с другими жителями Кабарды все ужасы революции и гражданской войны. Находясь на родине, Измаил, как отмечал его близкий друг, соратник по эмиграции, генерал Российской армии Константин Хагондоков, «прямого участия в политических организациях революционного периода не принимал» [АБЛФ. Кор.І, интервью К. Хагондокова с И. Шаковым]. Когда он еще проживал в Грозном, его приглашали вступить и в кадетскую, и октябристскую партии, предлагали должность Областного Комиссара Народного здравоохранения, но он предпочитал оставаться в стороне от политики. Тем не менее, в 1918 г., когда он уже вернулся из Грозного в Нальчик, Измаил Шаков стал членом Кабардинского национального Совета, во главе которого стал его товарищ по будущей эмиграции Таусултан Шакманов. В 1921 г. он окончательно убедился, как писал о нем Константин Хагондоков, в невозможности «полезно работать при большевиках», перебрался через Тифлис, Батуми, Самсунг в Константинополь. В конце 1923 г. он переехал в Париж, «куда призвала его необходимость, как рассказывал о Шакове Хагондоков, воспитать трех малолетних детей» [АБЛФ. Кор.І, интервью К. Хагондокова с И. Шаковым].

Профессиональная деятельность в эмиграции

Итак, в 1923 г. Измаил вместе со своей семьей (женой и тремя детьми) обосновался в Париже. Вначале он жил в пригороде Парижа – Медоне, где проживали многие русские эмигранты, а потом в Париже в 16-м и 15-м округах по следующим адресам: 16 rue Jean Bologne (16-й округ), 5 rue Clodion (15-й округ).

Главным средством существования семьи Шаковых во Франции стала медицинская практика Измаила [АБЛФ. Кор.І, интервью К. Хагондокова с И. Шаковым]. Ему, одному из немногих северокавказцев, удалось продолжить свою профессиональную деятельность и в эмиграции. Он стал членом Общества русских врачей имени Мечникова во Франции. Известно, что в эмиграции было несколько северокавказцев-докторов: кабардинцы Владимир Кудашев окончил медицинский факультет в Московском государственном университете и Измаил Шаков, а также лезгин Азиз-Гирей Далгат. О медицинской практике Владимира Кудашева нам ничего неизвестно, а вот Азиз-Гирей Саламиевич Далгат стал в эмиграции членом Общества русских врачей им. Мечникова и отправился работать врачом во французские колонии [Бабич и др. 2020]. Безусловно, это не случайно: во-первых, имея опыт работы в колонии Франции, было легче получить французское гражданство, во-вторых, в самой Франции было трудно получить документы на официальную медицинскую практику. Измаилу удалось иметь медицинскую практику в Париже в области акушерства и гинекологии. В 1929 г. в 15-м округе Парижа он открыл врачебный кабинет по адресу 8 square Desaix. И это не случайно: именно в 15-м округе проживало большинство русских и кавказских эмигрантов, которые, очевидно, и были его клиентами.

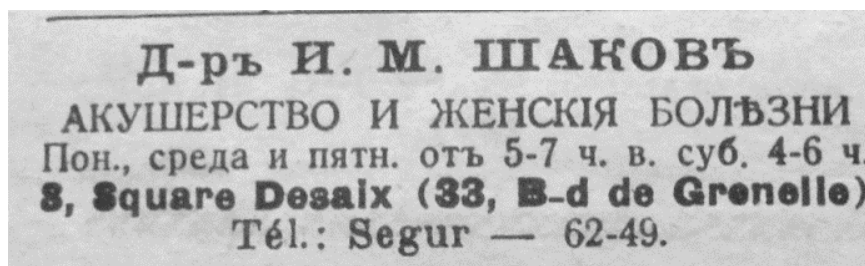

Фото 3. Реклама медицинского кабинета И. Шакова. 1929 г.

В 1929 г. Измаил Шаков начал публиковать рекламу своего кабинета в журнале русской эмиграции «Иллюстрированная Россия», сделал визитки, в которых были указаны адрес кабинета и медицинская специализация (фото № 3) [Иллюстрированная Россия. 1929. №5: 24; № 46: 24]. Изучая рекламу медицинского кабинета И. Шакова, мы отмечаем, что со временем менялись дни приемов больных. В 1933 г. Шаков нарушил врачебное законодательство Франции. К сожалению, нам не удалось найти подробности данного дела, но известно, что велось следствие, и был суд. Шакову был присужден штраф в размере 100 франков. Продолжил ли он после этого случая заниматься медицинской практикой? Неизвестно, но мы знаем точно, что после 1933 г. Шаков перестал публиковать рекламу своего кабинета в журнале.

Общественно-политическая деятельность в эмиграции

Довольно скоро после прибытия и обустройства в Париже Измаил Шаков стал участвовать в общественно-политической жизни кавказской эмиграции. Шакова стремились привлечь в свои ряды и русские масоны, и кавказские националисты.

Многие видные представители русской элиты, оказавшиеся в эмиграции во Франции, имели многолетний опыт работы пребывания в масонских ложах Российской империи. С начала 1920-х годов им удалось возобновить деятельность своих лож, как правило, в рамках двух французских лож: Большой ложи Франции и Великой ложи Востока. Русские масоны обратили свое внимание на общественно-политический потенциал кавказцев-эмигрантов для того, чтобы объединить кавказские силы в рамках масонской ложи и привлечь их к общей борьбе против СССР, за возрождение единой Российской империи (как монархического государства). Включение кавказцев в масонскую деятельность началось с ложи «Астрея». В течение первых двух лет в ложу вошли 8 представителей Кавказа. В нашем распоряжении оказались их «досье», в которых находятся следующие документы: 1) просьба о посвящении желающего вступить в ложу, 2) рапорт о беседе с ним по политическим вопросам, 3) рапорт о беседе с ним по философско-религиозным вопросам, 4) рапорт о беседе по биографии и определению личных качеств желающего вступить в ложу. Эти документы нам удалось обнаружить в архиве Большой ложи (Париж, Франция) [Бабич 2014: 98-116].

Как правило, все они имели промонархические взгляды, все они видели Северный Кавказ в составе будущей Российской империи.

12 ноября 1924 г. вместе с некоторыми северокавказцами, с которыми он был знаком еще на родине (Таусултаном Шакмановым и Константином Хагондоковым) и русскими, Шаков стал членом ложи «Золотое руно». Масоны Т. Шакманов, И. Шаков, М. Куриев, хотя и были мусульманами, не разделяли идеи мусульманского государства на Северном Кавказе, а в своих политических воззрениях придерживались идеи будущего своего региона, как части Российской империи. Однако со временем большинство из них отошли от русских масонов и поддержки имперско-монархического будущего России и увлеклись идеями создания на всем Кавказе Независимой конфедерации народов Кавказа. Такой путь прошли Таусултан Шакманов и Измаил Шаков [Бабич 2018: 117-132; Серков 2001; Бурышкин 1945].

Как мы показали выше, своим образованием, карьерой в Российской империи Шаков был обязан России, ее политики формирования национальных кадров на Северном Кавказе. Безусловно, изначально он был приверженцем имперской власти в России и вхождения Северного Кавказа в состав России. Поэтому неудивительно было привлечение его в организованную русскими масонами для активных кавказцев масонскую ложу.

Измаил Шаков стал одним из основателей «кавказских» лож: «Золотое руно», «Юпитер» (1924-1926 гг.). В декабре 1926 г. он вышел из этой ложи и стал членом-основателем другой кавказской ложи «Прометей» (1926-1931 гг.).

Перед тем, как пригласить Измаила в масонскую среду русские масоны провели с ними беседы на общественно-политические и религиозные темы. Это было 8 июня 1924 г. Рассмотрим подробно ответы Измаила. С Измаилом вели переговоры четыре масона: Д. Шереметев, С. Новоселов, К. Хагондоков и четвертый масон, фамилия которого непонятно написана в архивном документе.

Д. Шереметев вел с Измаилом разговор о его религиозности. Благодаря ответам мы получили ценную информацию о религиозных взглядах и жизни И. Шакова. Отметим, что принадлежность горцев к исламу не была препятствием к их вступлению в русские ложи Франции. Мусульманами, как свидетельствуют масонские материалы, были многие видные общественные деятели Северного Кавказа, оказавшиеся в эмиграции, масоны: лезгин И. Гайдаров, балкарец Т. Шакманов, кабардинец И. Шаков, ингуш М. Куриев, но степень их «исламизации» была разной.

Д. Шереметев подчеркивал, что врач Измаил Магометович Шаков, «принадлежа к Магометанскому вероисповеданию, которое, как по форме, так и по содержанию – чтит и уважает, – в то же время относится ко всем религиям с одинаково глубоким уважением, убежденный, что Бог у всех один, а что религия есть способ приближения к Божеству». При этом Измаил считает, что религиозные обряды необходимы в жизни мусульман.

Д. Шереметев дал Измаилу рекомендацию во вступление в масонскую ложу. Вот как он написал о нем: «Профан произвел на меня самое благоприятное впечатление, человека проникнутого чисто Братскими, вытекающими из существа его характера, чувствами и идеями и как бы инстинктивно чувствующего найти в Массонстве ответ на стремления и

искания своего духовного «я». Он, несомненно, представляет из себя элемент способный в нашем Досточтимом Ордене высоко развить в себе прекрасные черты характера и качества души для восприятия высшей инициации на благо человечества вообще и нашего Досточтимого Ордена, в частности».

С. Новоселов также рекомендовал Шакова. Третья беседа состоялась между Измаилом и кабардинцем К. Хагондоковым [АБЛФ. Кор. I, интервью К. Хагондокова с И. Шаковым]. Четвертый масон, который беседовал с Измаилом, фамилию которого нам не удалось прочесть в документе, указывал, что Измаил считает неизбежным совместное проживание кабардинцев с русскими. Он охотно поддерживал русскую государственность и включение Северного Кавказа в состав Российской империи. Таким образом, в 1924-1926 гг. очевидно, что Измаил сохранял свои прорусские взгляды на будущее Кабарды в составе Российской империи.

Между тем в это время Измаил Шаков начал активно участвовать в национальных благотворительных организациях: в 1925 г. он вошел в Комитет взаимопомощи черкесских беженцев Северного Кавказа. Другими членами комитета стали известные общественно-политические деятели: А.М. Чермоев, К.Н. Хагондоков, Т. Шакманов, А. Намиток, Г. Баммат, Т. Бекович-Черкасский, большинство из которых со временем в эмиграции начали вести общественно-политическую деятельность националистической направленности, т.е. сформировали политические позиции, направленные на полное отделение Северного Кавказа от России. В 1932 г. Шаков стал членом Ассоциации беженцев-горцев Северного Кавказа [Бабич 2019: 185-197].

В Париже Измаил через своих соратников по Комитету взаимопомощи черкесских беженцев познакомился и начал тесно общаться с азербайджанцем Али Марданом Топчибаши – крупным азербайджанским деятелем, который еще до революции был депутатом Государственной Думы. А.М. Топчибаши, находясь в эмиграции, сформулировал концепцию создания на Кавказе Конфедерации народов Кавказа, в которую предлагалось включить четыре независимых государства – Армению, Азербайджан, Грузию и Северный Кавказ [Бабич 2018].

В результате 12 января 1927 г. в Париже был образован Временный центр политических центров Азербайджана и Северного Кавказа, в который вошли: А.М. Топчибаши, А.М. Чермоев, К.Н. Хагондоков, Г. Баммат, также в его состав был включен и Измаил Шаков. В том же году он стал членом Национального совета республики Северный Кавказ (1927-1929 гг., Париж).

Цель Национального совета республики Северный Кавказ состояла в объединении и руководстве деятельностью всех национальных политических и общественных организаций народов Северного Кавказа, стремящихся к освобождению стран от иностранной оккупации и созданию независимой Северо-Кавказской Республики в составе Кавказской Конфедерации (Азербайджан-Армения-Грузия-Северный Кавказ) [ААМТ. Кор. VII]. Под «иностранной оккупацией» понимался и Советский Союз и прежняя Российская империя.

В этот Совет вошли представители 4-х партий Северного Кавказа: федералисты, национал-демократы, Парижское национальное объединение и

народная партия. Измаил Шаков вместе с М. Гатагогу и Ахмедом Магомаевым, Вассаном Джабагиевым стал членом партии национал-демократов.

Таким образом, к 1927 г. Измаил Шаков стал активным общественным деятелем по созданию независимого от России и СССР государства «Северный Кавказ», что свидетельствует о коренной смене его политической позиции по отношению к России и ее преемнику – Советскому Союзу. Очевидно, что причины трансформации взглядов И. Шакова были вызваны комплексом причин, среди которых ключевыми стали следующие: националистическая среда И. Шакова, умелая пропаганда идеологов националистического движения и др. А.М. Топчибаши, с которым Измаил познакомился через своих соплеменников, всегда приглашал супругов Шаковых в свой дом, где вел с ними беседы на различные темы.

Позднее в 1927-1929 гг. между Национальным Советом и Г. Бамматом, который, с одной стороны, был членом Зарубежной Делегации Северного Кавказа, которая находилась в Париже с 1919 г., когда прибыла на мирную конференцию в Версале, а с другой стороны, был членом и Национального Совета, произошел конфликт. Суть конфликта – в перераспределении властных полномочий. По мнению Г. Баммата, Национальный Совет должен был учитывать статус Делегации Северного Кавказа, которая появилась задолго до новообразованного Совета, т.е. с 1919 г. Голос Г. Баммата как члена Делегации должен был быть главным, а мнение Национального Совета – вторично. Между тем члены Национального Совета, соглашаясь прислушиваться к мнению Г. Баммата, считал необходимым лишь учитывать мнение, не рассматривая Делегацию как основную и руководящую организацию. А.М. Топчибаши как посредник пытался примирить стороны, вел переписку с конфликтующими сторонами, вел устные переговоры, но ему ничего не удалось сделать и из Совета вышел Г. Баммат, а за ним И. Шаков, и Т. Шакманов [ААМТ. Кор. IX].

Семья в эмиграции

В 1912 г., проживая в Грозном и работая в собственной клинике, Измаил в возрасте 34 лет женился на Ольге Возжовой – уроженке Владикавказа. Ее родители: отец – Павел Возжов, мать – Анастасия Мартынова. В семье было две дочери: Ольга и Анна. Видимо, это была семья осетинских казаков [Бабич и др. 2020]. Семья Ольги была православной, а Измаил был мусульманином, но религиозные различия не стали препятствием для их брака. Ольга приняла ислам с новым именем Фатима. Сестра Анна, которая вышла замуж за казака Ярмизина, оставалась православной (супруги тоже оказались в эмиграции во Франции). Ольга умерла значительно позднее своего мужа – через 16 лет – в 1957 г., но сохранила приверженность исламу и была, как и ее супруг Измаил, похоронена на мусульманском кладбище Бобиньи под Парижем.

Когда семья Шаковых проживала в Грозном, у супругов родилось двое детей: 9 октября 1912 г. дочь Цурьета, 25 июля 1915 г. сын Измаил. Как мы указывали выше, после Октябрьской революции Шаковы вернулись в Нальчик, где 15 мая 1918 г. у супругов родился сын Темирхан (Тимур).

Измаилу Шакову удалось вывезти в эмиграцию всю свою семью. Дети были совсем маленькими, попав во Францию. Постепенно им удалось интегрироваться во французское общество.

Отметим, что жена Измаила – Фатима играла определенную роль в общественно-политической и профессиональной деятельности своего мужа. В архиве азербайджанца Али Мардан Топчибаши мы обнаружили не только визитку Измаила Шакова, но и визитку его жены – мадам Ф. Шаковой (фото № 4) [ААМТ. Кор. VII].

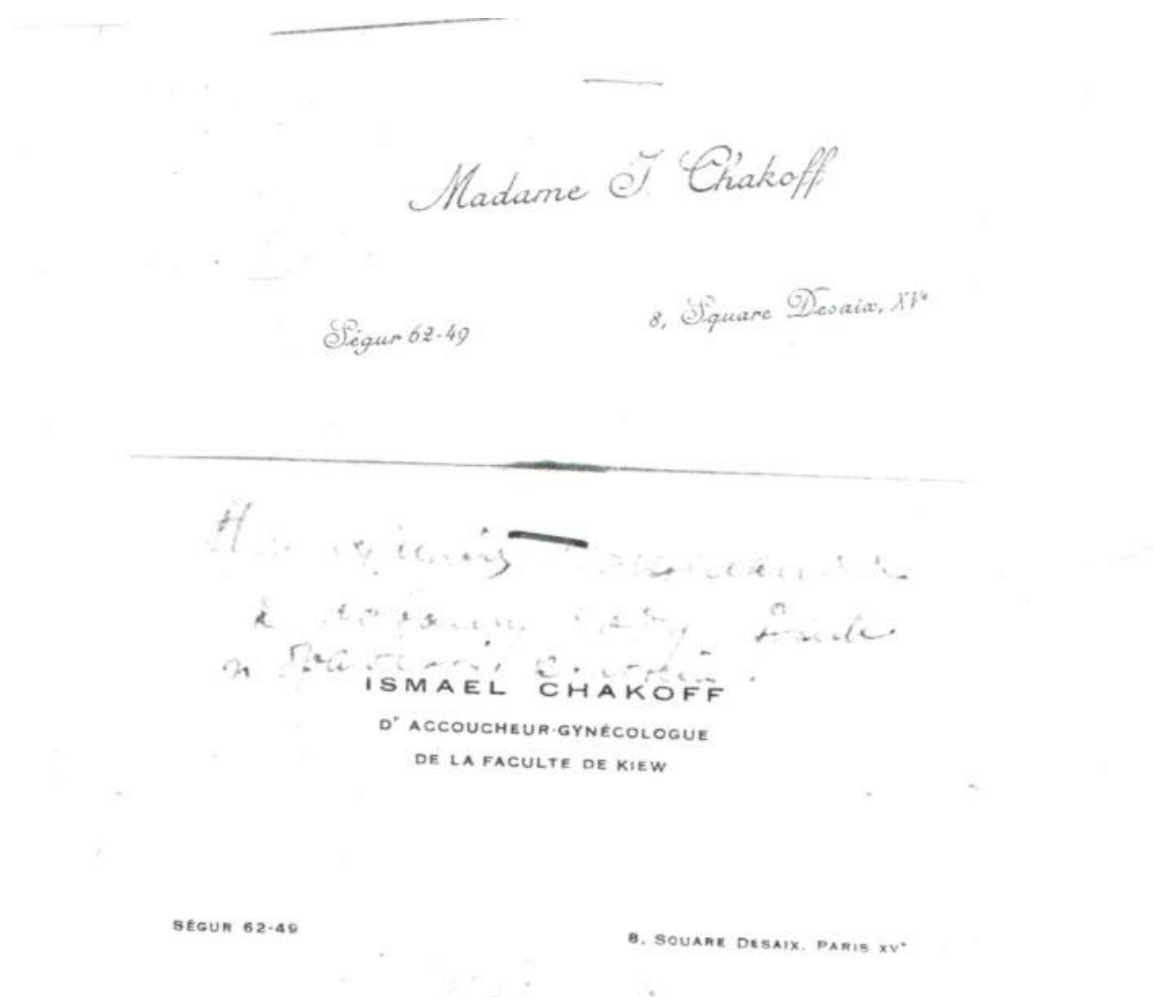

Фото 4. Визитки Измаила и Фатимы Шаковых. 1930-е г.

Круги общения

В Париже Измаил Шаков имел несколько различных сред, кругов общения, которые могли и не пересекаться. С одной стороны, он и его жена исповедовали ислам. Они охотно общались с мусульманами – северокавказцами и азербайджанцами. С другой стороны, как подчеркивал К.Н. Хагондоков в своей рекомендации Измаила в масонскую ложу, Измаил пользовался «большим уважением и среди знавших его русских, и среди кабардинцев и чеченцев» [АБЛФ. Кор. I, интервью К. Хагондокова с И. Шаковым]. Таким образом, у Шаковых были еще две среды – северокавказская и русская. Остановимся подробнее на этом.

Мусульманская среда. Измаил и Фатимы Шаковы – мусульмане и поэтому они охотно общались с мусульманами. В Париже до 1950-х годов была одна мечеть для всех мусульман. 6 марта 1929 г. в Азербайджане умерла близкая родственница А.М. Топчибаши – Ханум Меликова. 20 марта 1929 г. Али Мардан в своем доме под Парижем, в Сен Клу, провел поминки по ее кончине, на которые были приглашены два имама. Один из них был из парижской мечети – марокканец. В том же году у Али Мардана умер сын Рашид. На 40 дней по кончине сына (13 апреля 1929 г.) в дом Али Мардана был приглашен мулла Рамазан Пикеев (судя по фамилии, татарин). На годовщину смерти сына Рашида – 6 марта 1930 г. Али Мардан вновь пригласил в свой дом муллу из парижской мечети. На все поминки (по Х. Меликовой и Рашида) были приглашены и северокавказские мусульмане – Г. Баммат, Измаил и Фатима Шаковы, Т. Шакманов (с женой) [ААМТ. Кор. II].

Фото 5. Могила Измаила Шакова на мусульманском кладбище в Бобиньи (пригород Парижа)¹.

---

¹ Фото И.Л. Бабич, 2018 г.

Северокавказская среда. Северокавказцы в эмиграции дружили между собой, часто общались как с земляками, так и с братьями-горцами. Например, крупнейший деятель Северного Кавказа кумык Гайдар Баммат дружил с северокавказцами: Исламбеком Хандаевым, осетином А. Кантемиром, адыгом Муратом Натырбовым. Во Франции было достаточно адыгов, чтобы образовалась адыгская среда: были кабардинцы, западные адыги. Кабардинец К.Н. Хагондоков дружил со своими земляками: Таусултановым, супругами Шаковыми. И Измаил Шаков, и Константин Хагондоков были дворянами (узденями), были знакомы еще в Кабарде, оба стали активными участниками эмигрантской общественно-политической жизни во Франции в 1920-30-е годы, членами масонских лож. Когда К. Н. Хагондоков только что приехал в Париж, вначале он жил у И.М. Шакова. Когда у Измаила появились судебно-медицинские проблемы, то ему помогал балкарец, адвокат Т. Шакманов. Большинство северокавказцев, в том числе и Измаил Шаков, проживали в 15-м округе Парижа, причем на соседних улицах, а иногда и в соседних домах или квартирах, т. е. рядом друг с другом. Это позволяло им часто общаться.

Были южнокавказцы и северокавказцы, которые дружили между собой во Франции. Кавказцы очень тосковали по Кавказу, поэтому для них представители всех регионов Кавказа были желанными людьми. Например, кумык Г. Баммат дружил с грузином, генерал-майором Г.И. Квинитадзе. Азербайджанец Али Мардан Топчибаши имел с северокавказцами не только деловые, но и дружеские отношения, например, с кабардинцами К.Н. Хагондоковым и И.М. Шаковым. Отметим, что между отдельными представителями северокавказцев и южнокавказцев тесные связи появились еще до революции, и в эмиграции они лишь укреплялись [ААМТ. Кор. II, IX].

2. ШАКОВЫ В ЭМИГРАЦИИ В XX ВЕКЕ: СМЕНА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Дети Измаила и Фатимы Шаковых

В семье эмигрантов, кабардинца Измаила и дочери осетина-казака Ольги, принявшей ислам с именем Фатимы, было трое детей. Все дети супругов родились на Северном Кавказе: двое детей – во время проживания семьи в Грозном: 9 октября 1912 г. дочь Цурьета, 25 июля 1915 г. сын Измаил, а третий ребенок, сын Темирхан (Тимур) 15 мая 1918 г. в Нальчик – на родине Измаила [Бабич и др. 2020] (фото № 6¹). Когда Измаил решил покинуть родину, ему удалось вывезти всю семью: супругу и трех детей. Причем в эмиграции оказалась и семья младшей сестры жены Измаила – Анны (1907-?), которая была замужем за казаком Ярмизиным [OFPPRA]. Обе семьи обосновались во Франции, в Париже. Дети супругов Шаковых попали во Францию совсем маленькими. Им удалось интегрироваться во французское общество, получить среднее образование во французских учебных заведениях. Дочь Цурьета в 1929 г. училась в частной школе Мольера. Измаил стал военным, служил в 8-ом полку егерей-истребителей танков Африки.

---

¹ Семейный архив К. Страйхорн.

Фото 6. Семья Измаила Шакова до революции.

Внуки Измаила и Ольги Шаковых

Сын Шаковых – Измаил, не успев жениться, будучи военным, воевал во время Второй мировой войны на стороне Франции, и молодым, в возрасте 30 лет, сгорел в танке 16 января 1945 г., сражаясь за французов. Он был похоронен в Эльзасе, недалеко от Кольмара. Вторым сыном супругов – Темирхан был женат на француженке Джиллиан Дивар, но детей в семье не было. Наиболее бурной была семейная жизнь у дочери супругов – Цурьетты. Она была замужем трижды. Первым ее мужем стал кабардинец Таусултан Шарданов (фото № 7)¹. Брак был зарегистрирован в мэрии Парижа 13 апреля 1934 г. Муж был старше Цурьетты на 14 лет. 2 ноября 1934 г. в семье родилась дочь, которую назвали в честь исламского имени бабушки – Фатимой. Таусултан, как и Цуретта, был мусульманином, поэтому родившаяся в этом браке дочь Фатима тоже стала мусульманкой².

Фото 7. Таусултан Шарданов и Цурьетта Шакова.

Кабардинец Таусултан Исмаилович Шарданов родился 15 декабря 1898 г. в Кабарде, в ауле Шалушка Терской области (Российская империя (ныне – Кабардино-Балкарская Республика, Россия) в семье узденей, потомков знаменитого Якуб-хаджи Магометовича Шарданова (1788-1845 гг.), который собирал материалы по обычному праву кабардинцев. Родители Таусултана были военными. Он пошел по их стопам. Таусултан окончил Орловский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище. Он служил в Кабардинском конном полку, стал участником Гражданской войны в

¹ Семейный архив К. Страйхорн.

² Там же.

Российской империи. Перед эмиграцией был командиром эскадрона Кабардинской конной дивизии. Видимо, со своей дивизией он оказался в эмиграции, на о. Лемносе (Греция). Затем через Германию, он попал во Францию, где и осел.

В эмиграции было несколько членов кабардинской семьи Шардановых. В Париже жили известный общественный деятель Батыр-Бек Шарданов (1863-1935 гг.) – дядя Таусултана, а также Григорий Тимофеевич Шарданов (1896-?) [Бабич и др. 2020].

Предположительно, молодая семья переехала жить в Ниццу. Но в 1936 г. Таусултан один, без семьи, когда дочери было всего два года, уехал работать и жить в Шанхай¹. По семейным преданиям, он работал в отделе здравоохранения французского муниципалитета. Обычно эмигранты соглашались на работу в колониальных территориях Франции для того, чтобы в дальнейшем быстрее и легче получить французское гражданство. Таусултан не забывал свою семью. В семейном архиве потомков Шаковых хранится посланная им на имя своей дочери в 1938 г. открытка. Жена и дочка проживали вместе с родителями Цурьетты. Однако 17 февраля 1939 г. Таусултан внезапно умирает по причине разрыва кисты печени. Он был похоронен там же на мусульманском кладбище (фото № 8) [Грозин 1939: 150-151].

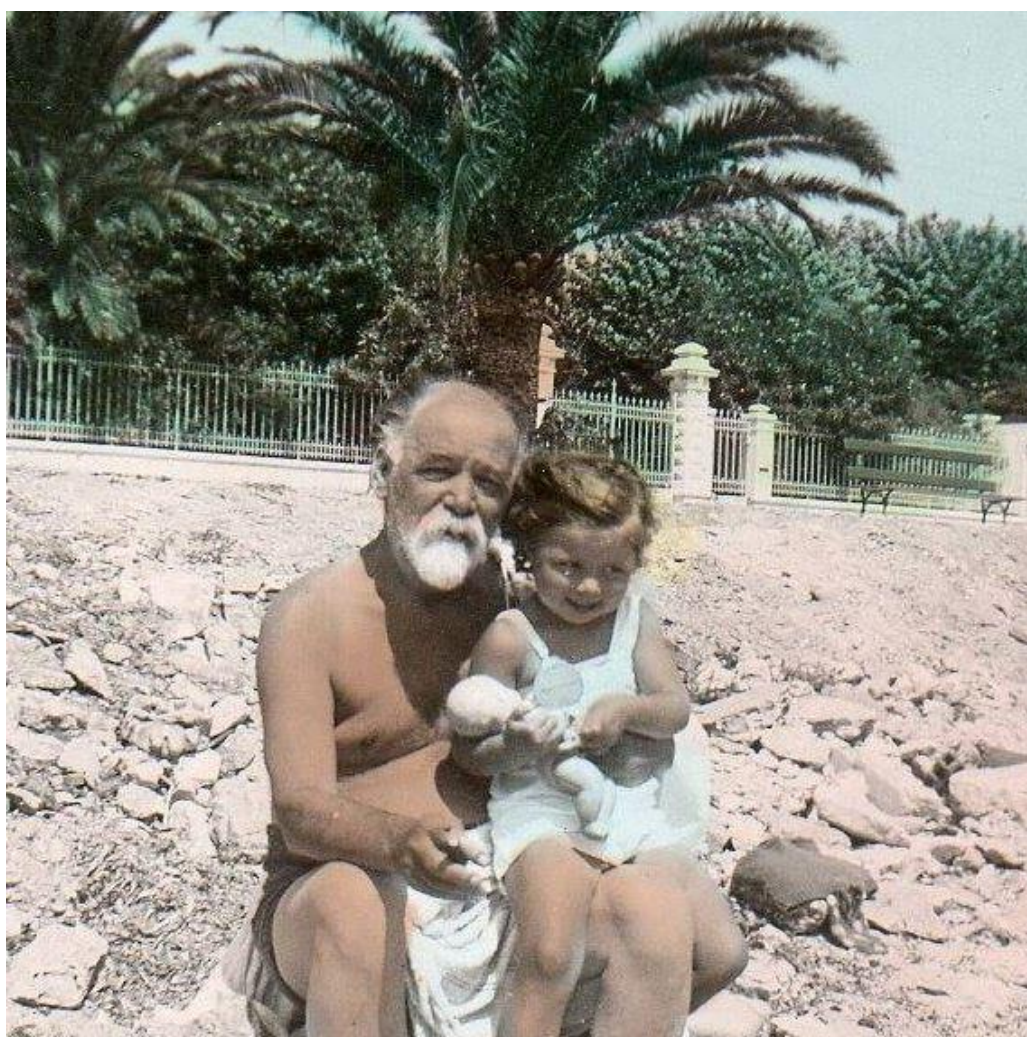

Фото 8. Некролог о смерти Т. Шарданова в эмигрантской газете Шанхая «Слово»².

¹В Шанхае была часть территории, которая находилась под управлением Франции с 1899 по 1946 гг. (Шанхайская французская концессия). Наряду с французской, в Шанхае была и Шанхайская британская концессия. Главой французской концессии был генеральный консул Франции в Шанхае. Существовал муниципальный административный совет. В это время в Шанхае было около 8 тыс. русских эмигрантов.

² Семейный архив К. Страйхорн.

Это событие отразилось на жизни его жены – Цурьетты и его дочери – Фатимы. В 1939 г. в возрасте 5-и лет девочка была отдана матерью в римско-католический монастырь (далеко от Парижа, по семейным преданиям, в г. Блай, деп. Жиронда, Франция) и была крещена там Марией Терезой¹. Ее мать Цурьетта вышла замуж второй раз за француза Луи Кампанье. Через некоторое время она развелась и затем жила гражданским браком с бельгийцем Виктором Дусе в Брюсселе. Мы не знаем причины, почему девочку нельзя было оставить жить с бабушкой и дедушкой, хотя бы до 1941 г. – времени смерти ее деда – Измаила Шакова. Очевидно, что дед очень любил девочку (фото № 9). Бабушка Фатимы прожила после смерти своего супруга еще 16 лет (фото № 10)². Но скорее в судьбу девочки вмешалась Вторая мировая война и в этот период жизнь в монастыре были более безопасной и сытной, нежели в Париже.

**Фото 9. Измаил Шаков с внучкой Фатимой до ее переселения в монастырь.
Ницца, 1938 г.**

---

¹ Семейный архив К. Страйхорн.

² Там же.

Фото 10. Внучка вместе с бабушкой и дедушкой. Исмаил Шаков (слева), внучка Фатима (в центре) и Фатима Возжова (справа). Ницца. 1938 г.

Таким образом, у Исмаила и Фатимы Шаковых была только одна внучка. Но Исмаилу не было суждено вырастить ее, так как он умер в 1941 г. Девочке было всего 7 лет. Впоследствии Фатима окончила технический колледж. В 1948 г. в возрасте 14 лет она поехала в Англию изучать английский язык и уже в возрасте 18 лет Фатима начала работать переводчиком в Касабланке (Марокко)¹.

Современные потомки Шаковых

В 1954 г. Фатима Шарданова, получив опыт работы переводчиком в Касабланке, сумела устроиться в военный аэропорт Орли (Иль-де-Франс), где в возрасте 20 лет познакомилась со своим будущим мужем, американцем, военным американской базы, располагавшейся там же, Джеймсом Даррелом Страйхорн (годы его жизни: 11 февраля 1928 – 27 ноября 2010 гг.). В 1955 г. Фатима вышла за него замуж и через два года супруги уехали в США на постоянное жительство. В этой семье родилось двое детей: дочь Нора (1957 г.) и сын Алекс (27 апреля 1959 г.). Таким образом, у Исмаила и Фатимы Шаковых

¹ Семейный архив К. Страйхорн.

появилось двое правнуков. Фатима прожила с мужем 22 года, но в 1977 г. развелась с ним. В 1991 г. она поменяла фамилию, вернув свою девичью фамилию – Шарданова. Пока дети были маленькими, Фатима была домохозяйкой. Когда дети выросли, она пошла работать в отдел заработной платы компании Burlington Industries в Гринсборо (штат Северная Каролина). В начале 1990-х г., в возрасте 57 лет, она вышла на пенсию и начала жить в том же штате, в городке Эшборо¹.

Дочь Фатимы – Нора училась в Восточно-Каролинском университете (г. Гринвилл, штат Северная Каролина), но не окончила его. Много лет работала в сфере недвижимости в том же штате, где жила ее мать, в городке Нагс Хед. В настоящее время работает в розничной торговле. Нора вышла замуж за американца Спет, детей в семье не было. Впоследствии она развелась с ним. Ныне проживает в том же штате, в городке Китти Хок. Сын Фатимы – Алекс после окончания школы не стал продолжать свое образование, а начал работать менеджером по мебели. Женился на американке Мари Элен Данфорт. Семья проживала в том же штате, в городке Эшборо. В семье родилось двое детей: сын Иешуа (1977 г. рожд.) и дочь Кристиан (1981 г. рожд.). Ныне дети выросли, разъехались. Алекс проживает в том штате, в крупном городе Гринсборо².

Дети и внуки Фатимы Шардановой, т.е. правнуки и праправнуки Измаила и Фатимы Шаковых родились и выросли в США, считают себя американцами, имеют американскую идентичность. Круги их общения – американские. В их семьях практически не было и нет знаний о своих кабардинских корнях. Понятия «кабардинец, кабардинка» ушли из их памяти. Уже дети Фатимы не смогли бы показать на карте мира, где живут кабардинцы. Соответственно, они не имеют и интереса к этим корням³. Исключением стала представительница следующего поколения – Кристиан Страйхорн – внучка Фатимы, которая стала историком и начала интересоваться своими историческими корнями, когда ее бабушка была еще жива. Она старалась расспрашивать ее о своих предках. В семье сохранился семейный архив с многочисленными семейными фотографиями, на которых изображены Шаковы. У Кристиан сложилось впечатление, что Фатима Шарданова – ее бабушка «имела шрамы от своего прошлого и вспоминала о своих предках только в связи с тем, что внучка спрашивала об этом. Сама она никогда стала бы вспоминать и рассказывать о них... Она как бы боялась своего прошлого»⁴.

Фатима, выросшая практически вне своей семьи, вышедшая замуж на американца, практически ничего не помнила про свои кабардинские (по линии дедушки Измаила Шакова) или осетинско-казачьи (по линии бабушки Фатимы-Ольги Возжовой) корни. В ее памяти осталось лишь то, что «ее семья была из

---

¹ Семейный архив К. Страйхорн.

² Там же.

³ Полевые материалы И.Л. Бабич. Интервью с К. Страйхорн, 20 сентября 2020 г. Москва (по скайпу).

⁴ Там же.

России». В результате у нынешних потомков – праправнуков Измаила и Фатимы Шаковых сложилось впечатление, что они имеют русские корни¹.

Среди детей, внуков, правнуков и праправнуков Измаила Шакова не было людей, которые получили бы высшее образование. Первым человеком с высшим образованием стала Кристиан Страйхорн – праправнучка Измаила. Она получила звание магистра истории.

Постепенно в семье Шаковых-Шардановых-Страйхорн произошла и смена религиозной идентичности. Фатима Шарданова родилась в мусульманской семье. Ее родители были мусульманами. Отец Фатимы – Таусултан Шарданов, когда жил один, без семьи, в Шанхае, в 1938 г. прислал девочке открытку, в которой написал следующее: «Помни, родная, что ты кабардинка и мусульманка и гордись этим» (фото № 11)².

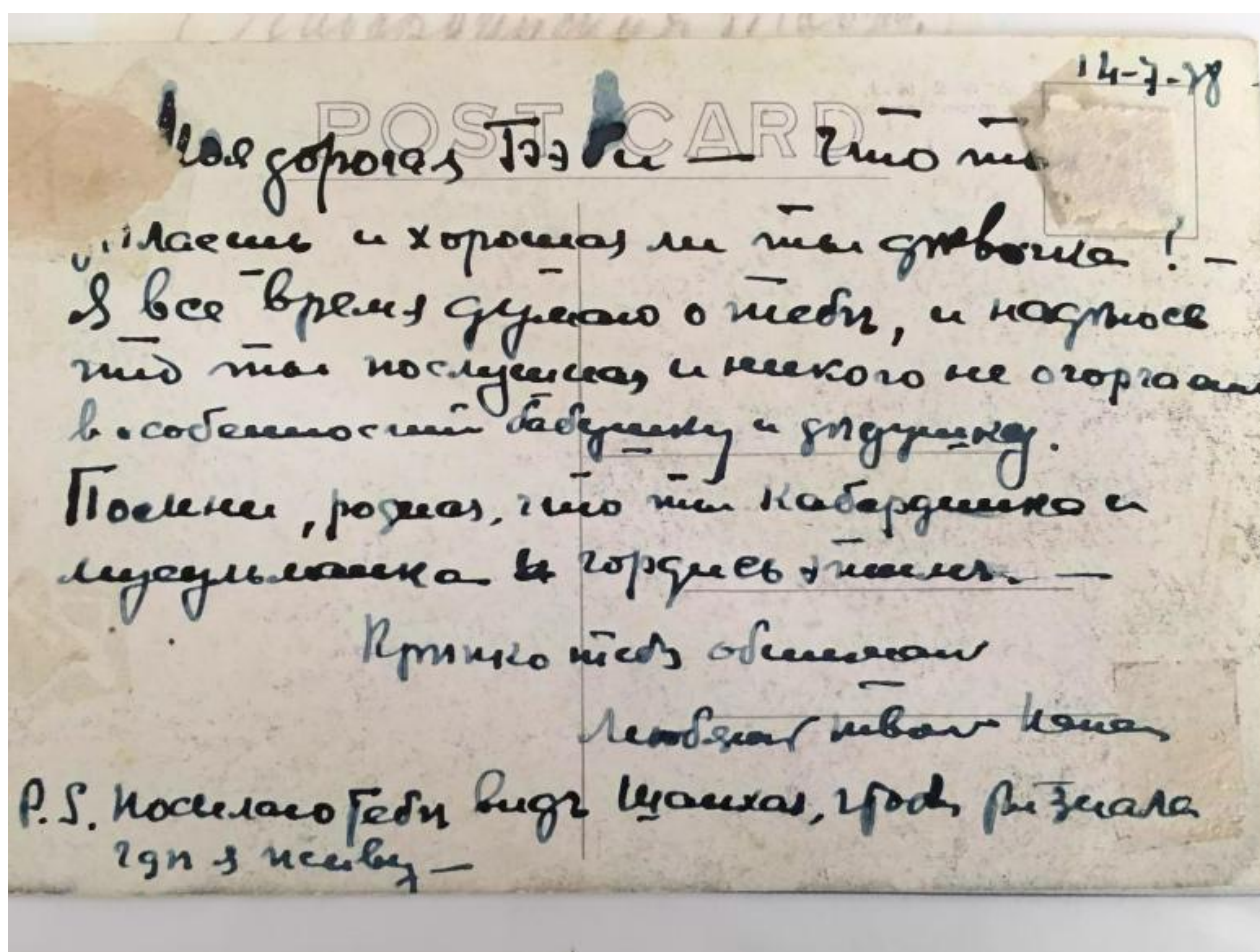

Фото 11. Открытка, посланная Таусултаном Шардановым из Шанхая своей дочке Фатиме в Париж, 1938 г.

Религиозная жизнь Фатимы и ее потомков тоже претерпели существенные изменения: если Ольга – жена Измаила ради мужа перешла из православия в ислам и была похоронена вместе с мужем на мусульманском

¹ Полевые материалы И.Л. Бабич. Интервью с К. Страйхорн, 28 сентября 2020 г. Москва (по скайпу).

² Семейный архив К. Страйхорн.

кладбище под Парижем – в Бобиньи, то их внучка Фатима, попав в монастырь, стала католичкой с именем Марии-Терезы. Она много лет ощущала себя католичкой. Ее внучка Кристиан беседовала с ней о ее религиозности: она не помнила себя мусульманкой, ее самые первые воспоминания были связаны с римско-католическим монастырем. Переехав в США, она со временем, видимо, под влиянием своего мужа, приняла протестантизм в форме методистской церкви¹, которая в настоящее время широко распространена в США. Их дети – Нора и Алекс были воспитаны в методистской церкви. В последние годы своей жизни Фатима интересовалась спиритизмом. Те мне менее ее похороны (она умерла 22 марта 2019 г. в Эшборо) состоялись по христианскому обряду².

Кроме национальной и религиозной идентичностей в жизни потомков Шаковых поменялась и общественно-политическая идентичность. Измаил Шаков был воспитан и образован в Российской империи, имел пророссийские взгляды, которые постепенно в эмиграции трансформировались: во Франции он стал открыто отстаивать интересы независимого от России государства Северного Кавказа. Однако во время Второй мировой войны супруги Шаковы поддерживали французов и Францию. Неслучайно их сын Измаил воевал во французской армии и погиб в Эльзасе молодым в возрасте 30 лет³. Об убеждениях мужа Цурьетты – Таусултана Шарданова нет определенных свидетельств, но известно, что на его похоронах в Шанхае присутствовал его друг, русский эмигрант, основатель русского фашизма А.А. Вонсяцкий [Грозин 1939: 150-151]. Со временем идеи Измаила Шакова о независимом Северном Кавказе были совершенно забыты их потомками: Фатима уже не могла своей внучке Кристиан об этом рассказать. Она ничего об этом не знала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Измаил Магометович Шаков – один из видных представителей кабардинцев в европейской эмиграции в 1920-1930-х гг. Яркий представитель северокавказской интеллигенции Шаков сделал в Российской империи прекрасную карьеру, которую оборвала Октябрьская революция. Описав различные стороны его жизни во Франции в этот период, мы видим, что, в целом, ему удалось организовать свою жизнь в новой стране достаточно успешно. В эмиграции у него сложилась профессиональная и общественно-политическая деятельность. Вместе с женой они сумели вырастить трех сыновей. Но прожил Измаил недолго: умер он в возрасте 63 лет. Все-таки его здоровье было подорвано перипетиями и трудностями его эмигрантской жизни. После смерти во Франции у него осталась большая семья. Но в жизни его потомков, Шаковых-Шардановых-Страйхорн, произошла не только смена

---

¹ Протестантская конфессия, распространенная главным образом в США и Великобритании. Возникла в XVIII в., отделившись от англиканской церкви. Методисты проповедуют религиозное смирение и кротость. По состоянию на 2005 г., к методистам принадлежало 74 млн. чел.

² Семейный архив К. Страйхорн.

³ Там же.

этнической, религиозной и общественно-политических идентичностей, но даже потеря памяти о своих национально-религиозных корнях. Этот сдвиг в идентичностях можно объяснить многими причинами, и прежде всего надо учитывать последствия, которые нанесла семье Шаковых европейская эмиграция и потеря родины. Единственная внучка Измаила и Фатимы Шаковых, которая могла сохранить кабардинские и исламские корни своей семьи, в силу ряда причин (смерти своего отца в 1939 г. и бабушки в 1941 г., Второй мировой войны) оказалась в римско-католическом монастыре. Важным последствием такой жизни стала потеря национально-религиозного наследия. Внучка Шаковых – Фатима Страйхорн чувствовала, что у нее была бы другая жизнь, если бы ее отец и бабушка были бы живы до ее совершеннолетия и если бы она жила с ними. Таким образом, травма потерянного ребенка привела к тому, что она отошла от истинного понимания своего прошлого и своих этнических, религиозных и социально-политических корней.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ААМТ – *Архив Али Мардана Бека Топчибаши* (Топчибашева) // Библиотека Центра по изучению современной России, Кавказа и Центральной Европы. Париж (Франция). – École des Hautes Études en Sciences Sociales (Высшая школа социальных наук). (CERCEC, EHES). Документы содержатся в общих коробках под нумерацией, листы не пронумерованы.

АБЛФ – *Архив Большой ложи Франции*. Париж (Франция). Документы не систематизированы и не имеют нумерации. Содержатся в коробках под нумерацией.

АП – *Архивы Парижа*. Париж, (Франция).

Бабич 2014 – *Бабич И.Л.* Кавказцы в русских масонских ложах Франции (1922-1939 гг.) // *Кавказ и глобализация*. – 2014. – Т.8. – № 3-4. – С. 98-116.

Бабич 2018 – *Бабич И.Л.* Общественно-политическая мысль северокавказских эмигрантов о будущем своей Родины (1920–1930-е гг.) // *Нансеновские чтения*. 2016: материалы VII международной конференции «Нансеновские чтения», 9-11 ноября 2016 года / редкол.: М.В. Петрова и др.; науч. Ред. В.Ю. Черняев. – Санкт-Петербург: Северная звезда, 2018. – С. 117-132.

Бабич 2019 – *Бабич И.Л.* Северокавказские эмигранты во Франции. – Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2019. – 288 с.

Бабич и др. 2020 – *Бабич И.Л., Гладкова Т.Л., Мнухин Л.А.* Северокавказцы в эмиграции в XX веке. Материалы к биографическому словарю. – Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 297 с.

Бурыйшкин 1945 – *Бурыйшкин П.А.* История русских масонских лож // *Архив Большой ложи Франции*. – Кор. III. – С. 1-25.

Грозин 1939 – *Грозин Н.* Защитные рубашки. – Шанхай: Всеобщий русский календарь, 1939. – 325 с.

Иллюстрированная Россия [Отдел рекламы]. – 1929. – № 5, 46.

Серков 2001 – *Серков А.И.* Русское масонство. 1731-2000. Энциклопедия. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. – 1224 с.

APP – *Les archives de la préfecture de police*. – Liste alphabétique des personnes ayant acquis ou perdu la nationalité française par décret. – Архивы Префектуры полиции. Париж, Франция. Электронная база данных, без нумерации.

OFPRA – *Office Français de Protection des Réfugiés et Apatrides*. – Французское управление по защите беженцев и лиц без гражданства. Париж, Франция. Документы предоставляются в электронном виде (база данных), без нумерации.

REFERENCES

- AAMT – *Arkhiv Ali Mardana Beka Topchibashi (Topchibasheva)* [Archive by Ali Mardan Bek Topchibashi (Topchibashev)]. IN: *Biblioteka Tsentra po izucheniyu sovremennoi Rossii, Kavkaza i Tsentral'noi Evropy. Parizh (Frantsiya)* [Library of the Center for the Study of Modern Russia, the Caucasus and Central Europe. Paris, France]. – École des Hautes Études en Sciences Sociales. (CERCEC, EHESS). *Dokumenty soderzhatsya v obshchikh korobkakh pod numeratsiei, listy ne pronomerovany* [Documents are contained in common boxes under numbering, sheets are not numbered]. (In French; In Russian)
- ABLF – *Arkhiv Bol'shoi lozhi Frantsii. Parizh (Frantsiya). Dokumenty ne sistematizirovany i ne imeyut numeratsii. Soderzhatsya v korobkakh pod numeratsiei* [Archive of the Grand Lodge of France. Paris, (France). The documents are not systematized and have no numbering. Contained in numbered boxes]. (In Russian)
- AP – *Arkhivy Parizha. Parizh, (Frantsiya)* [Archives of Paris. Paris, France]. (In French)
- APP – Les archives de la préfecture de police. – Liste alphabétique des personnes ayant acquis ou perdu la nationalité française par décret. – *Arkhivy Prefektury politsii. Parizh, Frantsiya. Elektronnaya baza dannykh, bez numeratsii* [Archives of the Prefecture of Police. Paris, France. The electronic database, without numbering]. (In French)
- BABICH I.L. *Kavkaztsy v russkikh masonskikh lozhakh Frantsii (1922-1939 gg.)* [Caucasians in Russian Masonic lodges In French (1922-1939)]. IN: *Kavkaz i globalizatsiya*. – 2014. – Vol. 8. – No. 3-4. – P. 98-116. (In Russian)
- BABICH I.L. *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' severokavkazskikh emigrantov o budushchem svoei Rodiny (1920-1930-e gg.)* [Social and political view of the North Caucasian emigrants about the future of their homeland (1920-1930s)]. IN: *Nansenovskie chteniya. 2016: materialy VII mezhdunarodnoi konferentsii «Nansenovskie chteniya», 9-11 noyabrya 2016 goda / redkol.: M.V. Petrova i dr.; nauch. red. V.Yu. Chernyaev* [Nansen readings. 2016: materials of the VII international conference "Nansen Readings", November 9-11, 2016. Ed. by V.Yu. Chernyaev]. – Sankt-Peterburg: Severnaya zvezda, 2018. – P. 117-132. (In Russian)
- BABICH I.L. *Severokavkazskie emigranty vo Frantsii* [North Caucasian emigrants In French]. – Moskva-Berlin: Direkt-Media, 2019. – 288 p. (In Russian)
- BABICH I.L., GLADKOVA T.L., MNUKHIN L.A. *Severokavkaztsy v emigratsii v XX veke. Materialy k biograficheskomu slovaryu* [North Caucasians in emigration in the XX century. Materials for the biographical dictionary]. – Moskva-Berlin: Direkt-Media, 2020. – 297 p. (In Russian)
- BURYSHKIN P.A. *Istoriya russkikh masonskikh lozh* [History of Russian Masonic Lodges]. IN: *Arkhiv Bol'shoi lozhi Frantsii* [Archive of the Grand Lodge of France]. – Box III. – P. 1-25. (In Russian)
- GROZIN N. *Zashchitnye rubashki* [Protective shirts]. – Shankhai: Vseobshchii russkii kalendar', 1939. – 325 p. (In Russian)
- Illyustrirovannaya Rossiya (Otdel reklamy)* [Illustrated Russia (Advertising Department)]. – 1929. – No. 5, 46. (In Russian)
- OFPPRA – Office Français de Protection des Réfugiés et Apatrides. – *Frantsuzskoe upravlenie po zashchite bezhentsv i lits bez grazhdanstva. Parizh, Frantsiya. Dokumenty predostavlyayutsya v elektronnom vide (baza dannykh), bez numeratsii* [French Office for the Protection of Refugees and Stateless Persons. Paris, France. Documents are provided in electronic form (database), without numbering]. (In French)
- SERKOV A.I. *Russkoe masonstvo. 1731-2000. Entsiklopediya* [Russian Freemasonry. 1731-2000. Encyclopedia]. – M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2001. – 1224 p. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Новейшая история*****Двадцатый век в судьбах северокавказской интеллигенции***

УДК 94 "20" (470.64)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-4-159-177

**ЧЕЛОВЕК В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ: ВЕХИ ОБЩЕСТВЕННОЙ И
НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М.Х. ГЕРАНДОКОВА****Б.Б. ХУБИЕВ
Х.Б. МАМСИРОВ**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: ktilsr@mail.ru, mamsirhb@mail.ru*

Аннотация. Авторы данной статьи ставят целью осветить основные вехи жизни и научной деятельности М.Х. Герандокова, ученого, государственного и общественного деятеля в свете социокультурных тенденций второй половины XX – начала XXI вв. Его образование, становление как личности и профессиональная деятельность в известном смысле служат зеркалом советской культурной революции, как она совершилась на Северном Кавказе. Он вполне успешно вписался в советскую общественно-идеологическую систему и получил признание со стороны государства как эффективный руководитель. В каждой профессиональной сфере и на каждом этапе своей карьеры М.Х. Герандоков совмещал практическую деятельность с интеллектуальным поиском, стремлением охватить более широкое историческое, социальное и культурное значение той конкретной отрасли, в которой он работал. Это позволяет характеризовать его не просто как советского служащего, профессионала, руководителя, но как интеллектуала и интеллигента в том смысле, который это понятие приобрело в российской культуре. Логичным стал приход М.Х. Герандокова в науку. Предметом его исследований стали содержательные и организационные аспекты эволюции национальных культур народов Северного Кавказа в XX в. Обретенная таким образом широта взгляда на общественно-исторические процессы дала ему возможность ответить на мировоззренческий кризис, связанный с крушением советской общественно-идеологической системы, личностной интеллектуальной перестройкой, в которой была удержана та диалектика национального и интернационального, локального и общецивилизационного, которая всегда была в центре его внимания.

Ключевые слова: культура; национальная культура; культурная революция; процессы; эстетика; глобализация.

A MAN IN THE CONTEXT OF AN ERA: MILESTONES IN THE PUBLIC AND SCIENTIFIC ACTIVITIES OF M.Kh. GERANDOKOV

B.B. KHUBIYEV
Kh.B. MAMSIROV

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky Str., 173

E-mail: ktilsr@mail.ru, mamsirhb@mail.ru

Abstract. The authors of this article aim to highlight the main milestones in the life and scientific activities of M.Kh. Gerandokov, a scientist, statesman and public figure in the light of socio-cultural trends of the second half of the XX – early XXI centuries. His education, becoming as a person and professional activity in a sense serve as a mirror of the Soviet Cultural Revolution, as it took place in the North Caucasus. He quite successfully fit into the Soviet social and ideological system and received recognition from the state as an effective leader. In every professional area and at every stage of his career M.Kh. Gerandokov combined practical activity with intellectual search, the desire to embrace the broader historical, social and cultural significance of the particular industry in which he worked. This allows us to characterize him not only as a Soviet employee, professional, leader, but as an intellectual and intellectual in the sense that this concept has acquired in Russian culture. It was just natural that M.Kh. Gerandokov entered into scientific field. The subject of his research was the substantive and organizational aspect of the evolution of the national cultures of the peoples of the North Caucasus in the XX century. The breadth of his view of socio-historical processes acquired in this way gave him the opportunity to respond to the worldview crisis associated with the collapse of the Soviet socio-ideological system with personal intellectual restructuring, in which he detained the dialectic of the national and international, local and universal cultural phenomena, which was always at the center his attention.

Keywords: culture; national culture; cultural revolution; processes; aesthetics; globalization.

Введение

На современном этапе в сфере социально-гуманитарных наук активизируются процессы переосмысления на основе новых подходов отечественного опыта политического и социокультурного развития в XX-XXI вв., когда не раз менялись политический вектор развития и социокультурная доминанта. Не снижается интерес к анализу таких проблем в отечественной историографии национальной культуры, как «культурная революция», кризис культуры в период «перестройки», вызовы процессов глобализации. В связи с этим, важна степень изученности и оценка вклада ученых в изучение узловых вопросов отечественной истории в национально-региональном аспекте для объективной интерпретации прошлого и настоящего, чтобы четче определить перспективы.

Интерес местных исследователей к мемуарно-биографическому жанру в научной литературе Кабардино-Балкарии появился в конце XX – начале XXI в. [Гугов 2017; Жизнь... 2013; Кажаров 2014; Калмыков 1998; Тлостанов 2006; Устремленный... 2013; Этапы... 2019]. В Социально-гуманитарном институте Кабардино-Балкарского университета выпускники по направлению «История»

работают над диссертациями по теме биографии и научного наследия Т.Х. Кумыкова, Ч.Э. Карданова. К.Г. Азаматова и др. ученых. «Не распаханная целина» о научной деятельности таких известных кабардино-балкарских ученых – историков и философов, как: А.К. Текуев, А.Х. Касумов, А.Х. Бижев, С.И. Эфендиев, Ш.Я. Масаев, М.З. Саблиров, Х.Г. Тхагапсоев, и многих других.

Свое место в этом ряду занимает Михаил Хамзетович Герандоков – филолог, историк, философ, педагог, государственный и общественный деятель. В отличие от своих коллег, занимавшихся сугубо научно-педагогической работой, М.Х. Герандоков совмещал ее с государственной и общественной деятельностью. В его жизни и работе отразились ключевые тенденции и вехи развития культуры народов Кабардино-Балкарии и Северного Кавказа второй половины XX – начала XXI в. Следует отметить, что его государственная и общественно-политическая деятельность освещена достаточно подробно [Газарова 2019], но его вклад в историографию национальной культуры народов Северного Кавказа, еще до конца не определен.

С учетом вышеизложенного, авторы данной статьи ставят цель – осветить основные вехи жизни и научной деятельности М.Х. Герандокова в свете социокультурных тенденций второй половины XX – начала XXI в. Для ее реализации намечены задачи: систематизировать факты его научной биографии, исследовать более значимые научные достижения М.Х. Герандокова как историка и философа культуры.

Карьера советского руководителя

М.Х. Герандоков родился накануне Великой Отечественной войны, сполна перенес все ее тяготы. Его детство, отягощенное последствиями войны и послевоенного восстановления, выдалось голодным и трудным, как и у всех его сверстников. Но государство, предоставляя детям войны перспективу, мотивировало их на учебу, обретение профессии и созидательный труд. Как многие его сверстники М.Х. Герандоков преодолевал трудности, пытаясь соответствовать требованиям времени.

В его становлении как личности большую роль, безусловно, сыграла семья. Михаил Хамзетович вырос в большой кабардинской семье, где сохранялись традиционные ценности и уклад отношений. Свою роль сыграли школа, общественно-политическая среда, историческое содержание послевоенной эпохи, наложившие свой отпечаток на жизнь его поколения.

М.Х. Герандоков вступал в зрелую жизнь, когда в республике был высок культ знаний, а высшее образование стало очень престижным. Стремление окончить среднюю школу и поступить в Кабардино-Балкарский государственный университет все шире распространялось среди молодых людей республики.

Окончание средней школы совпало с хрущевскими новациями, в соответствии с которыми он обрел рабочую профессию и производственный стаж, являвшиеся обязательным условием поступления в вуз. В 1959 г.

М.Х. Герандоков поступает на историко-филологический факультет КБГУ, имея сформировавшиеся взгляды на жизнь и здоровые амбиции. В вузе он проявил способности к научно-исследовательской и общественной работе и стал студентом-активистом.

Практически сразу после окончания в 1964 г. Кабардино-Балкарского государственного университета по специальности «Русский язык и литература» его назначают на первую руководящую должность завуча в средней школе села Новая Хамидия Терского района.

Колоссальные людские потери в войне, дефицит кадров вынуждали государство в послевоенные годы, сосредоточиться на подготовке национальных кадров, специалистов-руководителей универсального типа: учителя по профессии. Эту профессию Центр считал эффективной в социокультурных условиях национальных автономий Северного Кавказа и более соответствующей авторитарному духу советской модернизации. До конца советского периода учителя в национальном регионе использовали как «многостаночника».

Указанные тенденции проявляются и в биографии М.Х. Герандокова. В 1965 г. его, как подающего надежды педагога и активного общественника, избирают первым секретарем Терского райкома комсомола, а в 1966 г. – выдвигают на должность директора научно-методического кабинета культурно-просветительной работы Министерства культуры КБАССР.

В 1975 г. Михаил Хамзетович направили на повышение в организационно-инструкторский отдел Совета Министров КБАССР. А в 1980 г. уже опытного советского служащего назначают начальником Кабардино-Балкарского республиканского агентства «Союзпечать», которое он возглавлял до 2009 г., и вывел в число лидеров предприятий отрасли в Российской Федерации.

Особенностью личной биографии М.Х. Герандокова является рано полученный им опыт международного общения и наблюдения за политической и культурной жизнью зарубежных стран, а также полученные им личные впечатления от живого общения с высшими партийными руководителями страны.

Уже в 1963 г. он принял участие в Международном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки, что можно считать исключительным достижением для студента провинциального вуза. Большое впечатление на М.Х. Герандокова оказал визит в 1967 г. в Италию в составе советской делегации. Он читал лекции в молодежных коллективах, был среди гостей съезда компартии Италии и получил возможность сравнить две общественно-политические системы.

В качестве аспиранта Московского института культуры М.Х. Герандоков в 1972 г. принял участие в VII Международном конгрессе по эстетике «Эстетика, искусство и условия человеческого существования», проходившем в Бухаресте. Пленарное заседание вел Председатель Государственного Совета Румынии Николае Чаушеску. А затем группу советских ученых, в состав которой входил и М.Х. Герандоков, принял глава

Румынии Н. Чаушеску. Все это произвело на М.Х. Герандокова большое впечатление, которое ассоциировалось для него с первым шагом в большую науку.

В 1973 г. М.Х. Герандоков стал делегатом Всесоюзного семинара партийных пропагандистов, на котором выступил член Политбюро ЦК КПСС, Секретарь ЦК КПСС М.А. Суслов. Отдельно М.А. Суслов встретился с группой активных региональных пропагандистов, в которую попал и М.Х. Герандоков. Выступление главного идеолога партии и полученное от него в ходе короткого личного контакта ободряющее напутствие произвели на него большое впечатление [Газарова 2019: 32-33].

Вхождение в науку

Эти немногочисленные, на первый взгляд, эпизоды формировали опыт, который носил тот период для советских людей исключительный характер. Он позволил М.Х. Герандокову обрести на собственную работу и непосредственно окружающую его среду более широкий взгляд.

Возможно, что потребность в широком видении стала одним из источников потребности в профессиональном научном изучении того дела, которым занимался М.Х. Герандоков, а также задач и перспектив социально-культурного развития народов Кабардино-Балкарии, которому подчинялась его служебная деятельность. Почему полем научных исследований для М.Х. Герандокова, получившего филологическое образование, стала история? Это было время, когда социологические исследования только начинали входить в научную практику в СССР, а культурологические исследования осуществлялись в рамках философии или исторической науки. Надо учитывать и особенности обучения советских студентов-филологов 1960-70-х гг., когда наряду с обязательной для всех дисциплиной «История КПСС», изучались еще курсы «Истории СССР» и «Истории КБАССР». Естественный интерес к истории отечества стимулировали увлекательные лекции таких талантливых историков, как Х.М. Бербеков, И.П. Копачев, Т.Х. Кумыков, Х.Т. Медалиев и др.

Поэтому выпускники-филологи получали основы исторических знаний и навыки анализа сути процессов и событий в прошлом и настоящем. Студенты-историки соответственно изучали ряд курсов по русскому языку и литературе, что позитивно сказывалось на их общекультурном уровне. Таким образом, выпускники историко-филологического факультета КБГУ тех лет получали возможности проявить себя, в зависимости от своих предпочтений, по нескольким профессиональным траекториям.

Важность научно-исследовательских навыков М.Х. Герандоков ощутил, возглавив научно-методический кабинет культурно-просветительной работы Министерства культуры КБАССР. Здесь аккумулировалась обширная информация о системе культпросветработы республики: динамика ее сети, формы и методы работы, культурные запросы населения, достижения и проблемы. Весь этот материал анализировался, а затем на его основании

разрабатывались методические указания и пособия для культурно-просветительных работников.

Таким образом, М.Х. Герандоков в силу своей профессиональной деятельности, ощутил потребность решать практические задачи культурно-просветительной сферы на научной основе, что стимулировало его интерес к исследовательской работе и дало свои результаты: он ставит проблемные вопросы на республиканских совещаниях и предлагает свои варианты решения. На Всероссийских совещаниях, отраслевых семинарах и научно-практических конференциях по обмену опытом его сразу заметили. Директор Центрального научно-методического кабинета Министерства культуры РСФСР Евгений Алексеевич Владимиров, разглядев аналитические способности М.Х. Герандокова, рекомендовал его к поступлению в аспирантуру Московского государственного института культуры. В характеристике-рекомендации Совета Министров КБАССР в аспирантуру отмечалось, что «М.Х. Герандоков за время работы в Министерстве культуры КБАССР всегда с научных позиций подходил к практической деятельности культпросветучреждений республики».

М.Х. Герандокову повезло, ибо Е.А. Владимиров ввел его в круг ученых, для которых наука – самое важное в их жизни, и они были готовы щедро делиться своими знаниями со своими учениками. На кафедре теории и истории культуры, к которой был прикреплен М.Х. Герандоков, в то время сформировалась известная в стране школа по изучению проблем культуры, которую возглавил ученый с мировым именем, доктор философских наук, профессор Арнольд Исаевич Арнольдов.

Непосредственным научным руководителем М.Х. Герандокова стал доктор философских наук, профессор Николай Леонидович Лейзеров, талантливый ученый и интересный оратор. Его часто приглашали читать лекции в Институте Марксизма-Ленинизма, и он был знаком с некоторыми руководителями ЦК партии.

Положительное влияние на научный рост М.Х. Герандокова оказал А.И. Арнольдов, которого он считает своим вторым учителем. Это был великолепный мастер слова с феноменальной памятью, научные взгляды которого порой опрокидывали стереотипы о тех или иных закономерностях социального и культурного прогресса и будоражили сознание многих его коллег. Если в поздние воспоминания М.Х. Герандокова не вкралась ошибка, то можно предположить, что А.И. Арнольдов озвучивал некоторые формулы из запретного тогда «Доктора Живаго» Б.Л. Пастернака, в частности, мысль об истории «как о второй вселенной, воздвигаемой человечеством в ответ на явление смерти с помощью явлений времени и памяти» [Пастернак 1989: 77]. Равным образом, некоторые другие его мысли, будучи усвоены М.Х. Герандоковым, может быть, исподволь готовили его к тому, чтобы выйти в будущем за рамки господствовавшего тогда сугубо классового марксистского подхода к явлениям культуры. Так, А.И. Арнольдов считал, что культура жива, пока она верна истории, что чувство истории рождается и привносится страданием народа, качеством его жизни, его способностью адаптироваться к

этой жизни. Традиции, считал Арнольд Исаевич, – это опора и своего рода «несущая конструкция», сохраняющая жизнь культуры, ее облик, ее качество. Арнольд Исаевич интересовался успехами аспиранта кафедры М.Х. Герандокова, в котором ему импонировала требовательность к себе, желание осмыслить эмпирический материал, чтобы понять взаимосвязь и взаимообусловленность прошлого и настоящего. М.Х. Герандоков не раз обращался за советом к Арнольду Исаевичу, чтобы выстроить разрозненные факты в одно стройное целое [Газарова 2019: 35-36]

В такой научной среде и условиях формировалось мировоззрение, историко-философские взгляды М.Х. Герандокова, которые были сориентированы старшими наставниками на изучение тенденций в развитии национальной культуры народов Кабардино-Балкарии с учетом общекультурных и национальных традиций. В соответствии с их рекомендациями была избрана тема кандидатской диссертации «Становление и развитие социалистической культуры народов Кабардино-Балкарии (1921-1937 гг.)».

М.Х. Герандоков представил своевременно к защите диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Основные положения кандидатской диссертации были изложены в 12 научных статьях и монографии: «Культурное строительство в Кабардино-Балкарии (1917-1940 гг.)», изданной в 1974 г. Она представляла собой попытку осмысления процесса формирования культуры нового типа, как неотъемлемой части социалистического строительства.

Но еще за год до ее выхода была опубликована монография Х.М. Сабанчиева [Сабанчиев 1973], которая, на первый взгляд, нивелировала актуальность монографии М.Х. Герандокова. Однако в работе Х.М. Сабанчиева объектом изучения являлась деятельность правящей партии как основной источник прогрессивных культурных инноваций. Проблема их восприятия, интерпретации и воплощения в культурных практиках массовых слоев населения оставалась вне зоны исследовательского интереса. В отличие от этого монография М.Х. Герандокова содержала значительный материал, характеризующий реальную культурную ситуацию, приближающийся к пониманию культуры как системы мировоззренческих категорий, этических и эстетических ценностей и норм, которыми руководствуется общество.

М.Х. Герандоков успешно защитил свою диссертацию в Кабардино-Балкарском государственном университете в 1977 г. Первым оппонентом была доктор исторических наук, профессор Л.М. Зак, в то время ведущий отечественный специалист в области истории культуры. В своем отзыве она отмечала, помимо прочего, что соискатель «смог отразить особенности исторических условий зарождения основ советского искусства и проблемы приобщения кабардинского и балкарского народов к новой культуре». Важной характеристикой исследования было то, что его главным объектом стала сама национальная культура, ее качественные изменения в условиях российских трансформаций 1920-30-х гг. В тех формах, которые были доступны в условиях того времени М.Х. Герандоков реализовал своего рода «демократизацию»

трактовки субъективного фактора культурной динамики, отдавая предпочтение не партии, а народным массам в процессах культурного строительства.

Вместе с тем увлеченность автора новыми светскими и рационалистическими культурными формами дала основание второму оппоненту – местному историку Х.Ф. Тазиеву отметить переоценку им роли политики «воинствующего атеизма» без учета ее негативных последствий, и высказать пожелание, чтобы в соответствии с принципами диалектики в работе были бы четче обозначены издержки в реализации национально-культурной политики»

Производным сюжетом первой монографии М.Х. Герандокова стало интернациональное воспитание в клубах Кабардино-Балкарии, которое занимало центральное место в их деятельности. Дело в том, что в республике к середине 1970-х годов были введены в действие десятки крупных промышленных предприятий, а инженерно-технические и рабочие кадры «импортировались» из центра страны. Население Кабардино-Балкария стало поистине интернациональным по составу, включая представителей более 100 наций и народов, каждый из которых был носителем уникальной культуры и традиций. И клубные учреждения республики уделяли пристальное внимание их взаимодействию, воспитанию уважения и терпимости друг к другу. Посвященная этой теме вторая монография М.Х. Герандокова [Герандоков 1978] суммировала десятилетний опыт руководства республиканским научно-методическим кабинетом культурно-просветительной работы Министерства культуры КБАССР. Можно сказать, что автор еще раз попал в точку с выбором темы, соответствовавшей основной линии идейно-политической работы правящей партии. Не случайно, Министерство культуры РСФСР положительно оценивало кабардино-балкарский опыт и популяризировало его в масштабе Российской Федерации на страницах своего официального издания [Вспомним... 1975: 23].

Однако в следующей своей работе М.Х. Герандоков «возвращается» к национальному и традиционному в культуре. Проблема ставится им, разумеется, в характерном для советского канона марксистско-ленинской методологии ключе, как диалектика взаимодействия национального и интернационального в культурной сфере [Герандоков 1981]. Здесь была сделана попытка осмыслить роль общекультурных начал понятия «эстетика» в национально-региональном аспекте трансформирующегося общества. Исходный тезис заключался в том, что эстетические способности человека формируется не пассивным созерцанием и наблюдением, а его социальной активностью, реализуемой через систему учреждений воспитания, образования, культуры, средств массовой информации. Отдавая должное народным традициям как исторически сложившемуся «социальному продукту», автор отстаивает концепцию движения «к интернациональному – через национальное», считая этот путь более плодотворным для сохранения и развития лучших сегментов национальных культур и традиций.

Связывая с ними исследование вопросов эстетического воспитания на Северном Кавказе автор не замыкался только на учете особенностей

менталитета горских народов и их художественной культуры. М.Х. Герандоков исходил из их общности исторических судеб, духовной жизни, этикета, культуры жизнеобеспечения и пытался понять закономерности развития искусства в советскую эпоху, давшей мощный импульс процессам формирования новой эстетической культуры в послевоенный период.

М.Х. Герандоков обращает внимание на специфические характеристики этого процесса черту – приоритетное развитие театрального искусства как более доступного для масс способа приобщения их к эстетическим принципам «социалистического реализма» и пропаганды советского образа жизни. Народы Северного Кавказа не восприняли балетное и оперное искусство, но успешно развивали традиционное танцевальное искусство.

По мнению М.Х. Герандокова, в 1960-1970-е годы завершилось формирование социалистических национальных культур северокавказских народов. Под влиянием русской культуры они успешно освоили такие новые сферы художественной культуры как живопись, скульптура, ставшие важным средством эстетического воспитания. Развитие национальной литературы и искусства, СМИ, культпросветучреждений было направлено на всестороннее развитие и эстетическое воспитание советского человека. Их эффективность измерялась объемами распространения художественных произведений, печатной продукции, масштабами зрелищных мероприятий и глубиной их восприятия массами.

Те образцы художественного творчества народов Северного Кавказа, которые получили всесоюзное и международное признание образуют внутренне разнородное единство, включающее и поднятое на профессиональный уровень народное искусство и высшие достижения современной литературы и музыкальной культуры. Все это подводит автора к выводу, что общедоступность сферы образования, культурных ценностей, интенсификация межнациональных культурных связей существенно обогатили духовную жизнь народов Северного Кавказа, стали важнейшим фактором их эстетического воспитания.

Возглавив в 1980 г. республиканское отделение «Союзпечать», Михаил Хамзетович заинтересовался историей создания предприятия. В 1985 г. в Москве вышла его монография «Опыт работы по распространению печати на Северном Кавказе» [Герандоков 1985]. Специалисты отметили, что он первым в Министерстве связи СССР обобщил опыт деятельности крупнейшего регионального агентства «Союзпечати», так как до него эту проблему рассматривали в узколокальных или хронологических рамках [Магомедов 1977].

Создание в короткий срок в крае национальной печати диктовалось необходимостью установления властью диалога с населением, формирования у горцев новых взглядов и убеждений. По мере культурного роста горских народов печать становится неотъемлемой частью их культурных запросов. Печать особое внимание уделяла социальным изменениям в жизни населения, военно-патриотическому воспитанию в период Великой Отечественной войны, восстановлению экономики после ее окончания и укреплению

межнациональных отношений. В заключение автор актуализирует вопрос о возрождении северокавказских языков. Постановка этого вопроса в первой половине 1980-х гг., с одной стороны, была проявлением определенной смелости, а с другой – отражала ощущение неизбежных перемен.

После выхода указанной монографии М.Х. Герандоков приступил к углубленной разработке истории кабардино-балкарской республиканской периодической печати и через четыре года выходит ее продолжение на материалах Кабардино-Балкарии [Герандоков 1989]. Проблемное поле, открытое М.Х. Герандоковым, стали осваивать и вширь, и вглубь исследователи других автономий Северного Кавказа [Ахмедов 1989; Ахмедов 1990; Корнилов 1984; Хуако 1988].

Интеллектуальный ответ на кризис конца XX века

Таким образом, в середине 1980-х гг. М.Х. Герандоков уже хорошо известен в научном сообществе кавказоведов как эксперт по истории национальной культуры. За его плечами более 80 публикаций, в том числе 7 монографий, и знак признания – присвоение почетного звания «Заслуженного работника культуры КБАССР». Его организаторская и научная деятельность находит признание среди коллег и руководства ведомства, в котором он трудится. В 1985 г. журнал «Распространение печати» посвящает ему передовую статью под названием «Позиция руководителя», в 1989 г. публикуется отзыв на его монографию «Из истории развития печати в Кабардино-Балкарии», а в 1990 г. тот же журнал помещает статью М. Розенберг «Ни дня без строчки», в которой создан личностный портрет Герандокова-исследователя. В 1992 г. М.Х. Герандоков был удостоен звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Однако в этот же период идеологическая, политическая и общественная система, в рамках которой сформировался, работал и проводил исследования М.Х. Герандоков переживает глубокий кризис, завершившийся ее крушением. Это отразилось и на научной карьере М.Х. Герандокова. В 1984 г. он поступил в докторантуру Академии общественных наук, чтобы обобщить накопленный эмпирический материал по истории культуры народов Северного Кавказа, подготовить и защитить докторскую диссертацию. В 1987 г. он представил докторскую диссертацию на обсуждение. Но ее не выставили на защиту по политико-идеологическим мотивам. К этому времени «перестройка» уже вызвала необратимые последствия в идеологии и политике, предопределившие методологический кризис общественных и гуманитарных наук. Жестким атакам подверглась историческая наука, пережившая серьезную трансформацию и ломку прежних стереотипов.

М.Х. Герандоков как честный рядовой коммунист искренне верил в идеалы социализма и тяжело переживал развал великой страны, испытывал кризис личной мировоззренческой идентичности. Все его научные труды, базировавшиеся на марксистской методологии, ставились под сомнение, с чем ему было трудно согласиться. Вместе с тем, в новых условия появлялись

возможности свободного научного поиска, утверждался плюрализм мнений и подходов, в научный оборот вводились новые архивные источники, открывались для исследования ранее «закрытые» темы. Проблематика культурного дрейфа национальных регионов, на фоне обострения межнациональных отношений в стране превратилась в один из узловых пунктов общественных и научных дискуссий. В них все громче звучала тема «возрождения национальных культур».

Проблема взаимодействия национального и интернационального, находившаяся в центре интересов М.Х. Герандокова вновь актуализировалась в условиях активного насаждения в стране «транснациональных» ценностей и форм культуры, базирующихся на принципах либерализма. Для исследователя культурных национально-культурных процессов, который хочет оставаться на почве научной рациональности, настоящей становится задача выработки методологии, не подчиненной полностью той или иной идейно-политической позиции

По свидетельству М.Х. Герандокова, его прельщали достоинства цивилизационного и модернизационного подходов, но огульная критика формационного подхода ему тоже претила. Для себя он решил, что следует использовать достоинства каждого из них, не впадая в «левые» и «правые» крайности. Он осознает недостатки своих прежних выводов, обусловленных догматическими препонами, недоступностью засекреченных источников. Результатом переосмысления прежних и поиска новых подходов стала подготовленная в соавторстве с В.З. Герандоковой монография «Культурная революция в национальных регионах: миф или реальность», увидевшей свет в 2003 г. [Герандоков, Герандокова 2003]. Принципиальная новизна подхода к категории культурной революции заключалась в понимании ее исторической функции. Подлинная культурная революция, по мысли авторов решает сложнейшую задачу – трансформировать национальную культурную традицию так, чтобы она могла вписаться в мировую цивилизацию. Это положение дало критерий для оценки культурных преобразований советского периода. В новом прочтении смысла культурной революции на первый план выступали два вопроса. Во-первых, как соотносятся ее преобразовательные и разрушительные для национальных культурных ценностей аспекты. Зачастую подлинные ценности национальной культуры идеологически подавлялись, и люди усваивали лишь отдельные элементы культурного наследия, и даже не самые ценные для развития и самореализации [Бгажноков 2005]. Во-вторых, о соотношении формы и содержания культурных трансформаций. Фактически советских людей ориентировали на усредненную культуру, а высшие культурные ценности воспринимались и осваивались лишь узким кругом духовной элиты, ограниченной в национальных регионах. В этих условиях оказывалось, что «никакая впечатляющая статистика о подготовке вузовских специалистов, об учреждениях культуры отнюдь не свидетельствует о том, что культурная революция осуществилась» [Герандоков, Герандокова 2003: 72-73]. В итоге, ограничивая идеологически доступ человека к ценностям и мировой и

национальной культуры, власть «лепила» модель советского человека, культурно ограниченного и «безнационального».

Здесь проявился отход от первоначального «демократического» подхода к анализу культурной политики с точки зрения культурных интересов и практик широких слоев населения. Он привел к недооценке гуманистических общекультурных достижений советской культурной революции, в частности, приобщения к грамоте, к искусству, науке миллионов простых людей. В известном смысле на оценку опыта культурного развития в советский период переносились разрушительные для национальных культур тенденции культурной глобализации рубежа XX и XXI вв.

Распад СССР привел к установлению однополярного мира во главе с США, монополизировавшими сферы мировой экономики, политики и культуры, диктуя всем свои нормы жизни. В целом эти тенденции, лоббируемые транснациональными компаниями, определяют суть процессов глобализации. Эти негативные тенденции в культуре представляют угрозу культурам всех народов России.

Гегемония в культурной сфере, попытки «причесать» все остальные страны под американские стандарты культуры воспринимаются в мире неоднозначно. Это проявляется в двух тенденциях. Первая – в форсировании всеобщей унификации культур, эрозии национальных культур и государств. Разложение традиционного уклада жизни ведет к постепенному утверждению глобализма с обезличенной культурой потребления. Альтернативная тенденция не приемлет полное сближение культур и усиливает роль национально-регионального компонента в обществе и культуре, считая, что менталитет, традиции и язык глубже «общечеловеческого». Обострилась проблема формирования исторического сознания как фактора, определяющего национальное самосознание и культурную самоидентификацию. Народы Северного Кавказа потянулись к своим истокам – ценностям традиционной культуры, сохранившимся вопреки советской унификаторской политике. Возрождаются более жизнеспособные сегменты традиционной культуры, способные адаптироваться к новым реалиям, и противостоять деструктивным процессам.

Свое отношение к этим вопросам выразил и М.Х. Герандоков. В 2000-2020 гг. в серии публикаций воплотились новые приоритеты его научных изысканий: переосмысление целей и итогов культурной революции в национальных регионах [Герандоков 2005а; Герандоков 2006; Герандоков 2007а; Герандоков 2015], межнациональные отношения и этническая идентичность [Герандоков 2005b; Герандоков 2009], эстетическое развитие [Герандоков 2005c; Герандоков 2007b], перспективы этнических культур в условиях глобализации [Герандоков 2010; Герандоков М., Герандоков Р. 2014; Герандоков, Герандокова 2015а; Герандоков, Герандокова 2015b], диаспора и национальная культура [Герандоков 2012; Герандоков М., Герандоков Р. 2012; Герандоков 2019b], генеалогия [Герандоков, Герандокова 2007].

Наконец, в 2019 г. вышла в свет новая монография М.Х. Герандокова, отражающая позицию автора в вопросе о вызовах и перспективах этнической

культуры в условиях процессов глобализации [Герандоков 2019а]. Автор предваряет свою работу обзором ключевых понятий: «культурная революция», «национальная культура», «культурная преемственность», «интеграция», «вестернизация», «ассимиляция», «гибридизация» и др. Суть глобализации он видит в том, что «на место прежней «изоляции» локальной культуры приходит сближение, усреднение и интернационализация типов культуры потребления, образов жизни, источников и содержания социальной информации» [Герандоков 2019а: 306].

В работе рассмотрены причины возникновения «социокультурных гибридов» и угасания традиционной культуры, усиления «космополитизма», угасание понятия «малой Родины», эрозия ценностных ориентиров локальных обществ. Через современные информационные технологии агрессивно культивируются социокультурные образцы, стили жизни и нормы поведения, несовместимые с традиционными культурными ценностями.

В работе рассмотрены векторы национальной культуры в новейшей истории России: советское унифицирующее, нацеленное на формирование единой культуры, «национальной по форме и социалистической по содержанию»; постсоветское – поливекторное развитие с курсом на западные стандарты культуры. Переосмыслены результаты культурной революции на Северном Кавказе с признанием как ее бесспорных достижений, так и факта незавершенности. Но, рассматривая культурную революцию как перманентный процесс во времени, автор предлагает добиваться ее конечной цели с поправкой на социально-политические реалии современной России. Ратуя за сохранение и развитие национального наследия, как части общероссийского культурного кода, он признает неизбежность эволюции исторического контекста национальной культуры под влиянием глобализации.

«В новых исторических условиях, – отмечал М.Х. Герандоков, – важен не количественный аспект культурной революции, а качественный. Субъектом восприятия и усвоения культуры должен стать не новый человек, а человек культуры... нового национального самосознания, толерантный, способный вписаться в систему новых национальных отношений...» [Герандоков 2019а: 324]. Он предлагает разработать федеральную целевую программу «Национальный культурный проект» и добиваться поддержки государства для определения перспектив национального бытия в трансформирующемся российском социокультурном пространстве. Новая культурная парадигма, с сегментами устойчивых традиционных культурных ценностей, как части достижений мировой цивилизации, должна стать альтернативой массовой культуре.

Заключение

Жизнь и научные поиски М.Х. Герандокова – это яркая иллюстрация того, как в судьбе одного человека отразились противоречивые тенденции развития национальной культуры в условиях российских трансформаций XX-XXI вв.

Его образование, становление как личности и его профессиональная деятельность в известном смысле служат зеркалом советской культурной революции, как она совершилась на Северном Кавказе. Созданная ею культурная инфраструктура – школа, университет, система культурно-просветительных учреждений, печать – стали той средой, в которой он сложился и обрел компетенции, позволившие ему профессионально работать в ней же и способствовать ее совершенствованию.

Две характерные черты бросаются в глаза при общем взгляде на его жизненную и профессиональную карьеру. Во-первых, он вполне успешно вписался в советскую общественно-идеологическую систему, работал по ее правилам, адаптировался к каждому новому этапу ее эволюции и получил признание со стороны государства как эффективный руководитель. Во-вторых, в каждой профессиональной сфере и на каждом этапе своей карьеры он совмещал практическую деятельность с интеллектуальным поиском, стремлением охватить более широкое историческое, социальное и культурное значение той конкретной отрасли, в которой он работал.

Это позволяет характеризовать его не просто как советского служащего, профессионала, руководителя, но как интеллектуала и интеллигента в том смысле, который это понятие приобрело в российской культуре. Логичным стал приход М.Х. Герандокова в науку. В отличие от приобретения ученых степеней чиновниками и бизнесменами постсоветского периода он получил полноценную научную подготовку в аспирантуре и докторантуре в столичных научно-образовательных центрах и стал профессиональным ученым.

Обретенная таким образом широта взгляда на общественно-исторические процессы дала ему возможность ответить на мировоззренческий кризис, связанный с крушением советской общественно-идеологической системы, личностной интеллектуальной перестройкой, в которой была удержана та диалектика национального и интернационального, локального и общецивилизационного, которая всегда была в центре его внимания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ахмедов 1989 – *Ахмедов Дж.Н.* Национальная печать Северного Кавказа. 1917-1937 гг. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1989. – 131 с.

Ахмедов 1990 – *Ахмедов Дж.Н.* Опыт КПСС в создании и развитии национальной печати малых бесписьменных народов СССР. 1917-1937 гг.: автореф. дисс. ... доктора ист. наук. – Москва. 1990.

Бгажноков 2005 – *Бгажноков Б.Х.* Рецензия на монографию М.Х. Герандокова и В.З. Герандоковой «Культурная революция в национальных регионах: Миф или реальность» // Литературная Кабардино-Балкария. – 2005. – № 4. – С. 191-193.

Вспомним... 1975 – *Вспомним всех поименно.* Из опыта военно-патриотического и интернационального воспитания культурно-просветительных учреждений // Информационный выпуск Министерства культуры РСФСР. – 1975. – № 2. – С. 22-24.

Газарова 2019 – *Газарова И.М.* Человек и в малом, и в большом должен творить для грядущего. – Нальчик: «Принт-Центр», 2019. – 348 с.

Герандоков 1978 – *Герандоков М.Х.* Интернациональное воспитание в клубах Кабардино-Балкарии. – М.: «Советская Россия», 1978. – 128 с.

- Герандоков 1981 – *Герандоков М.Х.* Опыт эстетического воспитания на Северном Кавказе. – М.: «Советская Россия», 1981. – 144 с.
- Герандоков 1985 – *Герандоков М.Х.* Опыт работы по распространению печати на Северном Кавказе. – М.: Радио и связь, 1985. – 131 с.
- Герандоков 1989 – *Герандоков М.Х.* Из истории развития печати в Кабардино-Балкарии. – Нальчик: «Эльбрус», 1989. – 154 с.
- Герандоков 2005а – *Герандоков М.Х.* Была ли культурная революция в национальном регионе? // Омский научный вестник. – 2005. – № 2 (31) июнь. – С. 36-41.
- Герандоков 2005b – *Герандоков М.Х.* Мифологизация межнациональных отношений и реальность национальных конфликтов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. – 2005. – № 2. – С. 44-55.
- Герандоков 2005с – *Герандоков М.Х.* Образ жизни – условие и фактор эстетического развития // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. – 2005 – № 3. – С. 48-58.
- Герандоков 2006 – *Герандоков М.Х.* Культура и цивилизация в национальных регионах: история подмены понятий // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. – 2006. – № 1. – С. 50-58.
- Герандоков 2007а – *Герандоков М.Х.* Национальное самосознание и культурная революция // «Научная мысль Кавказа». Приложение. – 2007 – № 2. – С. 1-9.
- Герандоков 2007b – *Герандоков М.Х.* Эстетическое воспитание и эстетическое развитие: иллюзии и реальность // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. – 2007. – № 4. – С. 27-30.
- Герандоков 2009 – *Герандоков М.Х.* Этничность или этническая идентичность: теоретический аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. – 2009. – № 2. – С. 28-35.
- Герандоков 2010 – *Герандоков М.Х.* Проблемы и перспективы этнической культуры в условиях процессов глобализации // Известия Самарского научного центра РАН. – 2010. – № 2. – Т. XII. – С. 300-302.
- Герандоков 2012 – *Герандоков М.Х.* Диаспора и национальная культура: проблемы и решения // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. – 2012. – Т. 14. – № 1. – С. 161-168.
- Герандоков 2015 – *Герандоков М.Х.* Проблемы преемственности культурного наследия // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета. – 2015. – № 1. – С. 115-123.
- Герандоков 2019а – *Герандоков М.Х.* Национальная культура. Проблемы сохранения самобытности и дальнейшего развития в современных условиях. – Нальчик: Принт-центр, 2019. – 332 с.
- Герандоков 2019b – *Герандоков М.Х.* Политика и культура в их взаимосвязи на современном этапе развития // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. – 2019. – Т. 19. – № 4. – С. 52-57.
- Герандоков М., Герандоков Р. 2012 – *Герандоков М.Х. Герандоков Р.М.* Национальный язык: проблемы ассимиляции и исчезновения // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. – 2012. – Т. 14. – № 2. – С. 151-158.
- Герандоков М., Герандоков Р. 2014 – *Герандоков М.Х., Герандоков Р.М.* Национальная и массовая культура: диалектика взаимодействия // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета. – 2014. – № 2. – С. 131-135.
- Герандоков, Герандокова 2003 – *Герандоков М.Х., Герандокова В.З.* Культурная революция в национальных регионах: миф или реальность. – Нальчик: «Эль-фа», 2003. – 204 с.
- Герандоков, Герандокова 2007 – *Герандоков М.Х., Герандокова З.М.* Генеология рода Герандоковых. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2007. – 354 с.

Герандоков, Герандокова 2015a – *Герандоков М.Х., Герандокова В.З.* Актуальность сохранения самобытности и дальнейшего развития национальной культуры на современном историческом этапе // *Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета.* – 2015. – № 2. – С. 138-143.

Герандоков, Герандокова 2015b – *Герандоков М.Х. Герандокова В.З.* Роль молодежи в сохранении и развитии национальной культуры в условиях многополярного мира // *Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета.* – 2015. – № 3. – С. 138-142.

Гугов 2017 – *Гугов Р.Х.* Научное наследие. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2017. – 592 с.

Жизнь... 2013 – *Жизнь* во имя науки. К 85-летию заслуженного деятеля науки РФ, профессора Т.Х. Кумыкова. Творческая лаборатория ученого в интерьере семьи, друзей и коллег / Составитель, автор предисловия и комментариев П.А. Кузьминов. – Нальчик: Печатный двор, 2013. – 440 с.

Кажаров 2014 – *Кажаров В.Х.* Избранные труды по истории и этнографии адыгов / Сост. А.Х. Абазов. – Нальчик: «ООО Печатный двор», 2014. – 904 с.

Калмыков 1998 – *Калмыков Ж.А.* Оглядываясь в прошлое. К 70-летию доктора исторических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки КБР Х.Т. Медалиева. – Нальчик: Книга, 1998. – 12 с.

Корнилов 1984 – *Корнилов Е.А.* Советская печать Дона и Северного Кавказа. 1917-1925: Историческая типология. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1984. – 151 с.

Магомедов 1977 – *Магомедов А.А.* Трудовой подвиг прессы. Борьба партийно-советской печати национальных областей Северного Кавказа за решение задач хозяйственного и культурного строительства в 1921-1925 гг. – Нальчик: «Эльбрус», 1977. – 163 с.

Пастернак 1989 – *Пастернак Б.А.* Доктор Живаго: Роман. – М.: Советский писатель, 1989. – 736 с.

Сабанчиев 1973 – *Сабанчиев Х.М.* Деятельность Кабардино-Балкарской парторганизации по осуществлению культурной революции. – Нальчик: «Эльбрус», 1973. – 280 с.

Тлостанов 2006 – *В.К. Тлостанов.* Жизнь в фотографиях. – Нальчик: КБГУ, 2006. – 32 с.

Устремленный... 2013 – *Устремленный* к познанию. Вспоминая Хасана Мухтаровича Думанова / Авт.-сост. М. и В. Котляровы. – Нальчик: ООО «Полиграфсервис Т», 2013. – 208 с.

Хуако 1988 – *Хуако З.Ю.* Формирование системы печати в советских автономиях Северного Кавказа (1920-1936). – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1988. – 134 с.

Этапы... 2019 – *Этапы* творческого пути. Баширу Биляловичу Хубиеву 75 лет / Сост. Л.Т. Елеев, Р.К. Сабанов, З.А. Атабиева, З.М. Бацуева. – Нальчик: Изд-во М.и В. Котляровых, 2019. – 184 с.

REFERENCES

AKHMEDOV Dzh.N. *Natsional'naya pechat' Severnogo Kavkaza. 1917-1937 gg.* [National periodicals of the North Caucasus. 1917-1937]. – Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989. – 131 p. (In Russian)

AKHMEDOV Dzh.N. *Opyt KPSS v sozdanii i razvitii natsional'noi pechati malykh bespis'mennykh narodov SSSR. 1917-1937 gg.: avtoref. diss. ... doktora ist. nauk* [The experience of the CPSU in the creation and development of the national press of small preliterate peoples of the USSR. 1917-1937: dissertation abstract for the Doctor of Historical Sciences degree]. – М., 1990. (In Russian)

BGAZHNOKOV B.Kh. *Retsenziya na monografiyu M.Kh. Gerandokova i V.Z. Gerandokovoi «Kul'turnaya revolyutsiya v natsional'nykh regionakh: Mif ili real'nost'»* [Review of the monograph by M.Kh. Gerandokov and V.Z. Gerandokova "Cultural Revolution in National Regions: Myth or Reality"]. IN: *Literaturnaya Kabardino-Balkariya*. – 2005. – No. 4. – P. 191-193. (In Russian)

Etapy tvorcheskogo puti. Bashiru Bilyalovichu Khubievu 75 let / Sost. L.T. Eleev, R.K. Sabanov, Z.A. Atabieva, Z.M. Batsueva [Stages of the creative path. Bashir Bilyalovich Khubiev is 75 years old. Compiled by L.T. Eleev, R.K. Sabanov, Z.A. Atabieva, Z. M. Batsueva]. – Nalchik: Izd-vo M.i V. Kotlyarovykh, 2019. – 184 p. (In Russian)

GAZAROVA I.M. *Chelovek i v malom, i v bol'shom dolzhen tvorit' dlya gryadushchego* [A person, both in small and large, must create for the future]. – Nalchik: «Print-Tsentr», 2019. – 348 p. (In Russian)

GERANDOKOV M.Kh. *Byla li kul'turnaya revolyutsiya v natsional'nom regione?* [Was there a cultural revolution in the national region?]. IN: *Omskii nauchnyi vestnik*. – 2005. – No. 2 (31) June. – P. 36-41. (In Russian)

GERANDOKOV M.Kh. *Diaspora i natsional'naya kul'tura: problemy i resheniya* [Diaspora and National Culture: Problems and Solutions]. IN: *Doklady Adygskoi (Cherkesskoi) Mezhdunarodnoi akademii nauk*. – 2012. – Vol. 14. – No. 1. – P. 161-168. (In Russian)

GERANDOKOV M.Kh. *Esteticheskoe vospitanie i esteticheskoe razvitie: illyuzii i real'nost'* [Aesthetic education and aesthetic development: illusions and reality]. IN: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva*. – 2007. – No. 4. – P. 27-30. (In Russian)

GERANDOKOV M.Kh. *Etnichnost' ili etnicheskaya identichnost': teoreticheskii aspekt* [Ethnicity or ethnic identity: theoretical aspect]. IN: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva*. – 2009. – No. 2. – P. 28-35. (In Russian)

GERANDOKOV M.Kh. GERANDOKOV R.M. *Natsional'nyi yazyk: problemy assilyatsii i ischeznoeniya* [National language: problems of assimilation and disappearance]. IN: *Doklady Adygskoi (Cherkesskoi) Mezhdunarodnoi akademii nauk*. – 2012. – Vol. 14. – No. 2. – P. 151-158. (In Russian)

GERANDOKOV M.Kh. GERANDOKOVA V.Z. *Rol' molodezhi v sokhranении i razvitiі natsional'noi kul'tury v usloviyakh mnogopolyarnogo mira* [The role of youth in the preservation and development of national culture in a multipolar world]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. – 2015. – No. 3. – P. 138-142. (In Russian)

GERANDOKOV M.Kh. *Internatsional'noe vospitanie v klubakh Kabardino-Balkarii* [International education in the clubs of Kabardino-Balkaria]. – M.: «Sovetskaya Rossiya», 1978. – 128 p. (In Russian)

GERANDOKOV M.Kh. *Iz istorii razvitiya pechati v Kabardino-Balkarii* [From the history of the development of printing in Kabardino-Balkaria]. – Nalchik: «El'brus», 1989. – 154 p. (In Russian)

GERANDOKOV M.Kh. *Kul'tura i tsivilizatsiya v natsional'nykh regionakh: istoriya podmeny ponyatii* [Culture and civilization in national regions: the history of the substitution of concepts]. IN: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva*. – 2006. – No. 1. – P. 50-58. (In Russian)

GERANDOKOV M.Kh. *Mifologizatsiya mezhnatsional'nykh otnoshenii i real'nost' natsional'nykh konfliktov* [Mythologization of interethnic relations and the reality of national conflicts]. IN: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva*. – 2005. – No. 2. – P. 44-55. (In Russian)

GERANDOKOV M.Kh. *Natsional'naya kul'tura. Problemy sokhraneniya samobytnosti i dal'neishego razvitiya v sovremennykh usloviyakh* [National culture. Problems of identity preservation and further development in modern]. – Nalchik: Print-tsentr, 2019. – 332 p. (In Russian)

GERANDOKOV M.Kh. *Natsional'noe samosoznanie i kul'turnaya revolyutsiya* [National Identity and the Cultural Revolution]. IN: «*Nauchnaya mysl' Kavkaza*». Application. – 2007 – No. 2. – P. 1-9. (In Russian)

GERANDOKOV M.Kh. *Obraz zhizni – uslovie i faktor esteticheskogo razvitiya* [Lifestyle is a condition and factor of aesthetic development]. IN: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva*. – 2005 – No. 3. – P. 48-58. (In Russian)

GERANDOKOV M.Kh. *Opyt esteticheskogo vospitaniya na Severnom Kavkaze* [Experience of aesthetic education in the North Caucasus]. – M.: «Sovetskaya Rossiya», 1981. – 144 p. (In Russian)

GERANDOKOV M.Kh. *Opyt raboty po rasprostraneniyu pechati na Severnom Kavkaze* [Experience in distributing press in the North Caucasus]. – M.: Radio i svyaz', 1985. – 131 p. (In Russian)

GERANDOKOV M.Kh. *Politika i kul'tura v ikh vzaimosvyazi na sovremennom etape razvitiya* [Politics and culture in their relationship at the present stage of development]. IN: *Doklady Adygskoj (Cherkesskoj) Mezhdunarodnoi akademii nauk*. – 2019. – Vol. 19. – No. 4. – P. 52-57. (In Russian)

GERANDOKOV M.Kh. *Problemy i perspektivy etnicheskoi kul'tury v usloviyakh protsessov globalizatsii* [Problems and perspectives of ethnic culture in the context of globalization processes]. IN: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2010. – No. 2. – Vol. XII. – P. 300-302. (In Russian)

GERANDOKOV M.Kh. *Problemy preemstvennosti kul'turnogo naslediya* [Problems of the continuity of cultural heritage]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. – 2015. – No. 1. – P. 115-123. (In Russian)

GERANDOKOV M.Kh., GERANDOKOV R.M. *Natsional'naya i massovaya kul'tura: dialektika vzaimodeistviya* [National and popular culture: dialectics of interaction]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. – 2014. – No. 2. – P. 131-135. (In Russian)

GERANDOKOV M.Kh., GERANDOKOVA V.Z. *Aktual'nost' sokhraneniya samobytnosti i dal'neishego razvitiya natsional'noi kul'tury na sovremennom istoricheskom etape* [The relevance of preserving the identity and further development of national culture at the modern historical stage]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. – 2015. – No. 2. – P. 138-143. (In Russian)

GERANDOKOV M.Kh., GERANDOKOVA V.Z. *Kul'turnaya revolyutsiya v natsional'nykh regionakh: mif ili real'nost'* [Cultural Revolution in National Regions: Myth or Reality]. – Nalchik: «El'-fa», 2003. – 204 p. (In Russian)

GERANDOKOV M.Kh., GERANDOKOVA Z.M. *Geneologiya roda Gerandokovykh* [Genealogy of the Gerandokov family]. – Nalchik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2007. – 354 p. (In Russian)

GUGOV R.Kh. *Nauchnoe nasledie* [Gugov R.Kh. Scientific heritage]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2017. – 592 p. (In Russian)

KALMYKOV Zh.A. *Oglyadyvayas' v proshloe. K 70-letiyu doktora istoricheskikh nauk, professora, Zasluzhennogo deyatelya nauki KBR Kh.T. Medalieva* [Looking back in time. To the 70th anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the KBR Kh.T. Medaliev]. – Nalchik: Kniga, 1998. – 12 p. (In Russian)

KAZHAROV V.Kh. *Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov / Sost A.Kh. Abazov* [Kazharov V.Kh. Selected works on the history and ethnography of the Circassians. Compiled by A.Kh. Abazov]. – Nalchik: «OOO Pechatnyi dvor», 2014. – 904 p. (In Russian)

KHUAKO Z.Yu. *Formirovanie sistemy pechati v sovetskikh avtonomiyakh Severnogo Kavkaza (1920-1936)* [Formation of the press system in the Soviet autonomies of the North Caucasus (1920-1936)]. – Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1988. – 134 p. (In Russian)

KORNILOV E.A. *Sovetskaya pechat' Dona i Severnogo Kavkaza. 1917-1925: Istoricheskaya tipologiya* [Soviet press of the Don and the North Caucasus. 1917-1925: Historical typology]. – Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1984. – 151 p. (In Russian)

MAGOMEDOV A.A. *Trudovoi podvig pressy. Bor'ba partiino-sovetskoi pechati natsional'nykh oblastei Severnogo Kavkaza za reshenie zadach khozyaistvennogo i kul'turnogo stroitel'stva v 1921-1925 gg.* [Labor feat of the press. The struggle of the party-Soviet press of the national regions of the North Caucasus for solving the problems of economic and cultural development in 1921-1925]. – Nalchik: «El'brus», 1977. – 163 p. (In Russian)

PASTERNAK B.A. *Doktor Zhivago: Roman* [Doctor Zhivago: Novel]. – M.: Sovetskii pisatel', 1989. – 736 p.

SABANCHIEV Kh.M. *Deyatel'nost' Kabardino-Balkarskoi partorganizatsii po osushchestvleniyu kul'turnoi revolyutsii* [Activities of the Kabardian-Balkarian Party Organization for the Implementation of the Cultural Revolution]. – Nalchik: «El'brus», 1973. – 280 p. (In Russian)

Ustremlenni k poznaniyu. Vspominaya Khasana Mukhtarovicha Dumanova / Avt.-sost. M. i V. Kotlyarovy [Striving for knowledge. Remembering Hasan Mukhtarovich Dumanov. Compiled by M. and V. Kotlyarovs]. – Nalchik: ООО «Poligraf servis T», 2013. – 208 p. (In Russian)

V.K. TLOSTANOV. *Zhizn' v fotografiyakh* [V.K. Tlostanov. Life in photographs]. – Nalchik: KBGU, 2006. – 32 p. (In Russian)

Vspomnim vsekh poimenno. Iz opyta voenno-patrioticheskogo i internatsional'nogo vospitaniya kul'turno-prosvetitel'nykh uchrezhdenii [Let's remember all by name. From the experience of military-patriotic and international education of cultural and educational institutions]. IN: *Informatsionnyi vypusk Ministerstva kul'tury RSFSR* [Information release of the Ministry of Culture of the RSFSR]. – 1975. – No. 2. – P. 22-24. (In Russian)

Zhizn' vo imya nauki. K 85-letiyu zasluzhennogo deyatelya nauki RF, professora T.Kh. Kумыkova. Tvorcheskaya laboratoriya uchenogo v inter'ere sem'i, druzei i kolleg / Sostavitel', avtor predisloviya i kommentariyev P.A. Kuz'minov [Life in the name of science. To the 85th anniversary of the Honored Scientist of the Russian Federation, Professor T.Kh. Kумыkov. The creative laboratory of a scientist in the interior of family, friends and colleagues. Compiler, author of the foreword and comments P.A. Kuzminov]. – Nalchik: Pechatnyi dvor, 2013. – 440 p. (In Russian)

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Этнография, этнология, антропология****УДК 398.347(470.638)****DOI 10.31143/2542-212X-2020-4-178-191****НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДЖИНАЛЬСКОМ ГРОТЕ В ВЕРХОВЬЯХ РЕКИ
ЮЦЫ В ОКРЕСТНОСТЯХ КИСЛОВОДСКА****В.А. ФОМЕНКО**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: fva2005@gmail.com*

В.С. ЯНОВСКИЙ

*Информационно-культурный центр «Музей А.И. Солженицына» в г. Кисловодске –
экспозиционный отдел Государственного музея истории российской литературы
имени В.И. Даля
357700, г. Кисловодск, ул. Солженицына, 3
E-mail: vyacheslavyanovsky@yandex.ru*

Аннотация. В работе публикуются данные об уникальном историческом памятнике – Джинальском гроте с петроглифами, расположенном в горной и малодоступной местности близ города Кисловодска у западной части административной границы между Ставропольским краем и Кабардино-Балкарией. Исторический памятник известен историкам-краеведам с конца 70-х гг. XX в. Весьма краткое научное описание грота было опубликовано в 1983 г. без указания точного места нахождения памятника. 30 августа 2020 г. грот и рисунки на его стене были осмотрены и сфотографированы одним из авторов настоящей статьи. Эти материалы, а также предыдущие публикации, посвященные гроту и его фризу, стали основой для данной научной работы. В статье характеризуются тамги и рисунки Джинальского грота. Также говорится о сводах тамг XVIII-XIX вв., известных в предгорных и горных местностях Предкавказья. Далее характеризуется этнический состав населения долины реки Юцы и ближайшей округи в конце XVIII – первой половине XIX в. В результате проведенного исследования авторы пришли к выводу о том, что Джинальский грот до начала или середины XIX в. использовался местным кабардинским и абазинским населением в качестве святилища. Здесь, вероятно, проводились языческие обряды, связанные с культами скотоводства, плодородия и охоты.

Ключевые слова: Северный Кавказ; район Кавказских Минеральных Вод; река Юца; старинное святилище; петроглифы; свод тамг; кабардинские и абазинские селения конца XVIII – первой половины XIX в.

NEW SCIENTIFIC EVIDENCES ABOUT THE DZHINAL GROTTO IN THE UPPER VALLEY OF THE YUTSA RIVER IN THE VICINITY OF KISLOVODSK

V.A. FOMENKO

*Institute for Humanitarian studies – branch of the FSBSE «Federal Scientific Center ‘Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences’»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: fva2005@gmail.com*

V.S. YANOVSKIY

*Information and cultural center «Museum of A.I. Solzhenitsyn» in Kislovodsk – Expositional
Department of the Vladimir Dahl Russian State Literary Museum
357700, Stavropol area, Kislovodsk, Solzhenitsyn st., 3
E-mail: vyacheslavyanovsky@yandex.ru*

Abstract. In the proposed article are published new scientific evidences on a unique historical place – Dzhinal grotto, which is situated in the highlands, difficult to pass, near the Kislovodsk in the western part of administrative boundary between Stavropol Area and Kabardin-Balkar Republic. The grotto was known to local historians from the 1970s. In 1983 was published the first short scientific description of Dzhinal grotto. On August 30, 2020 one of two authors of this article visited this historical place and made photographic recording of current condition of the Dzhinal grotto. These photographic and other materials along with previous articles became the base of this scientific publication. Old-time tamgas and petroglyphs characterized in this article. Also provides information about collection of tamgas of the 18-19th centuries. Provides characteristic of ethnic composition of Yutsa valley population at the end of the XVIIIth – the first half of the 19th century. As a result of the research, the authors concluded that Dzhinal grotto earlier than the beginning or the middle of the 19th century was used as a sanctuary, by the kabardian and abaza inhabitants of Yutsa valley. This sacred place, probably, was associated with a pagan rituals and cults of cattle breeding, fertility and hunting.

Keywords: North Caucasus; Caucasian Mineral Waters resort area; old-time sanctuary; petroglyphs; collection of tamgas; kabardian and abaza settlements of the end of the 18th – the first half of the 19th century.

Введение. К наиболее интересным объектам, изучаемым кавказоведами, можно отнести своды или собрания тамг. Это изображения десятков или сотен знаков на скальных поверхностях или деревянных частях и конструкциях жилищ. В горах Осетии в селениях Галиат и Кани были найдены 2 двери, вероятно датируемые концом XVIII – первой половиной XIX в. Поверхности дверей были покрыты десятками тамг. В этих сводах были весьма разнообразные тамги, том числе кабардинских, дигорских, балкарских знатных фамилий. Кроме того, принадлежность значительной части знаков определить оказалось затруднительным [Мамиев, Сланов 2004].

По данным этнографа В.П. Пожидаева, в старину существовал кавказский обычай оставлять изображения тамги на двери: «всякий гость, посетив где-либо в дальнем ауле своего кунака, уезжая, почитал своей обязанностью и актом

вежливости (вместо визитной карточки) вырезать на дверях кунацкой на память о себе родовое тамга» [Пожидаев 1925: 55, Рис. 5]. Время распространения этого обычая среди населения Центрального Предкавказья вероятно относится к XVIII – и первой половине XIX в. К сожалению, к началу XXI столетия двери с собраниями тамг в большинстве своем не сохранились.

В советский период этнографы упоминают старинные дома в балкарских селениях, где на дверях и столбах сохранились тамги, вырезанные на память о побывавших здесь гостях [Медведева 1961: 79-81].

Наскальные изображения тамг в более или менее значительных количествах также находились у путей на пастбища. В.П. Пожидаев отмечал такое очень крупное собрание знаков собственности, располагавшееся на скале Кунитыга, выше кабардинского села Сармаково. Здесь у дороги, по которой перегоняли скот, скала была «от верху до низу на протяжении нескольких десятков аршин исписана и изрезана целыми сотнями фамильных знаков» [Пожидаев 1925: 21, 22].

В Карачаево-Черкесии близ селения Жако (Жьэкуэ) имеется небольшая балка Тамгацик (ДамыгъэцЫкIу с черкесского переводится как «маленькая тамга»). На каменистых склонах балки вырезаны многочисленные тамги. Недалеко от Тамгацик расположена балка Тамгашхо (Дамыгъэшхуэ – «большая тамга») [Яхтанигов 1993: 125].

Джинальский грот. Особенно интересное собрание тамг, насчитывающее около 50 знаков, было опубликовано краеведом-археологом А.П. Руничем¹. Этот свод тамг был зафиксирован на стене грота, находящегося на склоне Джинальского хребта в 9-10 км от города Кисловодска у юго-западной границы Ставропольского края.

Андрей Петрович так описал скальный навес (Рис. 1), где были найдены тамги и рисунки (Рис. 2): «Ширина грота 42 м, наибольшие глубина и высота его в центральной части (соответственно 8 и около 5 м), входом он обращен на запад. ... Петроглифы заполняют почти всю среднюю часть одной стены грота на высоте примерно 1,3-1,5 м от нынешнего уровня пола. Среди рисунков есть фигурки человека ..., собаки ....., туров ....., оленя ... Кроме того, на стене вырублено 49 тамговых знаков, но, ..., их было гораздо больше. Рисунки обозначены контуром». Интересно также что, рядом с гротом на высоте приблизительно 1 м находились 10 небольших петель, выбитых в скале. К этим петлям, по предположению А.П. Рунича, в старину привязывали верховых лошадей [Рунич 1983: 98-102].

---

¹ Рунич Андрей Петрович (1911-1986) – пятигорский краевед, коллекционер насекомых семейства жесткокрылых, археолог, широко известный в научном мире своими публикациями о памятниках западнокобанской и аланской культур. См.: [Березин, Савенко 1996].

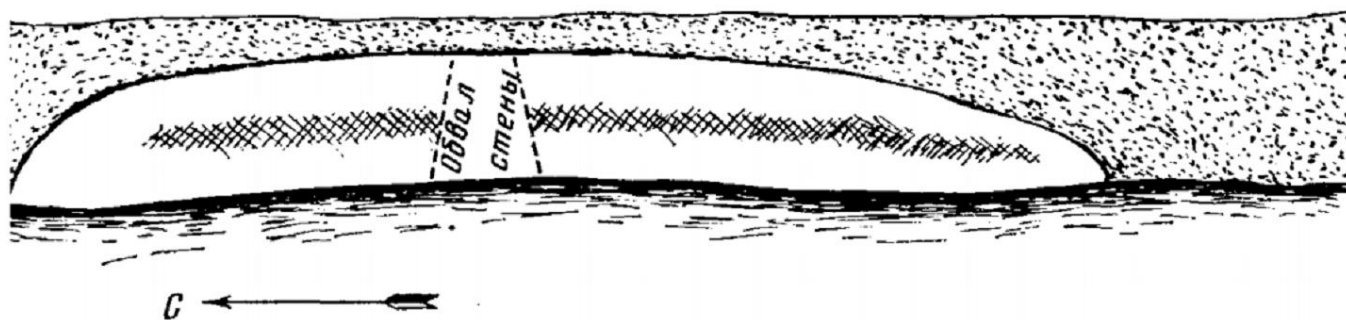

Рис. 1. Джинальский грот в разрезе (по А.П. Руничу, 1983).

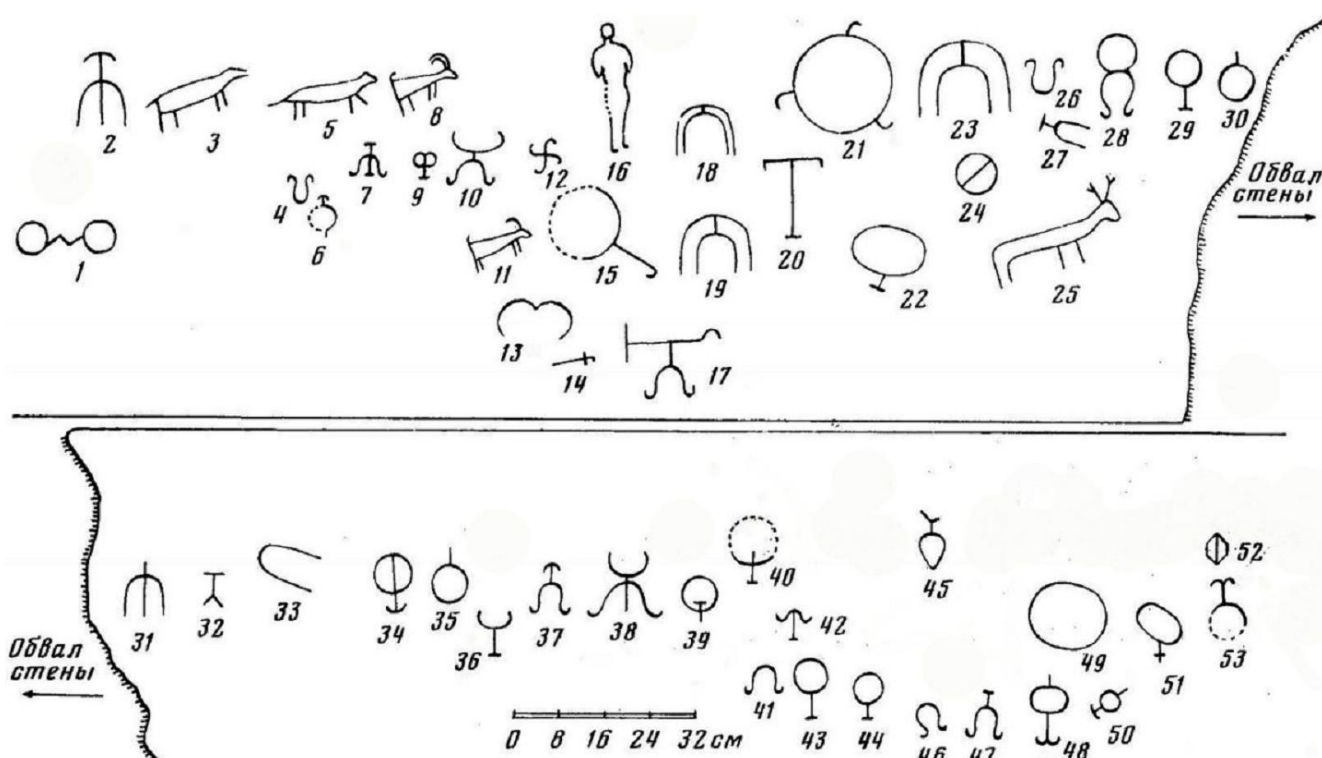

Рис. 2. Тамги и рисунки в Джинальском гроте (по А.П. Руничу, 1983).

Современное состояние Джинальского грота. Как уже отмечалось, в первой публикации данного исторического памятника было приведено довольно краткое его описание, без указания точного места расположения грота.

**Рис. 3. Склон в верховьях реки Юцы, где расположен Джинальский грот.
Фото В.С. Яновского. 2020 г.**

30 августа 2020 г. один из авторов настоящей статьи посетил Джинальский грот, осмотрел его и сделал качественные фотографии окружающей местности, внешнего вида памятника и изображений, находящихся внутри навеса. Часть этих материалов, дополняющих сведения А.П. Рунича, мы публикуем.

Грот находится в труднодоступной и практически незаселенной местности, у основного истока реки Юца (правый приток Подкумка). Памятник является естественным навесом в выходе скал известняка на уступе в нижней части крутого склона правобережья Юцы. Ниже грота берега балки заросли пойменным лесом (Рис. 3, 4, 5).

**Рис. 4. Общий вид местности, где расположен Джинальский грот.
Фото В.С. Яновского. 2020 г.**

Рис. 5. Вход в грот. Общий вид. Фото В.С. Яновского. 2020 г.

Во время посещения грота не были заметны некоторые детали, приведенные в статье 1983 г. Практически не видны следы «обвала стены» в средней части памятника (Рис. 1). Некоторые рисунки, отмеченные на схеме А.П. Рунича (Рис. 2), также не удалось найти. В частности это относится к единственному антропоморфному изображению в верхней центральной части левой стороны фриза Джинальского грота.

Кроме того, были найдены и сфотографированы некоторые тамгообразные знаки (Рис. 6, 7) не отраженные в публикации 1983 г.

**Рис. 6, 7. «Новые» тамгообразные знаки Джинальского грота.
Фото В.С. Яновского. 2020 г.**

На стенах грота также отмечены плохо читаемые надписи, вероятно, относящиеся к XX в. В составе этих надписей удалось прочесть: «1902» и «Мухамад».

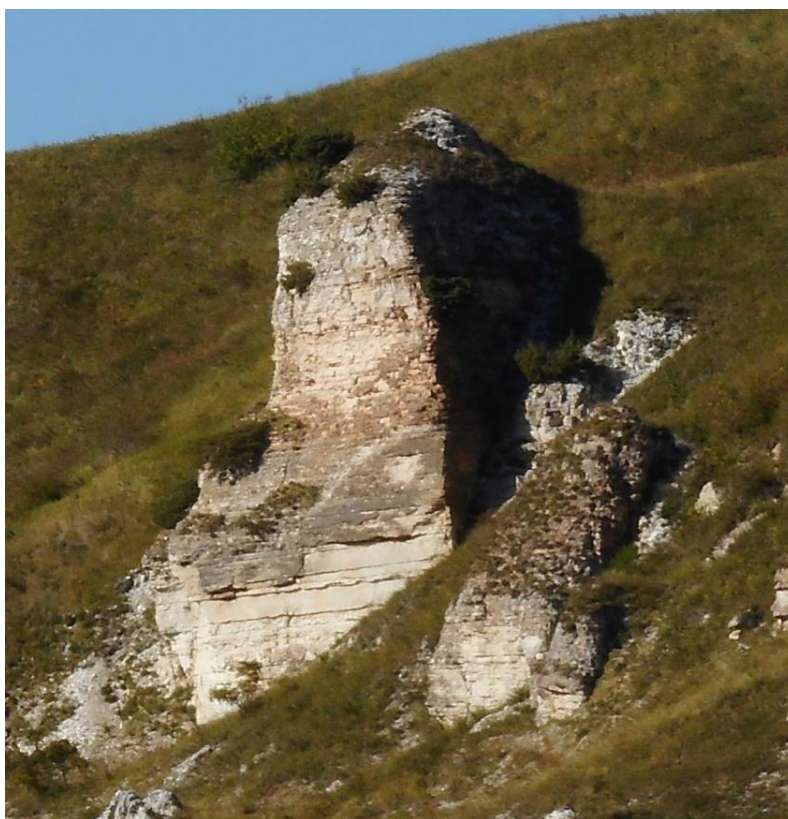
Состояние поверхности грота позволяет говорить о ее постепенном разрушении (отслаивании и скалывании), что вызвано не столько антропогенными, сколько природными факторами. Свойства скальной породы (слоистость и хрупкость), в которой находится грот, приводят к постепенному исчезновению его петроглифов.

Также следует сказать, что из отмеченных в описании А.П. Рунича 10 петель-коновязей, расположенных рядом с гротом, удалось найти 2 или 3 (Рис. 8).

**Рис. 8. Отверстия для привязывания лошадей рядом с Джинальским гротом.
Фото В.С. Яновского. 2020.**

Интересным дополнением к описанию 1983 г. является наличие естественного башнеобразного скального выступа (Рис. 9) сбоку над Джинальским гротом (Рис. 5). Этот известняковый выступ мог быть указателем, помогающим найти грот людям неуверенно ориентирующимся в данной местности.

**Рис. 9. Башнеобразный скальный выступ над Джинальским гротом.
Фото В.С. Яновского. 2020.**

Джинальский грот, его рисунки и тамги. О назначении грота в верховьях реки Юцы некоторые предположения были высказаны А.П. Руничем. Он писал о том, что «когда-то грот был культовым местом или святилищем. Имеющиеся на стене изображения туров и оленей свидетельствуют, вероятно, о бытовании среди местного населения культа охоты» [Рунич 1983: 102]. Андрей Петрович считал свидетельством длительного существования этого культа на Северном Кавказе изображение сцены охоты в Хумаринской пещере, датируемой эпохой раннего средневековья [Афанасьев, Рунич 1975].

В публикации 1983 г. А.П. Рунич приводил ряд аналогий рисункам и некоторым тамгам Джинальского грота из памятников Предкавказья эпохи раннего Средневековья. Часть этих сравнений относилась к наскальным могильникам VIII-IX вв. Были и более древние параллели. Например, с орнаментами на предметах VIII-VII вв. до н.э. из памятников Кисловодской котловины [Рунич 1983: 99, 101].

Рис. 10. Изображения диких копытных животных (рисунки № 3, 5, 8 на схеме А.П. Рунича). Джинальский грот. Фото В.С. Яновского. 2020 г.

О тамговых знаках Джинальского грота А.П. Рунич писал, что большинство их «обнаруживает сходство с кавказскими тамгами» [Рунич 1983: 101].

Несколько обобщенно воспринимал тамги и известный этнограф Л.И. Лавров. Леонид Иванович считал, что «кавказские тамги» связаны с «историей территориального распространения на Кавказе табунного коневодства» [Лавров 1978: 103]. Конечно, крупный кавказовед рассматривал значение тамги шире, чем тавра и знака собственности. Тамга выступала в роли «производственного клейма» в коневодстве, изображалась на печатях, использовалась вместо подписи, могла, как герб [Лавров 1978: 103], находиться на знаменах. На надгробных памятниках тамга нередко заменяла или дополняла имя погребенного. Небезосновательны предположения о том, что тамги в старину имели только фамилии относящиеся к феодальной элите [Пожидаев 1925: 36, 37].

Детальная (пофамильная) «расшифровка» джинальского свода тамг А.П. Руничем не проводилась. Не проводилась она и позднее. Недавно в работе, опубликованной одним из авторов настоящей статьи, было сказано, что в гроте,

вместе с другими, изображены тамги кабардинских и абазинских феодалов [Фоменко 2019].

Однако, проблема «расшифровки» подобных сводов достаточно сложна, что обусловлено рядом причин. Обобщению и систематизации множества тамг северокавказских народов, и в частности адыгских, посвящен ряд работ. Известны обстоятельные исследования Л.И. Лаврова [Лавров 1978: 91-174] и Х.Х. Яхтанигова [Яхтанигов 1993]. Данные по абазинским тамгам в конце 70-х гг. XX в. суммировал Ш.Ш. Хуранов [Хуранов 1979]. В последнее время опубликованы новые исследования [Кышц 2003; Пшыбий 2003; Цукьо 2012] и архивные материалы [Лышэпэ 2008]. Единого и достаточно полного каталога (свода) тамг адыгов и соседних народов, к сожалению, не существует. Одни и те же тамги часто использовались разными родами (фамилиями) в т.ч. и разной этнической принадлежности. У представителей одного рода могло быть несколько тамг, иногда совершенно непохожих.

В годы Кавказской войны (в Кабарде вплоть до реформы по укрупнению аулов) очень частыми и масштабными были миграции. Значительная часть абазинского [Кожев 1997; Абаза... 2017], адыгского и ногайского населения из Пятигорья (или района Кавказских Минеральных Вод) переселилась в Кабарду, приняв участие в формировании современного кабардинского народа, сохраняя свои фамилии и часто тамги, имеющие изначально невосточноадыгское происхождение. Часть населения Пятигорья в первой половине и в середине XIX в. переселилась в другие районы Северного Кавказа и в пределы Османской империи. Мы упомянули лишь некоторые из миграционных процессов, чтобы показать только одну причину усложнения картины тамгородовых (фамильных) и этнических соответствий в Центральном Предкавказье.

Потому, говорить о джинальском свode тамг пока можно только обобщенно, опираясь на данные о том, какие селения находились в ближайшей округе в XIX в., что документировано картографами, преимущественно военными, и отражено в письменных источниках.

Ниже по течению Юцы, у подножия одноименной горы, находилось селение, принадлежавшее кабардинским князьям Атажукиным. У А.П. Берже оно, вероятно, названо селением Ногмова. К северо-западу от Джинальского грота в 40-х гг. XIX в. располагался абазинский аул Махуков, позднее переселившийся в Кабарду. В Кисловодской котловине еще в конце XVIII в. проживала часть абазин-лоовцев, возглавляемых родом Джантемировых. На небольшом удалении, между современными городами Ессентуки и Пятигорск, в начале XIX в. располагалось селение Трамовых [Егоров 1943; Рунич 1978; Фоменко 2002: 25-30, 47-52; Фоменко 2020]. Исходя из этих данных, основным местным населением среднего течения реки Подкумок и долины его правого притока – реки Юцы до середины XIX в. были абазины и кабардинцы. Вероятно, с наступлением пореформенного периода, незаселенные пастбищные районы Джинальского хребта, в т.ч. район истоков Юцы, начинают экономически осваивать карачаевцы. Эта этнодемографическая картина вполне соответствует знакам собственности, изображенным на стене грота в верховьях р. Юцы.

Часть тамг джинальского собрания может быть сопоставлена с вариантами тамг абазинской знати (Лоовы, Трамовы) [Абазины... 1989: 59] и менее знатных фамилий. Часть тамг находит более или менее близкие аналогии в Кабарде и в Западной Черкесии [Яхтанигов 1993; КЫЩ 2003; ПщЫбий 2003; ЛЫЭпэ 2008; Цуекьо 2012]. Тамга, обозначенная на схеме А.П. Рунича под номером 9, близка тамге, наиболее знатной в прошлом, карачаевской фамилии Крымшамхаловых [Кудаев 2003: 88, рис. 386]. Некоторое количество тамг свода имеет множество разнообразных аналогий, например, среди знаков ногойцев [Керейтов 1999] и других соседних и далеких народов. Отдельные знаки определить по опубликованным материалам затруднительно.

Выводы. В итоге работы над статьей авторы пришли к выводу о том, что Джинальский грот является ценнейшим историко-этнологическим памятником и, соответственно, нуждается в дальнейшем изучении, полной и детальной научной фиксации, а также в охране от разрушения.

В целом мы согласны с предположением А.П. Рунича о культовом характере использования грота. Изображение антропоморфного божества, диких копытных животных, солярных символов вполне позволяют связать фриз памятника с культами охоты, скотоводства и плодородия.

Сочетание антропо- и зооморфных рисунков со сводом тамг может свидетельствовать о том, что до начала или середины XIX столетия грот использовался жителями ближайших кабардинских и абазинских селений в качестве святилища. Вполне вероятно, что здесь достаточно длительное время проводились обряды, относящиеся к названным выше культам.

Возможно также, что это святилище функционировало и во второй половине XIX в., о чем говорит различная этнокультурная принадлежность тамг нанесенных на стену грота.

Однако определить близость или отдаленность во времени нанесения изображений человека, диких животных и изображений тамг установить сложно. Потому следует также высказать предположение о том, что святилище функционировало в Джинальском гроте намного раньше времени создания свода тамг.

В данном случае многочисленные тамги в гроте подтверждают почитание языческих традиций и священных мест местным населением в XIX в. О похожих обычаях адыгов писал Хан-Гирей «слово тххашь соответствует слову приход. Во время язычества сих племен жители там сходились к известным рощам, пещерам и другим примечательным местам, где и совершали жертвоприношения разных животных» [Хан-Гирей 1978: 227]. Позже эти места использовались для проведения представительных собраний и решения важных вопросов различного характера [Кажаров 2014: 157].

Определенной аналогией своду тамг в гроте на Джинальском хребте могут служить изображения множества дворянских гербов в интерьерах зданий, предназначенных для собраний представителей аристократических фамилий в некоторых старинных городах Европы. Например, в так называемых «Рыцарских домах» (Riddarhuset) в Стокгольме и Хельсинки XVII и XIX вв. соответственно.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абаза... 2017 – *Абаза* в Кабарде. Документы, материалы, исследования / сост.: Р.А. Ажиба, Р.К. Кармов, В.А. Пшеноков. – Нальчик: Принт Центр, 2017. – 456 с.
- Абазины... 1989 – *Абазины*. Историко-этнографический очерк / научн. ред. А.И. Першиц. – Черкесск: Карачаево-Черкесский ордена «Знак почета» научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, 1989. – 240 с.
- Афанасьев, Рунич 1975 – *Афанасьев Г.Е., Рунич А.П.* Рисунки в пещере близ Хумары // Советская этнография. – 1975. – № 2. – С. 106-107.
- Березин, Савенко 1996 – *Березин Я.Б., Савенко С.Н.* Рунич Андрей Петрович. Био-библиографический очерк / отв. ред. В.Б. Виноградов. – Армавир-Кисловодск: Армавирский государственный педагогический институт, 1996. – 12 с.
- Егоров 1943 – *Егоров Н.М.* К итогам Кисловодска // Кавказский вестник. – Пятигорск, 5.01.1943.
- КЫшц 2003 – *КЫшц Хь*. Тефлхьэ фи шым уанэр. – Налшык: Эльбрус, 2003. – 132 н. (на кабардинском языке).
- Кажаров 2014 – *Кажаров В.Х.* Избранные труды по истории и этнографии адыгов. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. – 904 с.
- Керейтов 1999 – *Керейтов Р.Х.* Этническая история ногайцев (к проблеме этногенетических связей ногайцев). – Ставрополь: Сервисшкола, 1999. – 175 с.
- Кожев 1997 – *Кожев З.А.* Абазины в Кабарде // Литературная Кабардино-Балкария. – 1997. – № 3. – С. 108-116.
- Кудаев 2003 – *Кудаев М.Ч.* Карачаево-балкарская этнохореография и символика. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 108 с.
- ЛЫшэпэ 2008 – *ЛЫшэпэ М.* Кавказ лэкхо дамыгъэхэр ыкIи ахэр зыемэ яхьылIэггъэ хъишгъэхэр. – Мыекъуапэ: Адыгэ къэралыгъо университет, 2008. – 43 н. (на адыгейском языке).
- Лавров 1978 – *Лавров Л.И.* Историко-этнографические очерки Кавказа / отв. ред. С.В. Иванов. – Л.: Наука, 1978. – 184 с.
- Мамиев, Сланов 2004 – *Мамиев М.Э., Сланов А.А.* Сводь осетинских тамг // Историко-филологический архив. – Владикавказ: Ир, 2004. – Вып. 1. – С. 6-15.
- Медведева 1961 – *Медведева О.П.* Новые этнографические коллекции музея по Балкарии // Краеведческие записки. – Нальчик: Каб-Балк. кн. изд-во, 1961. – Вып. 1. – С. 75-90.
- Пожидаев 1925 – *Пожидаев В.П.* Хозяйственный быт Кабарды (историко-этнографический очерк) // Труды по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды. – Воронеж: [Типография Областного редакционно-издательского комитета Наркомзема](#), 1925. – Т. III. – Вып. 3. – 106 с.
- Пщыбий 2003 – *Пщыбий И.* Адыгэ (шэрджэс) унэцIэхэр, цIэхэр, лъэпкъ дамыгъэхэр. – Налшык: Эльбрус, 2003. 224 н. (на кабардинском языке).
- Рунич 1978 – *Рунич А.П.* Поселения прошлого века на Кавминводах // Кавказская здравница. – Пятигорск, 22.09.1978.
- Рунич 1983 – *Рунич А.П.* Наскальные рисунки и тамги в Джиналском гроте у Кисловодска // Советская этнография. – 1983. – № 4. – С. 98-102.
- Фоменко 2002 – *Фоменко В.А.* Пятигорье в XV – середине XVIII в. / под ред. В.А. Казначеева. – Пятигорск: Технологический университет, 2002. – 76 с.
- Фоменко 2019 – *Фоменко В.А.* О так называемых сводах тамг, знаках собственности кабардинских феодалов и времени появления тамгообразных знаков в Предкавказье // Из истории культуры народов Северного Кавказа: Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии / отв. ред. С.Н. Малахов. – Армавир-Ставрополь: Печатный Двор, 2019. – Вып. 11. – С. 319-328.

Фоменко 2020 – *Фоменко В.А.* Шора Ногмов и район Пятигорья: малоизвестные сведения о жизни кабардинских селений конца XVIII – первой трети XIX в. // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 6. – С. 116-122. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2020.6.22>

Хан-Гирей 1978 – *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 333 с.

Хуранов 1979 – *Хуранов Ш.Ш.* Об абазинских тамгах // Археология и этнография Карачаево-Черкесии. – Черкесск: Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт экономики, истории, языка и литературы, 1979. – С. 157-188.

Цукьо 2012 – *Цукьо А.* Адыгэ лъэкъуацІэхэмрэ тамыгъэхэмрэ. – Мыекъуапэ: Адыгэ республикэ тхылъ тедзапІэ, 2012. – 224 н. (на адыгейском языке).

Яхтанигов 1993 – *Яхтанигов Х.Х.* Северокавказские тамги. – Нальчик: Изд. консультативной фирмы «Лейтер-ибн-Марат», 1993. – 204 с.

REFERENCES

Abaza v Kabarde. Dokumenty, materialy, issledovaniya / sost. R.A. Azhiba, R.K. Karmov, V.A. Pshenokov [Abaza in Kabarda. Documents, materials, research. Compiled by R.A. Azhiba, R.K. Karmov, V.A. Pshenokov]. – Nalchik: Print-Centr, 2017. – 456 p. (In Russian)

Abaziny. Istoriko-etnographicheskiy ocherk / nauchn. red. A.I. Pershits [Abaza. Historical and ethnographic essay. Edited by A.I. Pershits]. – Cherkessk: Order «Badge of Honor» Karachay-Cherkess research Institute of History, Philology and Economics, 1989. – 240 p. (In Russian)

AFANASYEV G.E., RUNICH A.P. *Risunki v peshchere bliz Khumary* [Rock paintings in a cave near Humara]. IN: *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. – 1975. – No. 2. – P. 106-107. (In Russian)

BEREZIN Y.B., SAVENKO S.N. *Runich Andrey Petrovich. Bio-bibliograficheskiy ocherk / otv. red. V.B. Vinogradov* [Runich Andrey Petrovich. Bio-bibliographic essay. Edited by V.B. Vinogradov]. – Armavir-Kislovodsk: Armavir State Pedagogical Institute, 1996. – 12 p. (In Russian)

CHUEKO A. *Adyghe lekuaclekhemre tamygekhemre* [Adyghe surnames and tamgas]. – Maikop: Adyghe Republican Book Publishing House, 2012. – 224 p. (In Adyghe (Circassian) language)

EGOROV N.M. *K itogam Kislovodska* [Towards the results of Kislovodsk]. IN: *Kavkazskiy vestnik* [Caucasian Bulletin]. – Pyatigorsk, 5.01.1943. (In Russian)

FOMENKO V.A. *O tak nazyvaemykh svodakh tamg, znakov sobstvennosti kabardinskikh feodalov i vremeni poyavleniya tamgoobraznykh znakov v Predkavkazye* [About so-called collections of tamgas and signs of property of kabardin feudal lords, and about the time of emergence of tamga looking signs in the Ciscaucasia region]. IN: *Iz istorii i kultury narodov Severnogo Kavkaza: Severniy Kavkaz i kochevoy mir stepey Evrazii / otv red. S.N. Malakhov* [From the history of ethnic culture of North Caucasian region: North Caucasus and Eurasian steppe nomadic world. Edited by S.N. Malakhov]. – Armavir-Stavropol: Pechatniy Dvor, 2019. – Iss. 11. – P. 319-328. (In Russian)

FOMENKO V.A. *Pyatigorie v XV – seredine XVIII v. / pod red. V.A. Kaznacheeva* [Pyatigorye at the 15th – the middle of the 18th century. Edited by V.A. Kaznacheev]. – Pyatigorsk: Technological University, 2002. – 76 p. (In Russian).

FOMENKO V.A. *Shora Nogmov i rayon Pyatigorya: maloizvestnye svedenia o zhizni kabardinskikh seleniy kontsa XVIII – pervoy trety XIX veka* [Shora Nogmov and Pyatigorie area: a little-known information about life of kabardin settlements at the end of the 18th – the first third of the 19th century]. IN: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura* [Society: philosophy, history, culture]. – 2020. – No. 6. – P. 116-122. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2020.6.22> (In Russian)

KAZHAROV V.Kh. *Izbrannyye trudy po istorii i etnografii adygov* [Selected Treatises on the history and ethnography of the Circassians]. – Nalchik: Pechatniy dvor, 2014. – 904 p. (In Russian)

KEREYTOV R.Kh. *Etnicheskaya istoriya nogaytsev (k probleme etnogeneticheskikh svyazey nogaytsev)* [Ethnic history of the Nogai (to the problem of ethnogenetic relations of the Nogai)]. – Stavropol: Servisshkola, 1999. – 175 p. (In Russian)

KHAN-GIREY. *Zapiski o Cherkessii* [Notes about Circassia]. – Nalchik: Elbrus, 1978. – 333 p. (In Russian).

KHURANOV Sh.Sh. *Ob abazinskikh tamgakh* [About abasin tamgas]. IN: *Arkheologiya i etnographiya Karachaevo-Cherkessii* [Archeology and Ethnography of Karachay-Cherkessia]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Scientific Research Institute of Economics, History, Language and Literature, 1979. – P. 157-188. (In Russian)

KIYSHCH H. *Teflthe fi shym uaner* [Saddle your horses]. – Nalchik: El'brus, 2003. – 132 p. (In Kabardian language).

KOZHEV Z.A. *Abaziny v Kabarde* [Abaza in Kabarda]. IN: *Literaturnaya Kabardino-Balkariya* [Literary Kabardino-Balkaria]. – 1997. – No. 3. – P. 108-116. (In Russian)

KUDAEV M.Ch. *Karachayevo-balkarskaya etnokhoreografiya i simvolika* [Karachay-Balkarian ethnochoreography and symbolism]. – Nalchik: Elbrus, 2003. – 108 p. (In Russian)

LAVROV L.I. *Istoriko-etnograficheskiye ocherki Kavkaza otv. red. S.V. Ivanov* [Historical and ethnographic essays of the Caucasus. Edited by S.V. Ivanov]. – L.: Nauka, 1978. – 184 p. (In Russian)

LIYIEPE M. *Kavkaz lleko damygekher ykIi aher zyeme yahyllegge hishekher* [Caucasian ancestral signs (tamgas) and their history]. – Maykop: Adyghe State University, 2008. – 43 p. (In Adyghe (Circassian) language).

MAMIEV M.E., SLANOV A.A. *Svody osetinskikh tamg* [The collections of the ossetian tamgas]. IN: *Istoriko-filologicheskiiy arkhiv* [Historical and Philological Archives]. – Vladikavkaz: Ir, 2004. – Issue 1. – P. 6-15. (In Russian)

MEDVEDEVA O.P. *Novyye etnograficheskiye kolleksii muzeya po Balkarii* [New ethnographic collections of the museum in Balkaria]. IN: *Krayevedcheskiye zapiski* [Local history notes]. – Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1961. – Issue I. – P. 75-90. (In Russian)

POZHIDAEV V.P. *Khozyaystvenniy byt Kabardy (istoriko-etnographicheskiiy ocherk)* [Household life of Kabarda (historical and ethnographic essay)]. IN: *Trudy po yestestvenno-istoricheskomu i ekonomicheskomu obsledovaniyu Kabardy* [Treatises on natural history and economics survey of Kabarda]. – Voronezh: Printing house of the Regional Editorial and Publishing Committee of People's Commissariat of Agriculture, 1925. – Volume III. – Issue III. – 106 p. (In Russian)

PSHCHYBIJ I. *Adyge (sherdzhes) uneclekher, clekher, lepk damygekher* [Adyghe (circassian) surnames, names and ancestral tamgas]. – Nalchik: El'brus, 2003. – 224 p. (In Kabardian language).

RUNICH A.P. *Naskalnie risunki i tamgi v Djinalskom grote u Kislovodsk* [Rock paintings and tamgas in the Djinal grotto near Kislovodsk]. IN: *Sovetskaya etnographiya* [The Soviet Ethnography]. – 1983. – No. 4. – P. 98-102. (In Russian)

RUNICH A.P. *Poseleniya proshlogo veka na Kavminvodakh* [The settlements of the last century in the Caucasian Mineral Waters region]. IN: *Kavkazskaya Zdravnitsa*. – Pyatigorsk, 22.09.1978. (In Russian)

YAKHTANIGOV Kh.Kh. *Severokavkazskie tamgi* [Tamgas of North Caucasus Region]. – Nalchik: Publishing house of consulting firm «Leiter-ibn-Marat», 1993. – 204 p. (In Russian).

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Этнография, этнология, антропология****УДК 316.3(470.64)****DOI 10.31143/2542-212X-2020-4-192-204****ТРАДИЦИОННЫЙ СТАТУС МОЛОДЕЖИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ И
ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И КУЛЬТУРНО-
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ****Е.А. НАЛЬЧИКОВА
Х.В. МАШУКОВ**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: elenalchik@yandex.ru, khiz.87@mail.ru*

Аннотация. Цель настоящей статьи – не простая фиксация феномена множественных трансформаций молодежных ролей и статусов последних двух столетий, а понимание их неизбежности и объяснение специфики проявлений ментально-исторического опыта в современных условиях. Анализ различных точек зрения на молодежь, как социально-демографическую группу, позволили рассмотреть объект (региональную молодежь) с различных сторон. Гендерная методология, использованная при изложении темы, выявила дифференцированные поведенческие предписания и установки для молодежи в традиционном и современном обществе. Хронологический подход позволил скрупулезно рассмотреть изменения в исторической ретроспективе. Широкое использование статистических данных, материалов полевых исследований и результатов авторских социологических опросов определили практическую ценность исследования. Советское время и постсоветский период в КБР рассмотрены как время коренных перемен, повлекшее за собой изменения всех сфер молодежной повседневности, включая религиозную, брачно-семейную, обрядово-ритуальную и др. Поскольку на современном этапе ключевым фактором среди идеологических становится религиозный, то при анализе современного положения молодежи в КБР основной акцент сделан на «исламское возрождение» и его культурно-преобразующую роль.

Ключевые слова: молодежь; Кабардино-Балкария; исламское возрождение; половозрастная дифференциация; трансформации молодежных статусов.

**TRADITIONAL STANDING OF YOUTH IN KABARDINO-BALKARIA AND
ITS TRANSFORMATIONS: SOCIAL FOUNDATIONS AND CULTURAL
AND IDEOLOGICAL FACTORS**

**E.A. NALCHIKOVA
Kh.V. MASHUKOV***Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov**360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky Str., 173**E-mail: elenalchik@yandex.ru, khiz.87@mail.ru*

Abstract. The focus of the paper is far beyond committing various transformations of youth roles and statues over the last two centuries on paper; on the contrary, it demonstrates robust comprehension of their inevitability and provides an explanation for specific circumstances, in which mental and historic experience occur and reorientate. Having analysed various viewpoints on regional youth as a social and demographic group, authors scrutinized it from a variety of perspectives. The research is based on gender methodology, which illuminated difference behavioural patterns and attitudes for youth in both traditional and modern societies. Chronological approach shed the light on metamorphoses within a historical context. Extensive use of statistics, empirical data, and sociological surveys shape the practical utility of the study. The Soviet and post-Soviet periods in Kabardino-Balkaria witnessed a major transformation in youth daily routines, including religion, family life, etc. Provided that religious factor has taken a key role at the stage, analysis of contemporary youth status in KBR accentuates “Islamic resurrection” and its cultural reassertion.

Keywords: youth; Kabardino-Balkaria; Islamic resurrection; age-sex composition; transformation of youth standing.

Российская культурная антропология, объектом исследования которой являются этнокультурные особенности многочисленных народов РФ, все чаще обращается к субкультурам различных возрастных страт каждой из уникальных отечественных культур, во всех формах проявления на протяжении всей истории их существования. Специфика молодежной субкультуры КБР наиболее выпукло проявляется при рассмотрении ее в контексте современной религиозной ситуации в республике. Понятно, что одной из причин этого является поликонфессиональный состав населения со значительным преобладающим количеством верующих мусульман. Именно региональная молодежь не просто максимально вовлечена в этноконфессиональные процессы, она является активным пропагандистом, проводником новой идеологии, посредником и учителем не только «младших», но, вопреки традиции, представителей других возрастных страт, в частности, старшего поколения «отцов». Для понимания принципиального характера подобных трансформаций и необходимо обращение к традиции.

Считается, что «в традиционных обществах не существует молодежи как особой социальной группы. Подростки как мужского, так и женского пола, пройдя ритуал инициации в довольно раннем (в свете современных представлений) возрасте, сразу становятся равными по статусу другим взрослым своего пола. Постиндустриальное общество, в этом смысле, организовано совершенно иначе: молодой человек в течение значительного времени, будучи формально равноправным членом общества, далеко не сразу становится таковым реально» [Шафигуллина 2009].

В традиционный период на Северном Кавказе достижение молодежью «взрослого» статуса было сопряжено с рядом этапных испытаний. Процедура приравнивания молодежи к старшей возрастной группе в условиях патриархального быта была протяженной по времени, а понятие «молодежь» могло относиться и к людям более зрелого возраста. Конкретные возрастные рамки молодежи не были четко определены, но имели гендерную специфику – девушка, не вышедшая замуж, после 25 лет могла не включаться в эту категорию, в отличие от мужчины, не создавшего семьи, который в 40-45 лет воспринимался обществом молодым [Текуева 2006]. Таким образом, возрастные статусы определялись не столько количеством лет, сколько семейным положением.

Неопределенность, некая многозначность или, вернее, семантическая размытость понятия молодежь, нечеткие границы указанной возрастной группы, создают ряд трудностей при изучении специфики ее положения в традиционном обществе. В адыгском обществе возраст, по обыкновению, определялся приблизительно, и за точку отчета бралось какое-либо важное событие в жизни страны, малой родины, аула, рода, семьи.

Особенности положения черкесской молодежи отмечены в документальных свидетельствах XIII-XIX вв.: «Слепое подчинение родителям и глубокое уважение к старшим по возрасту соблюдается у этих народов самым скрупулезным образом. Сын не имеет права сесть в присутствии своего отца, то же самое не может себе позволить младший брат в присутствии старшего; они не могут разговаривать со старшими в присутствии постороннего. Точно так же молодые люди, находящиеся в компании людей более зрелого возраста, не осмеливаются ни громко говорить, ни смеяться; они обязаны почтительно отвечать на адресованные им вопросы. Обычай требует, чтобы все вставали при появлении мужчины или женщины старшего возраста, будь они даже ниже по своему положению. Сесть можно лишь тогда, когда лицо, ради которого все встали, даст на то разрешение словом «тизе», т.е. «садись». Здесь никогда не пренебрегают этим правилом и даже в семье остаются ревностными хранителями этого неудобного обычая» [Бларамберг 1974: 379].

Практически во всех дошедших до нас письменных источниках, мемуарах, нарративах подчеркивался «подчиненный», «второстепенный» статус молодых относительно старших. Эта особенность была заметна во всех значимых сферах общественной и семейной жизни: культовой (религиозной); ритуальной (участие в погребении); праздничной (танцы и застолья); брачно-семейной (ухаживания и брак); а также в бытовании традиционных институтов (гостеприимство, куначество, аталычество, наездничество).

В религиозной жизни, например, возрастная «дискриминация» в языческое и христианское время проявлялась в том, что молодые не имели права заходить в места для молений: они «не входят в храм до шестидесятилетнего возраста, ибо, живя, как и все они, грабежом, считают это недопустимым, дабы не осквернять церкви, по прошествии же этого срока, или около того времени, они оставляют грабеж и тогда начинают посещать богослужение, которое *в молодости слушают не иначе, как у дверей церкви и не*

слезая с коня» [Интерьяно 1974: 47]. Об участии девушек и женщин в богослужениях речь вообще не шла, они заведомо исключались из публичной религиозной жизни.

В дореволюционных источниках проступает также сословно-дифференцированный характер традиционного отношения к молодежи в адыгском социуме. Для привилегированной молодежи основной «работой» помимо войны была охота, навыки которой прививались в рамках традиционного института аталычества: «Лишь только сыну знатного исполнится два или три года, его отдают на попечение одному из слуг, и тот ежедневно его возит с собою на коне с маленьким луком в руках, и как завидит курицу или [другую] птицу, а не то свинью или другое животное, то учит его стрелять, а затем, когда он станет побольше, он и сам охотится за этою живностью в своих же собственных владениях» [Интерьяно 1974: 48]. О позитивных и негативных последствия внедомашнего воспитания свидетельствуют источники: «Воспитание княжеских детей у этого [адыгского] народа направлено к тому, чтобы уничтожить всякое родственное чувство, начиная с раннего возраста. С детства их поручают попечению знатного, часто даже богатого, который служит им воспитателем. Родители, особенно отец, не видят своего сына до тех пор, пока он не в состоянии носить оружие, а своих дочерей до замужества. Воспитатель должен обо всем заботиться; он обучает мальчиков с малых лет всем хитростям разбойничьих банд и всем приемам, которые эти наездники ценят. Он вооружает молодого человека, когда тот достаточно силен, чтобы носить оружие, и тогда представляет его отцу; ученик вознаграждает своего воспитателя, отдавая ему большую часть награбленной добычи» [Паллас 1974: 222].

Результаты аталыческого воспитания наблюдал Дж. Белл: «По принятому обычаю в этой семье живут на полном содержании два мальчика – ради их хорошего воспитания. Один из них – сын дворянина, прибыл вчера, а другой, приблизительно девяти лет, возвращается вскоре домой, закончив, очевидно, свое образование: он *скромен и услужлив, прекрасный наездник* и, как говорят, *один из лучших стрелков в долине*» [Белл 1974: 163]. Таким образом, в родительский дом возвращался физически подготовленный к жизни в военизированном обществе и воспитанный юноша, но часто это происходило в ущерб теплых родственных чувств к родителям и кровной родне.

В восприятии сторонних наблюдателей традиционный дворянский институт наездничества, игравший значительную роль в военно-физическом воспитании молодежи, также выглядел крайне негативным: «Молодые люди имеют один очень дурной обычай, а именно с наступлением весны и подножного корма, молодые мирзы и дворяне образуют общества в 50-100 человек и выступают в поле для пастьбы своих табунов... Они веселятся, пьют, едят и посылают в другие округа отряды человек в десять отборных наездников. Эти последние подкрадываются к селениям, прячутся в кустарниках, а вечером, когда дети отправляются по воду, набрасываются на них, выбирают двух-трех самых красивых девочек и мальчиков и мчатся с ними обратно в свой округ. Если родителям удастся нагнать хищников до перехода

их через границу округа, то похищенные дети возвращаются без всякого сопротивления. Таков их обычай. Захваченные обращаются в рабство и продаются» [Главани 1974: 163]. Но отношение к институту наездничества северокавказскими народами было прямо противоположным: он позволял совершенствовать военно-физическую подготовку и демонстрировать ее высокие результаты окружающим.

Таким образом, привилегий, избавлявших от жизненных трудностей, у знатной молодежи практически не было, тяжелый физический труд крестьян заменялся серьезными физическими нагрузками у молодых дворян и князей, и часто жизненный путь завершался ранней гибелью в бою далеко от дома. В противном случае – смерть молодого человека показательно воспринималась как незначительное событие, а смерть «девочек и женщин», вообще, находилась на последнем месте в своеобразной иерархии смерти, зафиксированной Дж. Беллом [Белл 1974: 489].

Отдельного упоминания в русле изучения ролей и статусов молодежи в традиционном обществе заслуживает сфера добрачных (встречи, ухаживания) и брачных отношений [Пушкарева, Текуева 2013], от заключения брака, обычаев избегания до первых лет жизни молодой семьи: «Молодые люди обоих полов вольны встречаться и принимать участие в забавах; женщины не застенчивы, не скромны; при сватовстве черкесы придают большое значение званию... Когда сын или дочь женится, они не осмеливаются являться первый год перед своим отцом или матерью до рождения ребенка. Муж посещает свою молодую жену долгое время только тайком, влезая в окно ее комнаты. Он никогда не присутствует, когда она принимает гостей; он не любит, когда ему говорят о ней и о детях и считается даже оскорбительным, когда у него спрашивают о здоровье жены» [Паллас 1974: 222]. Знакомство крестьянской молодежи происходило сходным образом: «Празднества длятся три дня: танцуют, едят и пьют, и молодые люди знакомятся с девушками селения, в результате чего возникают многие любовные истории, кончающиеся новыми свадьбами. Есть обычай во время свадьбы заводить круговой танец особого рода, в котором принимают участие и юноши и девушки» [Клапрот 1974: 248].

Заметные и категоричные ограничения, налагаемые в традиционный период на черкесскую молодежь, были связаны с застольным этикетом. Молодежь не участвовала в начале и кульминации праздничной трапезы, почетной обязанностью юношей было обслуживание старших. Когда речь шла о госте, чья персона носила для адыгов сакральный характер, то забота о нем за рамками застолья, ложилась на плечи молодежи: «Мальчики и девушки прислуживают гостю с открытым лицом и моют ему ноги, между тем как женщины заботятся о мытье его белья» [Лука 1974: 71]. Здесь отчетливо проступает гендерно-дифференцированный подход к молодежным ролям. Только мужчин, например, касалась следующая норма: в случае личного участия в застолье юноши не имели права пить спиртное, пока не примут участие в первом набеге. «На пирах не предлагают молодым людям пить до тех пор, пока последние не совершат какого-нибудь ловкого воровства или какого-нибудь важного убийства» [Лука 1974: 72].

На торжественных мероприятиях, связанных с обрядами жизненного цикла, молодежь присоединялась к праздничной трапезе последней: «Он [тамада] берет из рук одного из старцев нож, который тот ему предлагает, отрезает себе кусок барана, съедает его стоя и выпивает из кубка полного бузой, подаваемого ему другим старцем, затем с низким поклоном возвращается на место. Весь народ поступает таким же образом, причем первыми идут самые старшие, *а дети дерутся за те кости, которые им остаются*» [Тавернье 1974: 77]. Очевидно, что в кругу молодежи за столом также соблюдалась определенная половозрастная дифференциация – «последними из последних» садились девушки и девочки. Бытописатели XVIII–XIX вв. отмечали, что черкешенки вообще мало едят, для того чтобы быть «более худыми, так как княгиня должна иметь всегда нежный, стройный стан» [Паллас 1974: 222].

На долю молодых в праздничной культуре оставалось участие в танцах, музыке, состязаниях: «Когда старцы, сидящие за столом, покончили с едой, они удаляются к себе, оставляя молодежь, мужчин и женщин, юношей и девушек продолжать веселье и танцы под звуки флейт» [Тавернье 1974: 78].

Молодежные коммуникативные площадки включали в себя не только свадьбы и праздники, но и участие в магических действиях по разным поводам, например, в обрядовых танцах в честь бога грозы Шибле: «когда гремит гром, все тотчас же выходят из селения и вся молодежь обоего пола начинает петь и танцевать в присутствии пожилых людей, сидящих вокруг» [Тавернье 1974: 78]. Или в особом обряде «чапша» около больных/раненых: «Молодые люди и дети развлекались самыми различными и самыми шумными играми, в то время как лекарь, сидевший с важным видом подле больного, лишь изредка произносил одно-два слова» [Мариньи 1974: 313]; «молодые люди и девушки играют, поют песни в честь раненого и развлекаются также тем, то стараются надкусить круглый пирог, подвешенный к потолку на веревочке» [Мариньи 1974: 313].

Таким образом, наблюдаемые в дореволюционный период «возрастные ограничения» позволяют рассматривать положение молодежи в традиционном адыгском обществе как подчиненное (родителям, старшим, религии), однако регулярно встречающиеся в этнографических описаниях характеристики вольного поведения юношей и девушек дают основание называть его относительно свободным (в рамках традиционных институтов: аталычества, наездничества, гостеприимства, добрачного ухода). Определенное значение в определении (уточнении) статуса молодежи имели сословный и гендерный факторы.

В советский период, время социалистической модернизации, породившей серьезные трансформации во всей стране и во всех сферах общественной жизни, ни один регион, ни одна социальная группа не остались в стороне. Наиболее заметными оказались перемены в положении молодежи. В первую очередь, они коснулись религиозной сферы. Ярко выраженная религиозность постепенно сменилась открыто проповедуемым атеизмом, и проследить изменения роли молодежи в религиозной сфере практически невозможно: речь

идет о полном отказе молодежи от участия в культовой действе (которое по-прежнему все же совершалось людьми старшего возраста).

Существование в условиях СССР привело к постепенному уравниванию всех возрастных страт в процедурах похоронно-поминального цикла, и на современном этапе трансформации привели к полному переосмыслению отношения к гибели молодых, сопровождаемой максимальной аффектацией горя.

Сословный фактор в социалистический период также потерял всякую значимость, и даже возможности постсоветского «ренессанса» не вернули ему актуальности.

Праздничная обрядовая культура оказалась наименее подверженной трансформациям советского периода: застольный этикет, по-прежнему, диктовал молодым роль «прислуживающих» за столом (каб. *ихъэгъэрыт*). Но к концу XX века и эта норма постепенно смягчилась, хотя отдельное участие в праздничной трапезе частично сохранилось в настоящее время. А роль помощников за праздничным столом даже в условия внедомашнего проведения мероприятий (кафе, ресторан и т.п.), по-прежнему, часто исполняют молодые.

Кардинальные изменения в советское время претерпели традиционные роли и статусы девушек. Известно, что в первые послереволюционные годы девушек-нацменок для учебы в Ленинском учебном городке отбирали по жребию в связи с отсутствием желающих. Некоторые кандидатки оказывали сопротивление, пытаясь совершить самоубийство, их часто в связанном виде на телегах доставляли в Нальчик. Первые курсантки, отдавая дань традиции, пытались удлинить рукава и подол форменных платьев, поднять их ворот. Но в послевоенные годы ситуация в корне меняется: уже в 1960-ые годы мода на мини-юбку становится повсеместной, а в 1970-ые годы брюки завоевывают свое место в женском гардеробе. Статистика показывает растущий процент девушек с высшим образованием. В постсоветский же период диплом о высшем образовании занимает почетное место в женском «приданном».

Анализ долгосрочной динамики уровня образования населения Кабардино-Балкарии демонстрирует качественные изменения в местной молодежной среде. Если в 1920-х годах можно было говорить только об элементарной грамотности, а в 1939 году отметить 2,98% со средним и 0,1 % с высшим образованием, то с 1959 по 1989 г. число лиц со средним общим образованием увеличилось почти в 12, а с высшим – более чем в 24 раза. Произошел качественный сдвиг в общем социокультурном облике народов республики: если в среднем по РСФСР в 1989 г. на 1000 населения в возрасте 15 лет и старше приходилось 806 человек с высшим и средним образованием, то в Кабардино-Балкарии этот показатель составлял 817 человек [Боров, Бербекова 2019: 89-90].

Тенденции последующих изменений в этой сфере зафиксированы в переписи населения 2010 г. и пробной переписи 2018 г. Общие показатели уровня образования в республике по-прежнему несколько выше среднероссийских. Послевузовское, высшее, среднее и начальное профессиональное, среднее общее (полное и неполное) имеет почти 95 %

населения в возрасте 15 лет и старше. В возрастной категории 25-49 лет охват населения профессиональным образованием заметно выше [Боров, Бербекова 2019: 89-90].

Обращает на себя внимание один из показателей, зафиксированных пробной переписью 2018 г. В Эльбрусском муниципальном районе КБР 680 человек заявили в строке о профессиональном высшем образовании о получении степени магистра. Следует уточнить, что диплом магистра актуален только в молодежной среде не старше 35-ти лет, так как двухуровневая подготовка в российской высшей школе имеет недолгую историю. В отношении к общему числу населения Эльбрусского района старше 6 лет (31682 человека) это составило 2,15%, что значительно выше показателей 11 протестированных муниципальных образований РФ. К примеру, в Великом Новгороде этот показатель составил 0,009%. Выше показатели только по Санкт-Петербургу (муниципальный округ Княжево – 2,33%), и Москве (район Свиблово – 3,85%). Это подтверждает особую престижность получения образования среди молодежи КБР.

При этом следует отметить, что разрыв между городским и сельским населением по уровню высшего профессионального образования в КБР заметно меньше, чем по стране в целом. Статистические данные показывают более высокий образовательный уровень (послевузовское и высшее образование) сельского населения в КБР в возрасте 15 лет и старше по сравнению со среднероссийскими показателями: 19,3 % в КБР против 13,74 % по России. В возрастной категории 25-49 лет эти показатели еще выше: 22,36 % по послевузовскому и высшему и 35,1 % по среднему (среднему специальному) профессиональному образованию против 17,03 и 31,41 % по стране» [Боров, Бербекова 2019: 91]. Объясняется этот феномен, с одной стороны, особенностями урбанизации в республике – отсутствием резко выраженной пространственной и социально-культурной дистанции между городом и селом; с другой – они отражают более существенное значение для местного населения мотивов престижности в стремлении получить высшее образование [Боров, Бербекова 2019: 91].

Проблема изучения адаптации традиционных установок в отношении молодежи и процессов трансформации ее статуса требуют опоры на социально-демографические показатели. Анализ данных переписи 2010 года демонстрирует, что в Кабардино-Балкарии наблюдается выраженный процесс старения населения. Если на рождаемость и смертность еще могут оказать некоторое воздействие меры демографической политики, то возрастная структура населения практически не поддается такому воздействию, на ближайшие десятилетия она уже сложилась и существенно изменить ее невозможно. В связи с этим встают новые вопросы, ответы на которые могут определить направления социальной поддержки молодых.

Общие параметры демографической эволюции Кабардино-Балкарской Республики, отражающие итоги и пределы развития процессов модернизации на протяжении XX в. задают социально-демографический формат регионального развития на перспективу и соответственно связаны с

молодежными проблемами. Социально-культурная модернизация, определяемая также ростом уровня образования населения, сопровождалась демографическим переходом. Новейшее время для исследуемого региона характеризуется переходом от традиционного общества, для которого характерна высокая рождаемость и высокая смертность, к индустриальному, когда эти параметры заметно снижаются. Стагнация процесса урбанизации, проявления демодернизации социально-профессиональной структуры населения актуализировали значимость архаичных по происхождению факторов структурирования общества по линиям разграничения этнических групп [Боров, Бербекова 2019: 99-100] и, следует отдельно отметить, конфессиональных сообществ.

Остановимся особо на культурно-идеологическом факторе, влияющем на конструируемое современное кабардино-балкарское социума и место в нем молодежи. Речь идет об «исламском возрождении».

Современные глобализационные процессы, способствующие вхождению многочисленных этносов в единое мировое пространство, затронули и Кабардино-Балкарию. В постсоветский период можно выделить несколько стадий развития конфессиональных отношений (и связанных с ними трансформаций молодежных статусов) в Кабардино-Балкарии: 1) демократизация (в том числе, возрождение, религиозный ренессанс); 2) фундаментализм (в некоторых случаях, радикализм); 3) развитие конфессиональных отношений на принципах толерантности.

Для каждой из них характерна своя специфика молодежных ролей в кабардино-балкарском обществе. Уже на первой стадии постсоветского периода, когда появились возможности проявления своей приверженности религии, конфессии, сообществу верующих, и подобное стало приветствоваться и обществом, и государством, можно говорить не о возврате к дореволюционному прошлому, но о серьезных нововведениях. В частности, в республике управление религиозной сферой практически переходит в руки молодежи: по свидетельству наших информантов из числа молодежи – возрожденный ислам в свои семьи принесли они сами, они лучше знают мусульманские запреты, предписания, законы. Эйфория первых демократических проявлений породила настолько активное знакомство молодежи с основами ислама, что можно говорить о модных тенденциях исламизации в молодежной среде республики.

Современный антрополог М.А. Текуева, прослеживая историю изменений маскулинности у адыгских народов, писала о размыте ее внутренних «природных» основ. А попытки последнего времени наполнить ее новым содержанием вылились в итоге просто в частичную реанимацию внешней атрибутики. На настоящем этапе исторического развития происходит кардинальная переоценка системы нравственных приоритетов, когда ментально заложенные ценности вытесняются западными образцами. У части региональной молодежи противостояние указанным процессам выливается в подчеркнутое предпочтение мусульманских ценностей Востока с безоговорочным доминированием мужского начала. Очевидно, что Северный

Кавказ оказался в центре столкновения двух глобализационных процессов – «североамерикано-европейского и восточно-мусульманского, одинаково не характерных для аутентичного образа жизни и мышления» [Текуева 2007; Текуева 2012].

Широкое победное шествие религиозной идеологии, совпавшее с экономическими потрясениями, изменениями в национальной ментальности, кризисом школьного и семейного воспитания, – все это позволило на следующем этапе развития конфессиональных отношений заинтересованным лицам целенаправленно распространить среди некоторой части местной молодежи экстремистские настроения.

В настоящее время конфессиональный фактор молодежной субкультуры народов Кабардино-Балкарии переживает очередной этап в своем развитии, который связан с потребностью населения в вере, основанной на положительных внутренних чувствах мусульман. С этим связывается и отмечаемое нашими респондентами увеличение численности верующих. В целом же, религиозная ситуация в КБР в настоящее время оценивается как стабильная, что создает основу и для развития конфессионального аспекта молодежной субкультуры кабардино-балкарского общества. При этом отмечается разная степень вовлеченности молодежи в конфессиональные процессы.

Результаты авторских полевых изысканий, проведенных эмпирических исследований позволяют утверждать, что примерно половина носителей молодежной субкультуры кабардино-балкарского общества убеждена – в настоящее время еще возможны проявления религиозной нетерпимости (интолерантности) в их среде.

В числе основных форм проявления интолерантности молодые выделяют «негативные стереотипы», национализм, оскорбления, игнорирование, дискриминацию, «поиск врага», этноцентризм, ксенофобию и др. В числе основных причин формирования религиозной интолерантности, на взгляд региональной молодежи, можно назвать культуру (вернее, ее отсутствие) освещения этнической и конфессиональной ситуации в средствах массовой информации (в том числе, формирование в СМИ негативного стереотипа кавказца); некачественный контент соответствующих интернет-сайтов и т.п.

Таким образом, в статье проведен сравнительный анализ традиционных и современных молодежных статусов в регионе, выявлены их трансформации в ходе исторического развития. Это потребовало обращения как этнографическим, историческим, фольклорным источникам, так и к результатам полевых исследований и социологических опросов современности (в т.ч. авторских). В традиционном кабардинском и балкарском обществе принадлежность к определенной возрастной группе определялась не только жизненным стажем, но и семейным статусом. Само понятие «молодость» носило относительный и достаточно продолжительный характер. Бытописателями прошлого отмечалось «бесправное» положение молодежи, проявляющееся в поведении, демонстрировавшем почтительно-подчиненное отношение к старшим возрастным группам. Возрастная дискриминация

проявлялась во всех сферах общественной и семейной жизни: религиозной, брачно-семейной, обрядово-ритуальной. Молодежные статусы определялись традиционно сословным и гендерным факторами.

В советский период, принесший кардинальные перемены на Кавказ в целом, и Кабардино-Балкарию, в частности, происходит видимый отказ от религиозного наполнения общественной, семейной и личной жизни, отказ от традиционной сословной иерархии, отказ от значительной части мужских монопольных привилегий и революционное расширение прав молодых женщин, для которых был открыт доступ не просто к грамоте, но и образованию, карьере и профессиональной самореализации.

Постсоветское время порождает в Кабардино-Балкарии религиозный ренессанс, проходящий несколько стадий развития и связанных с ними трансформаций молодежных статусов – это демократизация, фундаментализм и развитие конфессиональных отношений на принципах толерантности. Максимальные изменения в свете возрождения религиозности коснулись молодежи, изменив ее повседневность, поведенческие практики и мировоззрение.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Белл 1974 – *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: «Эльбрус», 1974. – С. 458-530.

Бларамберг 1974 – *Бларамберг И.Ф.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: «Эльбрус», 1974. – С. 353-434.

Боров, Бербекова 2019 – *Боров А.Х., Бербекова М.М.* Демографическая модернизация Кабардино-Балкарии: история и современные проблемы // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 2. – С. 72-104. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-2-72-104>

Главани 1974 – *Главани К.* Описание Черкесии // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: «Эльбрус», 1974. – С. 156-173.

Интерриано 1974 – *Интерриано Д.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: «Эльбрус», 1974. – С. 43-52.

Клапрот 1974 – *Клапрот Г.-Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: «Эльбрус», 1974. – С. 235-280.

Лука 1974 – *Лука Дж.* Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена. 1625 // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: «Эльбрус», 1974. – С. 68-72.

Мариньи 1974 – *Мариньи Т.* Путешествие в Черкессию // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: «Эльбрус», 1974. – С. 291-321.

Паллас 1974 – *Паллас П.-С.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях

европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: «Эльбрус», 1974. – С. 214-224.

Пушкарева, Текуева 2013 – *Пушкарева Н.Л., Текуева М.А.* Прошлое определяет настоящее. О шестой международной конференции РАИЖИ // Российская гендерная история с «Юга» на «Запад»: прошлое определяет настоящее. Материалы VI международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – Нальчик: КБГУ, 2013. – С. 12-16.

Тавернье 1974 – *Тавернье Ж.Б.* Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию в течение сорока лет... // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. – Нальчик: «Эльбрус», 1974. – С. 73-81.

Текуева 2006 – *Текуева М.А.* Ритуалы мужских инициаций в традиционной культуре адыгов // Культурная жизнь Юга России. – 2006. – № 2(16). – С. 21-24.

Текуева 2007 – *Текуева М.А.* Корпоративные мужские объединения на Кавказе сегодня: от экстремальности к экстремизму // Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации / Сост. И.А. Морозов, отв. ред. Н.Л. Пушкарева. – М.: Индрик, 2007. – С. 135-142.

Текуева 2012 – *Текуева М.А.* Мужской характер экстремизма (статья) // Мир и политика. – 2012. – № 8. – С. 52-59.

Шафигуллина 2009 – *Шафигуллина Ю.В.* Социокультурные особенности современного студенчества // Система ценностей современного общества. – 2009. – № 9. – С. 149-154.

REFERENCES

BELL J. *Dnevnik prebyvaniya v Cherkessii v techenie 1837, 1838, 1839 gg.* [Notes of staying in Circassia in 1837, 1838, 1839]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Pod red. V.K. Gardanova* [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries. Edited by V.K. Gardanov]. – Nalchik: «El'brus», 1974. – P. 458-530. (In Russian)

BLARAMBERG I.F. *Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza* [Historical, Topographical, Statistical, Ethnographical, and Military Description of the Caucasus]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Pod red. V.K. Gardanova* [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries. Edited by V.K. Gardanov]. – Nalchik: «El'brus», 1974. – P. 353-434. (In Russian)

BOROV A.Kh., BERBEKOVA M.M. *Demograficheskaya modernizatsiya Kabardino-Balkarii: istoriya i sovremennye problem* [Demographic Modernization of Kabardino-Balkaria: History and Nowadays Problems]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2019. – No 2. – P. 72-104. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-2-72-104> (In Russian)

GLAVANI X. *Opisanie Cherkessii* [Description of Circassia]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Pod red. V.K. Gardanova* [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries. Edited by V.K. Gardanov]. – Nalchik: «El'brus», 1974. – P. 156-173. (In Russian)

INTERIANO G. *Byt i strana zikhov, imenuemykh cherkessami* [Life and A Country of Zikhs, Called Circassians]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Pod red. V.K. Gardanova* [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries. Edited by V.K. Gardanov]. – Nalchik: «El'brus», 1974. – P. 43-52. (In Russian)

KLAPROTH H.J. *Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii, predprinyatoe v 1807-1808 gg.* [Trip Across the Caucasus and Georgia over 1807-1808]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Pod red. V.K. Gardanova* [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries. Edited by V.K. Gardanov]. – Nalchik: «El'brus», 1974. – P. 235-280. (In Russian)

LUKA G. *Opisanie perekopskikh i nogaiskikh tatar, cherkessov, mingrelov i gruzin Zhana de Lyuka, monakha Dominikanskogo ordena. 1625* [Description of Perekop and Nogay Tatars, Circassians, Mingrels, and Georgians by Zhan de Luka, The Dominican Order Monk. 1625]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Pod red. V.K. Gardanova* [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries. Edited by V.K. Gardanova]. – Nalchik: «El'brus», 1974. – P. 68-72. (In Russian)

MARIGNI T. *Puteshestvie v Cherkessiyu* [A Trip to Circassia]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Pod red. V.K. Gardanova* [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries. Edited by V.K. Gardanova]. – Nalchik: «El'brus», 1974. – P. 291-321. (In Russian)

PALLAS P.-S. *Zametki o puteshestviyakh v yuzhnye namestnichestva Rossiiskogo gosudarstva v 1793 i 1794 gg.* [Notes About a Trip to Southern Provinces of the Russian Empire in 1793 and 1794]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Pod red. V.K. Gardanova* [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries. Edited by V.K. Gardanova]. – Nalchik: «El'brus», 1974. – P. 214-224. (In Russian)

PUSHKAREVA N.L., TEKUEVA M.A. *Proshloe opredelyaet nastoyashchee. O shestoi mezhdunarodnoi konferentsii RAIZhI* [The Past and The Future. On the 6th International Conference RAIZhI]. IN: *Rossiiskaya gendernaya istoriya s "Yuga" na "Zapad": proshloe opredelyaet nastoyashchee. Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Rossiiskoi assotsiatsii issledovatelei zhenskoi istorii (RAIZhI) i Instituta etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN* [Russian gender history from “South” to “West”: the past determines the present. Materials of the VI International Scientific Conference of the Russian Association of Researchers of Women's History (RAIZHI) and the Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay RAS]. – Nalchik: KBGU, 2013. – P. 12-16. (In Russian)

SHAFIGULLINA Yu.V. *Sotsiokul'turnye osobennosti sovremennogo studenchestva* [Socio-Cultural Characteristics of Modern Studentship]. IN: *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva*. – 2009. – No. 9. – P.149-154. (In Russian)

TAVERNIER J.-B. *Shest' puteshestvii v Turtsiyu, Persiyu i Indiyu v techenie soroka let...* [Six Journeys to Turkey, Persia, and India over forty years...]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Pod red. V.K. Gardanova* [Adyghe, Balkars, Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th – 19th Centuries. Edited by V.K. Gardanova]. – Nalchik: «El'brus», 1974. – P. 73-81. (In Russian)

TEKUEVA M.A. *Korporativnye muzhskie ob"edineniya na Kavkaze segodnya: ot ekstremal'nosti k ekstremizmu* [Corporate Male Unions in the Contemporary Caucasus: From Extremity to Extremism]. IN: *Muzhskoi sbornik. Vyp. 3. Muzhchina v ekstremal'noi situatsii / Sost. I.A. Morozov, otv. red. N.L. Pushkareva* [Men's research collection. Issue 3. A man in an extreme situation / Compiled by I.A. Morozov, executive editor N.L. Pushkareva]. – M.: Indrik, 2007. – P. 135-142. (In Russian)

TEKUEVA M.A. *Muzhskoi kharakter ekstremizma* [Male Aspect of Extremism]. IN: *Mir i politika*. – 2012. – No. 8. – P. 52-59. (In Russian)

TEKUEVA M.A. *Ritualy muzhskikh initsiatsii v traditsionnoi kul'ture adygov* [Male Initiation Rituals in Adyghe Traditional Culture]. IN: *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. – 2006. – No 2(16). – P. 21-24. (In Russian)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТКА

УДК 94 (470.64):316

DOI 10.31143/2542-212X-2020-4-205-228

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**А.Р. АТЛАСКИРОВ**

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
Центр социально-политических исследований
360002, КБР, г. Нальчик, ул. Балкарова, 2
E-mail: atlaskirov.albert@yandex.ru*

Аннотация. В общественно-политической жизни современной России одно из наиболее значимых мест занимает политика исторической памяти. После безуспешных попыток «новой» российской элиты в 90-е годы XX века приобщиться к культуре и истории Европы, перекроив страну по образцу западных стран, в обществе назрел запрос на самостоятельный путь развития, основанный на самобытности своего социокультурного пространства. В высших эшелонах власти появилось осознание необходимости консолидации общества посредством продвижения в массы идеи единой исторической судьбы народов страны. В этих условиях во всех регионах страны, в том числе и в Кабардино-Балкарии, активизировалась деятельность государственных и общественных организаций в направлении создания новых и популяризации уже имеющихся общероссийских коммеморативных практик, призванных объединить страну вокруг общей исторической памяти. В ходе исследования коммеморативные практики Кабардино-Балкарии были разделены на несколько основных групп: общегосударственные, общереспубликанские, этно-национальные, религиозные и коммеморации глобальной культуры. Также было выявлено, что значимое влияние на формирование коммеморативных практик в республике оказывают глобализационные процессы, особенно это проявляется в молодежной среде. Наибольшим конфликтным потенциалом обладают этно-национальные коммеморативные практики, связанные с историческим опытом титульных народов Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: Россия; Кабардино-Балкария; историческая память; коммеморативные практики; общественно-политическая жизнь; глобализация.

COMMEMORATIVE PRACTICES IN THE PUBLIC AND POLITICAL LIFE OF THE KABARDINO-BALKAR REPUBLIC**A.R. ATLASKIROV**

*"Federal scientific center
"Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences"
Center of socio-political researches
360002 KBR, Nalchik, Balkarova St., 2
E-mail: ataskirov.albert@yandex.ru*

Abstract. One of the most significant places in the social and political life of modern Russia is occupied by the politics of historical memory. After the unsuccessful attempts of the "new" Russian elite in the 90s of the 20th century to integrate the country into the culture and history of Europe, having reshaped the country on the model of Western countries, the demand for an independent path of development has matured in society. In the high echelons of power, there is an awareness of the need to consolidate society by promoting among the masses the idea of a single historical destiny of the country's peoples. Under these conditions, in all regions of the country, including Kabardino-Balkaria, the activities of state and public organizations have intensified in the direction of creating new and popularizing existing all-Russian commemorative practices designed to unite the country around a common historical memory. In the course of the study, the commemorative practices of Kabardino-Balkaria were divided into several main groups: national, republican, ethnic, religious, and commemoration of global culture. It was also revealed that globalization processes have a significant impact on the formation of commemorative practices in the republic especially among the youth. The greatest conflict potential is possessed by the ethno-national commemorative practices connected with historical experience of the titular peoples of Kabardino-Balkaria.

Keywords: Russia; Kabardino-Balkaria; historical memory; commemorative practices; public and political life; globalization.

Введение. В общественно-политической жизни современной России одно из наиболее значимых мест занимает политика исторической памяти. После идеологического вакуума, возникшего на фоне распада СССР, и безуспешных попыток «новой» российской элиты приобщиться к культуре и истории Европы, появилось осознание самобытности российского социокультурного пространства и необходимости консолидации общества посредством продвижения в массы идеи единой исторической судьбы народов страны. Особой популярностью начали пользоваться труды зарубежных и отечественных ученых, утверждавших, что Россия является самостоятельной цивилизацией, обладающей своей историей, соприкасающейся, но отличной от истории западного общества [Хантингтон 2011; Тойнби 2010; Данилевский 1991; Бердяев 2005 и другие]. Данная позиция получила поддержку на высшем государственном уровне. Так, В.В. Путин, в интервью программе «Москва. Кремль. Путин» на телеканале «Россия 1» отметил, что Россия, по его мнению, представляет собой отдельную цивилизацию¹. На этом фоне во всех регионах страны, в том числе и в Кабардино-Балкарии, активизировалась деятельность государственных и общественных организаций в направлении создания новых и популяризации уже имеющихся общероссийских коммеморативных практик, призванных консолидировать страну вокруг общей исторической памяти.

Изучению исторической памяти и коммеморативных практик посвящено множество работ как отечественных, так и зарубежных авторов. Так, по

---

¹ Путин назвал Россию отдельной цивилизацией. 17.05.2020 // ИД «Коммерсантъ»: сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4347719> (дата обращения: 07.07.2020)

мнению П. Нора, широкий интерес к феномену исторической памяти связан с практически полной её утратой и попытками заменить её разного рода коммеморативными симулякрами. Он отмечал, что важной особенностью современных практик коммеморации становится «демократизация истории». П. Нора подразумевал под этим исчезновение ряда социальных групп, деколонизацию и появление собственных коммеморативных практик у различных меньшинств, разрушение наций как обществ-памятей и различных структур, таких как школа и церковь, которые в предыдущие периоды призваны были обеспечивать беспрепятственный переход от прошлого к будущему, распад самого способа исторического восприятия [Нора 1999]. А. Меггил утверждал, что память является образом прошлого, субъективно сконструированным в настоящем. По его мнению, коммеморативные практики формируются исходя из отношения к прошлому, которое существует в обществе в настоящий момент. Разделяемое большим количеством людей отношение к репрезентации прошлых событий, подтверждает чувство единства, общности и упрочивает связи внутри социума [Меггил 2007]. А. Меггил в своих исследованиях вводит понятие «эстетизм истории», в основе которого лежит не почитание реально уцелевших следов истории, а воссоздание следов утраченных: «возможно, как это ни парадоксально, эстетизм истории в самой чистой форме может быть найден там, где объект эстетико-исторического исследования есть абсолютно сконструированный объект... Эстетизм истории отрицает историю, трансформируя физическую обстановку прошлого в красивые объекты, существующие в «наборе», в сущности, никакого отношения к истории не имеющего» [Меггил 2007: 158].

Б. Гизен разделял все воспоминания на триумфальные и травматические. В рассуждениях о германской истории, он фокусировал свое внимание на травме как на предельной категории коллективного опыта, которая стала ядром коллективной памяти немцев и определила их национальную идентичность как травматическую [Хлевнюк 2010: 115-116]. По мнению Л. Мильорати и Л. Мори, «памятные даты представляют собой периодически предпринимаемую попытку слияния с прошлым, которая сопрягает линейную репрезентацию исторического времени с ритмами его циклического движения» [Мильорати, Мори 2014: 160]. Э. Дюркгеймом было введено понятие «имплицитной коммеморации», под которым подразумевалась связь людей с их прошлым посредством «паломнических» ритуалов. Такие ритуалы, так или иначе, соотносятся с сакральными для группы местами прошлого – местами совершения подвигов, сотворения чудес, смерти героя и т.д. Таким образом, через пространственное сопричастие с прошлым происходит и духовное, эмоциональное воздействие с ним [Дюркгейм 1998].

А.И. Миллер считает, что именно на рубеже первого и второго десятилетия XXI века в России происходит резкая интенсификация процесса институционализации политики памяти [Миллер 2020]. Политика памяти является одним из важнейших инструментов формирования идентичности того или иного сообщества. «Политика памяти неизбежна – нет обществ, даже племенных, которые так или иначе не регулировали бы эту сферу» [Миллер и

др. 2018: 128]. Е.В. Романовская и Н.Л. Фоменко, исследуя в своей работе влияние коммемораций на коллективную идентичность, отмечают, что коммеморативные практики поддерживают связь общества с прошлым. Если память представляет собой взаимодействие между повторением и запоминанием, то коммеморация и есть это сознательное повторение [Романовская, Фоменко 2015]. Воспитательный аспект коммеморативных практик в своей работе рассматривает М.Л. Шуб. Он утверждает, что в основе коммеморации лежит глубокий воспитательный и образовательный потенциал, позволяющий решать важные нравственные задачи, которые стоят перед обществом в различные периоды его развития. Коммеморативные практики отдельными властными группами и государствами рассматриваются как мощный манипулятивный ресурс, используемый для программирования наиболее предпочтительного поведения и мышления граждан. В качестве примера М.Л. Шуб приводит антисоветский и антироссийский ажиотаж в прибалтийских республиках и Польше, связанный с переосмыслением результатов Второй мировой войны и роли Советского Союза в ней [Шуб 2016].

А.Н. Малинкин отмечает, что память о Великой Отечественной войне, оценка её роли и значения в истории, подверглись критическим атакам в эпоху перестройки. Были поставлены под сомнение подвиги советских героев, в общественно-политическом пространстве слышались призывы прекратить милитаристские парады на Красной площади. Вследствие этого парады в День Победы, выступающие одними из наиболее значимых коммеморативных практик, консолидирующих общество в нашей стране, не проводились с 1991 по 1995 г. В связи с этим А.Н. Малинкин пишет: «На этом фоне в 1990-е гг. слово «патриот» в России сделалось бранным, а выражение «национал-патриот» ставилось в один ряд со словами «нацист», «фашист», «коричневый» [Малинкин 2020: 29]. Он утверждает, что «целесообразно различать «историю» как результат научно-исторических познаний в виде прогрессивно совершенствующегося комплекса фактографически обоснованных и рационально аргументированных исторических знаний – и «историю» как историческую память народа, населяющего страну... Подобно традиции, историческая память рождается, умирает, возрождается, трансформируется, представлена (1) в живой человечески-деятельной ипостаси, (2) в разного рода символических формах культуры. Подобно ментальности, она воспроизводится культурно-исторически и социально-антропологически» [Малинкин 2020: 24-25]. Новые формы сохранения памяти о Великой Отечественной войне на Дону и Северном Кавказе в 2000-е годы рассматривают в своей работе Е.Ф. Кринко, М.В. Медведев, Е.В. Стегленко [Кринко и др. 2020].

В.С. Благинин, А.А. Линченко и О.В. Головашина в своем исследовании отмечают, что под влиянием происходящих в современном обществе глобализационных процессов, взаимопроникновения различных культур особо остро стоит вопрос социальных коммемораций. «Миграционные потоки приводят к тому, что представители различных сообществ перемешиваются

друг с другом, сохраняя и даже гипертрофированно воспроизводя коммеморативные практики, свойственные их изначальному месту пребывания. В такой ситуации анализ исторических праздников в условиях функционирования миграционных сообществ становится способом выявления культурных противоречий и нахождения механизмов установления межкультурного взаимодействия» [Благинин и др. 2020]. Также можно отметить, что в современных условиях появляются новые практики коммеморации, связанные с виртуальным миром. Большой популярностью в молодежной среде пользуются компьютерные игры о Второй мировой войне. Молодые люди проходят различные сюжетные линии, основанные на реальных событиях войны. Наиболее популярными играми являются: Red Orchestra 2: Heroes of Stalingrad; Battlefield V; World of Tanks; Call of Duty: WW II. Представляется, что люди и организации, контролирующие производство исторических компьютерных игр, обладают большими возможностями по манипулированию сознанием и формированию исторической памяти молодежи.

В целом, можно отметить, что коммеморации представляют собой концентрированное выражение национальной истории, символ, подтверждающий преемственность и являющийся каналом, связывающим прошлое с будущим. Под коммеморативными практиками подразумевают различные способы конструирования, сохранения и передачи исторической памяти народа: праздники, поминовения, проведение фестивалей, установка памятников и т.д.

Целью работы является исследование коммеморативных практик Кабардино-Балкарской Республики.

Коммеморативные практики Кабардино-Балкарии. По мнению Д.С. Джантеевой, существующая в настоящее время внешнеполитическая ситуация, связанная с конструированием в странах бывшего социалистического лагеря антисоветских национальных нарративов, определяет дискурсы, стратегии и тактики исторической политики государства на Северном Кавказе. В связи с отмеченными процессами региональные власти «фокусируют свое внимание на: 1) обращении к логике конструирования истории войны на Западе; 2) российской интерпретации истории войны и ее эпизодов; 3) акцентировании героизма советского народа в войне 1941–1945 гг., включая битву за Кавказ; 4) оценке значения и итогов войны для достижения идентификационных целей государственной политики нациестроительства на основе общероссийской гражданской идентичности и общего героического прошлого» [Джантеева 2019: 222]. М.В. Кирчанов анализируя историческую политику в национальных республиках Северного Кавказа отметил, что в силу формирования национальной истории народов региона одновременно с процессами национального строительства, этнический национализм превратился в важный фактор развития исторического воображения. Историческая наука приняла на себя прямые функции по обслуживанию национально-политических интересов [Кирчанов 2020].

В постсоветские годы в Кабардино-Балкарии сложились новые значимые места памяти, с некоторыми из которых связаны масштабно отмечаемые коммеморативные практики. Д.Н. Прасолов считает, что коммеморативные практики травматического опыта у кабардинцев и балкарцев имеют определенные различия. Память о Кавказской войне у кабардинцев «функционирует исключительно как постпамять. Она сформировалась и воспроизводится на основе канонического комплекса исторических нарративов, фольклорных текстов и современных исследований, но в силу временной отдаленности лишена живой мемориальной преемственности» [Прасолов 2017: 76]. В отличие от кабардинцев, у балкарцев наиболее травматический опыт, связанный со сталинской депортацией в Среднюю Азию, является личной памятью старших поколений, многие из которых были рождены в изгнании. «Их воспоминания оживляют эту историю и являются основой для формирования постпамяти среднего и младшего поколений балкарцев» [Прасолов 2017:76]. Также можно отметить ряд авторов, чьи работы посвящены исследованиям национальных коммеморативных практик народов республики: А.Х. Боров, Ю.М. Азикова [Боров, Азикова 2020], А.В. Кушхабиев [Кушхабиев 2019], А.Т. Урушадзе [Урушадзе 2018], А.А. Тлостнаков [Тлостнаков 2019], С.И. Аккиева [Аккиева 2018; Аккиева 2019], А.И. Тетуев [Тетуев 2020], А.Х. Абазов [Абазов 2020], А.А. Тумов [Тумов 2020] и т.д.

Нельзя не отметить, что большое влияние на формирование и содержание коммеморативных практик как в России в целом, так, в частности, и в современной Кабардино-Балкарии оказывает глобализация. В условиях ускорения глобализационных процессов, вызванных современными информационно-технологическими достижениями, посредством голливудских фильмов, образовательных программ, социальных сетей и т.д., популяризируются, особенно в молодежной среде, коммеморативные практики обществ Запада и других цивилизаций. Также значимое место в общественно-политической жизни занимают коммеморативные практики мусульманской общины и национальные коммеморативные практики титульных народов республики. В целом, коммеморации Кабардино-Балкарии можно условно разделить на несколько основных групп: общегосударственные, общереспубликанские, этнические, религиозные и коммеморации глобальной культуры. Рассмотрим их подробнее.

Одним из наиболее значимых общегосударственных коммеморативных практик в Кабардино-Балкарии является празднование Дня Победы. Ежегодно отмечаемый праздник призван консолидировать страну памятью общей победы, доставшейся дорогой ценой. Мероприятия, приуроченные к празднику, находят отклик среди широких масс населения, и сопровождаются инициативами не только из федерального центра, но и из регионов. Например, народное движение «Бессмертный полк» было инициировано в Томске в 2012 году гражданскими активистами и приобрело популярность по всей России. Участники движения ежегодно 9 мая проходят колоннами по улицам населенных пунктов с фотографиями своих родственников, участвовавших в Великой Отечественной войне, и записывают их истории в Народную летопись

на сайте движения (<https://www.moypolk.ru>). Активное участие в движении «Бессмертный полк» принимает общественность Кабардино-Балкарской Республики (илл. 1).

**Илл. 1. Колонна участников акции Бессмертного полка в Нальчике
(фотография из открытых источников)**

Особо необходимо отметить новый общероссийский праздник, призванный укрепить чувство единства среди граждан страны – День народного единства. Праздник был учреждён в 2005 году и отмечается ежегодно 4 ноября. Однако для значительной части населения страны этот праздник какого-либо особого, «патриотичного» смыслового наполнения не имеет. Данные проводимых социологических исследований показывают, что многие россияне не знают, что это за праздник. Так, опрос ВЦИОМ зафиксировал, что 43% респондентов не знают или не помнят, как называется праздник, который отмечает страна 4 ноября. 48% граждан воспринимают 4 ноября как еще один дополнительный выходной день¹. Несмотря на то, что в Кабардино-Балкарии этот праздник отмечается концертами и другими мероприятиями столь массового участия населения, как, например, в День Победы, 4 ноября не наблюдается. Подобное мнение у населения складывается и по отношению к другим «молодым» общероссийским коммеморативным практикам, таким как День России (12 июня) и День российского флага (21 августа), которые ещё не обрели значимого для всех граждан страны смыслового наполнения.

---

¹ Граждане готовы отметить выходной. День народного единства не стал понятнее для россиян 03.11.2017 // ИД «Коммерсантъ»: сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3458851> (дата обращения: 22.10.2020)

Коммеморативные практики регионального уровня на Северном Кавказе периодически служат источниками возникновения конфликтов. Кирчанов считает, что совершенно естественным для постсоветского этапа на Северном Кавказе было использование исторической науки в целях легитимации политических состояний. «Важной изобретенной традицией в исторической политике изучаемых регионов следует признать Дни Республики – политические церемонии и ритуалы, призванные актуализировать и визуализировать соответствующие идентичности – ставшие фактически формой политики памяти» [Кирчанов 2020: 223]. Начиная с 1997 года, 1 сентября в Кабардино-Балкарии отмечают сразу два праздника – День государственности Кабардино-Балкарской Республики и День города Нальчик. Однако необходимо заметить, что подписанный 16 октября 2018 года указ Президента РФ № 589 «О праздновании 100-летия образования Кабардино-Балкарской Республики»¹ в 2022 году поменял сложившуюся в регионе коммеморативную практику. Определение даты празднования 100-летия образования КБР связывается с 16 января 1922 года. В этот день Балкария выделилась из Горской АССР и была образована Кабардино-Балкарская автономная область. Ранее день празднования связывался с другой датой – 1 сентября 1921 года, когда произошло выделение Кабардинского округа из Горской АССР и образована Кабардинская автономная область. В отношении даты основания города Нальчика имеются различные мнения. Крепость Нальчик была заложена генералом Ермоловым в 1818 году. Формально Нальчик был преобразован в город вместе с созданием Кабардинской автономной области. Однако влиятельный историк Х.М. Думанов в 1991 году выразил сомнение относительно датировки данного события, и связал возникновение Нальчика сначала с 1745 годом, а позже, десять лет спустя, предложил другую дату – 1724 год [Думанов 1991]. Благодаря научному авторитету и общественно-политическому влиянию Х.М. Думанова не обеспеченная убедительной аргументацией версия стала обоснованием важнейшей из регулярных официальных коммемораций республики [Прасолов 2017: 67].

Первые лица республики подчеркивают большое значение Дня государственности Кабардино-Балкарии для народов республики. Первый президент Кабардино-Балкарской Республики Валерий Коков в телеобращении к народу по случаю праздника отметил, что «мечта о государственном самообразовании в кабардинском и балкарском народах существовала многие века. Но лишь в начале XX века появилась реальная возможность для национального самоопределения наших народов»². Его сын, Казбек Коков,

¹ Указ Президента РФ от 16.10.2018 N 589 «О праздновании 100-летия образования Кабардино-Балкарской Республики» // КОДЕКС – электронный фонд правовой и нормативно-технической документации: сайт. URL: <http://docs.cntd.ru/document/551382163> (дата обращения: 30.11.2020)

² В Кабардино-Балкарии отмечается День государственности. 01.09.2003 // Интернет-СМИ «Кавказский Узел»: сайт. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/42509/> (дата обращения: 22.10.2020)

возглавивший Кабардино-Балкарию в 2018 году, также обратил внимание на символическую значимость праздника: «Этот праздник символизирует весь исторический путь становления и развития государственности Кабардино-Балкарской Республики, общую судьбу ее многонационального народа, преемственность поколений и традиций, славу предков и честь ныне живущих, единство и нацеленность на лучшее будущее. Он олицетворяет мир и согласие, сплоченность и созидание жителей республики на благо родного края, главенство прав и свобод человека, закрепленных в Конституции Российской Федерации и конституции Кабардино-Балкарской Республики»¹. По мнению председателя общественной палаты республики Хазретали Бердова, праздник объединяет всех жителей республики, независимо от возраста, национальности, религиозных и политических убеждений: «наши народы всегда были сильны особым духом, стойкостью, умением противостоять сложностям и спланиваться для решения больших дел. Именно поэтому мы стараемся уделять больше внимания объединяющим нас вещам – любви к Родине, уважению к ее настоящему и прошлому, гордости за родную землю, готовности работать ради ее будущего»².

К числу региональных коммеморативных практик можно отнести празднование Дня добровольно вхождения Кабардино-Балкарии в состав Российского государства. Эту дату связывают с заключенным в 1557 году союзом между верховным князем Кабарды Темрюком Идаровым и русским царём Иваном IV. В 1957 году впервые был отмечен 400-летний юбилей этого договора, основанный на идее добровольности присоединения Кабарды к России. На центральной площади было создано место памяти – памятник кабардинской княжне Марии Темрюковны, жене Ивана IV, с надписью «Навеки с Россией». В 2007 году уже отмечалась двойная дата: 450-летие добровольного присоединения Кабарды к России и 180-летие присоединения пяти балкарских горских обществ к России. На въезде в Нальчик со стороны города Чегем была сооружена Триумфальная арка «Навеки с Россией», а улица, берущая начало у Триумфальной арки, была переименована в улицу имени Темрюка Идарова.

Руководивший Кабардино-Балкарией с 2013 года по 2018 год Юрий Коков, выступая по случаю праздника, отметил: «именно этот осознанный и мудрый выбор наших предков, знавших цену войне и миру, братству и свободе, явился прочным фундаментом, на котором в последующем была сформирована наша государственность. Мы гордимся тем, что народы Кабардино-Балкарии сохранили верность единожды данной клятве «Навеки с Россией». Вместе прошли все потрясения и тернистый путь становления современного Российского государства. Именно через русский язык и русскую культуру кабардинцы и балкарцы приобщились к общечеловеческим ценностям, смогли

---

¹ Коков поздравил жителей Кабардино-Балкарии с Днем республики. 01.09.2019 // ТАСС – информационное агентство: сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6829059> (дата обращения: 24.10.2020)

² 1 сентября – День государственности // Общественная палата Кабардино-Балкарской республики: официальный сайт. URL: <http://xn--90arlel.xn--p1ai/index.php/754-1-sentabria-den-gosudarstvennosti> (дата обращения: 28.10.2020)

интегрироваться в мировое культурное пространство. И сегодня не мыслят своё будущее без российской культуры, без России – нашего Отечества»¹.

Однако ряд представители национальных общественных организаций отрицают как сам факт вхождения Кабарды в состав России, так и его добровольность. По мнению руководителя общественной организации «Кабардинский конгресс» Аслана Бешто «более противоречивого дня, чем торжественно отмечаемый День добровольного вхождения – нет, наверное, во всей черкесской истории». Он отмечает, что «несмотря на внушаемую региональными властями идеологему о «давнем братстве», федеральный центр совершенно точно знает, что никакого добровольного вхождения черкесов в состав России на самом деле не было»². Координатор общественного движения «Черкесский союз» в Кабардино-Балкарии Руслан Кеш замечал, что «есть официальное заключение российской академии наук о том, что это был военно-политический союз, а не присоединение. Следовательно, обсуждать нечего, всё это ложь»³. С данной датой празднования также не согласны и представители балкарских национальных движений. В Совете старейшин балкарского народа считают, что датой вхождения Балкарии в состав России является 2 мая 1827 года⁴. По случаю знаменательной даты балкарскими общественными организациями проводятся различные мероприятия (концерты, выставки, открытие подворий и т.д.) в районах республики⁵.

Наиболее значимые этнические коммеморативные практики Кабардино-Балкарии связаны с памятью о трагических событиях истории титульных народов республики. С 1991 года ежегодно 21 мая в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее отмечается День памяти адыгов (Илл. 2). В этот день в 1864 году в местечке Кбаада (современная Красная поляна) торжественный молебен и парад войск ознаменовали завершение Кавказской войны, имевшей трагические последствия для многих народов Северного Кавказа. Одним из последствий Кавказской войны стало массовое выселение адыгов (черкесов) в Османскую империю. Вокруг этой даты в общественно-политическом пространстве Кабардино-Балкарской Республики конструируется множество конфликтных сюжетов. Постановлением Верховного Совета КБССР от 7 февраля 1992 года «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в

---

¹ С Днем Государственности, Кабардино-Балкария! К жителям республики обратился Юрий Коков. 01.09.2016 // Глава КБР К.В. Коков: сайт. URL: <https://glava.kbr.ru/kbr-events/speech/compellation/11684-2016-09-01-05-54-16.html> (дата обращения: 29.10.2020)

² Лжепраздник для народа. 08.07.2017 // «Кавказ.Реалии» – медиапроект Северо-Кавказской службы Радио Свободная Европа/Радио Свобода: сайт. URL: <https://www.kavkazr.com/a/lzheprazdnik-dlya-naroda/28603430.html> (дата обращения: 10.11.2020)

³ Там же.

⁴ В Кабардино-Балкарии Дни вхождения Кабарды и Балкарии в состав России отметили отдельно. 04.09.2012 // Интернет-СМИ «Кавказский Узел»: сайт. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/212119/> (дата обращения: 10.11.2020)

⁵ В КБР отмечают 190-летие вхождения Балкарии в состав Российской империи. 21.10.2017 // ТАСС – информационное агентство: сайт. URL: <https://tass.ru/severnoy-kavkaz/4666558> (дата обращения: 30.11.2020)

годы Русско-Кавказской войны» массовое истребление адыгов в годы войны было обозначено актом геноцида¹. Один из конфликтных сюжетов связан с борьбой черкесских активистов за признание Россией геноцида адыгов. Особенно остро данный вопрос поднимался в период проведения в Сочи XXII Зимних олимпийских игр. Часть черкесских активистов призывала бойкотировать олимпиаду, другая часть, более умеренная, выступала за то, чтобы в культурной программе Игр был представлен черкесский компонент. Так, заместитель председателя Адыгейского республиканского общественного движения «Черкесский конгресс» Заур Дзеукожев отметил, что «проведение Олимпийских игр на земле, где был совершен жесточайший геноцид против черкесского народа, противоречит как общечеловеческим принципам, так и принципам, провозглашенным Олимпийским комитетом»². Международная черкесская ассоциация, в свою очередь, направила президенту России Д.А. Медведеву обращение, в котором было заявлено, что оргкомитет Олимпиады игнорирует историю и культуру адыгов, являющихся коренным населением Причерноморья. Организация указывала на целесообразность использования «черкесского фактора» во время церемонии открытия Игр и в их символике, что, по их мнению, сняло бы напряжение, создаваемое радикально настроенными силами³. Однако какого-либо значимого черкесского компонента в программе Олимпийских игр всё же представлено не было.

Другой конфликтный сюжет разворачивается вокруг самого терминологического обозначения и хронологических рамок войны. Часть черкесских активистов акцентирует внимание на том, что войну следует обозначать как Русско-Кавказскую, а хронологические рамки должны охватывать 1763-1864 гг. В связи с этим Д.Н. Прасолов пишет: «бурный мемориальный конструктивизм в постсоветский период изменил пространственно-временные вехи прошлого. Академически устоявшаяся хронология Кавказской войны охватывает 1817-1864 годы. В этот временной контекст не включен значительный период борьбы кабардинцев, развернувшейся в последней трети XVIII – начале XIX века. Для актуализации драматизма, длительности, напряженности и масштабов военно-колониционного покорения Кабарды в региональной исторической науке утвердилась расширенная хронология Кавказской войны – 1763-1864 годы» [Прасолов 2017:70].

---

¹ Постановление Верховного Совета КБССР от 7 февраля 1992 года № 977-XII-B «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны» // ГАРАНТ. Информационно-правовой портал: сайт. URL: <http://base.garant.ru/30517874/> (дата обращения: 20.09.2020)

² Черкесский вопрос в Сочи: Столица Олимпиады или земля геноцида? 24.03.2014 // Интернет-СМИ «Кавказский Узел»: сайт. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/238010/> (дата обращения: 11.11.2020)

³ Там же.

**Илл. 2. День памяти адыгов в Нальчике
(фотография из открытых источников)**

Еще один конфликтный сюжет связан со смысловым наполнением данной коммеморации. Если для части черкесских активистов День памяти адыгов является поводом напоминания соплеменникам о жестокостях и несправедливости российских властей на Северном Кавказе, то республиканские чиновники и представители национальных общественных объединений умеренного толка делают упор на положительные аспекты русско-адыгских отношений, высказываясь о необходимости извлечения уроков из ошибок прошлого. В своем обращении Глава Кабардино-Балкарии А.Б. Каноков (руководил республикой с 2005 по 2013 гг.) отметил: «Оглядываясь назад, наряду с трагическим мы не должны забывать значимые, наполненные позитивным содержанием страницы истории русско-адыгских отношений, которые установились задолго до Кавказской войны. Вхождение в состав Российского государства помогло выстоять в борьбе с иноземными завоевателями, спасло наш народ от уничтожающей междоусобицы и бесконечных войн на Кавказе. Благодаря этому судьбоносному выбору, он сохранил свое место в мире, свою любимую землю, язык, культуру и сегодня в единой многонациональной семье народов Российской Федерации уверенно строит новую жизнь. В этот день хочу пожелать жителям родной Кабардино-Балкарии, всем адыгам мира, добра и благополучия»¹.

¹ Обращение Главы КБР А.Б.Канокова в связи с 149-й годовщиной окончания Кавказской войны. 21.05.2013 // Международная черкесская ассоциация: сайт. URL: <http://intercircass.org/?p=4289> (дата обращения: 02.11.2020)

В начале 2010-х годов, во время одного из шествий по случаю Дня памяти адыгов, проходившего по проспекту Ленина в городе Нальчик, автор стал свидетелем одной примечательной сцены, свидетельствующей о наличии четвертого конфликтного сюжета вокруг данной коммеморативной практики. Группа молодых мусульман попыталась наряду с черкесской символикой обозначить в колонне людей и религиозную символику – черные флаги с надписями на арабском языке. Однако организаторы и участники шествия заставили убрать мусульманскую религиозную символику, чтобы предупредить религиозный контекст данной коммеморации. Линия напряжения между черкесскими активистами, ратующими за возрождение адыгской культуры на основе древнего, доисламского свода неписанных правил и законов – адыгэ хабзэ, и между мусульманскими проповедниками, видящими прошлое и будущее черкесов в русле исламской религиозной парадигмы является одним из тлеющих конфликтных зон, периодически переходящее в состояние открытого противостояния. Так, одно из обострений конфликта привело к убийству в 2010 году Аслана Ципинова, ученого и общественного деятеля, занимавшегося возрождением традиционной доисламской культуры черкесов¹.

А.А. Тлостнаков считает, что наибольшую активность в вопросе формирования новых памятных дат проявляют черкесские активисты Кабардино-Балкарии, а также власти республики. Помимо Дня черкесского флага, празднуемого 25 апреля, и Дня памяти адыгов, в последние годы появился целый ряд новых коммеморативных практик [Тлостнаков 2019: 351]. Группа черкесских активистов начала актуализировать в общественно-политическом пространстве региона новую памятную дату, связанную с трагическими событиями Кавказской войны и негативным опытом русско-кавказских отношений – 10 октября день окончания Семимесячной войны 1779 года. Сторонники празднования этой даты полагают, что Семимесячная война стала одной из самых драматических событий Кавказской войны, приведшее к уничтожению всей кабардинской аристократии. В местечке «Къетыкъуэ тӀуащӀэ» возле села Псыхурей было начато строительства памятника, силами общественников. В настоящее время, несмотря на то, что массового участия черкесов в обозначенной коммеморации не наблюдается, данное памятное сооружение является одним из значимых мест памяти для части черкесских активистов.

Руководство региона, пытаясь сместить фокус общественного внимания с регулярного воспроизведения в ходе национальных коммеморативных практик республики негативного опыта русско-кавказских отношений, учредило новый праздник, не привязанный ни к какой исторической дате – 20 сентября День адыгов (черкесов). Комментируя данную инициативу властей, черкесские активисты отметили, что «нельзя «дарить», «получить» праздник целому народу. Как и все живое, наполненное смыслом, национальный праздник должен родиться. А рождается он в деяниях народа, в ходе исторического

---

¹ Убит известный общественный деятель Кабардино-Балкарии. 29.12.2010 // Сетевое издание РИА Новости: сайт. URL: <https://ria.ru/20101229/315100578.html> (дата обращения: 02.11.2020)

созидания. Указки сверху здесь обречены»¹. Несмотря на то, что День адыгов является выходным праздничным днем, и активное участие в мероприятиях принимают чиновники и черкесские общественные организации умеренного толка, по-настоящему общенародным праздником он не стал, пока.

Консолидирующий балкарское общество травматический опыт связан с депортацией балкарского населения Кабардино-Балкарской АССР в Среднюю Азию, начавшейся 8 марта 1944 года. После смерти И.В. Сталина в 1953 году наступили позитивные перемены в отношении репрессированных народов. В течение 1954-1956 годов Советом Министров СССР и ПВС были приняты нормативно-правовые акты, которые сняли часть ограничений в правовом положении спецпереселенцев. 28 марта 1957 года Верховный Совет СССР принял постановление о возвращении балкарцев на историческую родину. Если травматический опыт адыгов основан на последствиях Кавказской войны, закончившейся в XIX веке, то у балкарцев ещё живы люди, помнящие горести и лишения депортации. По мнению А.И. Тетуева, «память о депортации народов, в том числе балкарского, жива не только у представителей старшего поколения, испытавшего трагедию депортации, она на генетическом уровне передается их потомкам» [Тетуев 2020: 95]. Начиная с 1990 года, 8 марта в республике отмечается как День памяти жертв насильственного выселения балкарского народа, а с 28 марта 1994 года отмечается День возрождения балкарского народа (Илл. 3). Центром коммеморативных практик балкарцев выступает Мемориал жертвам политических репрессий 1944-1957 годов, который расположен вблизи могилы Кязима Мечиева – основоположника современной балкарской литературы. Кязим Мечиев был депортирован в Казахстан, где в 1945 году скончался. Его останки были перезахоронены в 1999-м.

По мнению С.И. Аккиевой, если в 1990-е годы празднование Дня возрождения балкарского народа носило более выраженный официальный характер, с поздравлениями от руководства республики, торжественными собраниями и концертами, выставками, то позднее праздник трансформировался, в нем появились элементы народного праздника весеннего цикла Голлу [Аккиева 2018: 225]. Она отмечает, что «реабилитационные меры 1990-х годов, учреждение общественных праздников, связанных с реабилитацией карачаевского и балкарского народа в настоящее время играют консолидирующую роль и способствуют формированию и закреплению общей карачаево-балкарской идентичности и влияют на этническое развитие» [Аккиева 2019: 361].

---

¹ Бойтесь данайцев, дары приносящих. 08.09.2014 // АДЫГЭ ХЭКУ – актуальные материалы черкесского мира: сайт. URL: <https://aheku.net/news/society/5945> (дата обращения: 15.11.2020)

**Илл. 3. День памяти жертв депортации балкарского народа в г. Нальчик
(фотография из открытых источников)**

Если в XX веке основным источником информации по истории были школьные и университетские учебники, газеты, радио, телевидение, которые активно использовались для конструирования нужной в целях государственного строительства исторической памяти, то в веке XXI, в силу информационно-технологического развития, социальные сети превратились в наиболее значимый источник информации. Технологии контроля над социальными сетями ещё недостаточно отработаны, в результате чего, периодически, публичные обсуждения событий истории народов Кабардино-Балкарии непрофессиональными историками приводят к конфликтным ситуациям, в которых участвуют сотни и тысячи человек.

Одной из наиболее спорных и конфликтогенных коммеморативных практик республики, смысловое наполнение которой находится под сильным влиянием социальных сетей, является празднование черкесскими общественными организациями победы в Кабардино-крымской войне 1708 года. Если для черкесов Канжальская битва (ключевое сражение Кабардино-крымской войны 1708 года) – это героический эпизод истории, то балкарцы воспринимают её как придуманный миф, направленный на придание легитимности территориальных притязаний на балкарские земли. Историки расходятся во мнении относительно численности войск и непосредственного места сражения. Поводом для начала войны послужил отказ Кабарды выплатить дань Крымскому ханству. В виду численного превосходства крымского войска кабардинские князья решили пойти на хитрость. Кабардинцы заманили неприятеля в труднодоступные горные районы, где неожиданно

атаковав, разбили отряды противника. Балкарские общественные деятели считают, что такой битвы не могло быть, так как на месте предполагаемого сражения такое количество солдат просто не поместится. Заместитель руководителя межрегиональной общественной организации «Балкария» Руслан Бабаев отмечает, что «территория Канжола и вся местность в округе достаточно пересеченная, вершины высотой более 2800 метров над уровнем моря, перемежаются с глубокими оврагами, впадинами и обрывами. Недавно в Нальчике была проведена научная конференция во славу Канжальской битвы, но ее организаторы не захотели вывести участников дискуссии на место мифического сражения, чтобы у заочных сторонников этой версии не дай бог не возникло сомнения в умственной неполноценности татаро-турецких военачальников, «умышленно» загнавших себя и свое 100-тысячное войско в эти суровые (даже летом) климатические и географические условия, на верную смерть людей и падеж коней от бескормицы»¹. Черкесские активисты в подтверждение своей позиции ссылаются на работы современников этих событий (Энгельберт Кемпфер, Ксаверио Главани, Иоганн Густав Гербер, Обри де ла Мотрэ, молдавские господаи Михайло Раковица и Дмитрий Кантемир и другие), описывающих победу кабардинцев над татарами и экспертное заключение Центра военной истории Института российской истории РАН².

На фоне существующей неопределенности вокруг Канжальского сражения в республике происходят конфликты, которые разворачиваются, в основном, в социальных сетях. Дважды конфликт из социальных сетей перерастал в крупные межнациональные столкновения на территории Кабардино-Балкарии. Первый крупный конфликт произошёл в 2008 году у селения Кёндеден. Черкесские активисты для того чтобы отметить 300 летнюю годовщину победы в Канжальской битве организовали конный переход к предполагаемому месту сражения. Однако столкнулись с тем, что наиболее удобный путь туда пролегает через балкарское село Кёндеден. В тот момент, когда участники акции решили проехать через село, местные жители отказались пропускать их, так как посчитали это попыткой «застолбить» за черкесами балкарские земли. Ровно через 10 лет, на праздновании 310 летнего юбилея у въезда в селение Кёндеден снова произошли межнациональные столкновения, освещавшиеся федеральными СМИ³. В этот раз представители общественного движения «Шууей хасэ», прислушавшись к уговорам местных властей, приняли решение идти к горе Канжаль, считающийся предполагаемым местом сражения, не через село, а в обход, по более трудному маршруту.

---

¹ Балкарские лидеры утверждают, что Канжальская битва – плод ура-патриотической шумихи. 18.09.2008 // ИА REGNUM: сайт. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1056888.html> (дата обращения: 14.11.2020)

² Российская академия наук о Канжальской битве: «В отношении достоверности битвы нет никаких сомнений». 16.02.2014 // АДЫГЭ ХЭКУ – актуальные материалы черкесского мира: сайт. URL: aheku.net/news/culture/5586 (дата обращения: 28.10.2020)

³ В селе Кёндеден в Кабардино-Балкарии обострился межнациональный конфликт. 19.09.2018 // ИД «Коммерсантъ»: сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3745311> (дата обращения: 27.10.2020)

Вынужденный характер данного решения вызвал недовольство представителей черкесской молодежи, следствием чего стало обострение конфликта.

Непривычные для небольшой республики масштабы межнационального столкновения вызвали негативные оценки со стороны общественности в отношении деятельности властей. Так, Альберт Беков, один из черкесских активистов, утверждает, что ситуацию обострили действия силовиков: «балкарцы и не собирались никого тормозить, перекрывать дороги и этого не было изначально, они может, и не знали о походе. Ничего бы не произошло, если бы 10 всадников рано утром спокойно прошли через село»¹. Он утверждает, что ситуацию обострили «важные» люди, которые привлекли к акции чрезмерное внимание специальных служб и войск Росгвардии. Руководитель общественной организации «Шууей Хасэ» Аслан Кудиев считает, что «действиями некомпетентных представителей органов власти конный переход, который был, по сути, направлен на укрепление межнациональных отношений, возымел ровно обратный эффект. Не путем диалога чиновники подошли к этому делу, а путем запрета, не давая ничего взамен молодежи. Мне кажется, чиновникам нужно было работать в рамках законов Российской Федерации»².

Представители органов власти, в свою очередь, указывали на существование заинтересованных сторон, которым выгодно «раскачивать» ситуацию в регионе. Полпред президента РФ в Северо-Кавказском федеральном округе Александр Матовников заявил, что личности людей, которые за деньги устроили беспорядки в республике, известны силовикам и с ними ведется работа³. По его мнению, произошедшие события это «конфликты, которые выеденного яйца не стоят, проехали всадники и проехали, обратно проехали и хорошо. Есть люди, которые специально делают так, чтобы это было использовано... Мы знаем этих людей, мы будем с ними работать, в том числе и правоохранительный блок, которые зерно этого раздора, за деньги вбрасывают сюда»⁴. Глава администрации Кенделена Марат Атмурзаев комментируя произошедшие беспорядки, представил свою версию событий, в которой отметил, что кабардинцам никто не хотел препятствовать, их хотели встретить как гостей, «но конники почему-то решили, что им здесь будут чинить препятствия, и пошли в горы другим маршрутом. 18 сентября мы собрались в здании администрации, обсуждали, чтобы встретить конников, как

---

¹ Канжальская битва 310-летней давности вновь стала поводом для беспорядков в КБР. 18.09.2018 // Познавательный-новостной портал «Северо-Кавказские новости» Информационно-ресурсного центра «Гражданское партнерство»: сайт. URL: <https://sk-news.ru/news/accident/54906/> (дата обращения: 12.11.2020)

² Организатор конного перехода раскритиковал власти за конфликт в Кенделене. 24.09.2018 // Интернет-СМИ «Кавказский Узел»: сайт. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/325777/> (дата обращения: 02.11.2020)

³ Полпред назвал причину конфликта в Кабардино-Балкарии. 27.09.2018 // Сетевое издание РИА Новости: сайт. URL: <https://ria.ru/20180927/1529482812.html> (дата обращения: 03.11.2020)

⁴ Там же.

братьев, когда они пойдут обратно, вместе с ними спуститься в Баксан и принять участие в праздничных мероприятиях. Когда мы все это обсуждали, нам сообщили, что в селение вошла большая толпа людей с криками, с флагами. Они прошли до конца села, где их остановили и объяснили им, что так нельзя делать»¹. Беспорядки длились несколько дней и для их подавления были привлечены силы Росгвардии из соседних регионов.

К этническим коммеморациям можно отнести изучение и сохранение памяти об истории семьи. Издаются книги с родословными отдельных семей, модным стало обозначение родовых знаков (тамги) на воротах, домах, машинах, домашних животных. Популярность приобрели свадьбы, на которых виднеются родовые знаки заключающих союз семей.

Наиболее заметные религиозные коммеморативные практики в нашей республике традиционно представлены памятными датами исламского и христианского мира. В празднованиях Ураза-байрама и Курман-байрама, являющихся одними из наиболее значимых праздников ислама, принимают участие не только набожные мусульмане и светски мыслящие представители мусульманских народов, но и христиане, и представители других религий и мировоззрений, что «размывает» исключительно религиозный аспект праздников и превращает их в центральное культурное событие праздничных выходных дней. Проводимые исследования показывают, что в Кабардино-Балкарии уровень религиозности населения невысок [Атласкиров 2013; Кушхабиев и др. 2019], в тоже время Ураза-байрам и Курман-байрам традиционно отмечается всенародно. Также широко отмечаются в республике и христианские праздники, например масленица. Не только русские, но и представители титульных народов республики готовят и угощают гостей, а также соседей блинами, лепёшками и другими традиционными для праздника угощениями. Во время празднования Пасхи на многих рынках столицы Кабардино-Балкарии – городе Нальчик, можно заметить в продаже пасхальные яйца, которые жители республики дарят друг другу. В целом, основные, наиболее значимые религиозные праздники в Кабардино-Балкарии не носят «закрытого» характера, а являются частью культурной жизни большей части населения многонациональной и многоконфессиональной республики.

Большую популярность, особенно в молодежной среде республики, приобрели знаменательные даты западного общества, распространяемые посредством глобализационных процессов. Праздник День святого Валентина (14 февраля) или по-другому называемый Днём всех влюбленных, являющийся католическим праздником, в настоящее время отмечается многими школьниками и студентами Кабардино-Балкарии. В этот день отмечающие этот праздник дарят любимым и дорогим людям цветы, подарки, игрушки и особые открытки со стихами – валентинки. Ежегодно в молодежных клубах празднуется Хэллоуин, восходящий к языческим традициям народов

---

¹ В Кабардино-Балкарии вспыхнул национальный конфликт из-за битвы XVIII века. 19.08.2018 // Сетевое издание Lenta.ru: сайт. URL: <https://lenta.ru/brief/2018/09/19/kbkonflikt/> (дата обращения: 03.11.2020)

Великобритании и Северной Ирландии. Посредством доминирующих в современных глобализационных процессах голливудских фильмов, западных образовательных программ, современной европейской и американской поп-музыки, европейской индустрии моды и т.д. коммеморативные практики западного общества популяризируются во всех уголках планеты, в том числе и в Кабардино-Балкарии. Однако открывающиеся глобализацией широкие перспективы перемещения людей в различные страны с целью учебы, работы или отдыха предоставляют возможность знакомства с представителями не только западной культуры, но и иных культур. Так в последние годы в молодежной среде республики регулярно начали отмечать праздник Холи - Фестиваль красок. Холи является ежегодным индуистским праздником весны, одним из наиболее важных коммеморативных практик в Индии. В Кабардино-Балкарии, вслед за увеличением количества обучающихся в Кабардино-Балкарском государственном университете студентов из Индии, которых уже около 500, стала увеличиваться популярность и праздника Холи, в организации и проведении которого принимают участие молодежные объединения региона¹.

Заключение. В общественно-политической жизни современной России одно из наиболее значимых мест занимает политика исторической памяти. После безуспешных попыток «новой» российской элиты в 90-е годы XX века приобщиться к культуре и истории Европы, перекроив страну по образцу западных стран, в обществе назрел запрос на самостоятельный путь развития, основанный на самобытности своего социокультурного пространства. В высших эшелонах власти появилось осознание необходимости консолидации общества посредством продвижения в массы идеи единой исторической судьбы народов страны. В этих условиях во всех регионах страны, в том числе и в Кабардино-Балкарии, активизировалась деятельность государственных и общественных организаций в направлении создания новых и популяризации уже имеющихся общероссийских коммеморативных практик, призванных объединить страну вокруг общей исторической памяти.

Коммеморативные практики Кабардино-Балкарии можно условно разделить на несколько основных групп: общегосударственные, общереспубликанские, этнические, религиозные и коммеморации глобальной культуры. Одним из наиболее значимых общегосударственных коммеморативных практик в республике является празднование Дня Победы. Ежегодно отмечаемый праздник призван консолидировать страну памятью общей победы, доставшейся дорогой ценой. Мероприятия, приуроченные к празднику, находят отклик среди широких масс населения. Вместе с тем, следует отметить и существование группы «новых» общероссийских коммемораций, которые для значительной части населения, по данным социологических исследований, не несут какой-либо значимой смысловой нагрузки, например День народного единства, празднуемый 4 ноября.

---

¹ Студенты из Индии провели в Нальчике фестиваль красок по случаю прихода весны. 10.03.2020 // ТАСС – информационное агентство: сайт. URL: <https://tass.ru/v-strane/7941323> (дата обращения: 22.11.2020)

Коммеморативные практики регионального уровня, зачастую, служат поводом для активизации дискуссий относительно датировок ряда исторических событий и их смыслового наполнения. Например, День добровольно вхождения Кабардино-Балкарии в состав Российского государства, воспринимаемый государственными чиновниками как символ правильного исторического решения и консолидации общества, многими активистами национальных республиканских движений отрицается как праздничный день. Активисты заявляют, что никакого вхождения не было, был заключен военно-политический союз. Наибольшим конфликтным потенциалом обладают этнические коммеморативные практики титульных народов республики. Большую популярность, особенно в молодежной среде республики, приобрели коммеморации западного общества, распространяемые посредством глобализационных процессов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абазов 2020 – *Абазов А.Х.* Как исторические события становятся памятными датами? Нормативно-правовое измерение памяти о прошлом на Северном Кавказе на рубеже XX-XXI веков // Новое прошлое. – 2020. – №1. – С. 28-39. DOI: 10.18522.2500-3224-2020-1-28-39

Аккиева 2018 – *Аккиева С.И.* Праздничная культура народов КБР как элемент региональной информационной политики (конец XX – начало XXI в.) // Современная наука и инновации. – 2018. – №4. – С. 222-227.

Аккиева 2019 – *Аккиева С.И.* Праздники и их роль в этнокультурном развитии карачаевцев и балкарцев // Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской / Отв. ред. П.И. Абайханова (Магаяева). Карачаевск, 18-19 октября 2019 г. – Карачаевск: КЧГУ, 2019. – С. 360-365.

Атласкиров 2013 – *Атласкиров А.Р.* Идеи просветительства как фактор модернизации социальных отношений этносов Северного Кавказа (на материалах Адыгеи и Кабардино-Балкарии): автореферат дис. ... кандидата социологических наук. – Майкоп, 2013. – 26 с.

Бердяев 2005 – *Бердяев Н.А.* Русская идея. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. – 832 с.

Благинин и др. 2020 – *Благинин В.С., Линченко А.А., Головашина О.В.* Праздничные коммеморации и символические даты в современном российском миграционном обществе // Власть. – 2020. – № 4. – С. 42-50.

Боров, Азикова 2020 – *Боров А.Х., Азикова Ю.М.* История и этнополитика в постсоветской Кабардино-Балкарии // Новое прошлое. – 2020. – № 1. – С. 218-231. DOI: 10.18522.2500-3224-2020-1-218-231

Данилевский 1991 – *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа / Сост., послесловие и комментарии С.А. Вайгачева. – М.: Книга, 1991. – 574 с.

Джантеева 2019 – *Джантеева Д.С.* Политика памяти в контексте нациестроительства: северокавказский кейс // Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской / Отв. ред. П.И. Абайханова (Магаяева). Карачаевск, 18-19 октября 2019 г. – Карачаевск: КЧГУ, 2019. – С. 220-225.

Думанов 1991 – *Думанов Х.М.* Нальчику 246 лет // Адыги. 1991. – № 2. – С. 151-152.

Дюркгейм 1998 – *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. – М.: Канон +, 1998. – С. 174-231.

Кирчанов 2020 – *Кирчанов М.В.* Историческая политика в национальных республиках Кавказа: коммеморативные практики как изобретенные традиции // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 1. – С. 219-236. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-1-219-236>

Кринко и др. 2020 – *Кринко Е.Ф., Медведев М.В., Стегленко Е.В.* Институционализация памяти о Великой Отечественной войне на Дону и Северном Кавказе в 2000-е гг. // Научная мысль Кавказа. – 2020. – № 1. – С. 42-49.

Кушхабиев 2019 – *Кушхабиев А.В.* «Черкесский вопрос» в деятельности кабардинских общественных организаций в конце XX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2019. – № 2. – С. 105-126.

Кушхабиев и др. 2019 – *Кушхабиев А.В., Алхасов М.М., Табаксоев И.А.* К проблеме трансформации религиозных ценностей населения Кабардино-Балкарии в современный период // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2019. – № 1. – С. 53-66.

Малинкин 2020 – *Малинкин А.Н.* Историческая память о Великой Отечественной войне: эпистемологические и генеалогические аспекты // Социологические исследования. – 2020. – № 5. – С. 23-34.

Мегилл 2007 – *Мегилл А.* Историческая эпистемология. – М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.

Миллер 2018 – *Миллер А.И., Малинова О.Ю., Ефременко Д.В.* Политика памяти и историческая наука // Российская история. – 2018. – № 5. – С. 128-140.

Миллер 2020 – *Миллер А.И.* Политика памяти в стратегиях формирования национальных и региональных идентичностей в России: акторы, институты и практики // Новое прошлое. – 2020. – № 1. – С. 210-217. DOI: 10.18522.2500-3224-2020-1-210-217

Мильорати, Мори 2014 – *Мильорати Л., Мори Л.* Тень классического наследия и её преодоление. Память о движении сопротивления и «конфликтность» памятных мероприятий // Социологические исследования. – 2014. – №1. – С. 107-115.

Нора 1999 – *Нора П.* Франция-память. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 328 с.

Нора 2005 – *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3(40-41). – С. 391-403.

Прасолов 2017 – *Прасолов Д.Н.* Коммеморативные практики в современной Кабардино-Балкарии // Неприкосновенный запас. – 2017. – № 2 (112). – С. 67-82.

Романовская, Фоменко 2015 – *Романовская Е.В., Фоменко Н.Л.* Идентичность и коммеморация // Власть. – 2015. – № 7. – С. 81-84.

Тетуев 2020 – *Тетуев А.И.* Депортация балкарского народа в исторической памяти // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2020. – № 1 (48). – С. 87-96. DOI: 10.25744/vestnik.2020.48.1.012

Тлостнаков 2019 – *Тлостнаков А.А.* Особенности политики памяти на Северном Кавказе на примере новых памятных дат черкесов (адыгов) // Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской / Отв. ред. П.И. Абайханова (Магаяева). Карачаевск, 18-19 октября 2019 г. – Карачаевск: КЧГУ, 2019. – С. 350-352.

Тойнби 2010 – *Тойнби А. Дж.* Постигание истории / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 640 с.

Тумов 2020 – *Тумов А.А.* Конфликты за статус и «бои за прошлое» в черкесском сообществе Кабардино-Балкарии // Новое прошлое. – 2020. – № 1. – С. 232-239. DOI: 10.18522.2500-3224-2020-1-232-239

Урушадзе 2018 – *Урушадзе А.Т.* Помнить-нельзя-забыть: Кавказская война в исторической памяти адыгов и российском пространстве коммемораций // Политическая наука. – 2018. – № 3. – С. 106-128.

Хантингтон 2011 – Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: Астрель, 2011. – 571 с.

Хлевнюк 2010 – Хлевнюк Д. О. Бернгард Гизен. Триумф и травма // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. – № 2. – С. 112-117.

Шуб 2016 – Шуб М.Л. Современные коммеморативные практики: Образовательный и воспитательный потенциал // Челябинский гуманитарий. Педагогические науки. – 2016. – № 3 (36). – С. 80-87.

REFERENCES

ABAZOV A.Kh. *Kak istoricheskie sobytiya stanovyatsya pamyatnymi datami? Normativno-pravovoe izmerenie pamyati o proshlom na Severnom Kavkaze na rubezhe XX-XXI vekov* [How do historical events become memorable dates? Regulatory and legal dimension of memory of the past in the North Caucasus at the turn of XX-XXI centuries]. IN: *Novoe proshloe*. – 2020. – No. 1. – P. 28-39. DOI: 10.18522.2500-3224-2020-1-28-39 (In Russian)

AKKIEVA S.I. *Prazdnichnaya kul'tura narodov KBR kak element regional'noi informatsionnoi politiki (konets XX – nachalo XXI v.)* [Festive culture of the peoples of the KBR as an element of regional information policy (late XX – early XXI century)]. IN: *Sovremennaya nauka i innovatsii*. – 2018. – No. 4. – P. 222-227. (In Russian)

AKKIEVA S.I. *Prazdniki i ikh rol' v etnokul'turnom razvitii karachaevtsev i balkartsev* [Holidays and their role in the ethnocultural development of Karachais and Balkars]. IN: *Kavkazovedenie: opyt, problemy i perspektivy. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 100-letiyu izvestnogo uchenogo-kavkazoveda, professora Valentiny Pavlovny Nevskoi / Otv. red. P.I. Abaikhanova (Magayaeva). Karachaevsk, 18-19 oktyabrya 2019 g.* [Caucasus Studies: Experience, Problems and Prospects. Materials of the All-Russian scientific conference with international participation, dedicated to the 100th anniversary of the famous scientist in the Caucasus, Professor Valentina Pavlovna Nevskaya / Ed. by P.I. Abaykhanova (Magayeva). Karachaevsk, October 18-19, 2019]. – Karachaevsk: KChGU, 2019. – P. 360-365. (In Russian)

ATLASKIROV A.R. *Idei prosvetitel'stva kak faktor modernizatsii sotsial'nykh otnoshenii etnosov Severnogo Kavkaza (na materialakh Adygei i Kabardino-Balkarii): avtoreferat dis. ... kandidata sotsiologicheskikh nauk* [The ideas of enlightenment as a factor in the modernization of social relations of the ethnic groups of the North Caucasus (based on materials from Adygea and Kabardino-Balkaria): dissertation abstract for the candidate of sociological sciences degree]. – Maykop, 2013. – 26 p. (In Russian)

BERDYAEV N.A. *Russkaya ideya* [Russian idea]. – М.: Eksmo; SPb.: Midgard, 2005. – 832 p. (In Russian)

BLAGININ V.S., LINCENKO A.A., GOLOVASHINA O.V. *Prazdnichnye kommemoratsii i simvolicheskie daty v sovremennom rossiiskom migratsionnom obshchestve* [Festive commemorations and symbolic dates in the modern Russian migration society]. IN: *Vlast'*. – 2020. – No. 4. – P. 42-50. (In Russian)

BOROV A.Kh., AZOKOVA Yu.M. *Istoriya i etnopolitika v postsovetsoi Kabardino-Balkarii* [History and Ethnopolitics in Post-Soviet Kabardino-Balkaria]. IN: *Novoe proshloe*. – 2020. – No. 1. – P. 218-231. DOI: 10.18522.2500-3224-2020-1-218-231 (In Russian)

DANILEVSKY N. YA. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe] – М.: Kniga, 1991. – 574 p. (In Russian)

DUMANOV KH.M. *Nal'chiku 246 let* [Nalchik is 246 years old]. IN: *Adygi*. – 1991. – No. 2. – P. 151-152. (In Russian)

DURKHEIM E. *Elementarnye formy religioznoi zhizni* [Tekst] [Elementary forms of religious life] [Text]. IN: *Mistika. Religiya. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya*. – М.: Canon+, 1998. – P. 174-231. (In Russian)

DZHANTEEVA D.S. *Politika pamyati v kontekste natsiestroitel'stva: severokavkazskii keis* [The politics of memory in the context of nation-building: a North Caucasian case]. IN: *Kavkazovedenie: opyt, problemy i perspektivy. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s*

mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 100-letiyu izvestnogo uchenogo-kavkazoveda, professora Valentiny Pavlovny Nevskoi / Otv. red. P.I. Abaikhanova (Magayaeva). Karachaevsk, 18-19 oktyabrya 2019 g. [Caucasus Studies: Experience, Problems and Prospects. Materials of the All-Russian scientific conference with international participation, dedicated to the 100th anniversary of the famous scientist in the Caucasus, Professor Valentina Pavlovna Nevskaya / Ed. by P.I. Abaykhanova (Magayeva). Karachaevsk, October 18-19, 2019]. – Karachaevsk: KChGU, 2019. – P. 220-225. (In Russian)

HUNTINGTON S. *Stolknovenie tsivilizatsii* [The Clash of Civilizations]. – M.: Astrel, 2011. – 571 p. (In Russian)

KHLEVNYUK D.O. *Bernard Gizen. Triumf i travma* [Bernard Giesen. Triumph and Trauma]. IN: *Sotsiologicheskoe obozrenie*. – 2010. – Vol. 9. – No. 2. – P. 112-117. (In Russian)

KIRCHANOV M.V. *Istoricheskaya politika v natsional'nykh respublikakh Kavkaza: kommemorativnye praktiki kak izobretennye traditsii* [Historical politics in the national republics of the Caucasus: commemorative practices as invented traditions]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2020. – No. 1. – P. 219-236. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-1-219-236> (In Russian)

KRINKO E.F., MEDVEDEV M.V., STEGLENKO E.V. *Institutsionalizatsiya pamyati o Velikoi Otechestvennoi voine na Donu i Severnom Kavkaze v 2000-e gg.* [Institutionalization of the memory of the Great Patriotic War in the Don and North Caucasus in the 2000s.]. IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. – 2020. – No. 1. – P. 42-49. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. «*Cherkesskii vopros*» v deyatelnosti kabardinskikh obshchestvennykh organizatsii v kontse XX veka ["Circassian question" in the activities of Kabardian public organizations at the end of the XX century]. IN: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. – 2019. – No. 2. – P. 105-126. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V., ALKHASOV M.M., TABAKSOEV I.A. *K probleme transformatsii religioznykh tsennostei naseleniya Kabardino-Balkarii v sovremennyi period* [On the problem of transformation of religious values of the population of Kabardino-Balkaria in the modern period]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2019. – No. 1. – P. 53-66. (In Russian)

MALINKIN A.N. *Istoricheskaya pamyat' o Velikoi Otechestvennoi voine: epistemologicheskie i genealogicheskie aspekty* [Historical memory of the Great Patriotic War: epistemological and genealogical aspects]. IN: *Sotsiologicheskie issledovaniya*. – 2020. – No. 5. – P. 23-34. (In Russian)

MEGILL A. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical epistemology]. – M.: Canon +: ROOI "Rehabilitation", 2007. – 480 p. (In Russian)

MILIORATI L., MORI L. *Ten' klassicheskogo naslediya i ee preodolenie. Pamyat' o dvizhenii soprotivleniya i «konfliktnost'» pamyatnykh meropriyati* [Shadow of the classical heritage and its overcoming. Memory of the resistance movement and the "conflict" of commemorative events] [Text]. IN: *Sotsiologicheskoe issledovanie*. – 2014. – No. 1. – P. 107-115. (In Russian)

MILLER A.I. *Politika pamyati v strategiyakh formirovaniya natsional'nykh i regional'nykh identichnostei v Rossii: aktory, instituty i praktiki* [The politics of memory in the strategies for the formation of national and regional identities in Russia: actors, institutions and practices]. IN: *Novoe proshloe*. – 2020. – No. 1. – P. 210-217. DOI: 10.18522.2500-3224-2020-1-210-217 (In Russian)

MILLER A.I., MALINOVA O.YU., EFREMENKO D.V. *Politika pamyati i istoricheskaya nauka* [The politics of memory and historical science]. IN: *Rossiiskaya istoriya*. – 2018. – No. 5. – P. 128-140. (In Russian)

NORA P. *Frantsiya-pamyat'* [France-memory]. – SPb.: Publishing house of SPbSU, 1999. – 328p. (In Russian)

NORA P. *Vsemirnoe torzhestvo pamyati* [World celebration of memory]. IN: *Neprikosnovennyi zapas*. – 2005. – No. 2-3 (40-41). – P. 391-403. (In Russian)

PRASOLOV D.N. Kommemorativnye praktiki v sovremennoi Kabardino-Balkarii [Commemorative practices in modern Kabardino-Balkaria]. IN: *Neprikosnovennyi zapas*. – 2017. – No. 2 (112). – P. 67-82. (In Russian)

ROMANOVSKAYA E.V., FOMENKO N.L. *Identichnost' i kommemoratsiya* [Identity and commemoration]. IN: *Vlast'*. – 2015. – No. 7. – P. 81-84. (In Russian)

SHUB M.L. *Sovremennye kommemorativnye praktiki: Obrazovatel'nyi i vospitatel'nyi potentsial* [Modern commemorative practices: Educational and educational potential]. IN: *Chelyabinskii gumanitarii. Pedagogicheskie nauki*. – 2016. – No. 3 (36). – P. 80-87. (In Russian)

TETUEV A.I. *Deportatsiya balkarskogo naroda v istoricheskoi pamyati* [Deportation of the Balkar people in historical memory]. IN: *Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki*. – 2020. – No. 1 (48). – P. 87-96. DOI: 10.25744/vestnik.2020.48.1.012 (In Russian)

TLOSTNAKOV A.A. *Osobennosti politiki pamyati na Severnom Kavkaze na primere novykh pamyatnykh dat cherkessov (adygov)* [Features of the politics of memory in the North Caucasus on the example of new memorable dates of the Circassians (Adygs)]. IN: *Kavkazovedenie: opyt, problemy i perspektivy. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 100-letiyu izvestnogo uchenogo-kavkazoveda, professora Valentiny Pavlovny Nevskoi / Otv. red. P.I. Abaikhanova (Magayaeva). Karachaevesk, 18-19 oktyabrya 2019 g.* [Caucasus Studies: Experience, Problems and Prospects. Materials of the All-Russian scientific conference with international participation, dedicated to the 100th anniversary of the famous scientist in the Caucasus, Professor Valentina Pavlovna Nevskaya / Ed. by P.I. Abaykhanova (Magayeva). Karachaevesk, October 18-19, 2019]. – Karachaevesk: KChGU, 2019. – P. 350-352. (In Russian)

TOYNBEE A.J. *Postizhenie istorii* [Comprehension of history]. – M.: Airis-press, 2010. – 640 p. (In Russian)

TUMOV A.A. *Konflikty za status i «boi za proshloe» v cherkesskom soobshchestve Kabardino-Balkarii* [Conflicts for status and "battles for the past" in the Circassian community of Kabardino-Balkaria]. IN: *Novoe proshloe*. – 2020. – No. 1. – P. 232-239. DOI: 10.18522.2500-3224-2020-1-232-239 (In Russian)

URUSHADZE A.T. *Pomnit'-nel'z'ya-zabyt': Kavkazskaya voina v istoricheskoi pamyati adygov i rossiiskom prostranstve kommemoratsii* [Remember-not-forget: the Caucasian war in the historical memory of the Circassians and the Russian space of commemorations]. IN: *Politicheskaya nauka*. – 2018. – No. 3. – P. 106-128. (In Russian)

ЯЗЫКИ НАРОДОВ КAVKAZA

УДК 811.359

DOI 10.31143/2542-212X-2020-4-229-239

**СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ СЕМАНТИКИ КОНТРАДИКТОРНОСТИ
В ПРОИЗВОДНЫХ АНТОНИМАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА)****Д.М. КУМЫКОВА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, № 18
E-mail: dina07-09@mail.ru*

Э.Т. КУМЫКОВА (ГУЧАПШЕВА)

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: etkumykova@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию наиболее продуктивных способов актуализации семантики контрадикторной противоположности в производных антонимах кабардино-черкесского языка. Актуальность исследования обусловлена ростом научного интереса к изучению характерных особенностей языковых универсалий, в частности – словообразовательных средств выражения семантики противоположности в конкретном языке для целей дальнейшего сравнительно-типологического описания антонимов, выявления общего и специфического в способах и моделях их означивания. Анализ фактического материала продемонстрировал, что экспликантами семантики контрадикторной противоположности, которая реализуется производными именными и адвербиальными антонимами чаще, чем другие типы оппозитивных отношений, выступают аффиксальные маркеры негации, в числе которых наибольшую продуктивность проявляют суффиксальные средства (за исключением префиксального форманта **мы-**), в то время как в других языках, например, в русском, широко представлены и препозитивные словообразовательные элементы. Результаты проведенного исследования имеют значение не только для систематизации инвентаря словообразовательных средств создания антонимичности в кабардино-черкесском языке, но и для решения вопроса границ антонимии, а также могут быть использованы для дальнейшего разноаспектного изучения данного явления как в кабардино-черкесском, так и в других языках.

Ключевые слова: антонимы; контрадикторная противоположность; экспликанты; словообразовательные средства; маркеры негации; кабардино-черкесский язык.

THE EXPOSING MEANS OF CONTRADICTORY SEMANTICS IN THE DERIVATIVE ANTHONYMS (IN THE KABARDIAN-CIRCASSIAN LANGUAGE)

D.M. KUMYKOVA

*Institute for Humanitarian studies – branch of the FSBSE «Federal Scientific Center 'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»
360004, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: dina07-09@mail.ru*

E.T. KUMYKOVA (GUCHAPSHEVA)

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: etkumykova@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of the most productive ways of actualizing the semantics of contradictory oppositeness in the derivative nominal antonyms in the Kabardian - Circassian language. The relevance of this research is presupposed by growing scientific interest to the study of characteristics of linguistic universals, and in particular, the word-formation means of expressing the semantics of oppositeness in a definite language for the purposes of further comparative-typological description of antonyms, identifying the general and specific in the methods and models of their meaning designation. The analysis of the factual material has revealed that the explicants of the semantics of the contradictory opposition, which is actualized by derivative nominal and adverbial antonyms more often than other types of oppositional relations, prove to be affix markers of negation, among which the suffixal modes (with the exception of the ambifixal formant **мы-**) are the most productive, while in other languages, for example, in Russian, prepositive derivational are also widely represented. The results of the investigation prove important not only for compiling complete inventory of derivational means of creating antonymy in the Kabardian-Circassian language, but also for solving the issue of antonymy boundaries, and can also be used for further multidimensional study of this phenomenon both in Kabardino-Circassian and other languages.

Keywords: antonyms; contradictory opposites; explicant; word-formation means; negation markers; Kabardian-Circassian language.

Введение

Антонимия, в основе которой лежит противоположная – оппозиционная семантика номинативных единиц, представляет собой одну из важнейших лингвистических универсалий, проявляющихся на различных уровнях языковой системы. Многочисленные исследования, проведенные в том числе на материале разноструктурных, генетически неродственных языков, подтверждают также универсальность основных классификационных схем типов выражаемой противоположности, семантики и структуры антонимов с некоторыми оговорками, обусловленными структурно-семантическими характеристиками конкретного языка. Специфичность антонимии проявляется, как показывают наблюдения, в области словообразовательно мотивированной

производной антонимии, а именно в номенклатуре видов репрезентации семантики противоположности в антонимах-дериватах.

Вопросы, связанные с производными антонимами – языковыми сущностями с двойной референцией – изучались многими исследователями в связи со структурной классификацией антонимов в различных языках. Содержательно термин «производные антонимы» в специальной литературе обнаруживает идентичность с понятиями «словообразовательные антонимы» [Тихонов, Емельянова 1976; Новиков 2001, 2002; Пардаев 2010], «аффиксальные антонимы» [Апресян 1973], «деривационные антонимы» [Арнольд 1986], «деривативы» (derivatives) [Devlin 1987]. Вместе с ним используются понятия «грамматические или лексико-грамматические антонимы», «однокорневые антонимы» [Новиков 1978; Миллер 1990]. В то же время признается, что не во всех случаях границы однокорневой и производной антонимии совпадают [Кумыкова, Кумыкова (Гучапшева) 2020].

Получая неоднозначную дефиницию у разных авторов, термин «производная антонимия» используется применительно к лексемам с противоположной семантикой, возникшим в результате словообразовательной деривации [Тихонов, Саидова 1980; Новиков 2001; Новиков 2002 и др.], или только к тем дериватам, которые имеют антонимичные / антонимообразующие аффиксы [Миллер 1990].

В настоящей статье под производными антонимами понимаются структурно-мотивированные лексемы, в которых семантика противоположности актуализируется с помощью словообразовательных средств. Основные типы семантических корреляций между контрастирующими единицами – контрарная, контрадикторная и векторная противоположности – могут быть реализованы как собственно лексическими (разнокорневыми, непроизводными), так и производными антонимами. Бинарная антонимия непроизводных (разнокорневых) слов в лингвистике в целом и в кавказоведении в частности разработана в большей степени, чем антонимия производных лексем, что объясняется отсутствием единства в понимании границ самого явления. В то же время замечено, что в некоторых языках доля производных антонимов значительно превышает количество непроизводных; так, например, в русском языке первые составляют 70% всего антонимического массива [Тихонов 1985]. Изучение антонимов кабардино-черкесского языка до настоящего времени также базировалось на интересе лишь к разнокорневым коррелятам [Яковлев 1948: 130-131; Шагиров 1962: 45-47; Апажев 2004: 70-76; КЧЯ: 43-47 и др.]. При этом вне поля зрения исследователей все еще остается существенный пласт словообразовательно маркированной лексики, вступающей в отношения противоположности. Данным обстоятельством определяется выбор объекта нашего исследования.

В рамках предлагаемой статьи рассмотрим производные антонимы кабардино-черкесского языка, реализующие отношения контрадикторной противоположности, а также проанализируем наиболее продуктивные средства экспликации избранного типа семантической корреляции. Их изучение имеет, на наш взгляд, особое значение не только для систематизации инвентаря

словообразовательных средств, участвующих в создании антонимичности, но и для целей определения в дальнейшем границ антонимии, а также для сравнительно-типологического описания антонимов, выявления их характерно-специфических и общих черт применительно к разным языкам, чем и обусловлена актуальность обращения к данному аспекту.

Особенности контрадикторного типа противоположности и средства его репрезентации в антонимической оппозиции

Антонимия, будучи проявлением общих законов человеческого мышления, определяется в логике как несовместимость терминов, которые связаны между собой отношениями контрарности и контрадикторности. Общей чертой несовместимых понятий является то, что содержание одного из противопоставленных понятий отрицает содержание другого. Отношения контрарности порождают противопоставленность противоположных понятий, которые являются крайними членами определенного логического ряда, допускающими наличие среднего, третьего члена оппозиции. Отношения контрадикторности характеризуют противопоставленность противоречащих понятий, между которыми невозможно наличие третьего, промежуточного понятия, так как они исключают друг друга. Контрадикторная противоположность имеет такие особенности, как: 1) суждения не могут быть одновременно истинными; 2) суждения не могут быть одновременно ложными; 3) из двух противоречащих друг другу суждений одно непременно истинно, а другое ложно, третьего не дано [Ивин, Никифоров 1997: 145].

Основанный на принципе взаимного исключения контрадикторный тип семантической корреляции отличается наличием семы отрицания в значении одного из членов антонимической оппозиции: полное отрицание значения одного из оппозитивов автоматически предполагает значение другого. При этом в структурно-немотивированных лексемах-коррелятах сема негации содержится имплицитно и обнаруживается лишь в оппозициях: *пэж* «правда» – *пцлы* «ложь» (ложь = не+правда), *псэу* «живой» – *лла* «мертвый» (мертвый = не+живой). В структурно-мотивированном негированном члене бинарной оппозиции в качестве экспликантов семантики отрицания выступают различные словообразовательные средства. Например, в русском языке это префиксальные морфемы **не-**, **без-/бес-** (и менее продуктивные **контр-**, **противо-**, **а-**, **де-(дез-)** (*грамотный* – *неграмотный*, *шумный* – *бесшумный*, *гуманный* – *антигуманный*), в английском языке – префиксы **un-**, **in-** (с вариациями **im-**, **il-**, **ir-**): *happy* «счастливый» – *unhappy* «несчастный», *convenient* «удобный» – *inconvenient* «неудобный»), в тюркских языках – суффиксальные морфемы **-siz/ -siz/ -suz/ -süz** (*akil* «ум» – *akilsiz* «глупый», *lezzet* «вкус» – *lezzetsiz* «невкусный, безвкусный»).

Поскольку реализация контрадикторного типа оппозиционных отношений в производных антонимах связана с экспоненцией семы негации, рассмотрим наиболее продуктивные модели словопроизводства кабардино-черкесского языка, участвующие в данном процессе. Замечено, что

контрадикторная противоположность в большей степени представлена именными и адвербиальными антонимами [Кумыкова, Кумыкова (Гучапшева) 2019: 138-139]. Соответственно, модификаторами значений компонентов оппозиции выступают словообразовательные средства, характерные для данных классов слов. Их можно разделить на два типа: 1) аффиксальные морфы, использование которых придает исходному слову противоположный смысл; 2) коррелирующие аффиксы, присоединение которых к основе одного и того же слова создает контрадикторно противопоставленные лексемы. При этом в первом случае оппозиции образуют словообразовательную пару, во втором – члены антонимической пары кодеривативны и не составляют словообразовательной пары.

К экспликантам первого типа относятся отличающиеся высокой продуктивностью аффиксальные форманты **мы-** и **-ншэ**.

Аффиксальный морф **м(ы)-** – один из древних морфологических средств передачи отрицания в адыгских языках, восходящий к западнокавказскому единству. С его помощью категория отрицания реализуется также в убыхском, абхазском и абазинском языках. Лингвистами отмечается, что данный аффикс при присоединении к глагольным основам может иметь как статус префикса, так и статус суффикса. При этом признается, что суффиксальный способ выражения отрицания с помощью **-м(ы)** вторичен по сравнению с префиксальным способом, т.е. суффикс отрицания **-м(ы)** восходит к префиксу отрицания **м(ы)-** [Кумахов 1989: 209-210].

Особенностью рассматриваемого маркера **мы-** является его совместимость, наряду с глаголами, также с именами, наречиями, местоимениями. Обладающий характеристиками амбификса формант **мы-** при присоединении к именным основам может выступать в препозиции (в качестве префикса) или интерпозиции (в качестве интерфикса), привнося в имена противоположную, отрицательную семантику. С его помощью образуются контрадикторные антонимы: 1) качественные прилагательные: *екIу* «пригожий, приличный, подходящий» – *е-мы-кIу* «неприличный, неподходящий», *зэфэгъу* «одинаковые по цвету» – *зэ-мы-фэгъу* «разноцветные, различные по цвету», *зэгуэгъу* «парные (об обуви, перчатках и т.п.)» – *зэ-мы-гуэгъу* «непарные (об обуви, перчатках и т.п.)», *зэбзэгъу* (говорящие на одном языке) – *зэ-мы-бзэгъу* (говорящие на разных языках), *зэцхь* «похожие» – *зэ-мы-цхь* «непохожие», *еджэф* «имеющий способности к учебе» – *е-мы-джэф* «не имеющий способностей к учебе», *хъуа* «спелый» – *мыхъу(а)* «неспелый»; 2) сложные прилагательные и существительные, состоящие из двух основ: *гурыхь* «приятный» – *гуры-мы-хь* «неприятный», *цхьэхуит* «свободный» – *цхьэхуи-мы-т* «несвободный, зависимый», *лэрыхь* «ходячий (о больном)» – *лэры-мы-хь* досл. «неходячий (о больном)», «тяжелобольной, слабый, беспомощный», *Іэрыльхъэ* «наличный» – *Іэры-мы-лхъэ* «безналичный» [Шериева 2014].

С помощью данного форманта образуются также эвфемистичные антонимы, выполняющие роль промежуточного, «некрайнего» члена в контрарной (градуальной) антонимической оппозиции (*цIалэ* «молодой» – *мы-*

цIалэ «немолодой» – *жыы* «старый», *ин* «большой» – *мы-ин* «небольшой» – *цIыкIу* «маленький»).

Суффиксальный морф **-нш(э)** передает отсутствие или наличие в недостаточной мере референтной конституэнты, означенной производящей основой имени прилагательного, существительного, наречия, таким образом образуя контрадикторный антоним к мотивирующему слову: *цIыхугъэ* «человечность» – *цIыхугъэнишагъэ* «бесчеловечность», *къайгъэшы* «скандальный» – *къайгъэнишэ* «миролюбивый», *Изуэляуэу* «шумно» – *Изуэляуэнишэу* «бесшумно»: *Сэ къысхуэишхыдэ а цхьэгъэуэхэр си пIэм къыхутамэ сеплэнт я лыгъэри, я бэшэчагъри, я цIыхугъэри здынэсым! (Абазэ Л.)* «Если бы те, кто меня осуждает, оказались на моем месте, я бы посмотрела, как они проявляли бы мужество, выносливость и **человечность**». – *Пэжш, иджыпсту зи сабийр роддомым къыцIэзынэу хыхъэжыр гъунэжш, абыкIэ зыри пхуэгъэгъуэвэнукъым, ауэ, итIани, ар цIыхугъэнишагъэш, нэхъ Iей жумыIэnumэ... (ШэджыхъэцIэ Хь.)* «Да, сейчас немало тех, кто оставляет своих детей в роддоме, этим никого не удивишь, но все же это проявление **бесчеловечности**, если не хуже». *Изуэляуэу, мэзым хьэкIэкхъуэкIэу цIэсыр къыкIэлъыжэу фIэкIа умыцIэну къажэ и пхъум нежъащ ар (Абазэ Л.)* «Он отправился навстречу дочери, которая бежала так **шумно**, будто за ней гнались все звери, обитавшие в лесу». – *Юланэ игъэдыхъэшхын и мураду Азэмэт Изуэляуэнишэу екIуэлIащ и цхьэгъэусэр зыцIэлъ пэи цхьэхуэм (Къармокъуэ М.)* «Азамат **бесшумно** подкрался к комнате жены, рассчитывая рассмешить Юлиану».

В кабардино-черкесском языке обнаруживаются антонимичные формы с заимствованным суффиксальным маркером отрицания **-сыз** (в адыгейском – **-цыз**), который восходит к тюркскому привативному аффиксу *sız/ -siz/ -suz/ -süz* [Анчек 2015]. Данный формант семантически тождествен суффиксу **-нш(э)**, однако не отличается активностью в словообразовательных процессах современного литературного языка. Можно привести лишь единичные примеры, в которых суффиксальный морф **-сыз (-цыз)** выступает в качестве самостоятельного репрезентанта семантики противоположности (*къулей* «богатый» – *къулейсыз* «нищий», «неверующий»; в адыгейском языке: *Идэб* «вежливый, корректный» – *Идэбцыз* «невоспитанный»), и в паре с коррелирующим аффиксом тюркского происхождения **-лы**, выражающим качественность, относительность, изобилие или склонность к чему-либо (*динлы* «ярый сторонник религии» – *динсыз* «безбожник», *угъурлы* «добрый» – *угъурсыз* «зловредный»).

Экспликанты второго типа – коррелирующие антонимичные аффиксы – в кабардино-черкесском языке представлены суффиксальными морфами, в отличие, например, от русского языка, располагающего также набором препозитивных коррелирующих словообразовательных элементов, типа: **без-** / **о-** (*бездарный* – *одаренный*), **без-** / **раз-** (*безумие* – *разум*) и др.

Антонимическую оппозицию создают однокоренные лексемы, контрадикторная противоположность которых эксплицируется противопоставленными парами аффиксов, одним из которых выступает

суффикс **-фI(э)-**, имеющий значение указания «на наличие в достаточной степени или в большом количестве того, что обозначается производящей основой» имени прилагательного или существительного [КЧЯ: 134-136]. Адъективы-корреляты с противоположным значением и антонимичные субстантивы образуются с помощью суффиксов, передающих полное отсутствие или наличие в недостаточной мере десигната производящей основы, таких как:

-ншэ: *акъылыфIэ* «умный» – *акъылынишэ* «безумный, глупый», *фафIэ* «привлекательный» – *фэнишэ* «невзрачный, неприглядный», *насытыфIэ* «счастливый» – *насынынишэ* «несчастный» (*Ефэныр хыфIидзэри, фIыри къыицIэцыжащ. Ар зэрыМэчрэИлт: хьэлэлт, гуицIэгъулыт, акъылыфIэм, макъ жьгъыру илэм, ицIэныгъэнишэтэкъым, шууей Iэзэт (Къармокъуэ М.)* «Как только он бросил пить, проявилось всё хорошее. Это тот же Мачраил: добрый, отзывчивый, **умный**, со звонким голосом, не без образования, ловкий наездник». – *Псори нэлъэрт куэдрэ къэмышу апхуэдэ зэIуицIэм къемыицхь гуэри къытехуэным. Хэту нIэрэ нэхъапэ къыициудыну? Нэхъ акъылынишэр? (Къармокъуэ М.)* «Все ждали, что на собрании, которое случалось не так часто, должно произойти нечто из ряда вон выходящее. Интересно, кто первый сорвётся? Самый **безумный (глупый)?**»);

-гуэ: *бжъыфIэ* «представительный, видный» – *бжъыгуэ* «невзрачный, непривлекательный» (*ФызыфIым лы Iейр добжъыфIэри, фыз Iейм лыфIыр добжъыгуэ. Уигу къэгъэкIыж ар зэрыцытар. Ар бжъыгуэ зэрыхуам уи зэрани хэлъи (Бозий Л.)* «У хорошей жены и плохой муж становится **видным**, у плохой жены и хороший муж **невзрачен (теряет вид)**. Вспомни, какой он был. В том, что он стал **невзрачным**, есть и твоя вина»);

-джэ: *гуаицIафIэ* «полный сил, сильный» – *гуаицIаджэ* «бессильный, маломощный», *фафIэ* «привлекательный» – *фаджэ* «невзрачный, непривлекательный» (*Сэлам къыицрихыжым, абы Бэрбэчым IэплIэ къыхуицIурэ къыжриIащ: «Сэ IэплIэ зыхуэсицIыр уи закъуэкъым, ицIалэфI. Сэ мы IэплIэр хузоицI лыгъэ зыхэлъ фи къэбэрдей лъэпкъ гуаицIафIэм зэрыцыту» (Къармокъуэ М.)* «Прощаясь, он обнял Бербекова и сказал: «Я обнимаю не только тебя, хороший парень. Я обнимаю весь ваш доблестный и **сильный** кабардинский народ». *Лы гуаицIаджэ кърихьэлIэ, зэицхьэицхын лъэмыкIыну апхуэдиз и инагъуу зэтелъхъат (мывэхэр) (Нартхэр).* «Камни были сложены так крепко и высоко, что какой-нибудь **не очень сильный (маломощный)** мужчина не смог бы их разобрать»);

-ей: *гурыфI* «хорошее настроение» – *гурей* «плохое настроение», *нэфI* «благосклонность, доброжелательность» – *ней* «недоброжелательство, злость, гнев» (*И гурыфI кыкIамэ, дунейр ицхуантIэ дахэ еицI, хьарбызхэм IэфI къыицIелъхъэ, мыIэрысэхэр егъэдыхьэрэн, хьыджэбзхэм я Iунэхэр икIэплъкIэ елэ; и гурей кыкIамэ, нишэм зыхегъаицIуэри дунейр егъэнэицхьей, дэри дыхуэзэшрэ зыдгъэицхьыу махуэр дегъэгъакIуэ (Нало З.).* «Когда у него **хорошее настроение**, природа зеленеет, арбузы наливаются сладостью, яблоки становятся румяными, губы девушек окрашиваются в алый цвет, а когда **настроение плохое**, прячется в облаках и мир меркнет, да и мы тоже, сучая и

сьежившись, проводим день». *ФыкIуи жефIэ мо пцы ней-псейм и цIыр си гум ирихьащи, жылэр зэрыжылэу дьтотIысхьэ, и ней фIэкIи и нэфIи сыхуейкьым (Адыгэ IуэрыIуатэ).* «Идите и скажите (ему), что мне понравилась земля того ненасытного князя и мы всем селом там (по)селимся, и мне не нужны (не интересны) ни его **благосклонность**, ни его **гнев**». *Уий, нартхэ, фи ней, уий, нартхэ, фи нэфI!* (*Нартхэр*) «О, нарты, что ваш **гнев**, о, нарты, что ваша **благосклонность!**»).

Производным прилагательным с компонентом **-бэ**, десигнатом которого является некое множество, большое количество, контрадикторно противостоят прилагательные с суффиксом **-ншэ**, обозначающим «отсутствие» того, что номинировано производящей основой: *быныбэ* «многодетный» – *бынынишэ* «бездетный», *бжьабэ* «с ветвистыми рогами» – *бжьэнишэ* «безрогий»: *Фыз быныбэщ, илI тутнакьым цIэупцIэну гьуэгу техьащ (ЩоджэниIыкIу А.)* «**Многодетная** женщина собралась навестить мужа в тюрьме». – «*Бынынишэр насынынишэц жалэу, мычэму гуныкьуэгьуэ кьезытхэм аргуэру кьагьэубэлэцагьэнишэ*», – *аращ Хьэджэт и гур япэу здэжар (Бозий Л.)* «Наверное, опять ее завели те, кто постоянно ей добавляет переживаний, повторяя, что **бездетная** (женщина) всегда несчастна», – подумала сразу Хаджат».

Адъективным формам с аффиксальными морфами **-гьуафIэ**, **-кIафIэ** семантически противопоставлены однокорневые прилагательные с суффиксами **-гьу(э)ей**, **-кIей**, **-ней**, **-ей**. Первые указывают на то, что действие, состояние, выраженное исходной основой, легко производимо, вторые – на то, что трудно производимо: *лягьугьуафIэ* «привлекательный, симпатичный» – *лягьугьуей* «противный, несимпатичный», *гурыIуэгьуафIэ* «легкий для восприятия» – *гурыIуэгьуей* «трудный для восприятия», *гутехуэгьуафIэ* «терпимый» – *гутехуэгьуей* «нестерпимый, невыносимый», *гьуэтыгьуафIэ* «легко обнаруживающийся» – *гьуэтыгьуей* «редкостный, дефицитный», *гьуыцгьуафIэ* «быстро сохнувший» – *гьуыцгьуей* «долго сохнувший», *кьеджэгьуафIэ* «легкий для чтения» – *кьеджэгьуей* «трудный для чтения»; *цIыкIафIэ* «умеющий себя вести, воспитанный, тактичный» – *цIыкIей* «не умеющий себя вести, невоспитанный, нетактичный», *дэкIыгьуафIэ* «легкий для прохода, проезда» – *дэкIыней* «труднопроходимый», *дэкIыней* «труднопроходимый»: *Астемыр, мыльку имыIэми, мыльку зилэм кьахэщырт бжьыфIагьрэ акьылыфIагьрэкIэ, лягьугьуафIэт (КIыщокьуэ А.)* «Астемир, хотя и не был богат, отличался представительностью и умом, был **привлекателен**». – *Жилэм семыдалуэ хуэдэ зысцIауэ, ар здэсшэм дьнэса нэужь сьзэреупцIыну сцIэртэкьым, мо цIалэ лягьугьуейр цIомпI жиIэу зэпрысхулыкIыу сеуэу сымыутIыпцыжынымэ (КIыщокьуэ А.)* «Притворившись, будто не слушаю, я думал о том, каким образом мне его спросить, когда доедем до места, или, может, отхлестать по лицу этого противного парня и отпустить его». *Хьыджэбзыр дахэ дьдэщ, хьэл дахэ хэлщ, цIыкIафIэщ, дэбгьуэн цыIэкьым (КIыщокьуэ А.)* «Девушка очень красива, с хорошим характером, **воспитанна** (досл. прекрасного поведения), не к чему придраться». – *Щыбым дэта сабийхэр Иван Иванович кьыщIухуэжа цхьэкIэ, унэ клуэцIым щыщIыкIейхэт, Верэ Акимовнэ едэIухэтэкьым*

(ХьытIу С.) «Иван Иванович загнал детей домой, но и дома они вели себя плохо (вели себя **невоспитанно**), не слушались Веру Акимовну».

Заключение

Контрадикторная противоположность – тип семантической корреляции, основанный на принципе взаимного исключения, при котором отрицание значения одного из оппозитивов предполагает значение другого. Тот факт, что данный тип логико-семантической оппозиционности реализуется в кабардино-черкесском языке чаще всего именными и адвербиальными антонимами, предопределяет состав словообразовательных средств, участвующих в экспликации семантики контрадикторности. Аффиксальные средства, реализующие значение противоположности, распадаются на две группы: одни образуют антонимы к мотивирующему слову, другие создают антонимические пары, присоединяясь к основе одного и того же слова. Специфичным является продуктивность суффиксальных аффиксов как в первой группе аффиксальных средств (наряду с амбификсом негации **мы-**), так и во второй группе коррелирующих аффиксов – экспликантов контрадикторности.

Результаты проведенного исследования имеют значение не только для составления полного инвентаря словообразовательных средств создания антонимичности в кабардино-черкесском языке, но и для решения вопроса границ антонимии, а также могут быть использованы для дальнейшего разноаспектного изучения данного явления как в кабардино-черкесском, так и других языках.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Анчек 2015 – *Анчек С.Х.* Категория отрицания и способы её выражения в адыгейском языке: научное электронное издание (монография). – Майкоп: ЭлИТ, 2015. – 152 с.
- Апажев 2004 – *Апажев М.Л.* Лексическая семасиология кабардино-черкесского языка в сопоставлении с русским: учеб. пособие. – Нальчик: КБГУ, 2004. – 153 с.
- Апресян 1973 – *Апресян Ю.Д.* Лексические антонимы и преобразования с ними // Проблемы структурной лингвистики 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 326-348.
- Арнольд 1986 – *Арнольд И.В.* Лексикология современного английского языка (The English Word). – М.: Высшая школа, 1986. – 295 с.
- Ивин, Никифоров 1997 – *Ивин А.А., Никифоров А.Л.* Словарь по логике. – М.: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 384 с.
- Кумахов 1989 – *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. – М.: Наука. 1989. – 382 с.
- Кумыкова, Кумыкова (Гучапшева) 2019 – *Кумыкова Д.М., Кумыкова (Гучапшева) Д.М.* Антонимические отношения в кабардино-черкесском языке: опыт семантической классификации // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2019. – № 3(42). – С. 136-142. DOI: <https://doi.org/10.31007/2306-5826-2019-3-42-136-142>
- Кумыкова, Кумыкова (Гучапшева) 2020 – *Кумыкова Д.М., Кумыкова (Гучапшева) Э.Т.* Особенности структурной классификации антонимов кабардино-черкесского языка // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2020. – № 3(46). – С. 82-89. DOI: <https://doi.org/10.31007/2306-5826-2020-3-46-82-89>
- КЧЯ – *Кабардино-черкесский язык*: в 2-х томах. Т. 1. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2006. – 550 с.

- Миллер 1990 – *Миллер Е.Н.* Природа лексической и фразеологической антонимии. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1990. – 222 с.
- Новиков 1978 – *Новиков Л.А.* Антонимия и словари антонимов // Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка / Под. ред. Л.А. Новикова. – М.: Русский язык, 1978. – С. 5-28.
- Новиков 2001 – *Новиков Л.А.* Избранные труды: в 2 т. Т. 1. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – 672 с.
- Новиков 2002 – *Новиков Л.А.* Русская антонимия и её лексикографическое описание // Словарь антонимов русского языка. – М.: Пресс- Книга, 2002. – С. 3-32.
- Пардаев 2010 – *Пардаев А.С.* Антонимия русского языка в словообразовательном аспекте. – Ташкент: Фан, 2010. – 179 с.
- Тихонов 1985 – *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – М.: Русский язык, 1985. – Т. I. – 856 с.; – Т. II. – 888 с.
- Тихонов, Емельянова 1976 – *Тихонов А.Н., Емельянова С.А.* Антонимы и словообразование // Вопросы русского и общего языкознания: сборник научных трудов Ташкентского университета. – 1976. – № 501. – Ч. 1. – С. 126-131.
- Тихонов, Саидова 1980 – *Тихонов А.Н., Саидова С.М.* Антонимия лексическая и антонимия словообразовательная // Русский язык в школе. – 1980. – № 4. – С. 67-71.
- Шагиров 1962 – *Шагиров А.К.* Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. – 212 с.
- Шериева 2014 – *Шериева Н.Г.* Выражение отрицания в кабардино-черкесском языке. – Нальчик: Изд. отд. КБИГИ, 2014. – 146 с.
- Яковлев 1948 – *Яковлев Н.Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. – М.-Л.: АН СССР, 1948. – 372 с.
- Devlin 1987 – *Devlin J.A.* Dictionary of Synonyms and Antonyms. – N.Y.: Grand Central Publishing, 1987. – 384 p.

REFERENCES

- ANCHEK S.Kh. *Kategoriya otritsaniya i sposoby ee vyrazheniya v adygeiskom yazyke: nauchnoe elektronnoe izdanie (monografiya)* [The category of negation and ways of expressing it in the Adyghe language: scientific electronic publication (monograph)]. – Maikop: ELIT, 2015. – 152 p. (In Russian)
- APAZHEV M.L. *Leksicheskaya semasiologiya kabardino-cherkesskogo yazyka v sopostavlenii s russkim: ucheb. posobie* [Lexical semasiology of the Kabardian-Circassian language in comparison with Russian: textbook]. – Nalchik: KBGU, 2004. – 153 p. (In Russian)
- APRESYAN Yu.D. *Leksicheskie antonimy i preobrazovaniya s nimi* [Lexical antonyms and transformations with them]. IN: *Problemy strukturnoi lingvistiki 1972* [Structural linguistics problems 1972]. – M.: Nauka, 1973. – P. 326-348. (In Russian)
- ARNOLD I.V. *Leksikologiya sovremennogo angliiskogo yazyka (The English Word)* [Lexicology of Modern English (The English Word)]. – M.: Vysshaya shkola, 1986. – 295 p. (In Russian)
- DEVLIN J.A. Dictionary of Synonyms and Antonyms. – N.Y.: Grand Central Publishing, 1987. – 384 p. (In English)
- IVIN A.A., NIKIFOROV A.L. *Slovar' po logike* [Logic Dictionary]. – M.: Tumanit, izd. tsentr VLADOS, 1997. – 384 p. (In Russian)
- Kabardino-cherkesskii yazyk: v 2-kh tomakh. T. 1* [Kabardian-Circassian language: in 2 vols. Vol. 1]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2006. – 550 p. (In Russian)
- KUMAHOV M.A. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Comparative-historical grammar of the Adyghe (Circassian) languages]. – M.: Nauka. 1989. – 382 p. (In Russian)
- KUMYKOVA D.M., KUMYKOVA (GUCHAPSHEVA) D.M. *Antonimicheskie otnosheniya v kabardino-cherkesskom yazyke: opyt semanticheskoi klassifikatsii* [Antonymic relations in the Kabardian-Circassian language: the experience of semantic classification]. IN:

Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovanii [Bulletin (vestnik) of the kabardian-balkarian institute for the humanities research]. – 2019. – No. 3(42). – P. 136-142. DOI: <https://doi.org/10.31007/2306-5826-2019-3-42-136-142> (In Russian)

KUMYKOVA D.M., KUMYKOVA (GUCHAPSHEVA) E.T. *Osobennosti strukturnoi klassifikatsii antonimov kabardino-cherkesskogo yazyka* [Characteristics of the structural classification of antonyms in the Kabardian-Circassian language]. IN: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovanii* [Bulletin (Vestnik) of the kabardian-balkarian institute for the humanities research]. – 2020. – No. 3(46). – P. 82-89. DOI: <https://doi.org/10.31007/2306-5826-2020-3-46-82-89> (In Russian)

MILLER E.N. *Priroda leksicheskoi i frazeologicheskoi antonimii* [The nature of lexical and phraseological antonymy]. – Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1990. – 222 p. (In Russian)

NOVIKOV L.A. *Antonimiya i slovari antonimov* [Antonymy and dictionaries of antonyms]. IN: LVOV M.R. *Slovar' antonimov russkogo yazyka / Pod. red. L.A. Novikova* [Dictionary of antonyms of the Russian language / Ed. by. L.A. Novikov]. – M.: Russkii yazyk, 1978. – P. 5-28. (In Russian)

NOVIKOV L.A. *Izbrannye trudy: v 2 t. T. 1* [Selected Works]. – M.: Izd-vo RUDN, 2001. – 672 p. (In Russian)

NOVIKOV L.A. *Russkaya antonimiya i ee leksikograficheskoe opisanie* [Russian antonymy and its lexicographical description]. IN: *Slovar' antonimov russkogo yazyka* [Dictionary of antonyms of the Russian language]. – M.: Press- Kniga, 2002. – P. 3-32. (In Russian)

PARDAEV A.S. *Antonimiya russkogo yazyka v slovoobrazovatel'nom aspekte* [Antonymy of the Russian language in the word-formation aspect]. – Tashkent: Fan, 2010. – 179 p. (In Russian)

SHAGIROV A.K. *Ocherki po sravnitel'noi leksikologii adygskikh yazykov* [Essays on the comparative lexicology of the Adyghe languages]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. – 212 p. (In Russian)

SHERIEVA N.G. *Vyrazhenie otritsaniya v kabardino-cherkesskom yazyke* [Expression of negation in the Kabardino-Circassian language]. – Nalchik: Izd. otd. KBIGI, 2014. – 146 p. (In Russian)

TIHONOV A.N. *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka: v 2 t.* [Word-formation dictionary of the Russian language: in 2 volumes]. – M.: Russkii yazyk, 1985. – Vol. I. – 856 p.; – Vol. II. – 888 p. (In Russian)

TIHONOV A.N., EMELYANOVA S.A. *Antonimy i slovoobrazovanie* [Antonyms and word derivation]. IN: *Voprosy russkogo i obshchego yazykoznaniya: sbornik nauchnykh trudov Tashkentskogo universiteta* [Questions of Russian and general linguistics: collection of scientific works of Tashkent University]. – 1976. – No. 501. – Part 1. – P. 126-131. (In Russian)

TIHONOV A.N., SAIDOVA S.M. *Antonimiya leksicheskaya i antonimiya slovoobrazovatel'naya* [Lexical antonymy and derivational antonymy]. IN: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. – 1980. – No. 4. – P. 67-71. (In Russian)

YAKOVLEV N.F. *Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the literary Kabardian-Circassian language]. – M.-L.: AN SSSR, 1948. – 372 p. (In Russian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA

УДК 398.224

DOI 10.31143/2542-212X-2020-4-240-258

ТИПОЛОГИЯ СЮЖЕТОВ О НАРТЕ ТОТРЕШЕ В АДЫГСКОМ ЭПОСЕ**М.Ф. БУХУРОВ**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»*

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

E-mail: mbf72@mail.ru

Аннотация. В адыгском эпосоведении образ нартского богатыря Тотреша рассматривается чаще всего в связи со сказанием о его поединке с нартом Сосруко. По этой причине он представляется персонажем или однозначно отрицательным, или же в оценочном плане не определенным. Такое впечатление не может рассеять и другое эпическое произведение, «Песня могучих нартов», в которой этот герой фигурирует как один из защитников нартского края. Между тем, данный образ встречается в ряде эпических сказаний адыгов, причем не всегда в негативном свете, хотя исследователи до настоящего времени не обращали достаточного внимания ни на это обстоятельство, ни на самого героя. В указанном плане особый интерес представляют два поэтических сказания-пшинатля «Войско устрашающий наездник одинокий» и «Раздвоенное копьё Тотреша», которые привлекаются к рассмотрению впервые. Данным обстоятельством обусловлена актуальность темы настоящей статьи. Цель исследования – дать по возможности полное аналитическое описание сюжетики и основных мотивов сказаний о Тотреше, в связи с чем на протяжении всей работы в центре внимания автора остается анализ особенностей генезиса, эволюции и трансформации главных сюжетообразующих элементов, прослеживаются пути проникновения фольклорных универсалий в отмеченных сказаниях и определяются типы мотивов и сюжетов в соответствии с имеющимися указателями (АТ, СУС и др.). На основе проведенного анализа делается вывод, что большинство сюжетов об этом персонаже окончательно сформировалось на завершающем этапе продуктивного периода нартского эпоса в результате взаимодействия разностадиальных компонентов, что подтверждается наличием в них сюжетообразующих мотивов, основанных на архаических представлениях (змееборчество, бой отца с сыном или близким сородичем, «культурные подвиги» и др.), и мотивов более позднего происхождения (защита своей земли, культ силы и благородства и другие черты идеального средневекового рыцаря.). Стадиальное положение художественного образа получило отражение в его типологии и поэтическом языке сказаний. Проведенные наблюдения позволяют считать Тотреша одним из героев, чей образ является результатом логического завершения типов ключевых персонажей архаического эпоса адыгов.

Ключевые слова: адыгское эпосоведение; сказание; нартский богатырь; Тотреш; Сосруко; архаический эпос.

TYPOLOGY OF PLOTS ABOUT NART TOTRESH IN THE ADYGHE EPIC

M.F. BUKHUROV

*Institute for Humanitarian studies – branch of the FSBSE «Federal Scientific Center 'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: mbf72@mail.ru*

Abstract. In the Adyghe epics, the image of the Nart hero Totresh is considered most often in connection with the legend of his duel with the Nart Sosruko. For this reason, he appears to be a character either unambiguously negative, or not definite in terms of evaluation. This impression cannot be dispelled by another epic work, "The Song of the Mighty Narts", in which this hero appears as one of the defenders of the Nart region. Meanwhile, this image is presented in a number of epic legends of the Adygs, and not always in a negative light, although researchers until now have not paid sufficient attention either to this circumstance, or to the hero himself. In this regard, of particular interest are two poetic legends-pshinatls "A lone rider frightening the army" and "Totresh's forked spear", which are brought into consideration for the first time. This circumstance determines the relevance of the topic of this article. The purpose of the study is to give as complete an analytical description of the plot and the main motives of the legends about Totresh as possible, in connection with which, throughout the entire work, the author's focus remains on the analysis of the features of the genesis, evolution and transformation of the main plot-forming elements, the ways of penetration of folklore universals in the noted legends are traced and the types of motives and plots are determined in accordance with the existing indexes (AT, SUS, etc.). Based on the analysis carried out, it is concluded that most of the stories about this character were finally formed at the final stage of the productive period of the Nart epic as a result of the interaction of multi-stage components, which is confirmed by the presence in them of plot-forming motives based on archaic ideas (snake fighting, a fight between a father and a son or a close relative, "Cultural feats", etc.), and motives of a later origin (protection of their land, the cult of strength and nobility and other features of the ideal medieval knight.). The staged position of the artistic image was reflected in its typology and poetic language of legends. The observations made allow us to consider Totresh one of the heroes, whose image is the result of the logical completion of the types of key characters in the archaic epic of the Adygs.

Keywords: Adyghe epic; legend; Nart hero; Totresh; Sosruko; archaic epic.

Тотрэш ехьэлIа сюжетхэм я бжыгъэр пашэу нарт эпосым кьыхэщыж лIыхъужь нэхьыщхьэхэм (Сосрыкьуэ, Уэзырмэс, Батрэз, Ашэмэз, Бэдынокьуэ, н.) яйм хуэдиз мыхъуми, е абыхэм хуэдэу циклышхуэ щхьэхуэ кьамыгъэщIми, мы лIыхъужьым и образыр ящыщ нэхьыбэу IуэрыIуатэм зыщызыужьахэм. Абы дызыщрихьэлIэр адыгэ хьыбар, пшыналъэ къудейхэракъым, атIэ Кавказым ис адрей лъэпкъхэм, псом хуэмыдэжу абхъазхэм, осетинхэм, я дежи щызэлъэщIысаш, абы щыгъуэми бгъэдэлъ хьэл-щэнхэмкIэ, зэпха сюжетхэмкIэ куэдыр зэтэхуэрэ я лъапсэкIэ зыуэ, языныкьуэхэм деж зыгуэрхэмкIи щызэщхьэщыкI щыIэу. Зи гугъу тщIы дэтхэнэ зы лъэпкъ IуэрыIуатэми зыщызыужьахэм ящыщ зыщ, псалъэм папщIэ, Сосрыкьуэрэ Тотрэшрэ зэрызэзэуам теухуа сюжетыр.

Мы сюжетым вариант куэд илэщ. Абыхэм ящыщ псори, япэ дыдэ ятха текстым деж щегъэжауэ нэхъ иужьрей дыдэхэри хиубыдэу, къэхъугъэм и пкъыгъуэхэм зэрызыщхъэщыкълыхуэ ямыгъуэтауэ ди деж къэсаш. Ауэ зым зы пычыгъуэ гуэрхэр хэткъым, адреир къызэрылуэтэжам уи гур игъэзэгъащэкъым. Абы къыхэкълу, ди къэхутэныгъэм тегъэщлалэ нэхъ щыпкъэ хъуну къыхэтхаш зы закъуэ. Гъуо Хъэбашэ (1836 гъ. къ.) къилуэтэжауэ щыта хъыбарым [АИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32. П. 2] зэрыжиэмкълэ, нартхэм я санэхуафэм щрагъэкълуэкълэ шурылъэсым Сосрыкъуэ текълуэныгъэр щызылэрегъыхъэ; абы иригушхуэу къыздэкълуэжым, Тотрэш ирохъэллэ; а тлум я зэхуаку зэныкъуэкъу къыдохъуэри, Сосрыкъуэр къышыхигъащлэкълэ, Тотрэш йолъэлури, плалъэ кърет; Сосрыкъуэ къэсыжу къэхъуар и анэ Сэтэней щыхуилуэтэжкълэ, лэмарэ бзаджагъэкълэ абы тригъэкълуэну къегъэгугъэ; плалъэр къэсу Сосрыкъуэ ежъэн щыхъум, шы сокумрэ шыкълэмарэ уэзджынэ хухещлэри еутлэпщ; луашхъэ лъапэм щынэсым, Сосрыкъуэ пшагъуэ зрещлэкълэ, уэзджынэхэр зэщлэжыуэу пшагъуэм къышыхэжкълэ, Тотрэш и шыр мащтэри йолъ; абы къыгъэгубжъа Тотрэш и шыр къышыхэжъэдикъуэкълэ, шыжъэр щлэудри шым къыпоху; апхуэдэ щлэыкълэ хутыкъуа лыхъужьым Сосрыкъуэ плалъэ иритыжын имыдэу, и щхъэр флэхри и анэм хуехъыж.

Пкъыгъуэ щхъэхуэхэм нэгъуэщлэ къэлуэтэкълэ ялэми, е зыгуэрхэр хэмытыххэми, е лыхъужьхэм я цлэхэр щызэтемыхуэ щылэми, мы сюжет жылэжыкълэращ дэнэ щлэыплэкълэ нэхъ щызекълуэр [Джапуа 2003: 72-73; Мифы народов... 1994: 523; Нарты... 2012: 213-224].

Гъут И.М. къызэрибжамкълэ, Хъэдэгъэллэ Аскэр зэхилъхъауэ щыта «Нартхэр. Адыгэ эпос» тхылъхэм мы сюжетым и вариант къудейуэ 42 хыхъауэ щытащ [Гутов 2009: 16]. Абы къегъэлъагъуэ сюжетым ди лъэпкъ луэрылуатэм щилыгъ увыплэр. 1864 гъэм Хъэтлохъушхуэуэ Къазий къытригъэдзауэ щыта пшыналъэм щхъэкълэ щлэныгъэллэым итха комментарием тепщлэхъмэ, нарт эпосым щыщу япэ дыдэу адыгэбзэкълэ дунейм къытехъар мы сюжетыр зи лъабжъэ пшыналъэрщ [Нарты... 2012: 240]. Абы къыкълэращи, мыр ящыщ япэ дыдэу джыпхъуэу щлэныгъэллэхэм ялэрыхъахэм, икълэ, къыжылалпхъэщ, къэдгъэлъэгъуа зэманым къышыхэщлэдзауэ ди лъэхъэнэм къэсыху, пшыналъэм и лъэныкъуэ куэдыр зэрагъэбелджылар. Ауэ, абыхэм къыхалъхъа гупсысэхэм дригъуазэ пэтми, нэхъыбэу мы статьям деж щхъэпэ къытхуэхъуну къэтлэытэу къыхэтхар сюжетым и лъабжъэр, и ныбжыыр, и лэужыгъуэр щызэпкърыхъа къэхутэныгъэхэрщ. Апхуэдэ луэху бгъэдыхъэкълэри къышаш, къалэн нэхъыщхъэу мыбдежым щызыхуэдгъэувыжам – Тотрэш ехъэллауэ ди эпосым хэт сюжетхэм я лэужыгъуэхэр гъэбелджылыныр. Пэжщ, мы луэхугъуэм и лъэныкъуэкълэ куэд лэжъа хъуаш, ауэ апхуэдэ къалэн ди пщэ щлэыдэтлэхъэжамы щхъэусыгъуэ пыухыкълэ илэщ. Сосрыкъуэрэ Тотрэшрэ зэрызэзуар къэзылуэтэж сюжетым нэмыщлэ, луэрылуатэм дызытепсэлыхъ лыхъужьым и цлэр къыхэщу нэгъуэщлэ зыми – «Нартыж уэрэдым» – ущрохъэллэ. Мыбы и вариантхэри апхуэдизкълэ куэд мэхъури, ищхъэкълэ къэдгъэлъэгъуа бжыгъэм нэхърэ мынэхъыбэмэ, куэдкълэ нэхъ мащлэкъым, ди луэрылуатэджхэми яхэту къыщлэкълэныкъым, зэгуэр абы темыпсэлыхъа. Апхуэдэу щыт пэтми, щлэныгъэллэхэм я лэ зэкълэ зылъэмылэса гуэрхэри щылэщ. Абыхэм ящыщ, псалъэм папщлэ, ИГИ КБНЦ РАН-м и

архивым щыхъума «Дзэ гъэшынэ шу закъуэ» [АИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-л. П. 3], «ТютIэрэш и бжыпэ дыкъуакъуэ» [АИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-л. П. 4] пшыналъитIыр.

Пшыналъэхэр джыным мыхъэнэшхуэ иIэу кытщохъу, дызытепсэлъыхъ Iуэхугъуэхэм теухуауэ еджагъэшхуэхэм кыжаIахэм кыщIигъуу, нэхъ тэмэму жыпIэмэ, мы лIыхъужьым къепха IуэрыIуатэхэкIхэр мотив, сюжет, образ и лъэныкъуэкIэ нэхъ «зэмыфэгъуу» зэрыщытыр кызыэригъэлыагъуэмкIэ. Ар наIуэ къэщIынырщ мыбдежым мурад нэхъыщхъэу щызыхуэдгъэувыжари. А щытыкIэр нэхъ ирикъуу къэтIуэтэн папщIи, ищхъэкIэ зи гугъу тцIа сюжетхэм иджыри зэ кытедгъээжми хъуну къэтлътытащ.

Сосрыкъуэрэ Тотрэшрэ зэрызэзуар кызыхэщ пшыналъэм и гугъу пщIымэ, Гъут I.M. кызыэрилътэмкIэ, мыбы и пкыгъуэ зыбжанэр Аарнерэ-Томпсонрэ [Thompson 1961] (адэкIэ АТ) я сюжет гъэлыагъуэ цIэрыIуэм кыщыхъа АТ 650В (*Лыхъужьым езым нэхърэ нэхъ къаруфIэ къелъыхъуэ – Герой ищет противника сильнее себя*) сюжетым пэблагъэщ [Гутов 2000: 30]. Абы и тельхъэщ абхъаз нарт эпосым и сюжетхэр щIэзыпщытыкIа З.Д. Джапуаи: «Езым (*Лыхъужьым*) нэхърэ нэхъ лъэщ къэзылъыхъуар» фIэщыгъэцIэм кызыэщIригъэубыдэ сюжет Iэрамэм мыри хегъыхъэр [Джапуа 2003: 68-73]. Къапщтэмэ, Сосрыкъуэ, Тотрэш хуэзэн и пэ кыхуэу, лIыхъужьыгъэхэр егъахъэ: нарт хэсэм щыкIуэкIэ, къандзитI зепэщылъу, ауэ зэзэуэну темыгушхуэу ирохъэлIэ, дзитIыр зэщешэри зрегъэзауэ, езыми хахуагъэ абы щызрехъэ; абы йокIри нарт хасэм макIуэ, нарт джэгум текIуэныгъэ кыщехъ, батырыбжьы кыхуагъэфашэ. Пэжщ, псысэхэм хуэдэу, Сосрыкъуэ езым нэхърэ нэхъ лъэщ къилъыхъуэн мурад зэриIэр наIуэу къэгъэлыэгъуауэ щыткъым, атIэ гъуэгум лIыхъусэжьым (Тотрэш) имыщIэххэу щрихъэлIэу арщ. Ауэ тIум щыгъуэми зыхуэкIуэжыр зыщ: бланагъэрэ хахуагъкIэ къапэлъэщ лIыхъужь ирохъэлIэ. Мы щытыкIэхэмкIэ АТ 650В сюжетым дызытепсэлъыхъ хыбарыр (е пшыналъэр) темыхуэу, дауикI, пхужыIэнукъым, ауэ абы кыдэкIуэу кызыэрыщхъэщыкIми гу лъумытэу къанэркъым. А зэщхъэщыкIыныгъэр хыдолъагъуэ хыбарым (пшыналъэм) зи гугъу тцIы сюжетыр «кызыэригъэлэрыхуэ» щыкIэм.

Адыгэ псысэхэм АТ-р и лъабжъэу сюжет гъэлыагъуэ хузэхэзылъыхъа Тхъэмокъуэ Ж.Хъ. АТ 650В сюжетым мыпхуэдэ къэлэуэтэкIэ ирет: зи къарум щигъэкIа лIыхъужьыр гъуэгуанэ тоувэ, езым нэхърэ нэхъ лъэщыж къилъыхъуэну; апхуэдэм хуозэри, нэхъ къарууфIэж зэрыхуэзауэ щытам и хыбар кыхуеIуэтэж; ар зэхэзыха лIыхъужьым къегъээж, хэлъа еIуещIагъри зэхен [Сравнительный указатель... 2018: 581]. Мыбы тепщIыхъмэ, мыр зи лъабжъэ псысэхэм къалэн нэхъыщхъэр я пщэ кыдэхуэу лIыхъужьыищ хэтщ: 1) зи къарум иригушхуэр; 2) щIэщхъу кызыщыщIар; 3) тIуми зезыгъэцIыхужар.

«Сэ схуэдэ хэт щыIэ!» [Адыгские сказки... 2018: 352-354] псысэм деж мы лIыхъужьхэм я къэлэныр мыпхуэдэ щыкIэкIэ ягъэзащIэ:

1. Зи къарум иригушхуэр.

ЩIалэм фыз къешэ; жэщ къэсыхункIэ езымрэ нысащIэмрэ я зэхуаку и джатэр дельхъэ; апхуэдэу щIищIым и щхъэусыгъуэр зэхигъэкIын и мураду и щхъэгъусэр кыщепщIкIэ, лIыхъужьыгъэ бгъэдэлъым кыхэкIыу ар

зэрилэжыыр нысачІэм жреІэ; апхуэдизу и лыггэм кыщиггэгуггэкІэ, кІуэуэ Нэлъэныкбэуэ Нэфу Шыфэ Джэдыгу жыхуаІэр кыхын хуейуэ нысачІэм кыппеггэтыл.

2. ЩІэщху кызыщыщІар.

Мыбы и кбалэныр зыггэащІэр Нэлъэныкбэуэ Нэфу Шыфэ Джэдыгу жыхуаІэрщ. Щауэ щІалэр абы хуозэ, ирехулІэри, шым кыттричу и шыплІэм кыдилххэн мурадкІэ щІэм, мор нэх лъэщыжу кыщІокІри езы щІалэр и шым кыттреч, лъэрыггпсыфэм щІедз, ирехъэжъэри йожъэж; щІалэр кыщІежъам и щхъэусыггуэр кыщыщІэкІэ, Нэлъэныкбэуэ Нэфу Шыфэ Джэдыгум езыми апхуэдэ дыдэу и кбарур и напщІэ телу, а мурад дыдэри иІэу зэрежбар, нэх лъэщыж хуэзэуи щІэщху кызырыщыщІар кыхуеІуэтэж.

3. Туми зезыггэцІыхужар.

Мыбы и кбалэныр зыггэащІэр лыггэ гуэри кылыкбэуэкІыну узыщымыгугг лыххужыщ. Нэлъэныкбэуэ Нэфу Шыфэ Джэдыгу сымэ шууищэ хууэ йожъэ, мылку гуэр кыггэххэрычэтыну; гум ису зы щІалэрэ зы ххыджэбзрэ ггуэгум щроххэлІэ, ахэр яххунщІэнуи мурад ящІ; щІалэ «фейцейм» зыкызэкбэухри шу бггущІрэ бггур зэтреукІэ; Нэлъэныкбэуэ Нэфу Шыфэ Джэдыгу апхуэдизу зи кбарум кыггэгуггэу щытар трахауэ абдеж щыль шыфэм кІуэцІопщххэри зеггэпщкІу; щІалэм ар кыешІэ, и сэшхуэмкІэ шыфэм йопыджри, модрейм и нэр ирешІ; апхуэдэ щІыкІэкІи зыкыреггэцІыхуж, Нэлъэныкбэуэ Нэфу Шыфэ Джэдыгу цІэри абы щхэкІэ кыфІащ.

А псор зэхэзыха япэ лыххужыым (зи кбарум иригушхуэм) кыгуроІуэж, сыт хуэдиз кбару цІыхум хэмылхыми, нэх лъэщыж дунейм зэрытетыр; кыокІуэжри кыайггэншэу псэун щІедзэ.

Мыбдежым гу зылытапххэращи, япэ персонаж лІэужыггуйтІыр я дуней тетыкІэкІэ зыкыомкІэ зэтохуэ: зэгур лыххужыггэ пылбу зыІэраггэххэ еххулІэныггэм (ар текстым кыщыггэльэггэуауи дэггэхуауи щытынкІэ ххунуц) закыфІеггэщІыж, езыхэм хуэдэ кбару зыххэл дунейм темыту закыщоххуж.

АТ 650В сюжетыр Сосрыкбэуэрэ Тотрэшрэ зэрызэуа ххыбарым (пшыналхэм) кызыэриггэсэбэп щІыкІэм и гуггу пщІымэ, наІуэ кыохху зи кбарум иригушхуэ япэ лыххужыыр мыбдежым зэрыхэмытыр, апхуэдэу щыщыткІи, дауикІ, абы и ІуэхущІафэхэри чэмщ. Ххыбарым (пшыналхэм) кыищтэр щІэщху кызыщыщІамрэ (Сосрыкбэуэ, щызыггэкІа еххулІэныггэри кыггэльэггэуауэ) лыххужыым зезыггэцІыхужамрэщ (Тотрэш, «шу фейцейм» и шыфэлІыфэ бггэдэлбу (Нэлъэныкбэуэ Нэфу Шыфэ Джэдыгу хуэдэу, Сосрыкбэуэ и лыггэр и напщІэ телыщи, зы «фІыцІаггэ» гуэру фІэкІа, ар (Тотрэш) кыщыххуркыым)).

Сюжетыр зыми, лыххужыхэм я кбалэнхэр зэтэхуэми, я ІуэхущІафэхэр, абыхэм я кбэІуэтэкІэхэр зэмылІэужыггуэ куэдэу зэтешІыкІыж хабзэщ. Аращ ІуэрыІуатэр езыр кбулей зыщІыжри. ЗэрыгурыІуэггэуэщи, Сосрыкбэуэрэ Тотрэшрэ я лыггэ зеххэкІэр (Сосрыкбэуэ дзитІ зриггэауэрэ лыххужыггэ кызыэриггэлаггэуэр, нарт шурылхэсым текІуэныггэ кызырыщыххыыр, Тотрэш ар бжыпэкІэ кызырыриххэкІыр, н.) кызырыІуэтар ещххкыым ищххэкІэ зи гуггу тщІа псысэм. Абы кыдэкІуэу, псысэ сюжетым и жыпххэм имыкІыу ххыбарыр (пшыналхэр) щытатэмэ, Сосрыкбэуэ кыщыщІа щІэщхуым иужыкІэ

кIуэжу мамыру и пIэ итIысхъэжын хуейт. Ауэ, хыбарыр (пшыналгъэр) зыхушIэкъур лIыхъужь нэхъыщхъэр иIэтыныр арамэ, Тотрэш и текIуэныгъэм Сосрыкъуэ и пщIэр, дауикI, иIэтыркъым, абы папщIэкIи АТ 650В сюжетым адэкIи зеужь – Сэтэней и фIыгъэкIэ и бийм зэрытекIуар кыпоувэ.

Сюжетым иIэ кьэIуэтэкIэр дуней псом зыщызужьа мотивхэр кышщызэщIэкъуа Ю.Е. Березкинрэ Е.Н. Дувакинрэ я лэжыгъэм кышщыхъащ, икIи абыхэм мыр J31. Адэм и Iэщэ-фащэ (*Оружие отца*) фIэщыгъэцIэм кызызэщIиубыдэ мотив гупым хагъэхъэ [Березкин, Дувакин]. Ауэ щIэныгъэлIхэм дежкIэ мыбдежым нэхъыщхъэр адэм и Iэщэ-фащэхэр лIыхъужьым кызызэрыIэрыхъэрщ, абы кыыхэкIкIи зыхушIэкъуари мыбы ехъэлIауэ лъэпкъ кьэсыхукIэ яIэ кьэIуэтэкIэр гъэнэхуэнырщ. Апхуэдэу щыщыткIи J31 бжыгъэм сюжет зэмышхъ куэд кышщызэщIэкъуащ. НэгъуэщIу жыпIэмэ, дызытепсэлыхъ сюжетыр щхъэхуэу кыыхэгъэкIарэ ар зиIэ лъэпкъхэр кьэгъэлыгъуэжауэ щыткъым.

Ю.Е. Березкинрэ Е.Н. Дувакинрэ я лэжыгъэм и хэзыгъэгъуазэ Iыхъэм кышщыжыIащ, каталогым сыт щыгъуи ахэр зэрелэжыри, абы кIэ зэрымIэри. Апхуэдэ гупсысэр дэри ядыдоIыгъ: нарт эпосым фIэкIа, мыпхуэдэ сюжет кьэIуэтэкIэ хэткъым, жытIэу нобэ апхуэдэр утыку кыитлхъэну шэсыпIэ дихъэркъым, умыщIэххэу пщэдей зыщIыпIэхэм ущрихъэлIэжынкIэ хъунуши. Ауэ зэкIэ ди Iэ зыльIэсахэм тепщIыхъмэ, жытIэ хъуну кыитцохъу, лIыхъужытIыр зэхуэзэу зэрызэзэуамрэ зыр адрейм IэмалкIэ зэрытекIуамрэ ягъуэт кьэIуэтэкIэр нарт эпосым бгъэдэлъ сюжет кьэгъэщIыкIэм, нэхъ тэмэму жыпIэмэ, АТ 650В сюжетым и зыужыкIэм хэтлыгъуэ щхъэхуэныгъэу.

Дызытепсэлыхъ сюжетым, образым кьежыапIэ яхуэхъуам и гугъу пщIыми, щIэныгъэлIхэм ахэри гулътэншэу кьагъэнакъым, икIи нэхъыбэм зэрыхуагъэфащэмкIэ, пкъыгъуэ куэдым я лъабжьэр пасэрей цIыху зэдэпсэукIэм, гупсысэкIэхэм кышщожьэ. Мыбдежым псоми я гугъу щытхуэмыщIми, шапхъэ зыбжанэ кьэтхъмэ тфIэигъуэщ. Хыбар, пшыналгъэ нэхъыбэм кызызэрыхэщымкIэ, Тотрэш Албэчрэ Бырымбыхурэ (Бэрамбыху, Бырамбыху, н.) я кьуэ ебгъуанэщ, Бырымбыхур езыр Сэтэней и шыпхъуш. НэгъуэщIу жыпIэмэ, Тотрэшрэ Сосрыкъуэрэ зэшыпхъуитIым я бынщ, ауэ, апхуэдэу щытми, кызызэрыщIэкIымыкIэ, ахэр зэфIкъым. Сэтэней и шыпхъум и кьуибгъум ящыщу ир Сосрыкъуэ ирегъэукI, ебгъуанэм, Тотрэш, и щхъэр кыхъынымкIи сэбэп хъуну кьегъэгугъэ [Нарты... 2012: 230]. Мыпхуэдэу зэрыщытым М.Е. Талпэ хелъагъуэ, лIакъуэ зэдэпсэукIэм ипкъ иткIэ, абы кызызэщIиубыдэ цIыху бжыгъэм мыхъэнэ зэриIэм кыыхэкIыу, пасэрейхэм яхэлъа гупсысэм и зы лъэужь: бын зимыIэ Сэтэней и шыпхъу быныфIэм йофыгъуэжри бий хуохъу [Кабардинский фольклор... 2000: 577]. Ауэ, гъэщIэгъуэнраши, хыбар, пшыналгъэхэм кьазэрыхэщымкIэ, Сосрыкъуэ Тотрэш и щхъэр кыхъа нэужь, Сэтэней мэгубжь, лэныстэр едзри Сосрыкъуэ и лъэдакъэм зыхрегъадзэ, икIи езы М.Е. Талпэ кыттридза варианты [Кабардинский фольклор... 2000: 38-41] кызызэрыхэщымкIэ, апхуэдэ щIыкIэкIэ и шыпхъум и кьуэм илгъэ ещIэж. Зэрынэрылыгъуэщи, мыбдежым гурыIуэгъуащэкъым, Сэтэней и IуэхушIафэр кызыыхэкIыр. Ауэ, щIэныгъэлIым зэрыхуигъэфащэмкIэ, мыбдежым IуэхугъуитI щызэхэхуэнащ: зы лъэныкъуэкIэ, Сэтэней, апхуэдиз зэфIэкI зиIэм, и псэм

хутегъахуэкъым, и мылхукъуэм зыгуэр къыпэлъэщу, нэгъуэщI лъэныкъуэкIэ, анэ лъэхъэнэм къыгъэу хабзэмкIэ, Сосрыкъуи Тотрэши зы лIакъуэм щыщци, шыхъум и къуэ укIыныр хуэдэщ, езым и къуэ дыдэр яукIам. Араши, М.Е. Талпэ мы пычыгъуэм анэ лъэхъэнэм и лъэужь хэлъу хуегъэфашцэ. Абы къыдэкIуэу, щIэныгъэлIым къелъытэ, лIыхъужьым и анэм зэрихъэ фIэщыгъэцIэм (Бырымбыху) и лъабжьэр алыдж мифологием дызыщрихъэлIэ Харон деж къыщежъу [Кабардинский фольклор... 2000: 577]. Зи гугъу тщIы алыдж мифологием къызэрыхэщымкIэ, Харон и къалэн нэхъыщхьэр щIы щIагъым щежэх псым тету (кхъуафэжьей сыт хуэдэ зыгуэркIэ) лIахэр адрей дунейм нэгъэсынырщ [Мифы народов... 1994: 584]. Ауэ, Бырымбыху и образыр къызыхэщыж зы IуэрыIуатэхэкI лIэужьыгъуи мы персонажым апхуэдэ къалэн гуэр игъэзащIэу дыщыгъуазэкъым. Апхуэдэ гупсысэ М.Е. Талпэ къыщIыхилъхьам и щхъэусыгъуэ нэхъыщхьэуи къыдолъытэ, *бырымбыху* псалъэр урысыбзэм зэрыхуигъэкIуар: *бы(а)рым – паром + бы(э) – много + ху(н) – гнать = гонительница многих паромов* [Кабардинский фольклор... 2000: 577]. Араши, мыр щIэныгъэлIым IэщIэкIэ шыуагъэу убж хъунуш.

Хъут Щ.Хь., М.Е. Талпэ хуэдэу, и шыхъум и къуэр Сосрыкъуэ зэриукIар Сэтэней фIэмыфIу къызэрыIуэтам хелъагъуэ анэ лъэхъэнэм и Iэужь. Абы зэритхымкIэ, Сосрыкъуи Тотрэши зы анэ лIакъуэм щыщц, Тотрэш хэкIуэдащи, лIакъуэм зы цIыхукIэ щыщIэныгъэ игъуэтащ. Араш Сэтэней и мылхукъуэм жыр лэныстэр щIыкIэлъидзри [Хут 2003: 56].

Сосрыкъуэ и шыр уэзджынэкIэ зэрызэщIэблар къатщтэми, аркъудейми пасэррей дуней еплъыкIэм и лъэужь зэрыхэлъым щIэныгъэлIхэм гу лъатащ. Псалъэм папщIэ, М.М. Бахтин и лэжыгъэхэр тегъэщIаплIэ ищIкIэрэ, З.Д. Джапуа апхуэдэ гупсысэ и лэжыгъэхэм къыщеIуатэ [Джапуа 2003: 73].

Сосрыкъуэрэ Тотрэшрэ щIызэзэуам и гугъу пщIыми, абы и щхъэусыгъуэ зыбжанэ вариантхэм къыхобелджылыкI. Абыхэм ящыщ зыщ, ищхъэкIэ зэрыщыжытIащи, езым нэхърэ нэхъ лъэщ къыгъуэтын мурад лIыхъужьым зэриIэр, ныкъуэкъуэгъу хуэхъури и анэ шыхъум и къуэу зэрыщытыр. Мы иужьрейм ипкъ иткIэ Гъут I.М. зыхуэкIуа гупсысэм тепщIыхьмэ, абы лъабжьэ хуэхъуаш лъэпкъ куэдым я деж щызэлъыщIыса «адэр къуэм зэрезауэр» (*бой отца с сыном*), нэхъ тэмэму жыпIэмэ, «лIыхъужьыр и Iыхьлым зэрыпэщIэувэр» (*столкновение героя со своим родственником*) мотивыр [Гутов 2009: 16-17]. ЩIэныгъэлIым къызэрилъытэмкIэ, мотивым къежъаплIэ хуэхъуаш зэгуэр пасэррей цIыхум яхэлъу пащтыхьыгъуэ зэIэпыхыкIэм къишэу щыта зэхушытыкIэр: жылагъуэм, лIакъуэм яIэнкIэ хъуну ехъулIэныгъэхэр зэлъытар тепщэм бгъэдэлъ щIалагъырт, узыншагъэрт, къарурт. Жыы хъурэ ахэр къэтIэсхьамэ, тепщэныгъэр и щIэблэм фIиубыдынкIэ хъурти, ар зэрызыIэщIимыгъэкIыным, модрейми зэрызыIэригъэхъэным хуцIэкъухэрти, я зэхуаку зэныкъуэкъу къыдэхъуэрт. Ауэ кIуэ пэтми цIыхум и къэухьым зиужьу мыпхуэдэ «Iуэху зехъэкIэр» зэхана пэтми, абы къищIыкIа мотивыр IуэрыIуатэм занщIэу щыкIуэдыжкъым. Апхуэдэщ «адэр къуэм зэрезауэр» мотиври [Гутов 2000: 14-33].

ЩIэныгъэлI зыбжанэм зэратхымкIэ, мы лIыхъужьытIыр щIызэщыхьам нэгъуэщI щхъэусыгъуи иIэщ: Тотрэш бзаджащIэщи, Сосрыкъуэ абы поув

[Гадагатль 1967: 198-199]. Мы Іуэхугъуэм ипкъ иткІэ Гъут І.М. гу лъетэ, 1951 гъэм къыдэкІауэ щыта «Нартхэр. Къэбэрдей эпос» тхылъым зыхэлэжьыхъауэ ихуа вариантым фІэкІа, Тотрэш апхуэдэу щыту къызыхэщ ІуэрыІуатэхэкІ нарт эпосым нэгъуэщІ зэрыхэмытым [Гутов 2009: 16-17]. Пэжщ, «Нарт ТІотІрэшрэ Щауейрэ зэрызэхуэзар» жери иджыри зы хъыбар щыІэщ, мы персонажыр тхъэщыхъу къыщыгъэлъэгъуауэ, ауэ мыбдежым Щауей нысашІэ лыхъу зэрыкІуа сюжетым мы лыхъужьым и цІэр къыхэзэрыхъауэ арщ, армыхъумэ зыкІи абы епхакъым; нэхъыбэрэ абы и къалэныр зыгъэзащІэр Уэзырмэсрэ Уэзырмэджрэщ. Ахэр къэтлгытэри дэри хъыбарыр «Нартхэр. Адыгэ эпос» тхылъым и ещанэ томым хэдгъхъащ, Щауей ехъэлІа циклым хэту [Нарты... 2020: 529-536].

Адрейуэ дызыщыгъуазэ сюжет вариант псоми Тотрэш и образым хэпщаш курыт лІэщІыгъуэм щыІа лыхъусэжъ (рыцарь) нэсым хэлъын хуейуэ къалытэ хъэл-щэн псори: лыгъэр, хахуагъэр, зепІэзэрытыныгъэр, н. Апхуэдэ щытыкІэр, дауикІ, образым нэхъ иужьу зыІэригъэхъахэм ящыщ зыщ. Сосрыкъуэ и образыр зэман жыжъэм къызэрыщещам и нэщэнэхэм ящыщщ, лыгъэм, хахуагъэм къыдэкІуэу, абы дэтлгъагъу бзаджагъэмрэ бгъэдэлъ мэгъу зэфІэкІымрэ. Пасэрей гупсысэкІэм къызэритІасэмкІэ, бийм утекІуэн папщІэ, сыт хуэдэ Іэмалри – къарури, лыгъэри, бзаджагъэри, мэгъу зэфІэкІри – къэбгъэсэбэп хъунуш. Араши, Сосрыкъуэ апхуэдэщ. Ауэ, Гъут І.М. зэритхымкІэ, курыт лІэщІыгъуэм и кІэуххэм щыІа Іуэху еплъыкІэм тепщІыхъмэ, текІуэныгъэм хэкІыпІэу иІэр зы закъуэщ – лыгъэрщ, хахуагъэрщ. Тотрэши и образым пасэрей хъэл-щэн гуэрхэр бгъэдэлъу къежъуэ, иужькІэ зэхъуэкІыныгъэ игъуэтагъэну, уеблэмэ, лыхъусэжъым и щапхъуэ абы кІэрылъ хъуа нэщэнэхэр бзаджагъэмрэ мэгъумрэ куэдрэ хуекІуэ Сосрыкъуэ зэрыпэгъуэвам кышауэ, а щІыкІэмкІи ар лыхъусэжъ нэсу эпосым къыхэщ нарт Бэдынокъуэ и образым пэблагъэ хъуауэ щІэныгъэлІым хуегъэфашэ [Гутов 2009: 21].

Тотрэш лыгъэкІэ Сосрыкъуэ ар зэрефІэкІыр мыпхуэдэ щІыкІэкІэ эпосым къыщыгъэлъэгъуащ:

*Мыкъутыр и бжыкІти,
И шы бэкъум къыдидзащ,
И дзэжэщІми къыридзэри,
Бжыпэм фІэлъуи дыридзейщ,
Бжэныцрэ хъэцыпэу зэрихъэщ,
Ирихъэхри щІым иригулІащ,
Вийм ямыгъэзэныр,
Дамэ къуапэкІэ иригъэващ,
Вийм я пщІантІэпсри
И натІэм къыпхихуащ,
И анэм и быдзышэри
Іубыгъуищуи къыжъэдихуащ,
Щхъэр фІэхынми нэсащ... [Нарты... 2012: 216].*

А псом къикІраши, щапхъэ къэтхъахэм къызэрагъэлъагъуэмкІэ, сюжетым щызэхэхуэнащ пасэ дыдэу къэунэхуа мотивхэмрэ нэхъ иужьыІуэкІэ ІуэрыІуатэм къыхыхъа пкъыгъуэхэмрэ, икІи а щытыкІэр адрей сюжетхэми

хыдолъагъуэ. Апхуэдэщ, кIапэ-лъапэу фIэкIа, ирикъуу ди лъэхъэнэм къэмыса «Нартыжъ уэрэдри».

Пэжщ, зи гугъу тщIам кыщхьэщыкIыу, мы уэрэдым сюжет укъуэдия иIэрэ зы Iуэхугъуэм теусыхъауэ щыткъым. Абы щыгъуэми, лIыхъужь нэхъыщхьэу Батрэз вариант куэдым кызырыхэщым кыыхэкIыу, щIэныгъэлIхэм уэрэдыр абы и циклым хагъэхьэ. Къапщтэмэ, «Нартхэр. Адыгэ эпос» кыдэкIыгъуэхэм и етIуанэ тхылъыр щыдгъэхъэзырым, дэри абы дытеташ [Нарты... 2017: 130-136]. Абы кыдэкIуэу, уэрэдыр зыхуэпхьыну жанр лIэужьыгъуэр – нарт пшыналъэ хьэмэрэ тхыдэр зи лъабжъэ уэрэдыжъ – тыншу пхузэхэгъэкIырккъым, тIум я нэщэни бгъэдэлъу зэрыщытым кыыхэкIыу. Мы нэщэнэхэм Гъут I.M. зэгуэр гупсэхуу тетыхъауэ щытащ [Гутов 1993: 19-23], ауэ, кыхута псоми я гугъу дымышIми, щIэныгъэлIым и псалъэ зыбжанэ кыыхэгъэщыпхьэу кыдолъытэ, дызытепсэлъыхь IуэхугъуэмкIэ гъуазэ хьуну кыитцохъури: «Батрэзым хуахьыр и макъамэкIэ адыгэ уэрэдыжъу, ауэ и темэкIэ мифологиерэ лIыхъужь эпос пшыналъэу зэхэлъ «Нартыжъ уэрэдыр». Уэрэдым и варианту зыбжанэ ятхаш, икIи абыхэм я нэхъыбитIым Батрэз и цIэр кыыхощыр, курых персонажу. Хуэбгъэфашэ хьунуш, ар зэгуэр шэщIауэ кIыхъу жаIэу щыта пшыналъэшхуэм и зы кIапэу къэнауэ, а пшыналъэм мы дунейр кызырыунэхуамрэ цIыху цIыкIум я тхыдэмрэ мифологиие хабзэкIэ кыыщыIуэтэжауэ щытагъэну» [Гутов 2010: 55]. Мыбдежым щIэныгъэлIым зи гугъу ищIыр ди IуэрыIуатэм куэдрэ узыщрихьэлIэ мы едзыгъуэрщ:

*Уафэхэр щымыджэмынцIэм,
ЩIылъэхэр щызэпцIагъащIэм,
Уафэр хьыкIэ щаухуэу,
ЩIылъэр мэлкIэ щахутэм,
А зэманым сышкIахъуэ цIалэт.
Бецто мэзыр щымыч-мыбжэгъуу,
Бецтоужьыр къандзэгу щыхуэдэу,
Индылым лъэсыр щebaкъуэм,
А зэманым сылIыныкъуэтхъут... [Нарты... 2017: 134-135].*

Гу лъытапхьэщ, Батрэз нэмышI, мы уэрэдым Тотрэш и цIэри кызырыхэщыми, сюжет шэщIа имыIэми, къапэщыль зауэ гуащIэм зэрызыхуагъэхъэзырымрэ ар зэрэкIуэкIымрэ гу лъозыгъатэ Iыхьэр къэтхьа едзыгъуэм кызырыпыувэми. Мис абы и зы щапхьэ, Гъуо Хьэбашэ (1836 гъ. къ.) Тотрэш теухуауэ кыжиIыжауэ щытар:

*Зи гум из, гумызищэр зыкIуэцIыль,
Ныбэм илгу лъыр зыщIэж,
Албэч и къуэ Тотрэш,
Зи пащIэр хуэжсырымыл,
Нартыжъхэ зэдаIэбжиблым
Зауэишхуэр кыырегъэтаджэр.
Уафэр хьыкIэ щауб[ху]эм,
Бецтоужьыр хъанцэгу щыхуэдэм,
Тенджызым лъэсыр щebaкъуэм,
А зэманым сылIыныкъуэтхъуфэт.*

*Албэч и кьуэр хуэпэбжымэлуци,
БжэIум шысиц, сыныцIимыгъэкIыу сыкьыреIулI* [Нарты... 2017: 130].

Уэрэдым и вариант зыбжанэ шызэбгъапщэкIэ, наIуэ кьохъу, зым кьышмыгъэлъэгъуа Iуэхугъуэ гуэрхэр адреим зэрыхэтым. А шытыкIэр кьишагъэнущ уэрэдым ныбжышхуэ зэриIэм. ИтIанэми, адреи вариантхэм белджылы кьашI, нарт эпосым дежкIэ «щIэщыгъуэу» шыт хэку хьумэным уэрэдым щIыпэшхуэ зэрыщиIыгъыр. Дунейр кьызэриухуа мотивым еплъытмэ, дауикI, лъэхъэнэкIэ мыр нэхъ кIасэщ.

Борий Хьэжмэт (1872 гъ. кь.) кьыжиIэжам кьызэрыхэщымкIэ, дзэшхуэ кьатеуэну кьышашIэкIэ, ахэр кьызэрыкIуэнкIэ хьуну гъуэгур нартыжхэм ягъэбыдэ, жьэпкьыр быдапIэщ, жаIэри Iэщэ зезыхъэфхэр абы ягъакIуэ. АдэкIэ, кхъухъышхуэм псым дзэ фIыцIэр кьреши, абы нарт лыхъужьхэр поув:

*Дунеижьым батэр цагъэш,
Дзэ зезышэр ди ужь имыкI,
Дзэшхуэр кьыщелъэрышэм,
Елъэрышэ лъагъуэр дгъэбыдэщ,
Жьэпкьыр быдапIэщ, жытIэри...
Ди лъэрымыхъ гуцэхэр догъакIуэ.
Кхъухъышхуэ гуцэр кьыщыкIуэм,
Дзэ фIыцIей жагъуэр кьыреши,
Дзэшхуэ гуцэр шызэщIэшасэм,
Лыхъухэм дамэр кьатокIэ* [АИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-з. П.

22].

Хьэсанэ Гъузер (1861 гъ. кь.) и варианты а пычыгъуэм мыпхуэдэ кьэIуэтэкIэ иIэщ:

*Псы ежэхми сызэпыроплъ,
Кхъухъ фIыцIэжхэр кьызэпыраху,
Дзэ фIыцIэжъ мыгъуэр кьызэпыришиц...
ДзэпитIкIи зынаузэщIащ.
<...>*

*Дзэ фIыцIэжъыр кьызэрыдэкIыр
Уэ кьуршыжъым и лъагъуэ закъуэщ.
Шу нэхъыф<I>хэр лъагъуэм Iуагъэувэ,
Я нэхъыкIэр жьэпкьым щIохъэж* [АИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-

и. П. 11].

А зауэр гуащIэу зэрыщытар, «шу закъуэу» хахуагъэ кьигъэлъагъуэу Тотрэш абы зэрыхэтар мы псалъэхэм кьаIуатэ:

*Къэралиблыр нызэщIошасэ...
Джатэжъуэрэ хъэщхъэрыIуэдзэм
И дзэпкьытIымкIэ лыхэр ныпож,
ПщIэгъуалэжъым лыхэр ножэх,
<...>*

*Уэ лыхъуэхэр ныпхуодогъакIуэ,
Лыхъуэу ныпхуэдгъэкIуар
ЩыхъэкIуеу кьытхуогъэкIуэж.*

Удэплъейм – вагъуэшхуэ закъуэщ,
Албэч и къуэр закъуэрызауэщ... [АИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-и. П. 11].

Псалъэхэр, жылэгъуэхэр нэгъуэщми, мыхьэнэкIэ мыбы пэгъунэгъуш адэкIэ зи гугъу тцIыну «Дзэ гъэшынэ шу закъуэ» пшыналъэм и щIэдзапIэри:

Уей, хъэзырыдзэр дзэшхуае, дзэ фIыцIэт,

Хы фIыцIэжъым къытехъэщ, къысыкIу,

ПсыжъыкIэкIэ къыгъазэщ, къыбзыхъщ,

Тыхъаер хэку гъунэм къыщищIу,

НартыщIым щыятэщ, щытIысщ...

Нартыжъхэр зэхохъэ, зэхуос,

Нарт хасэр зоупцIыр, зэцIогъу,

Мэгъужъыр ягъаплъэ, зоплъыж,

Зоплъыжри нартыдзэр мэшэс,

Мэшэсри, бжыщхъэ гуэрэнти, мэув,

ГуащIэвыжъ палъэти ныдокI,

ГуэрэныжъыкIэкIэ нагъазэ, мэзеуэ,

Зауаер а махуэ гуцэм наублэщ.

Лым и бланэхэр зэпоуэ, зоунэху,

Хуэмышу и Iэцэр къыIуагуэ, къыIуагуэ,

Гуэрэныжъ лъапэ мэгызэ, мэбатэ... [АИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-л. П. 3].

«Нартыжъ уэрэдым» къыщхъэщыкIыу, «Дзэ гъэшынэ шу закъуэ» пшыналъэм сюжет шэцIа иIэщ, икIи адэкIэ абы зэрызиужьар пэгъунэгъуш Начо КIэмацэ (1879 гъ. къ.) къыIуэтэжауэ щыта «Бэдынокъуэ къызэралъхуар» [Нарты... 2020: 27-30], КIуай Исмахьил (1876 гъ. къ.) – «Шэбатныкъо икъэхъуI'эр» [Нарты... 2020: 34-36], Пщыдатэкъо Мадин (1929 гъ. къ.) – «Нарт Шэбатныкъо икIэлэгъор» [Нарты... 2020: 38-44], Бжъунай Мухьэмэд (1856 гъ. къ.) – «Бэдынокъуэ чынтым зэрэзуар» [Нарты... 2020: 54-55] хыбархэм дызыщрихьэлIэ сюжетым.

Сюжетыр зэм Бэдынокъуэ и анэм, зэм езы лIыхъужьым теухуауэ щыт щхъэкIэ, тIум щыгъуэми къаIуатэр зыщ: нарт хэкум бий бзаджэр бжыгъэншэу къытоуэ; абы нартхэр хигъаплъэу здызэхэтым, дэнэ къыкIами ямыщIэу, шу закъуэ къахохъэри бийр лъэрыщIыкI ещI. Бэдынокъуэ и анэм теухуа хыбархэм мыбы адэкIэ къыпещэ, Бэдынокъуэ къызэралъхуа сюжетыр. Тотрэш и пшыналъэм апхуэдэ зыгуэри хэткъым, атIэ зытеухуар, къызэрыжытIам хуэдэу, щIыналъэр бийм щыхъумэнырщ. Бэдынокъуэ (е и анэм) ехьэлIа сюжетым къызэрыщхъэщыкIыр, мыхэр е хыбар къудейуэ, е хыбаррэ пшыналъэу зэщIэту къэлэуэтамэ, Тотрэш теухуар и лIыхъагъкIэ пшыналъэм и теплъэр иIэу гъэпсащ. Абы къыдэкIуэу, Бэдынокъуэ и циклым дызыщрихьэлIэ чынтхэм япIэкIэ, мыбдежым бий бзаджэу нартхэм къалъыкъуэкIыр хазархэрщ. Адрейуэ пкъыгъуэ дызрихьэлIэу хъуамкIэ, къэлэуэтэкIэкIэ зэщхъэщыкIми, тIури зэтохуэ. Уеблэмэ, лIыхъужьыр, и шыр, и джатэр, н. зыгъэбелджылы псалъэ, жылэгъуэ зэрылIыгъ щхъэхуэхэри абы къыпкърахауэ мы къэкIуэну шапхъэхэм шэч дагъэщI, бзэр къулей зыщI художественнэ Iэмалхэр (егъэщхьыныгъэ,

егъэлеиныгъэ, эпитет, н.) *ІуэрыІуатэхэкі* зэмылІэужьыгъуэхэм, жанр зэхуэмыдэхэм хыхьэхэри къызэщІиубыдэу, зэІэпыхыныр *ІуэрыІуатэм* и пщальэу щыт пэтми:

1. Бэдынокъуэ ехьэлІам: «— *Уи пцІэгъуэплъу блапцэ ицхьэ гъурыр Іэ кІуэцІ ижыну гъэпсащ...*» [АИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-д. П. 14]. Тотрэш теухуам: «*Зы шыгъуэ тесици, бланацхьэщ, ицхьэ гъуриц*» [АИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-л. П. 3].

2. Бэдынокъуэ ехьэлІам: «*И шы лъабжсьэм къыцІидзар КъуаницІапцІэу мэхуарзэ, И шыпэ бзийм кърихуам Гъуэгъу напцІитІыр нелыгъуэ*» [АИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-е. П. 6]. Тотрэш теухуам: «*И гъуэгъу напцІитІыр нэбзийм елыпцІ, КъуаницІэм и куэдыр шы ужьым цохъей*» [АИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-л. П. 3].

ЗэрыжытІащи, хэку хъумэныр нарт эпосым нэхъ иужьу къыхыхьа мотивхэм ящыщ зыщ: ицхьэкІэ дызытепсэлъыхьа «Нартыжъ уэрэдыр» къыумылътэмэ, нарт лыхъужьхэм щыщу нэхъыщІэ дыдэу ябж Бэдынокъуэ ехьэлІа циклым и пэ абы зыщІыпІи дыщрихьэлІаркъым. Сюжетыр абы «Іэпызыхыжа» Тотрэш и пшыналъэр абы нэхърэ зэрынэхъыщІэжми шэч гуэри къыпхутехъэну къытщыхъуркъым. Абы къыдэкІуэу гу зылытапхъэращи, Бэдынокъуэ и ныкъуэкъуэгъуу щыт чынтхэр эпическэ лъэпкъмэ, абы, дауикІ, хуэдэкъым адыгэхэр зэгуэр зыжьэхэуауэ щыта хазарыдзэр, икІи ар къызэрыхыхьэм пшыналъэм щекІуэкІ Іуэхугъуэр тхыдэм нэхъ пэгъунэгъу ещІыр.

Тхыдэтххэм я фІыщІэкІэ, куэд щІауэ наІуэ къэхъуащ VIII-X лІэщІыгъуэхэм зэфІэува Хазар каганатымрэ Кавказ Ицхьэрэм щыпсэу лъэпкъхэмрэ я зэхущытыкІэр тынш дыдэу зэремыкІуэкІар [История... 1975: 76]. Цыху гъащІэм къыщыхъу дэтхэнэ зы Іуэхугъуэшхуэри зыщІэзышэ ІуэрыІуатэм ари гулътэншэу кыгъэнакъым: абы теухуа уэрэд, хыбар зыбжанэ къэунэхуащ. А къэхъугъэм ехьэлІауэ Нэгумэ Шорэ зэгуэр итхыгъат: «Зыкъомым зэрагугъэмкІэ, адыгэхэр хазархэм я унафэм щІэгъу щытащ; ауэ хазархэм адыгэхэр пщылІыпІэм зэрырагъэувауэ щытамкІэ хыбархэм зыри жалэжыркъым. Ауэ абы зыкІи темыхуэу, хазархэмрэ тмутараканскэ пщыхэмрэ зэрэзэуахэр куэду ІупщІу хыбарыжьхэм къыхошъж» [Ногмов 1958: 114].

Нэгумэм зи гугъу ищІыр «Алыджыкъуэпщ и уэрэдымрэ» «Сэркъалэ зауэм» ехьэлІамрэ абыхэм ятеухуэжа хыбархэмрэщ. Мис япэ уэрэдым хэт псалъэхэр:

*«Хы адырыщІмэ си ижьырабгъунэр темыкІ,
Кхъухъышхуэ кыкІмэ дыщэ хъуцІанэхэр зыхоплътыпэ.
«Тхьэмэ и СозэрэщымкІэ сигъапцІэщ», – желэри мэдалъэ.
А пцыхъуэмэ тхьэр и лыщІэжщ.
Алыджыкъуэр зауэ зэхэшэщ.
Алыджыкъуэпщым АскъалэмкІэ уи гур мэдауэ.
Щыблэуэ ди адыгэдзэр зыдикІыу зэдагъэзэжщ.
«Тхьэмэ и СозэрэщымкІэ сигъапцІэщ», – желэри мэдалъэ.
Алыджыкъуэпщыр кІуэжыкІэ мыщІэщ»* [Ногмов... 1958: 115].

ЩІэныгъэлІым уэрэдыр адыгэ-хазар зауэм теухуауэ жиІэ пэтми, зэрынэрылгагъуши, ар мы псалъэ къудейхэмкІэ гурыІуэгъуэ хъуркъым. Ауэ абы теухуа хъыбарым апхуэдэу зэрыщытыр наІуэ къешІыжыр. Нэгумэм кыхъ хъыбарым ипкъ иткІэ жыпІэмэ, адыгэпщ Бэлэтокъуэ Безрыкъуэрэ Къанж Алыджыкъуэпщымрэ я дзэхэр зэгухъэри хазархэм езуэну кІуащ. Дзэм щыщ цІыху зыбжанэ къыздиштэри бийм я тІасхъэ щІихыну Алыджыкъуэпщыр ежауэ, езыхэм нэхърэ куэдкІэ нэхъыбэ хазарыдзэм Іуоуэ, Алыджыкъуэпщри гъэр ящІ. Безрыкъуэпщыр ар гъэр зыщІа бийдзэм теуэу зэтрикъута щхъэкІэ, Алыджыкъуэпщыр къызэрыхуэмыгъуэтыжам абы тепыІэгъуэ къритыртэкъым. А щытыкІэхэр кыхъэщыжу уэрэдри зэхалъхъащ [Ногмов... 1958: 114-115].

Пэжщ, хъыбарым и кІэр абдежым щиухыркъым. КъызэрыщІэкІамкІэ, Алыджыкъуэпщыр Саркъалэ (Аскъалэ) гъэру щаІыгът. А Іуэхур къызэрыхъурэ илъэсищ дэкІауэ, тэтэр хъаныр адыгэхэм къытеуащ. Мыдрейхэри, опсхэм дэІэпыкъуэгъуу дзэшхуэ къагъэкІуати, ахэри ящІыгъуу хъаныдзэм пэуващ. АрщхъэкІэ хъаным абыхэм зэгурыІуэныгъэ къарищІылащ, зэгухъэу Аскъалэ къащтэмэ, адыгэхэм я гугъу кымыщІыну. Псори абыкІэ арэзы щыхъум, быдапІэм теуащ, Безрыкъуэм ар кыгъэсэбэпри, хазархэм гъэру яІыгъ Алыджыкъуэпщыр хуит къищІыжащ. Нэгумэм зэритхымкІэ, «Сэркъалэ зауэ» уэрэдыр а Іуэхугъуэм теухуауэ яусащ, езым и «Адыгэ народым и тхыдэ» тхылым кыттридзащ [Ногмов... 1958: 117-118].

Мыбдежым, щІыпІэшхуэІуэ зэрыщиубыдынум, абы щыгъуэми къэтІуэтэну дызыхуейр япэ уэрэдым белджылы къищІу зэрыщытым кыхъэкІыу, абы и псалъэхэр къыщытхыркъым. Ауэ кыжылапхъэщ, арикІ, хъыбарыр щІымыгъумэ, зытеухуар къызэрыбгурымыІуэр. Псалъэм папщІэ, уэрэдым дызыщрихъэлІэ *«ЗауэлІхэр гъуэмыладжэ хъумэ, Безрыкъуэ я гъуэмылалъэщ. Тэтэр хъаным кыхъуиша дзэшхуэм дунешхуэр къизэуфынт...»* [Ногмов... 1958: 118] сатырхэм кыхъэщ Безрыкъуэр хэтми, абы тэтэр хъаным дзэшхуэ къыщІыхуишам и щхъэусыгъуэри ІупщІ хъуну къыщІэкІынтэкъым, уэрэдым ехъэлІауэ ищхъэкІэ къэтхъа хъыбарым ар кымыІуатэу щытатэмэ.

Мы теплъэр тхыдэр зи лъабжъэ эпосым хыхъэ уэрэдыжхэмрэ хъыбархэмрэ ябгъэдэлъ щхъэхуэныгъэу, абыкІэ ахэр нарт пшыналъэхэм къазэрыщхъэщыбгъэкІ хъуну нэщэнэ нэхъыщхъэхэм ящыщ зыуэ зэрыщытым щІэныгъэлІхэм гу зэрылътэрэ зэман зыбжанэ дэкІащ. Псалъэ папщІэ, Гъут І.М. «Нартыжъ уэрэдым» теухуауэ иригъэкІуэкІа къэхутэныгъэм мыпхуэдэ гупсысэхэр къыщыхъащ: мы уэрэдым сюжет укъуэдия зэрымІэмрэ композицэ и лъэныкъуэкІэ бгъэдэлъ ухуэкІэмрэ ар тхыдэр зи лъабжъэ уэрэдыжхэм пэгъунэгъу ящІ; лыхъужъ эпосым и хабзэхэм ящыщ, зы лыхъужъым игъэхъахэм композицэр тегъэпсыхъарэ абы и ІуэхущІафэхэр къызэпкърихыу зэрыщытыр; тхыдэр зи лъабжъэ уэрэдыжхэм лыхъужъым бгъэдэлъ хъэл-щэн, щытыкІэ (лІыгъэ, хахуагъэ, н.) зыбжанэ е и образыр зыгъэбелджылы эпитетхэр къыщыхъауэ арщ, абы щыгъуэми ахэр гурыІуэгъуэ, ІупщІ зыщІыр уэрэдым къыдэгъуэгурыкІуэ хъыбарырщ [Гутов 1993: 20]. ЩІэныгъэлІым кыжиІахэм хуэдэщ Нэгумэм зи гугъу ищІа уэрэдитІри.

Тотрэш теухуа пшыналъэм дежкІэ дгъэзэжмэ, хъыбар щІымыгъуми, илъащІэкІэ къэтхъ сатыр зыбжанэм белджылы къащІ, нартхэм хэт къатеуами,

дэнэкІэ кыкІами, дэнэкІэ ягъэзами, бийр дауэ шынагъуэу шытами, нартыщІым сыт щагъэхъами:

«Уей, хъэзырыдзэр дзэихуае, дзэ фІыцІэм,

Хы фІыцІэжъым кытехъэщ, кысыкІу,

ПсыжъыкІэкІэ кыгъазэщ, кыбзыхъщ,

Тыхъаер хэку гъунэм кыыщыщІу,

НартыщІым шыятэщ, щытІысщ...» [АИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-л. П. 3].

Хъэзырыдзэ псалъэр кызырыхэщымкІэ, пшыналъэр ищхъэкІэ Нэгумэм и тхылъым кышыхъа уэрэдитІым щІыбгъунти тхыдэр зи лъабжъэ эпосым хэбгъэхъэнт, адыгэ-хазар зауэм ехъэлІащ, жыпІэнти. Ауэ мы зы закъуэм фІэкІа, апхуэдэ Іэмал кыдидыну дызытепсэлъыхъахэм щыщу зы нэщэни мыбы бгъэдэлъкъым – ебэкІыр нарт пшыналъэхэм я щытыкІэхэрщ. Апхуэдэхэщ Гъут І.М. кыыхигъэбелджылакІауэ зи гугъу тцІа теплъэхэр: пшыналъэм сюжет укъуэдия иІэщ; зы лІыхъужьым игъэхъахэм композицэр тегъэпсыхъарэ абы и ІуэхущІафэхэр кызэпкърихыу щытщ. НэгъуэщІу жыпІэмэ, Іуэхур кызыэрежъам щыщІэдзау зэриухыжам нэсыху къаІуатэу и пкъыгъуэ нэхъыщхъэхэр зэрызэкІэлъыхъам пшыналъэр гурыІуэгъуэ ящІ. Апхуэдэу, Бэдынокъуэ и хыбару зи гугъу тцІам хуэдэу, мыбыи мы пкъыгъуэхэр кыыхобелджылыкІ: 1) хы ФІыцІэм кызэпрокІри дзэ фІыцІэу хазархэр нартхэм къатоуэ; 2) нартхэр абы кыгъэнэщхъеуэ здызэхэтым, дэнэкІэ кыкІами ямышІэу, зы шу зэгъэпэща (Тотрэш) къахохъэ; 3) и закъуэу бийдзэр зэтрекъутэри апхуэдэ щІыкІэкІэ нарт щІыналъэр бийм щехъумэ; 4) игъэхъа хахуагъэм папщІэ, ар нартхэм ягъафІэ. А псом кыдэкІуэу, нэхъ пасэу къэунэхуа эпос лІэужьыгъуэм и нэщэнэщ, пшыналъэм щекІуэкІ къэхъугъэр нарт щІыналъэм епхауэ, бийм пэувар нарт шухэр (Уэзырмэс, Гуэгуэжъ, Шужъей, Тотрэш) арауэ зэрыщытыр.

Аращи, пшыналъэм и сюжетым ІуэхугъуитІ – нартхэм я дунейр къэІуэтэнымрэ лъэпкъым и тхыдэм кыыхэщыж зы Іыхъэрэ (адыгэхэмрэ хазархэмрэ я зэхуаку кыдэхъуауэ щыта зауэмрэ) – щызэхэхуэнащ. ДызэригугъэмкІэ, Гъут І.М. «Нартыжъ уэрэдым» ехъэлІауэ «пшыналъэм мы дунейр кызырыунэхуамрэ цІыху цІыкІум я тхыдэмрэ мифологиие хабзэкІэ кышщІуэтэжауэ щытагъэну» кыыхилъхъа гупсысэм мыри кытІасэу кышщІэкІынущ. Абы кыдгъэкІращи, лІыхъужь эпосым и хабзэм тету лъэпкъым и гъащІэм и зы теплъэгъуэм (адыгэ-хазар зауэм) хуэгъэзауэ Тотрэш и пшыналъэр яусауэ хуэбгъэфащэ хъунуш. Апхуэдэу щытмэ, мыбдежым къэхъуаращи, ІуэрыІуатэм зэрихабзэу, нэхъ пасэу цикл щхъэхуэхэм щызэфІэуагъэххэу хъэзыру хэт сюжет, образ хъэл-щэнхэр, нэгъуэщІ щытыкІэхэри пшыналъэм «кыигъэІэрыхуауэ» арщ.

«ТІотІэрэш и бжыпэ дыкъуакъуэ» пшыналъэми а щытыкІэ дыдэхэр дыдолъагъу. Ауэ, ипэрейм кышхъэщыкІыу, мыбы лъабжъэ хуэхъуар дуней псом щызекІуэ, лІыхъужь эпосымрэ псысэхэмрэ зыужьыныгъэшхуэ щызыгъуэта АТ 300 сюжетырщ. Хабзэу зэрыщытщи, мыбы мыпхуэдэ къэІуэтэкІэ иІэщ: благъуэм псыр еубыдри, кыиутІыпщыжын папщІэ, набдзэ зытелъым я нэхъ дахэ хъыджэбзыр жылэм къапеубыд; лІыхъужьым благъуэр

еукIри хьыджэбзыр кьрегьэл, щхьэгъуси хуохъу. Адыгэ IуэрыIуатэм сюжетыр зэрыхэтым и шапхъу кьэбгьэлыагъуэ хьунуш «Мыщэ и кьуэ Батыр» [Адыгские сказки... 2018: 6-22] псысэ цIэрыIуэр, нарт эпосым деж «Батэрэз благуэр зэриукIар» [Нарты... 1971: 166-170], н. Абыхэм кьашхьэщыкIыу, «ТIотIэрэш и бжыпэ дыкьуакъуэ» пшыналъэм сюжетым и кьэIуэтэкIэм щхьэхуэныгъэ хэлъш: Хы тIууашцIэ кьыдокIри псыблаер нартхэм кьатоуэ, я Iэщхэр ехьри мэкIуэж; жылэм я лъэIукIэ Тотрэш йожьэ, блэм езуэну. АдэкIэ сюжетым и зыужьыкIэр Сосрыкьуэ мафIэ кьызэрихьам хуокIуэжыр. Хьэбэчыр Азэмэт (1919 гъ. кь.) кьыIуэтэжауэ шыта вариантым [Нарты... 2012: 292-294] кьызэрыхэщымкIэ, иныжьым Сосрыкьуэ кьыжреIэ, езы иныжьым и джатэм фIэкIа, ар зэримыукIыну. Джатэм телъыджагъэ бгъэдэлыщи, бгъэдыхьэIамэ, кьохуэхри тIууэ зэпеупщI. Ар иныжьым ещIэжри, гъэпцIагъэкIэ джатэм Сосрыкьуэ иригъэукIыну араш зыхушцIэкьур. Сосрыкьуэ джатэм пэлъэщауэ кьыхьу шилъагъукIэ, иныжьыр аргуэру бзаджагъэм хуокIуэ: иукIа нэужь, и пщэ лъынтхуэр кьыхилъэфрэ и бгым щIипхэмэ, иныжьым и кьарур Сосрыкьуэ кьыхыхьэну кьыжреIэ. АрщхьэкIэ, кьызэрыщIэклэмкIэ, зылъэIэсыр лъынтхуэм тIууэ зэпиупщIырт. Сосрыкьуэ ар кьыщищIэм, лъынтхуэр хыфIедзэж, мафIэр кьехьри кьегъэзэж. Тотрэш теухуа пшыналъэми мы пкьыгъуэ дыдэхэм дыщрохьэлэ, ауэ я кьэIуэтэкIэр нэгъуэщIш: и щхьыхыр шыпаупщIым, Тотрэш зэрытемыкIуэнур кьызыгурыIуа блэр бзаджагъэм хуокIуэр: щхьэ ебланэмкIэ кьопсалъэри, кьыутIыпща шэрэзыр Iэ пцIанэкIэ кьыщтэу и бжыпэ пэ закьуэр абыкIэ ихьуэжыну (бжыпэ дыкьуакъуэ ищIыну), апхуэдэу хьумэ, кьыпэлъэщ дунейм темытыну лыхьужьым кьыжреIэ. Нарт хьыжьэм блэр иукIыу Iэ пцIанэкIэ шэрэзыр кьыщтэну щыхуежьэкIэ, шэрэзым зыкьедзри и джатэпэр пех, абы фIокIри и псэфыльэм зынедз. АрщхьэкIэ Дэбэч гьукIэм ищIа афэм пхымыкIыу кьонэ. А псом зи кьарур щIиха шэрэзыр, зэран мыхьужыну кьыщищIэкIэ, Тотрэш кьэщтэри и бжыпэм фIегъэтIысхьэ, апхуэдэ щIыкIэки нартхэм бжыпэ дыкьуакъуэр кьахехьэ.

Мы иужьрейм тепщIыхьмэ, Тотрэш и образым хьыдолъагъуэ нэхь пасэрейуэ щIэныгъэлIхэм кьалъытэ «щэнхабзэ лыхьужьым» (*культурный герой* – терминыр япэу адыгэбзэкIэ зыгъэпсар Гьут Iэдэмщ [Гутов 2010: 59]) и хьэл-щэн. Мыр хуэдэщ япэ дыдэу ху жылэр кьэзыхута Тхьэгъэлэдж, мэз псэущхьэхэр кьэзыгъэIэса Амыш, япэ гьубжэр, Iэдэр, уадэр зыщIа Лъэпщ, нартхэм мафIэ кьахуэзыхьа Сосрыкьуэ, н. ЦыпIынэ А.А. кьызэрилъытэмкIэ, мыпхуэдэ кьалэнхэр я пщэ дэлъу нарт эпосым нэхь иужькIэ кьыхыхьащ нарыхур япэу хэкум кьызыхьа ЩэрэлIыкьуэ, Пагуэ и кьуэ Тэтэрщауэ сымэ, ищхьэкIэ зи гугъу тцIа, пасэрей шытыкIэм ебакьуэу (Iэдэ, уадэ, гьубжэ зэрищIам кьыдэкIуэу) щIэпщакIуэ хабзэм и кьежьапIэ хьуа Лъэпщ, нэхьыжьым ижьрабгъу етыныр кьэзубла Пагуэ и кьуэ Тэтэрщауэ, н. [Ципинов 2000]. Дызэрыщыгъуазэщи, япэ дыдэ цIыхум зыIэригъэхьа Iэмэпсымэхэм, Iэщэхэм бжыри ящыщ, ирагъэфIакIуэ зэпытурэ зэман куэдкIэ кьызэрыздрахьэклэми шэч хэлъкьым, бжы дыкьуакъуэр пэ закьуэм нэхьрэ нэхь иужь кьызэрыунэхуари гурыIуэгъуэщ. А псом тепщIыхьмэ, игъэзащIэ щэнхабзэ кьалэн теухуауэ, Тотрэш щIэныгъэлIым кьыхэгъэкIа етIуанэ гупым нэхь хозагъэ. Абы кьыдэкIуэу, мыр, зэрыжытIауэ, курыт лIэщIыгъуэм шыIа

лыхъусэжъ хъыжъэм и щапхъэ гъуэзэджэщи, е къэкIыгъэ (Тхьэгъэлэдж, Пагуэ и къуэ Тэтэрщауэ сымэ хуэдэу), е зэрылажъэ Iэмэпсымэ гуэр къэунэхуным и щIэдзапIэу щыткъым, атIэ цIыхубэм къахихъэр зэуэлIым, зекIуэлым и Iэщэ-фащэхэм ящыщ зыщ – бжырщ (бжы дыкъякъяуэрщ). Абы кыкIращи, «щэнхабзэ лыхъужьым» и образыр зэман жыжъэм къыщежъэми, Тотрэш и IуэхушIафэм нэхъ иужьыIуэкIэ къэунэхуа нэщэнэ хыдолъагъуэ.

КъыжитIа псом къызэрагъэлъэгъуащи, Тотрэш ехъэлIа сюжетхэм, езым и образым дызыщрихъэлIэ пкъыгъуэхэм, хъэл-щэнхэм я щIэдзапIэр зэман жыжъэм мэлэбэр. Ауэ курыхуэ хэтлъагъуэ щытыкIэхэм тепщIыхъмэ, мыбыхэм я зыужьыныгъэм и лъагапIэу къэлъытапхъэр ди лыхъужь эпосым кыкIуа гъуэгуанэм щыщу нэхъ иужьыIуэкIэ ар (эпосыр) зыхуэкIуа лъэхъэнэрщ. Апхуэдэу зэрыщытым и сэбэпкIэ – зэман зэпэщхъэхуэхэм къыщежъа пкъыгъуэхэр зэрызэхэшыпсыхъам – мы лыхъужьым ехъэлIа хыбархэмрэ пшыналъэхэмрэ IуэрыIуатэхэкI нэгъэса кыищIыкIащ. Мы иужьрейуэ зи гугъу тIа пшыналъытIым нэхъ тегъээщIауэ жьыпIэмэ, ахэр ди зэманым къэсащ къэзыIуэтжа Къарэгъул МытIрэ (1865 гъ. къ.) зытхыжа Жаным Борисрэ я фIыщIэкIэ. Езы пшыналъэхэми щIэныгъэм дежкIэ мыхъэнэшхуэ яIэу къытщохъу, нарт эпосым и кIэух лъэхъэнэм бгъэдэлъ теплъэхэр гъэбелджылынымкIэ гъуазэ хъуэ зэрыщытымкIэ.

ПшыналъытIри «Адыгэ IуэрыIуатэхэр» тхылъым къытрадзауэ щытащ [Адыгский фольклор... 1963: 226-231], дэри ахэр хэдгъэхъащ иджыпсту дгъэхъэзыр «Нартхэр. Адыгэ эпос» тхылъхэм я IV томым. Апхуэдэу щIэтщIами щхъэусыгъуэ иIэщ. Япэрауэ, мыбдежым къыщыжыIапхъэщ, нарт эпосыр мифологием къитэджыкIыу лыхъужь эпосым хуэкIуэрэ адэкIэ игъуэта зыужьыныгъэр IупщIу кыищын хуэдэу мы къыдэкIыгъуэхэр зэрызэкIэлъыхъар. Абы ипкъ иткIэ япэ томым кIуащ эпосым и ублапIэ лъэхъэнэмрэ (Амыш, Тхьэгъэлэдж, Лъэпщ, н. я циклхэр) нэхъ пасэу зэфIэува Сосрыкъуэ и циклымрэ [Нарты... 2012]; етIуанэм къызэщIеубыдэ, абыхэм къакIэлыкIуа Уэзырмэс, Батрэз, Ашэмэз сымэ ехъэлIа хыбархэмрэ пшыналъэхэмрэ [Нарты... 2017]; ещанэ тхылъым хыхъащ «нэхъыщIэжу» къалъытэ Бэдынокъуэрэ Щауейрэ я циклхэр [Нарты... 2020]. Мы иужьрейхэм хыдолъагъуэ лыхъужь эпосым и зыужьыныгъэр кIуэ пэтми зэрыужьыхым и нэщэнэхэр: Бэдынокъуэ и пшыналъэр нарт эпосым и поэтхэм къытIасэу щыт пэтми, прозэу къэIуэта IуэрыIуатэхэкIхэм иужькIэ къэунэхуа адыгэ хыбарыжхэмрэ лыхъужь псысэхэмрэ яжъ къазэрыщIихуам гу лъумытэу къанэркъым; Щауей ехъэлIахэращи, мыбыхэм цикл къызэрагъэщIымрэ нартхэм я дунейр къызэрыщыгъэлъэгъуамрэ къыумылътэмэ, лыхъужь псысэм псори хэбгъыхъэми, ущыгъуэныкъым, мы псысэ лIэужьыгъуэм и щытыкIэ куэд апхуэдизкIэ ебэкIыу мыбыхэм зыщIашащи. Апхуэдэу щыт пэтми, жьыпIэ хъунукъым, эпосыр «зытет гъуэгуанэр» абдежым занщIэу къыщыгувыIэу. АтIэ, къэхъуаращи, зи гугъу тIа нэщэнэхэр нэхъ IупщIыжу зыхэтлъагъуэ циклхэр, хыбар е пшыналъэ зырызхэр абыхэм къакIэлъокIуэ. А нэщэнэхэм къадэкIуэу, мыбыхэм нэгъуэщI зы щхъэхуэныгъы ябгъэдэлъщ: сюжет и лъэныкъуэкIэ, образхэм я хъэл-щэн ехъэлIауэ, нэхъыбэу мыбдежым дызыщрихъэлIэр ипэкIэ циклхэм щызэфIэувауэ щытахэрщ. Абы къыхэкIкIэ, мы хыбархэмрэ

пшыналъэхэмрэ «эпосыр къызэщIэзыкъуэж лъэхъэнэкIэ» уеджэ хьуну къыдолъытэ. А щытыкIэм и щапхъэ гъуэзэджэщ Тотрэш теухуа пшыналъытI зи гугъу тщIар.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Адыгские сказки... 2018 – *Адыгские сказки*: в 2-х т. Т. 2: Волшебные сказки [на адыг. яз.: Адыгэ таурыхъхэр. ТомитIу. 2-нэ т: Телъыджей таурыхъхэр] / Сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева). – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 592 с.

Адыгский фольклор... 1963 – *Адыгский фольклор* [на адыг. яз. Адыгэ IуэрыIуатэхэр]. В 2-х т. Т. 1 / Сост. З.П. Кардангушев. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1963. – 270 с.

АИГИ КБНЦ РАН – *Архив* Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Березкин, Дувакин – *Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог // Ruthenia.ru – объединенное гуманитарное издательство: сайт. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (дата обращения: 13.10.2020).

Гадагатль 1967 – *Гадагатль А.М.* Героический эпос «Нарты» и его генезис. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1967. – 423 с.

Гутов 2010 – *Гутов А.М.* Адыгский фольклор [на адыг. яз. Адыгэ IуэрыIуатэ] // История адыгской (кабардино-черкесской) литературы [на адыг. яз. Адыгэ литературэм и тхыдэ]: в 3-х т. Т. 1 / гл. ред. Х.Т. Тимижев. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. – С. 37-81.

Гутов 2009 – *Гутов А.М.* Народный эпос: Традиция и современность. – Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. – 228 с.

Гутов 1993 – *Гутов А.М.* Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 207 с.

Гутов 2000 – *Гутов А.М.* Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. – 219 с.

Джапуа 2003 – *Джапуа З.Д.* Абхазские архаические сказания о Сасрыкуа и Абырыкиле (Систематика и интерпретация текстов в сопоставлении с кавказским эпическим творчеством. Тексты, переводы, комментарии). – Сухум: Издательство «Алашара», 2003. – 375 с.

История... 1975 – *История* Кабардино-Балкарской АССР [на адыг. яз. Къэбэрдей-Балъкъэр АССР-м и историе]: в 2-х т. Т. 1 / Гл. ред. Т.Х. Кумыков. – Нальчик: Книжное издательство «Эльбрус», 1975. – 519 с.

Кабардинский фольклор... 2000 – *Кабардинский фольклор* / Общ. ред. Г.И. Бройдо. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. – 651 с.

Мифы народов... 1994 – *Мифы народов мира*. Энциклопедия в 2-х т. Т. 2 / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – 719 с.

Нарты... 1971 – *Нарты*. Адыгский эпос [на адыг. яз. Нартхэр. Адыгэ эпос]. Собрание текстов в 7 томах. Т. 4 / Сост. А.М. Гадагатль. – Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1971. – 331 с.

Нарты... 2012 – *Нарты*. Адыгский эпос: в 3-х т. Т. 1: Ранние циклы эпоса. Сосруко / Гл. ред. А.М. Гутов. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. – 424 с.

Нарты... 2017 – *Нарты*. Адыгский эпос: в 3-х т. Т. 2: Озырмес. Батраз. Ашамез / Гл. ред. А.М. Гутов. – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 468 с. // Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ ФНЦ «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»: сайт. URL:

<http://www.kbigi.ru/fmedia/2.%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB.%D0%A2%D0%BE%D0%BC-2.pdf> (дата обращения: 14.10.2020).

Нарты... 2020 – *Нарты*. Адыгский эпос: в 3-х т. Т. 3: Бадинок. Шауей / Гл. ред. А.М. Готов. – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2020. – 582 с. // Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ ФНЦ «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»: сайт. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB-2020%D0%91%D0%AD%D0%94%D0%AB%D0%9D%D0%9E%D0%9A%D0%AA%D0%A3%D0%AD-%D0%94%D0%9B%D0%AF-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F.pdf> (дата обращения 14.10.2020).

Ногмов 1958 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа [на адыг. яз. Адыгэ народым и тхыдэ] / Перев. З.П. Кардангушева. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1958. – 240 с.

Сравнительный указатель... 2018 – *Сравнительный указатель сюжетов адыгских (кабардинских, черкесских, адыгейских) волшебных сказок по системе Аарне-Томпсона* / Сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева) // Адыгские сказки: в 2-х т. Т. 2: Волшебные сказки [на адыг. яз.: Адыгэ таурыхъхэр. ТомитIу. 2-нэ т: Тельыджей таурыхъхэр] / Сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева). – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – С. 553-588.

Хут 2003 – *Хут Ш.Х.* Адыгское народное искусство слова. – Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2003. – 536 с.

Ципинов 2000 – *Ципинов А.А.* «Культурный герой» в мифопоэтической традиции адыгов // Вопросы кавказской филологии и истории. – 2000. – Вып. 3. – С. 95-116.

Thompson 1961 – *Thompson S.* The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). – Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1961. – 588 p.

REFERENCES

Adygskiy fol'klor. V 2-kh t. T. 1 / Sost. Z.P. Kardangushev [Adyg folklore. In 2 volumes. Vol. 1. Comp. Z.P. Kardangushev]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1963. – 270 p. (In Adyghe)

Adygskiy skazki. V 2-kh t. T. 2: Volshebnyye skazki / Sost. Zh.G. Tkhamokova (Brayeva) [Adyg fairy tales. In 2 volumes. Vol. 2: Fairy tales. Comp. Zh.G. Tkhamokova (Braeva)]. – Nalchik: Red.-izd. otdel IGI KBNTS RAN, 2018. – 592 p. (In Adyghe)

Arkiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. (In Adyghe)

BEREZKIN Yu.Ye., DUVAKIN Ye.N. *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredeleniye fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskiy katalog* [Thematic classification and distribution of folklore and mythological motives by areas. Analytical catalog]. IN: Ruthenia.ru – united humanitarian publishing house: website. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (date of access: 13.10.2020). (In Russian)

DZHAPOVA Z.D. *Abkhazskiy arkhaicheskiy skazaniya o Sasrykua i Abryskile (Sistematika i interpretatsiya tekstov v sopostavlenii s kavkazskim epicheskim tvorchestvom. Teksty, perevody, kommentarii)* [Abkhazian archaic legends about Sasrykua and Abryskil (Systematics and interpretation of texts in comparison with Caucasian epic creativity. Texts, translations, comments)]. – Sukhum: Izdatel'stvo «Alashara», 2003. – 375 p. (In Russian)

GADAGATL' A.M. *Geroicheskiy epos «Narty» i yego genezis* [The heroic epic "Narts" and its genesis]. – Krasnodar: Krasnodarskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1967. – 423 p. (In Russian)

GUTOV A.M. *Adygskiy fol'klor* [Adyg folklore]. IN: *Istoriya adygskoy (kabardino-cherkesskoy) literatury. V 3-kh t. T. 1* / Gl. red. Kh.T. Timizhev [History of the Adyghe (Kabardino-Circassian) literature. In 3 volumes. Vol. 1 / Ch. ed. Kh.T. Timizhev]. – Nalchik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.», 2010. – P. 37-81. (In Adyghe)

GUTOV A.M. *Khudozhestvenno-stilevyie traditsii adygskogo epasa* [Artistic and stylistic traditions of the Adyghe epic]. – Nalchik: Izdatel'skiy tsentr «El'-Fa», 2000. – 219 p. (In Russian)

- GUTOV A.M. *Narodnyy epos: Traditsiya i sovremennost'* [Folk Epic: Tradition and Modernity]. – Nalchik: Izd-vo KBIGI, 2009. – 228 p. (In Russian)
- GUTOV A.M. *Poetika i tipologiya adygskogo nartskogo eposa* [Poetics and typology of the Adyghe Nart epic]. – Moscow: Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura», 1993. – 207 p. (In Russian)
- Istoriya Kabardino-Balkarskoy ASSR. V 2-kh t. T.1 / Gl. red. T.Kh. Kumykov* [History of the Kabardino-Balkarian ASSR. In 2 volumes. Vol. 1. Ch. ed. T.Kh. Kumykov]. – Nalchik: Knizhnoye izdatel'stvo «El'brus», 1975. – 519 p. (In Adyghe)
- Kabardinskiy fol'klor / Obshch. red. G.I. Broydo* [Kabardian folklore. Gen. ed. G.I. Broido]. – Nalchik: Izdatel'skiy tsentr «El'-Fa», 2000. – 651 p. (In Russian)
- KHUT Sh.Kh. *Adygskoye narodnoye iskusstvo slova* [Adyghe folk art of the word]. – Maykop: Adygeyskoye respublikanskoye knizhnoye izdatel'stvo, 2003. – 536 p. (In Russian)
- Mify narodov mira. Entsiklopediya v 2-kh t. T. 2 / Gl. red. S.A. Tokarev* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia in 2 volumes. Vol. 2. Ch. ed. S.A. Tokarev]. – Moscow: Rossiyskaya entsiklopediya, 1994. – 719 p. (In Russian)
- Narty. Adygskiy epos. Sobraniye tekstov v 7 tomakh. T. 4 / Sost. A.M. Gadagatl'* [Narts. Adyghe epic. Collection of texts in 7 volumes. Vol. 4. Comp. A.M. Gadagatl']. – Maykop: Adygeiskoe kn. izd-vo, 1971. – 331 p. (In Adyghe)
- Narty. Adygskiy epos. V 3-kh t. T. 1: Ranniye tsikly eposa. Sosruko / Gl. red. A.M. Gutov* [Narts. Adyghe epic. In 3 volumes. Vol. 1: Early cycles of the epic. Sosruko. Ch. ed. A.M. Gutov]. – Nalchik: OOO «Tetragraf», 2012. – 424 p. (In Adyghe and Russian)
- Narty. Adygskiy epos. V 3-kh t. T. 2: Ozyrmes. Batraz. Ashamez / Gl. red. A.M. Gutov* [Narts. Adyghe epic. In 3 volumes. Vol. 2: Ozyrmes. Batraz. Ashamez. Ch. ed. A.M. Gutov]. – Nalchik: IGI KBNTS RAN, 2017. – 468 p. IN: Institute for Humanitarian studies – FSBSE FSC "Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences": website. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/2.%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB.%D0%A2%D0%BE%D0%BC-2.pdf> (date of access: 14.10.2020). (In Adyghe and Russian)
- Narty. Adygskiy epos. V 3-kh t. T. 3: Badinoko. Shauey / Gl. red. A.M. Gutov* [Narts. Adyghe epic. In 3 volumes. Vol. 3: Badinoko. Shauey. Ch. ed. A.M. Gutov]. – Nalchik: Red.-izd. otdel IGI KBNTS RAN, 2020. – 582 p. IN: Institute for Humanitarian studies – FSBSE FSC "Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences": website. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB-2020%D0%91%D0%AD%D0%94%D0%AB%D0%9D%D0%9E%D0%9A%D0%AA%D0%A3%D0%AD-%D0%94%D0%9B%D0%AF-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F.pdf> (date of access: 14.10.2020). (In Adyghe and Russian)
- NOGMOV Sh.B. *Istoriya adygeyskogo naroda / Perv. Z.P. Kardangushev* [The history of the Adyghe people. Transl. Z.P. Kardangushev]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1958. – 240 p. (In Adyghe)
- Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov adygskikh (kabardinskikh, cherkesskikh, adygeyskikh) volshebnykh skazok po sisteme Aarne-Tompsona / Sost. Zh.G. Tkhamokova (Brayeva)* [Comparative index of plots of the Adyghe (Kabardian, Circassian, Adyghe) fairy tales according to the Aarne-Thompson system. Comp. Zh.G. Tkhamokova (Brayeva)]. IN: *Adygskiy skazki. V 2-kh t. T. 2: Volshebnyye skazki / Sost. Zh.G. Tkhamokova (Brayeva)* [Adyg fairy tales. In 2 volumes. Vol. 2: Fairy tales. Comp. Zh.G. Tkhamokova (Brayeva)]. – Nalchik: Red.-izd. otdel IGI KBNTS RAN, 2018. – P. 553-588. (In Russian)
- THOMPSON S. The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC No. 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). – Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. – 588 p.
- TSIPINOV A.A. «Kul'turnyy geroy» v mifoepicheskoy traditsii adygov ["Cultural Hero" in the Mythoeptic Tradition of the Adygs]. IN: *Voprosy kavkazskoy filologii i istorii* [Questions of Caucasian Philology and History]. – 2000. – Issue 3. – P. 95-116. (In Russian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA

УДК 398.91+811.512.142

DOI 10.31143/2542-212X-2020-4-259-270

**КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ: К
ПРОБЛЕМЕ ЖАНРОВОГО РАЗГРАНИЧЕНИЯ****Ф.Х. ГУЛИЕВА (ЗАНУКОЕВА)**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: gfariza37@mail.ru*

Аннотация. Статья имеет целью осветить один из аспектов проблемы жанровой классификации карачаево-балкарского фольклора. Объектом изучения в данной работе стали пословицы и поговорки. Несмотря на то, что это два разных жанра устной словесности, в большинстве сборников они даются единым массивом. Не разграничиваются они и в основной части научных изысканий фольклористов. В тех же работах, чьи авторы предпринимают попытку отделить пословицы от поговорок (Т.Ш. Биттирова), предлагаемые для этого критерии представляются недостаточными. Поскольку паремии входят и в сферу интересов лингвистики как часть лексического фонда языка, для оптимального решения обозначенной задачи мы можем прибегнуть к опыту отечественных, в том числе и карачаево-балкарских, языковедов. Определенные трудности в этом процессе возникают вследствие наличия генетической связи, схожести содержания произведений рассматриваемых жанров, а также способности ряда пословиц и поговорок переходить друг в друга путем незначительного изменения формы. Проведенное исследование выявило сложность и неоднозначность проблемы классификации паремий. Тем не менее, при условии применения соответствующего комплекса критериев, выработанных на основе трудов фольклористов и лингвистов, подобное разграничение все же представляется возможным.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор; лингвистика; классификация; жанр; пословицы; поговорки; критерии разграничения.

**KARACHAY-BALKARIAN PROVERBS AND SAYINGS: TO THE
PROBLEM OF GENRE DIFFERENTIATION****F.H. GULIEVA (ZANUKOEVA)**

*Institute for Humanitarian studies – branch of the FSBSE «Federal Scientific Center 'Kabardin-
Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: gfariza37@mail.ru*

Abstract. The article aims to highlight one of the aspects of the problem of genre classification of Karachay-Balkar folklore. The object of study in this work is proverbs and sayings. Despite the fact, that these are two different genres of oral literature, in most of collections they are given in a single array. They are not differentiated in the main part of the scientific research of folklorists. In the same works, whose authors make an attempt to separate proverbs from sayings (T.Sh. Bittirova), criteria, proposed for this, seem insufficient. Since paremias are also included in the sphere of interests of linguistics as part of the lexical fund of the language, for the optimal solution of indicated problem, we can resort to the experience of domestic, including Karachay-Balkar, linguists. Certain difficulties in this process arise due to the presence of genetic connection, similarity of content of works of the genres under consideration, as well as the ability of a number of proverbs and sayings to pass into each other by a slight change in form. The study revealed complexity and ambiguity of the problem of classification of paremias. Nevertheless, subject to the application of an appropriate set of criteria, developed on the basis of the works of folklorists and linguists, such a distinction is still possible.

Keywords: karachay-balkarian folklore; linguistics; classification; genre; proverbs; sayings; delimitation criteria.

Пословицы и поговорки традиционно относятся к числу малых афористических жанров фольклора. Они незначительны по объему, но не по значению: в них сконцентрированы мудрость народа, весь его исторический опыт, они дают наиболее полное представление об этнической картине мира, системе ценностей, этических и эстетических идеалах. «Паремиология отражает жизнь и мировоззрение народа во всем многообразии, она реагирует на все явления действительности, отображает его социальные, религиозные, философские, морально-этические, эстетические, бытовые взгляды» [Хаджиева 2014: 573]. Все это обусловило неизменный интерес к пословицам и поговоркам со стороны не только филологов, но также и специалистов в области этнографии, культурологии и других смежных наук.

Впервые образцы карачаево-балкарских паремий стали достоянием широкой общественности в начале XX в. благодаря публикациям Н.П. Тульчинского «Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области» (1903), [КБФДЗП 1983: 284-287] и В. Прёле «Карачаевские этюды» (1909) [КБФДЗП 1983: 288, 294] и «Балкарские этюды» (1916) [КБФДЗП 1983: 333-334]. В послереволюционные годы усилиями сотрудников научно-исследовательских институтов, созданных в Кабардино-Балкарии (1926) и Карачаево-Черкесии (1932), сбор фольклорно-этнографического материала карачаевцев и балкарцев приобрел более системный характер, однако, в силу известных исторических обстоятельств (ВОВ и депортации) был прерван и возобновился лишь в конце 1950 – начале 1960 гг.

В довоенный период был издан лишь один сборник, куда вошло более 300 пословиц и поговорок, «*Къарачай фольклор*» – «Карачаевский фольклор» [КъФ 1940].

Постдепортационный период ознаменовался подъемом национального самосознания и активизацией записи и публикации образцов устного народного

творчества карачаевцев и балкарцев. «В экспедициях КБНИИ и КЧНИИ разных лет участвовали ученые, писатели, журналисты обеих республик (А.Ю. Бозиев, А.Х. Соттаев, С.О. Шахмурзаев, С.А. Отаров, К.С. Отаров, Х.И. Суюнчев, Д.М. Таумурзаев, А.З. Холаев, З.М. Улаков, С.Б. Настаев, Х.Х. Малкондуев, А.М. Теппеев, А.И. Рахаев, Р.А.-К. Ортабаева, С.А. Гочияева, Ф.А. Урусбиева, Т.Ш. Биттирова, Т.М. Хаджиева и др.). Их усилиями на базе обозначенных институтов были созданы рукописные и фоноархивы, где собран значительный по объему материал по всем жанрам устной словесности» [Гулиева 2019: 16-17]. На его основе в дальнейшем было подготовлено значительное число научных, научно-популярных и художественных изданий текстов устной словесности, проведены исследования по многим проблемным вопросам карачаево-балкарской фольклористики. Было уделено внимание и малым афористическим жанрам. Подборки пословиц и поговорок публиковались как в общих сборниках («Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору» (1962), «*Малкъар жомакъла, нарт сёзле, элберле*» – «Балкарские сказки, пословицы, загадки» (1959), «*Джетегейли – джети джулдуз*» – «Большая медведица» (1985), «*Къарачай-малкъар фольклор*» – «Карачаево-балкарский фольклор» (1996), «*Алгъышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле*» – «Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки» (1997), «*Ёзден адет*» (2005, 2009) и др.), так и выходили отдельными книгами («*Къарачай нарт сёзле*» – «Карачаевские пословицы и поговорки» (1963), «*Малкъар нарт сёзле*» – «Балкарские пословицы и поговорки» (1965, 1982), «*Къарачай-малкъар нарт сёзле*» – «Карачаево-балкарские пословицы и поговорки» (2005), «*Нарт сёзле, айтыула, чам сёзле*» – «Пословицы, поговорки, прибаутки» (2010) и др.).

Практически все исследователи карачаево-балкарского фольклора так или иначе затрагивали малые жанры в своих трудах. В некоторых работах общего характера мы находим лишь упоминания о них [Караева 1966: 12; Урусбиева 2001: 70], в других дается краткое или более развернутое описание пословиц и поговорок, их структуры, особенностей художественного оформления, тематических групп, истории сбора и публикации и т.д. [Караева 1961: 22-24; Холаев 1981: 28-31; Хаджиева 1996: 27-28; Малкондуев 2010: 17; Хаджиева 2014: 569-574]. Подобным образом обстоит дело и в научных статьях [Ортабаева 1991; Берберов 2020], введениях к изданиям пословиц и поговорок [Хубиев 1963; Койчуев 2010].

Анализ наличных сборников фольклорных текстов и научных изысканий показывает, что в большинстве из них пословицы и поговорки рассматриваются единым массивом, проблема классификации в них не ставится, соответственно, не дается и перечень их жанрообразующих признаков. Единственное исключение в этом плане составляет книга «*Алгъышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле*» – «Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки». Автор вступительной статьи и один из составителей сборника Т.Ш. Биттирова разграничивает пословицы и поговорки, дает им отдельные характеристики и даже выявляет их особенности: «Пословицы и поговорки в основном изучают вместе, либо публикуют в сборниках, не отделяя друг от

друга. Однако, несмотря на то, что пословицы очень близки к поговоркам, у них имеются жанровые отличия. В первую очередь, пословицы отличаются от поговорок широтой значения, философской глубиной, соответствием признакам многих предметов / явлений. Поговорки же соответствуют лишь одному предмету / явлению, раскрывают лишь одно событие. ...

Большинство поговорок образуется путем сравнения и имеет краткую форму. Двустрочные поговорки встречаются редко. Еще одно отличие поговорок от пословиц – они могут встречаться только в некоторых ущельях или селах, а пословицы употребляются всем народом» [Биттирова 1997: 18].

Другими словами, ученый в качестве жанрообразующих критериев выделяет однозначность / многозначность, наличие / отсутствие глубинного смысла, подтекста, объем, ареал бытования произведения. На наш взгляд, данный перечень не является достаточным для четкого разделения пословиц и поговорок.

В решении обозначенной проблемы определенную помощь может оказать и опыт отечественных фольклористов и лингвистов.

Затрагивая вопрос разграничения малых афористических жанров на материале русского фольклора, Ю.М. Соколов вслед за В.И. Далем усматривал главные отличия пословицы от поговорки в том, что первая представляет собой полное выраженное суждение, имеющее обобщающий, синтезирующий смысл, и всегда дается как синтаксическое предложение, а вторая лишь намекает на вывод, выражается намеком и может быть только одной частью предложения. Даже в тех редких случаях, когда поговорка представляет собой предложение (полное или неполное, простое или сложное), она судит только об одной конкретной ситуации. В то же время ученый отметил, что вследствие чрезвычайной близости по художественной природе (синтаксическому, ритмическому строю, особенностям звуковых сочетаний, характеру образов) пословицы и поговорки всеми собирателями и исследователями традиционно рассматриваются вместе [Соколов 2007: 223]. Подобная картина наблюдается и в языкознании: «Несмотря на широкое разнообразие определений, в лингвистическом знании существует терминологическая неопределённость, касающаяся определений "пословица" и "поговорка". Зарубежные исследователи не разграничивают эти понятия» [Алексеева, Давыдочева 2020: 80-81].

В лингвистике для обозначения пословиц и поговорок традиционно используется термин «паремии», хотя его значение много шире.

По определению Г.Л. Пермякова, паремии представляют собой «народные изречения, выраженные предложениями (например, пословицы, поговорки, приметы), а также короткими цепочками предложений, представляющими элементарную сценку или простейший диалог (например, побасенки, «одномоментные» анекдоты, загадки)» [Пермяков 1975: 247]. Автор выявляет по меньшей мере 24 типа изречений, различающихся по внешней и внутренней структуре, характеру прагматических текстовых функций (пословицы и поговорки, загадки, приметы, разного рода «деловые» изречения, вещие сны, поверья, загадочные вопросы, проклятия, пожелания, велеризмы и др.).

Однако существует и более суженная трактовка, которой мы и придерживаемся в данной работе. Так, рассуждая на тему терминологии паремий в лингвистическом знании, О.П. Алексеева и М.А. Давыдочева пишут: «Паремии – замкнутые устойчивые фразы (пословицы и поговорки), являющиеся маркерами отношений и ситуаций между реалиями. Пословица – устойчивый афоризм фольклорного происхождения, имеющий образную и "безобразную" структуру значения, характеризующуюся эквивалентностью суждения, относительной независимостью от внешнего контекста и наличием подтекста. Поговорка – устойчивое выражение, которое не имеет эквивалентного суждения и не обладает семантической независимостью от внешнего контекста, и ее функционирование во многом обусловлено способностью украшать и разнообразить речь» [Алексеева, Давыдочева 2020: 80].

Важность и актуальность изучения паремий отметили и карачаево-балкарские языковеды. Так, по мнению Асхата и Алима Аппоевых, авторов монографии «Карачаево-балкарские паремии: структура и семантика», фонд паремических единиц языка представляет несомненный интерес для лингвистики: пословицы и поговорки являются ценным материалом для разного рода лексикографических изданий, во многом коррелируют с фразеологическими единицами, обладают присущими только им лексико-грамматическими и стилистическими особенностями и характеризуются константными структурно-семантическими моделями с «закрепленным» составом лексики, что делает их подходящим объектом исследования современной синтаксической науки [Аппоев Ас., Аппоев Ал. 2012: 3]. Подтверждается это и наличием значительного числа трудов языковедческого характера, так или иначе обращающихся к пословицам и поговоркам [Салпагарова 1991; Гузеев, Мизиев 1999; Гелястанова 2009; Гелястанова 2010a; Гелястанова 2010b; Гелястанова 2010c; Гелястанова, Аппоев 2015; Кетенчиев 2015; Кетенчиев, Геляева 2015; Мусуков, Магрелова 2015; Аппоев 2017; Ахматова, Кетенчиев 2018; Кетенчиев и др. 2018 и др.]. В качестве иллюстративного материала паремии используются в трехтомном «Толковом словаре карачаево-балкарского языка» (1996, 2002, 2005), а автор «Карачаево-балкарского фразеологического словаря» З.К. Жарашуева причислила пословицы и поговорки к разряду устойчивых выражений, представленных в ее работе [Жарашуева 2001].

К сожалению, в большинстве указанных работ рассматриваются лишь отдельные аспекты исследования пословиц и поговорок. В них практически не уделяется внимание проблеме их жанрового отграничения. Тем не менее, нельзя сказать, что данный вопрос не затронут карачаево-балкарскими лингвистами вовсе.

В 1996 г. вышла в свет монография И.М. Отарова «Лексикология карачаево-балкарского языка», в которой в рамках изучения фразеологии предпринимается попытка отграничить фразеологические единицы от пословиц и поговорок. Несмотря на то, что многие лингвисты (С.К. Кенесбаев, С.Н. Муратов, Ч.Г. Сайфуллин, Г.Х. Ахунзянов, В.Л. Архангельский,

Н.М. Шанский) традиционно относили поговорки к области фразеологии, автор придерживался мнения, что лишь отдельные пословицы и поговорки могут входить в нее, при этом поговорки относительно ближе стоят к фразеологизмам, нежели пословицы. Ученый выявил сходства и различия между пословицами и фразеологизмами, поговорками и фразеологизмами, что в определенной степени может способствовать решению основной задачи нашего исследования. Так, пословица является воспроизводимой единицей языка, вносимой в речь в готовом виде и употребляемой в иносказательном смысле. Она всегда выражает суждение, может употребляться как в прямом, так и в переносном значении, представляет собой предложение, которое различается семантически и синтаксически и не равнозначно слову. Фразеологические единицы могут входить в состав пословиц, но не наоборот.

Поговорки же, занимают промежуточное между фразеологизмами и поговорками положение, что позволяет вносить некоторые из них во фразеологические словари. По мнению И.М. Отарова, большинство поговорок одноплановы, передают только прямой смысл, но некоторые имеют и переносное значение, хоть и не такое широкое, как пословицы. Структурно они могут быть оформлены как предложение или ее часть [Отаров 1996: 134-138].

Т.С. Гелястанова в своей статье «Прагматика карачаево-балкарских поговорок» также дает перечень специфических особенностей пословиц и поговорок. Так, пословица всегда передает законченную мысль, которая выражается в виде краткого заключения. В ней нет лишних слов, описаний или характеристик. Она дает либо положительную, либо отрицательную оценку явлений действительности и нередко состоит из двух противоположных друг другу частей. Пословицы могут употребляться в прямом и переносном значении.

Поговорки представляют собой меткие, краткие изречения, высказываемые по конкретному поводу и образно определяющие предметы или явления по их характерным признакам. Они относятся к определенному факту, употребляются к слову, подтверждают какую-то мысль, в то же время не делая выводов, но подразумевая их.

Пословицы и поговорки, по мнению ученого, отличаются по размеру (поговорка короче пословицы), выполняемым функциям (в пословицах делаются конкретные обобщения и выводы, а в поговорках их нет, их основная задача состоит в том, чтобы обогатить, оживить, украсить разговорную речь, сделать ее яркой и образной [Гелястанова 2010: 52-55]).

Автор также отмечает зыбкость границы между поговоркой и пословицей: первая может перейти во вторую в случае присоединения к ней одного слова или изменения порядка слов [Гелястанова 2010: 52-55]. Данное явление усложняет процесс разграничения поговорок так же, как и наличие неразрывной генетической связи, совместное бытование и функционирование, неразличение их в устной речи.

Исходя из результатов анализа фольклорных сборников и научной литературы, можно сделать ряд выводов:

1) фонд карачаево-балкарских паремий чрезвычайно богат и разнообразен и охватывает все стороны жизнедеятельности народа-носителя;

2) в большинстве трудов (как художественных, так и научных) пословицы и поговорки даются и рассматриваются вместе;

3) паремии имеют общее происхождение, сходные условия бытования в речи, близки по художественной природе;

4) несмотря на наличие сходных черт, пословицы и поговорки отличаются по многим позициям:

- по структуре: пословицы замкнутые, поговорки незамкнутые высказывания;

- по синтаксической оформленности: пословица – предложение, поговорка – часть предложения, значительно реже предложение;

- по размеру: поговорки короче пословиц и даже могут входить в их состав, но не наоборот;

- по широте значения (многозначности / однозначности): поговорки имеют более узкое значение;

- по философской глубине (наличию / отсутствию подтекста): пословицы более многоплановы, выражаемое в них суждение, заключение может быть отнесено ко многим предметам и явлениям; поговорки же более ограничены в этом отношении привязкой к определенному факту, явлению, предмету или событию, они лишь подтверждают определенную мысль, но не делают выводов, а лишь намекают на них;

- по зависимости / независимости от контекста: пословицы относительно обладают относительной свободой от внешнего контекста, а поговорки всегда контекстуально обусловлены;

- по основной функции: поговорка направлена на выражение суждения, заключения, имеющего обобщающий, синтезирующий смысл; поговорка в большей степени направлена на придание разговорной речи яркости, образности, живости, т.е. выполняет орнаментальную функцию;

5) поговорки могут переходить в пословицы путем прибавления нескольких слов или изменения порядка построения.

Таким образом, проведенное исследование выявило сложность и неоднозначность проблемы жанровой классификации карачаево-балкарских паремий. Тем не менее, несмотря на общность генетических истоков, условий бытования и близость по художественной природе, пословицы и поговорки могут быть отделены друг от друга по ряду характерных признаков (формально-семантических, структурных, функциональных и т.п.).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алексеева, Давыдочева 2020 – *Алексеева О.П., Давыдочева М.А.* Паремии: к вопросу терминологии в лингвистическом знании // Гуманитарный научный вестник. – 2020. – № 4. – С. 79-83. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.3830909>.

Аппоев 2017 – *Аппоев А.К.* Пословицы и поговорки как источник изучения культурно-языкового сознания // Вестник КБИГИ. – 2017. – № 3 (34). – С. 84-87.

Аппоев Ас., Аппоев Ал. 2012 – *Аппоев Ас.К., Аппоев Ал.К.* Карачаево-балкарские паремии: структура и семантика. – Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2012. – 130 с.

Ахматова, Кетенчиев 2018 – *Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б.* Репрезентация концепта «ум» в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 2 (30). – С. 57-64. DOI: 10.29025/2079-6021-2018-2(30)-57-64.

Берберов 2020 – *Берберов Б.А.* Концепт «здоровье» в карачаево-балкарских поговорках и пословицах // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2020. – № 2 (94). – С. 102-110. DOI:10.35330/1991-6639-2020-2-94-102-110.

Биттирова 1997 – *Биттирова Т.Ш.* Ал сёз (Введение) // Алгъышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле... (Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки...): Хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору / сост. Т.Ш. Биттирова, А.Б. Габаева. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – С. 3-22.

Гелястанова 2009 – *Гелястанова Т.С.* Репрезентация концепта «труд» в карачаево-балкарских пословицах и поговорках // Язык – текст – дискурс: традиции и новации. Материалы международной лингвистической конференции. – Самара: Самарский государственный университет, 2009. – С. 287-289.

Гелястанова 2010a – *Гелястанова Т.С.* Прагматика карачаево-балкарских паремий // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии: сборник статей к 70-летию Ж.М. Гузеева. – Нальчик: Принт Центр, 2010. – С. 44-49.

Гелястанова 2010b – *Гелястанова Т.С.* Репрезентация животных в карачаево-балкарских паремиях // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2010. – № 12. – С. 299-301.

Гелястанова 2010c – *Гелястанова Т.С.* Репрезентация трудового и умственного воспитания в пословицах и поговорках карачаевцев и балкарцев // Актуальные вопросы общего и кавказского языкознания. Материалы международной научной конференции (г. Махачкала, 13-15 мая 2010 г.). – Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 2010. – С. 78-81.

Гелястанова, Аппоев 2015 – *Гелястанова Т.С., Аппоев А.К.* Лингвокультурологический анализ карачаево-балкарских паремий: учебное пособие. – Нальчик: КБГУ, 2015. – 55 с.

Гузев, Мизиев 1999 – *Гузев Ж.М., Мизиев А.М.* Лексикализация имен действия в карачаево-балкарских пословицах и поговорках // Литература народов Северного Кавказа: художественные и методологические проблемы изучения. – Карачаевск: Изд-во КЧПУ, 1999. – С. 54-56.

Гулиева 2019 – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Карачаево-балкарская волшебная сказка. – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 108 с.

Жарашуева 2001 – *Жарашуева З.К.* Къарачай-малкъар тилни фразеология сёзлюгю (Карачаево-балкарский фразеологический словарь). – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2001. – 476 с.

Караева 1961 – *Караева А.И.* О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа. – Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1961. – 62 с.

Караева 1966 – *Караева А.И.* Очерк истории карачаевской литературы. – М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1966. – 320 с.

КБФДЗП 1983 – *Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях* / сост., вступ. статья и комментарии А.И. Алиевой; отв. ред. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 432 с.

Кетенчиев 2015 – *Кетенчиев М.Б.* Карачаево-балкарские компаративные паремические высказывания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2015. – № 2. – С. 132-136.

Кетенчиев и др. 2018 – *Кетенчиев М.Б., Додуева А.Т., Девеева А.А.* Вербализация семьи в карачаево-балкарском фольклоре // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 1 (22). – С. 81-84.

Кетенчиев, Геляева 2015 – *Кетенчиев М.Б., Геляева Ж.А.* Вербализация концептов «муж» и «жена» в карачаево-балкарских паремиях // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. – Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. – С. 48-52.

Койчуев 2010 – Койчуев А.Д. Ал сёз (Введение) // Нарт сёзле, айтыула, чам сёзле (Пословицы, поговорки, шуточные изречения) / сост. А.Д. Койчуев. – Ставрополь-Карачаевск: КЧГУ, 2010. – С. 4-8.

КъФ 1940 – *Къарачай фольклор* (Карачаевский фольклор) / сост. Х.О. Лайпанов, М.А. Дудов. – Микоян-Шахар, 1940. – 240 с.

Малкондуев 2010 – *Малкондуев Х.Х.* Фольклор и фольклористика // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. – С. 8-35.

Мусуков, Магрелова 2015 – *Мусуков Б.А., Магрелова Ф.А.* Функционально-семантическая парадигма числительных в карачаево-балкарских пословицах и поговорках // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. – Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. – С. 59-65.

Ортабаева 1991 – *Ортабаева Р.А.-К.* Карачаево-балкарские паремии (тематика и некоторые особенности народного исполнительства) // Фольклор народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1991. – С. 48-65.

Отаров 1996 – *Отаров И.М.* Лексикология карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 222 с.

Пермяков 1975 – *Пермяков Г.Л.* К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В.Я. Проппа (1895–1970). – М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1975. – С. 247-274.

Салпагарова 1991 – *Салпагарова К.А.* Карачаево-балкарские пословицы и поговорки о животных // Фольклор народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск: Адыгея, 1991. – С. 66-81.

Соколов 2007 – *Соколов Ю.М.* Русский фольклор: Учебное пособие. – 3-е изд. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 544 с.

Урусбиева 2001 – *Урусбиева Ф.А.* Карачаево-балкарский фольклор (К вопросу о типологии развития жанров) // *Урусбиева Ф.А.* Избранные труды: очерки, эссе, статьи. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – С. 3-70.

Хаджиева 1996 – *Хаджиева Т.М.* Малкъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыклары (Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев) // *Къарачай-малкъар фольклор* (Карачаево-балкарский фольклор): Хрестоматия. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – С. 6-37.

Хаджиева 2014 – *Хаджиева Т.М.* Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы. – М.: Наука, 2014. – С. 522-584.

Холаев 1981 – *Холаев А.З.* Народное устно-поэтическое творчество // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – С. 13-31.

Хубиев 1963 – *Хубиев О.* Къарачай халкъны сёз байлыгъы (Словесное богатство карачаевского народа) // *Къарачай нарт сёзле* (Карачаевские пословицы и поговорки) / сост. С.Ч. Алиев. – Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1963. – С. 3-12.

REFERENCES

AKHMATOVA M.A., KETENCHIEV M.B. *Reprezentatsiya kontsepta «um» v karachaevo-balkarskom yazyke* [Representation of the concept «mind» in the karachay-balkar language]. IN: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. – 2018. – No. 2 (30). – P. 57-64. DOI: 10.29025/2079–6021-2018-2(30)-57-64 (In Russian)

ALEKSEEVA O.P., DAVYDOCHEVA M.A. *Paremii: k voprosu terminologii v lingvisticheskom znanii* [Paroemias: questions of terminology in linguistics studies]. IN: *Gumanitarnyi nauchnyi vestnik*. – 2020. – No. 4. – P. 79-83. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.3830909> (In Russian)

APPOEV A.K. *Poslovitsy i pogovorki kak istochnik izucheniya kul'turno-yazykovogo soznaniya* [Embodiments and talks as a source of studying cultural-language consciousness]. IN: *Vestnik KBIGI*. – 2017. – No. 3 (34). – P. 84-87. (In Russian)

APPOEV As.K., APPOEV Al.K. *Karachaevo-balkarskie paremii: struktura i semantika* [Karachay-balkarian paremias: structure and semantics]. – Nalchik: Izd. otdel KBIGI, 2012. – 130 p. (In Russian)

BERBEROV B.A. *Kontsept «zdorov'e» v karachaevo-balkarskikh pogovorkakh i poslovitsakh* [Concept «health» in karachay-balkar sayings and proverbs]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2020. – No. 2 (94). – P. 102-110. DOI:10.35330/1991-6639-2020-2-94-102-110 (In Russian)

BITTIROVA T.Sh. *Al sez (Vvedenie)* [Introduction]. IN: *Alg'yshla, nart taurukhla, zhomak''la, zhyrla, elberle... (Pozhelaniya, legendy o nartakh, skazki, pesni, zagadki...): Khrestomatiya po karachaevo-balkarskomu fol'kloru / sost. T.Sh. Bittirova, A.B. Gabaeva* [Wishes, legends about narts, fairy-tales, songs, riddles...: Readings on karachai-balkarian folklore. Collected by T.Sh. Bittirova, A.B. Gabaeva]. – Nalchik: El'brus, 1997. – P. 3-22. (In Balkarian)

GELYASTANOVA T.S. *Pragmatika karachaevo-balkarskikh paremii* [Pragmatics of karachay-balkarian paremias]. IN: *Aktual'nye voprosy karachaevo-balkarskoi filologii: sbornik statei k 70-letiyu Zh.M. Guzeeva* [Topical issues of Karachai-Balkarian philology: a collection of articles dedicated to the 70th anniversary of Zh.M. Guzeev]. – Nalchik: Print Tsentr, 2010. – P. 44-49. (In Russian)

GELYASTANOVA T.S. *Reprezentatsiya kontsepta «trud» v karachaevo-balkarskikh poslovitsakh i pogovorkakh* [Representation of the concept «labor» in karachay-balkarian proverbs and sayings]. IN: *Yazyk – tekst – diskurs: traditsii i novatsii. Materialy mezhdunarodnoi lingvisticheskoi konferentsii* [Language – text – discourse: traditions and innovations. Materials of the international linguistic conference]. – Samara: Samarskii gosudarstvennyi universitet, 2009. – P. 287-289. (In Russian)

GELYASTANOVA T.S. *Reprezentatsiya trudovogo i umstvennogo vospitaniya v poslovitsakh i pogovorkakh karachaevtsev i balkartsev* [Representation of labor and mental education in the proverbs and sayings of the Karachais and Balkars]. IN: *Aktual'nye voprosy obshchego i kavkazskogo yazykoznaniiya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Makhachkala, 13-15 maya 2010 g.)* [Actual issues of general and Caucasian linguistics. Materials of the international scientific conference (Makhachkala, May 13-15, 2010)]. – Makhachkala: Dagestanskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2010. – P. 78-81. (In Russian)

GELYASTANOVA T.S. *Reprezentatsiya zhivotnykh v karachaevo-balkarskikh paremiyakh* [Representation of animals in the Karachai-Balkarian paremias]. IN: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. – 2010. – No. 12. – P. 299-301. (In Russian)

GELYASTANOVA T.S., APPOEV A.K. *Lingvokul'turologicheskii analiz karachaevo-balkarskikh paremii: uchebnoe posobie* [Linguoculturological analysis of the karachay-balkarian paremias]. – Nalchik: KBGU, 2015. – 55 p. (In Russian)

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.Kh. *Karachaevo-balkarskaya volshebnyaya skazka* [Karachay-balkarian magic fairy-tale]. – Nalchik: Red.-izd. otdel IGI KBNTs RAN, 2019. – 108 p. (In Russian)

GUZEEV Zh.M., MIZIEV A.M. *Leksikalizatsiya imen deistviya v karachaevo-balkarskikh poslovitsakh i pogovorkakh* [Lexicalization of names of action in karachay-balkarian proverbs and sayings]. IN: *Literatura narodov Severnogo Kavkaza: khudozhestvennye i metodologicheskie problemy izucheniya* [Literature of the peoples of the North Caucasus: artistic and methodological problems of study]. – Karachaevsk: Izd-vo KChGPU, 1999. – P. 54-56. (In Russian)

K''arachai fol'klor (Karachaevskii fol'klor) / sost. Kh.O. Laipanov, M.A. Dudov [Karachay folklore. Compilers Kh.O. Laipanov, M.A. Dudov]. – Mikoyan-Shakhar, 1940. – 240 p. (In Karachay)

Karachaevo-balkarskii fol'klor v dorevolutsionnykh zapisyakh i publikatsiyakh / sost., vstup. stat'ya i kommentarii A.I. Alievoy; otv. red. T.M. Khadzhiyeva [Karachay-balkarian folklore in

pre-revolutionary records and publications. Compiler, author of introductory article and comments A.I. Alieva; editor-in-chief T.M. Khadzhieva]. – Nalchik: El'brus, 1983. – 432 p. (In Russian)

KARAEVA A.I. *O fol'klornom nasledii karachaevo-balkarskogo naroda* [About the folklore heritage of the karachay-balkarian people]. – Cherkessk: Karach.-Cherkes. kn. izd-vo, 1961. – 62 p. (In Russian)

KARAEVA A.I. *Ocherk istorii karachaevskoi literatury* [Essay on the history of karachay literature]. – M.: Nauka. Glav. red. vost. lit., 1966. – 320 p. (In Russian)

KETENCHIEV M.B. *Karachaevo-balkarskie komparativnye paremicheskie vyskazyvaniya* [The karachay-balkar comparative proverbial expressions]. IN: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. – 2015. – No. 2. – P. 132-136. (In Russian)

KETENCHIEV M.B., DODUEVA A.T., DEVEEVA A.A. *Verbalizatsiya sem'i v karachaevo-balkarskom fol'klоре* [Verbalization of the family in the karachay-balkar folklore]. IN: *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*. – 2018. – T. 7. – No. 1 (22). – P. 81-84. (In Russian)

KETENCHIEV M.B., GELYAEVA Zh.A. *Verbalizatsiya kontseptov «muzh» i «zhena» v karachaevo-balkarskikh paremiyakh* [Verbalization of the concepts «husband» and «wife» in the Karachai-Balkarian paremias]. IN: *Aktual'nye voprosy karachaevo-balkarskoi filologii* [Actual questions of karachay-balkarian philologies]. – Nalchik: Izd. otel KBIGI, 2015. – P. 48-52. (In Russian)

KHADZHIEVA T.M. *Fol'klор* [Folklore]. IN: *Karachaevtsy. Balkartsy* [Karachais. Balkarians]. – M.: Nauka, 2014. – P. 522-584. (In Russian)

KHADZHIEVA T.M. *Malk"arlylany bla k"arachailylany khalk" poeziya chyg"armachylyk"lary (Narodnoe poeticheskoe tvorchestvo balkartsev i karachaevtsev)* [Folk poetic creativity of Balkarians and Karachays]. IN: *K"arachai-malk"ar fol'klор (Karachaevo-balkarskii fol'klор): Khrestomatiya* [Karachay-balkarian folklore: Readings]. – Nalchik: El'-Fa, 1996. – P. 6-37. (In Balkarian)

KHOLAEV A.Z. *Narodnoe ustno-poeticheskoe tvorchestvo* [Folk oral-poetic works]. IN: *Ocherki istorii balkarskoi literatury* [Essays on the history of balkarian literature]. – Nalchik: El'brus, 1981. – P. 13-31. (In Russian)

KHUBIEV O. *K"arachai khalk"ny sez bailyg"y (Slovesnoe bogatstvo karachaevskogo naroda)* [Verbal wealth of Karachay people]. IN: *K"arachai nart sezle (Karachaevskie poslovitsy i pogovorki) / sost. S.Ch. Aliev* [Karachay proverbs and sayings. Compiler S.Ch. Aliev]. – Cherkessk: Karach.-Cherkes. kn. izd-vo, 1963. – P. 3-12. (In Karachay)

KOICHUEV A.D. *Al sez (Vvedenie)* [Introduction]. IN: *Nart sezle, aityula, cham sezle (Poslovitsy, pogovorki, shutochnye izrecheniya) / sost. A.D. Koichuev* [Nart syozle, ajtyula, cham syozle. Proverbs, sayings, comic sayings, compiler A.D. Koichuev]. – Stavropol'-Karachaevsk: KChGU, 2010. – P. 4-8. (In Karachay)

MALKONDUEV Kh.Kh. *Fol'klор i fol'klорistika* [Folklore and folklore study]. IN: *Ocherki istorii balkarskoi literatury* [Essays on the history of balkarian literature]. – Nalchik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.», 2010. – P. 8-35. (In Russian)

MUSUKOV B.A., MAGRELOVA F.A. *Funktsional'no-semanticheskaya paradigma chislitel'nykh v karachaevo-balkarskikh poslovitsakh i pogovorkakh* [Functional-semantic paradigm of the numerals in karachay-balkarian proverbs]. IN: *Aktual'nye voprosy karachaevo-balkarskoi filologii* [Actual questions of karachay-balkarian philologies]. – Nalchik: Izd. otel KBIGI, 2015. – P. 59-65. (In Russian)

ORTABAEVA R.A.-K. *Karachaevo-balkarskie paremii (tematika i nekotorye osobennosti narodnogo ispolnitel'stva)* [Karachay-balkarian paremias (themes and some features of folk performance)]. IN: *Fol'klор narodov Karachaevo-Cherkessii* [Folklore of the peoples of Karachay-Cherkessia]. – Cherkessk, 1991. – P. 48-65. (In Russian)

OTAROV I.M. *Leksikologiya karachaevo-balkarskogo yazyka* [Lexicology of karachay-balkarian language]. – Nalchik: El'brus, 1996. – 222 p. (In Russian)

PERMYAKOV G.L. *K voprosu o strukture paremiologicheskogo fonda* [On the question of the structure of the paremiological fund]. IN: *Tipologicheskie issledovaniya po fol'klору. Sbornik*

statei pamyati V.Ya. Proppa (1895-1970) [Typological studies in folklore. Collection of articles in memory of V.Ya. Propp (1895-1970)]. – M.: Nauka. Glav. red. vost. lit., 1975. – P. 247-274. (In Russian)

SALPAGAROVA K.A. *Karachaevo-balkarskie poslovitsy i pogovorki o zhivotnykh* [Karachay-balkarian proverbs and sayings about animals]. IN: *Fol'klor narodov Karachaevo-Cherkessii* [Folklore of the peoples of Karachay-Cherkessia]. – Cherkessk: Adygeya, 1991. – P. 66-81. (In Russian)

SOKOLOV Yu.M. *Russkii fol'klor: Uchebnoe posobie* [Russian folklore: textbook]. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2007. – 544 p. (In Russian)

URUSBIEVA F.A. *Karachaevo-balkarskii fol'klor (K voprosu o tipologii razvitiya zhanrov)* [Karachay-balkarian folklore (On the question of typology of development of genres)]. IN: URUSBIEVA F.A. *Izbrannye trudy: ocherki, esse, stat'i* [Selected works: sketch, essays, articles]. – Nalchik: El'brus, 2001. – P. 3-70. (In Russian)

ZHARASHUEVA Z.K. *K"arachai-malk"ar tilni frazeologiya sezlyugyu (Karachaevo-balkarskii frazeologicheskii slovar')* [Karachay-balkarian phraseological dictionary]. – Nalchik: Poligrafservis i T, 2001. – 476 p. (In Balkarian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA

УДК 821.353.3

DOI 10.31143/2542-212X-2020-4-271-283

**АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ И ОЦЕНКИ ЛИТЕРАТУРЫ АДАБА
АДЫГСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА А.Г. ДЫМОВА)****И.А. КАЖАРОВА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: barsello@rambler.ru*

Аннотация. В предлагаемой статье на материале творчества А.Г. Дымова выявляются некоторые аспекты, характерные для исследовательской интерпретации литературы адаба адыгских просветителей. Рассматривается ряд положений, закрепившихся в основополагающих литературоведческих трудах, посвященных прогрессивным тенденциям конфессионального образования в Кабарде рубежа XIX – XX столетий. Устанавливается степень соответствия понятия «адаб» сочинениям, написанным конфессионально образованными деятелями адыгской культуры. Затрагивается проблема интерпретационных пределов в литературоведческих исследованиях, признанных ключевыми по обозначенному периоду, рассматриваются способы презентации сочинений адыгских «арабистов» в современных изданиях: сборниках и антологиях. Прослеживается связь способов презентации материала с особенностями его восприятия. В целях более точного и полного научного понимания исследуемых сочинений доказывается необходимость учитывать идейный контекст исламского реформаторства. В ходе сопоставления способов презентации «Адаба» А. Г. Дымова в двух антологических изданиях, выявляется перестановка смысловых акцентов, которая оказывается неизбежной при ознакомлении с «урезанным» вариантом этого произведения. Внимание к эпизодам, обусловленным интерпретационными пределами, представляется важным постольку, поскольку сопряжено с необходимостью восстанавливать смысловые звенья, которые в свое время не могли быть представлены.

Ключевые слова: адаб; Адам Дымов; интерпретация; исламское реформаторство; интерпретационные пределы; восприятие; оценка.

**ASPECTS OF PERCEPTION AND EVALUATION OF ADAB LITERATURE
OF ADYGHE EDUCATORS
(BASED ON THE WORK OF A.G. DYMOV)****I.A. KAZHAROVA**

*Institute for Humanitarian studies – branch of the FSBSE «Federal Scientific Center 'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: barsello@rambler.ru*

Abstract. In this article, based on the material of A. G. Dymov's creative work, some aspects characteristic of the research interpretation of the literature of the adab of the Adyghe enlighteners are revealed. The article considers a number of provisions that were fixed in the fundamental literary works devoted to the progressive trends of confessional education in Kabarda at the turn of the XIX-XX centuries. The degree of correspondence of the concept «adab» to works written by confessionally educated figures of Adyghe culture is established. The article deals with the problem of interpretative limits in literary studies recognized as key for the designated period, and discusses ways to present the works of Adyghe «Arabists» in modern publications: collections and anthologies. The connection between the methods of presentation of the material and the peculiarities of its perception is traced. In order to provide a more accurate and complete scientific understanding of the works under study, the author proves the need to take into account the ideological context of Islamic reformism. In the course of comparing the methods of presentation Of adab by A. G. Dymov in two anthological publications, a rearrangement of semantic accents is revealed, which turns out to be inevitable when reading the «truncated» version of this work. Attention to episodes caused by interpretative limits is important insofar as it involves the need to restore semantic links that could not be represented at the time.

Keywords: adab; Adam Dymov; interpretation; Islamic reformation; interpretative boundaries; perception; evaluation.

Едва ли можно поспорить с тем, что произведения, которые появились в годы становления национальной письменности адыгов, воспринимаются главным образом через призму закрепившихся в исследовательской литературе трактовок. Так сложилось, что все эти трактовки оказались значительно отстоящими по времени от самого исследуемого явления, ведь на протяжении почти полувека «все, что было связано с исламом и мусульманской религией, объявлялось неполноценной, реакционной и тормозящей развитие силой» [Кумыков 1996: 271]. Причем все лучшее из того, что оформилось под влиянием конфессиональных традиций, долгое время не просто умалчивалось или отрицалось, но и активно уничтожалось. Разумеется, потери, которые понесла на этой волне национальная культура, оказались значительными, поэтому в годы послабления запретов исследователям предстояло дело невероятной сложности: восстанавливать картину интеллектуальной жизни эпохи, следы которой до недавнего времени старательно затирались, по редким и чаще всего фрагментарным свидетельствам. Возможность детализации или дополнения положений, сформированных в ходе подобной восстановительной работы, не утратила важности и поныне.

Цель предлагаемой статьи – актуализировать на примере наиболее известных трактовок произведений А.Г. Дымова оставшиеся незамеченными аспекты восприятия и оценки литературы адаба адыгских просветителей.

Несомненно, что для всякого, кто имеет хотя бы приблизительное представление об истории литератур Северного Кавказа, понятие «адаб» ассоциируется с ранними этапами этой истории, когда влияние арабской

культуры происходило свободно, и воспринималось как нечто, родственное собственной культуре. В исследованиях кабардинской литературы термин «адаб» начинает фигурировать в 70-х годах минувшего столетия в связи с наследием просветительства «восточной ориентации» и прежде всего адресует к творчеству Адама Гафаровича Дымова (1878-1937). Так, в статье 1976 года А.М. Яфаунов упоминает, как в 1914 году А.Г. Дымов с помощью ученых университета аль-Азхар издал в Египте книгу под названием «Іэдэбиат» [Общественно-политическая ... 1976: 316]. Глубокая, хранящая множество неизвестных страниц тема влияния арабского Востока на культуру адыгов становится одной из основных в исследованиях З. М. Налоева. Среди прочих ее нюансов он, конечно же, не обходит вниманием и термин «адаб». В частности, соотнося упомянутое А.М. Яфауновым название каирского издания с названием и содержанием этого сочинения в адыгоязычном переиздании 1918 года, он конкретизирует его как «Адаб» [Налоев 1978; Адаб... 1991: 41; Налоев 2009: 587]. Позволим себе привести обширный фрагмент из его рассуждений о каирском и местном изданиях «Адаба», поскольку здесь не только имя и «биография» одного из ранних памятников адыгской литературы, но также момент отнесения термина «адаб» к довольно широкому кругу сочинений арабоязычно образованных адыгов (в дальнейшем будем условно называть их адыгскими «арабистами»), вследствие чего причисленными к адабу оказываются публицистические материалы газеты «Адыгский голос».

«Адам Дымов отпечатал в своей типографии три книжки под общим названием «Щэнгъасэ». Исследователи сообщают, что ранее (в 1914 г.) он издал их в Каире на арабском языке одной книгой. Ф.Ш. Ошнокова называет ее «Эстетика поведения»; И. Тлегуров в своей информации А. Яфаунову – «Іэдэбиат», сам А. Яфаунов отмечает также это название и переводит его как «Воспитание». К сожалению, нам не удалось разыскать ни одного экземпляра данного издания. Щэнгъасэ с кабардинского переводится дословно «воспитание характера», но для его научного (терминологического) перевода следовало бы учесть точное арабское название каирского издания. На это нас может навести только И. Тлегуров, знавший эту книжку, а он называет ее «Іэдэбиат», что означает «художественная литература», а «Щэнгъасэ» не является ни художественным произведением, ни литературоведческим сочинением – она представляла собой сборник бесед о религиозных (особенно во втором выпуске) и этических правилах поведения человека, изложенных в форме то миниатюрных эссе, то небольших сюжетных произведений (курсив наш. – И.К.). Это наталкивает на предположение, что, возможно, каирское издание называлось не «адабиат», а скорее – «адаб» – они друг друга не покрывают, хотя первое происходит от второго: последнее не обязательно предполагает художественную форму. Адаб – это круг знаний, который необходим образованному светскому человеку. В этот круг могут войти и поэзия, и религиозные догмы, и нравственные принципы (этикет), и история, и философия и т.д. Он имеет определенную дидактическую направленность (курсив наш. – И.К.). Следовательно, ближе всего подходит для определения жанра дымовских «Щэнгъасэ» термин «адаб». Видимо, автор просто сделал

вольный перевод первоначального арабского названия книжки. Поэтому при переводе баксанских текстов мы решились использовать этот арабский термин, как наиболее близкий по содержанию и уже вошедший в русскую специальную литературу» [Адаб... 1991: 41].

Последнее замечание отчасти объясняет, почему антологию, откуда взят процитированный нами фрагмент, З.М. Налоев решил озаглавить «Адаб баксанского культурного движения» (1991) и почему все, что вышло из-под пера адыгских «арабистов» он именует понятием «адаб». «Баксанское культурное движение и его *адаб* являются неотъемлемой частью национальной культуры кабардинского народа...» [Адаб... 1991: 5]; «Антологическое издание текстов *адаба* баксанских просветителей предпринимается впервые» [Адаб... 1991: 6] – поясняет он во введении. В данном случае была бы желательной оговорка, что в отнесении к ранним памятникам адыгоязычной литературы и в данном конкретном издании «адаб» получает расширительное значение. Ведь невозможно пройти мимо того, что письменный «адаб» в его аутентичном виде, то есть как часть арабской культуры, имеет вполне отчетливую традицию. Выпускник духовного университета Адам Дымов, составляя свой «Адаб», безусловно, знал ее и стремился ей следовать. Что касается варианта «адабиат», упомянутого в информации И. Тлигурова, аргументы З.М. Налоева можно дополнить тем, что в значении «художественная литература» (причем вовсе не обязательно определяемая арабским влиянием) «адабиат» (или «адабият») встречается главным образом в тюркских языках. Маловероятно, чтобы издание на арабском языке, отпечатанное в Каире при содействии наставников университета аль-Азхар, могло быть озаглавлено на тюркский манер.

В арабской культуре понятие «адаб» очень емкое, оно бытовало и в доисламский период, но нас интересует главным образом его письменная ипостась. Забегая вперед заметим, что в одном из значений «адаб» толкуется арабами как «художественная литература», но важно учитывать, что подобное расширительное значение – плод современной культуры, оно бытует в современных арабских странах и подразумевает не только *арабскую* или же испытавшую *арабское влияние* художественную литературу, а художественную литературу вообще.

Примечательно, что адаб как письменный феномен всего лишь на два столетия «моложе» ислама. Вкратце его история и содержательные каноны таковы: «В IX веке в арабо-исламской культуре оформилось направление, целью которого было воспитание через литературу «похвального образа поведения», унаследованного от предков. Культура адаба означала выработку свода светских правил для судей, учителей, чиновников и т. п. «Адабная» литература включала в себя сочинения на моральные темы; собрания изысканных стихов, шуток, анекдотов, которые помогают вести непринужденную беседу. В эпоху «мусульманского ренессанса» (IX-XI века) и позднее, при дворах правителей проводились встречи ученых, мыслителей, поэтов, музыкантов, а также их покровителей. В основе адаба лежало следование духовным традициям, а его целью было все же образование светское. <...>. Адабные учебники давали читателю начальные знания в

области математики, грамматики, истории, арабской поэзии, генеалогии арабских племён, риторики, этики и т. п. В современных арабских странах адаб означает художественную литературу»¹. Сказанного здесь вполне достаточно, чтобы определить насколько зримо и авторитетно это литературное направление в арабо-мусульманской культуре. Надо заметить, А. Дымов, перенося традиции адаба на адыгскую почву, и посвящая этот труд подрастающему поколению, находит в родной культуре довольно точное обозначение – *щэнгъасэ*.

Руководствуясь характеристиками арабо-мусульманского адаба как письменного феномена, можно сказать, что употребление данного понятия в расширительном значении вряд ли применимо ко всему объёму произведений, вышедших из-под пера адыгских «арабистов». Эта расширительность невозможна уже потому, что в период их деятельности арабо-мусульманский адаб как литературное направление со свойственными ему содержательными канонами был активен и вполне отчетлив.

Помимо собственно «Адаба» («Щэнгъасэ») А. Дымова к адабной литературе с полным основанием можно причислить снабженные короткими зарисовками воспитательного и познавательного характера «Азбуку» («Иэлыфбей», 1913) А. Дымова, «Письменный язык» («Тхыбзэ», 1917), составленный совместно с Н. Цаговым, «Мусульманскую историю» («Мусльымэн тхыдэ», 1918), «Историю адыгов» («Адыгэ тхыдэ», 1918), «Похвалу госпоже Айшат, супруге пророка золотого» («Бегъымбар дыщэм и фызу Хьэищэт гуащэм и щытхъу», 1918) Н. Цагова, «Житие Мухаммеда» («Сиратун Мухъэммэдие», 1918) А. Дымова. Но за рамками понятия «адаб» явно окажется газетная публицистика «арабистов». Из представленных в антологии «Адаб баксанского культурного движения» материалов газеты «Адыгский голос» к адабной литературе можно отнести лишь поэтические сочинения И. Купова, З. Гонова и фрагменты из адабных же книг А. Дымова и Н. Цагова.

Адабная литература не случайно заняла столь важное место среди трудов адыгских «арабистов». Ее суть, как было сказано, – «воспитание «похвального образа поведения», унаследованного от предков». В нашем случае она создавалась педагогами и в педагогических целях. Казалось бы, для столь специализированных целей достаточно было ограничиться трудами, подобными «Адабу» А. Дымова, миниатюрами в составе «Азбуки» и «Письменного языка», однако помимо этого появляются явно рассчитанные не только на учеников медресе, но и на читателей старшей возрастной категории «История адыгов», «Житие Мухаммеда», «Похвала госпоже Айшат...». Характеризуя два последних труда, З.М. Налоев отмечает нетипичность для конфессионального контекста их содержания. «Например, «Сиратун Мухаммадие» («Житие Мухаммеда») А. Дымова, посвященное жизни и пророческой деятельности основателя ислама, содержит множество

---

¹ Адаб (этикет) // Википедия – Свободная энциклопедия: сайт. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Адаб_\(этикет\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Адаб_(этикет)) (дата обращения: 11.05.2020).

подробностей о его частной жизни – о его женах и торговых делах, о его доброте и слабостях, но неожиданно мало – о сути его учения, о догмах ислама. Дымов детально разрабатывает известный универсальный сюжет о божественном очищении души будущего пророка ..., но поверхностно и скупом рассказывает о Коране. <...> ... еще интереснее второе житийное произведение того же периода – «Похвала Айсе-гуаше, жене пророка золотого», принадлежащее перу Н. Цагова. Казалось бы, после такого пышного названия мы увидим набожную женщину, ревностную последовательницу учения своего господина, которая усердно молится аллаху, держит уразу, показывая пример мусульманского благочестия. На самом же деле в очень простой до наивности форме Н. Цагов рисует нам образ обаятельной, красивой, просвещенной и до самоотречения доброй женщины <...> Нельзя сказать, будто эти качества не относились к кодексу мусульманского благочестия. Но, с другой стороны, нельзя не признать и то, что филантропия, феноменальная память и осведомленность в современных человеку социальных науках являются одновременно и ценностями непреходящими» [Адаб... 1991: 39]. Кажущиеся нетипичными для религиозных сочинений аспекты, охарактеризованные исследователем как «скрытая форма ереси», до некоторой степени могут быть оправданы признаками адабной литературы: «"Легкая" форма адаба, отличающая его от сухих, мудреных, скучных трактатов богословов, ученых и философов, позволяла, развлекая, просвещать, наставлять широкий круг людей»¹. Иное дело – характер изображения знаковых личностей: на место религиозной догмы помещаются живые люди, в чем-то неоднозначные. Есть основания полагать, что подобное оказывалось характерным в свете тех прогрессивных тенденций, что в период появления перечисленных книг набирали силу в интеллектуальной жизни народов, исповедующих ислам. Как подчеркивает И.Л. Бабич, «Российские исламские движения конца XIX – начала XX в. были частью общемирового движения мусульман за модернизацию ислама, у истоков которого стояли известный мыслитель и реформатор Джемаль-ад-Дин аль-Афгани (1837-1897) и муфтий Египта, профессор исламского университета аль-Азхар Мухаммед Абдо (1849-1905 гг.) [Бабич, Ярлыкапов 2003: 48]. Так, в ряду принципов доктрины М. Абдо провозглашалась необходимость знания собственной истории как средства самопознания этноса (весьма заметные шаги к этому – «Мусульманская история» и «История адыгов» Н. Цагова) и нравственное совершенствование личности, без чего невозможны ни прогресс, ни эффективное взаимодействие индивидов в обществе [Аль-Джанаби 2014: 309-311], потому столько внимания адыгских «арабистов» уделяется написанию адабной литературы, рассчитанной не только на обучающихся, но и на взрослых.

В Российской Империи тенденции исламского реформаторства воплотились в движении под названием джадидизм (от арабского усул-и-

---

¹ Адаб // Энциклопедия Кругосвет – универсальная научно-популярная энциклопедия: сайт. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/ADAB.html (дата обращения: 10.03.2020).

джадид, что значит «новый метод»). Претворение новых методов исламского образования, пропаганда научного знания и принципа нравственного совершенствования как условий прогресса нации (А. Дымов, Н. Цагов, И. Купов, М. Фанзиев), выступления, обличающие косность старометодной системы образования (П. Шекихачев), призывы к постижению и сохранению собственной культурной истории (заинтересованность «Адыгского голоса» в сборе и публикации пословиц, поговорок, сказаний) указывают на то, что адыгские «арабисты» были типичными представителями этого движения. Что касается конкретно А. Дымова, ему, как и некоторым его современникам, довелось пройти через аль-Азхар, уже преобразованный в соответствии с реформаторскими идеями профессора М. Абдо, кроме того, на период его учебы пришлось значимые реформы 1911 года, проведенные сподвижниками М. Абдо.

Надо полагать, имя и идеи М. Абдо были хорошо известны не только А. Дымову. Исламский мир имел в описываемый период контакты более тесные, нежели в последующем, следует также учитывать, что издания аль-Азхара, будучи доступными по цене, распространялась во все уголки этого мира. Как отмечал секретарь Восточной комиссии А.Е. Крымский, «...они в огромном количестве расходятся по всем отдаленным странам мира, если в них живут мусульмане; в любом захолустье, где только живет исламски образованный магометанин (например, в горных закоулках Кавказа, в поволжских городках и т. п.), непременно в его библиотеке найдется несколько этих некрасивых желтых книг, с расплывчатой печатью, доступных по цене каждому... [Крымский, Миллер... 1903: 190]. Если даже ставить под сомнение глубокую осведомленность адыгских «арабистов» в реформаторской философии М. Абдо, то ее опосредованное, через джадидизм, постижение было для них неизбежно. Джадидизм претворял идеи исламского реформаторства сообразно российской действительности рубежа XIX – начала XX века и так же, как на остальных пространствах исламского мира, разделял его представителей на новаторов и консерваторов. Не углубляясь сейчас в детали джадидизма, отметим лишь, что одним из его завоеваний стало немыслимое в рамках старой системы конфессионального образования обучение на родном языке. Разумеется, подобный вопрос не мог возникнуть в арабоязычных странах, в России же, помимо общей для мусульманского мира проблемы модернизации учебных традиций медресе и мектебов, была еще одна – получение знаний усложнялось и замедлялось преподаванием на чужом языке.

З.М. Налоев термин джадидизм не упоминает, культурнические достижения адыгских «арабистов» движением исламского реформаторства не обосновывает, но при этом оставляет в своих трудах «зацепки», позволяющие последующим поколениям исследователей понять, что, избегая прямого именования, он, тем не менее, подразумевает джадидизм. Он говорит о новых методах и новометодниках (джадидизм и джадиды) и отмечает, что подобные прогрессивные явления наблюдались также в иных областях Российской Империи и зарубежья [Налоев 2009: 572, 580]. Несложно понять, что причины подобного избегания – в интерпретационных пределах, которые устанавливали

степень свободы исследователя в тот период, когда деятельность и наследие адыгских «арабистов» лишь только обрели право на изучение. Сам ученый в предисловии к своему последнему труду «Антология ранней адыгоязычной литературы» упоминает о том, какую реакцию вызывал повышенный интерес к адыгскому просветительству: «На именах же других просветителей (кроме Ш. Ногмова. – *И.К.*) табу лежало еще дольше: при всякой попытке сказать о них тебе грозили пальцем и упрекали в идеализации (прошлого. – *И.К.*)» [Антология... 2010: 4]. Так или иначе, интерпретационные пределы сказались на трактовке культурных достижений адыгских «арабистов», знаковых событий их истории и дошедших до нас сочинений.

К слову, тексты, разъясняющие традиции ислама, оцениваются как некое вынужденное «прикрытие», дающее «арабистам» возможность публикации демократических идей: «Статьи о религиозных ритуалах не представляют интереса: они элементарны и общеизвестны. Это неизбежные спутники, поскольку сами издания субсидируемы и контролируются попечительским советом. Мы должны ценить баксанских деятелей за те гуманистические, прогрессивные идеи, которые они умело проводили в своих сочинениях параллельно с обязательными. Такая простая конспиративная хитрость, древняя как сама литература, в XX в. могла обмануть только простодушную баксанскую «цензуру».

А. Дымов использует даже многие религиозные идеи как форму для проповеди демократических идей, но главное внимание он уделяет таким вечным ценностям, как правдивость, честность, доброта, бескорыстие...» [Адаб... 1991: 42]. Между тем, исламское реформаторство, проповедуя демократические идеи, не шло вразрез религии, стало быть, необходимости в маскировке демократических идей не было. Все адыгские «арабисты» оставались глубоко верующими людьми, и изложение основных ритуалов не на арабском, а на родном, адыгском языке также было частью достигаемого ими прогресса.

Прогресс, наблюдаемый в программе конфессиональных учебных заведений и в сочинениях «арабистов» получает следующее объяснение: «Стремление к секуляризации конфессиональных учебных заведений было общим у всех мусульманских народов Российской Империи, что являлось выражением внутренних социальных потребностей самих наций и одновременно влиянием русской культуры» [Адаб... 1991: 31]; «...сокращение доли религиозных книг в дымовских изданиях несомненно связано с ускоренной секуляризацией Баксанского культурного движения, проходившей под влиянием русской революции» [Адаб... 1991: 39]. Таким образом, «причина» достижений адыгских «арабистов» перемещается в иную идеологическую плоскость: идеи исламского реформаторства, которые стояли за «стремлением к секуляризации конфессиональных учебных заведений» не упоминаются, за счет этого акцент переставляется на влияние русского революционного движения. Несомненно, среди идей революционного движения 1917 года было то, что отвечало исламскому реформаторству – свобода слова и свобода печати, обещанная большевиками свобода и

неприкосновенность верований, обычаев, национальных и культурных учреждений, – однако претворение новых методов конфессионального образования и отказ от догматизма религиозных сочинений невозможно объяснить их влиянием.

Рассуждая о преобразовании гузовского медресе в медресе-али (учительскую семинарию), З.М. Налоев пишет: «...пригласили самых образованных и прогрессивно настроенных учителей из числа тех, кто учился в мусульманских учебных заведениях, ибо баксанское культурное движение не доросло еще тогда до понимания превосходства европейского образования перед мусульманским и тем более – до решимости перешагнуть через религиозные предрассудки, разделяющие эти два мира в Кабарде» [Адаб... 1991: 29]. Однако понимание превосходства европейской системы образования над мусульманской – одна из движущих сил исламского реформаторства рубежа XIX-XX веков (и это ярко проявилось в джадидизме). В принятии европейского опыта оно весьма вдумчиво и избирательно [Аль-Джанаби 2014: 302-304, 309-311], именно продуманный синтез европейских и исламских образовательных традиций лег в основу реформ главного духовного образовательного учреждения мусульман – университета аль-Азхар, а затем уже распространился на весь исламский мир. Потому баксанские деятели приглашают для составления новой программы гузовского медресе Хапцева Амина – бывшего студента университета аль-Азхар, прекрасно зарекомендовавшего себя на ниве джадидистского образования. Прогрессизм джадидов вовсе не был движением к европейскости или к атеизму, им важно было создать *прогрессивную систему образования с исламским «лицом» и без утраты этнической самобытности*.

Внимание к эпизодам, обусловленным интерпретационными пределами, представляется важным постольку, поскольку сопряжено с необходимостью восстанавливать те смысловые звенья, которые в свое время не могли быть представлены. Необходимость подобной работы также определяется ввиду одной из характерных особенностей читательского восприятия, ведь, как подчеркивает Н.А. Чернец, для новых поколений произведение «почти неотделимо от толкований, ставших общекультурным достоянием» [Введение... 2006: 554]. Вряд ли стоит доказывать тесноту связи между толкованиями, ставшими общекультурным достоянием, и текстами, значимость которых неподготовленному читателю без толкований малопонятна.

Интересно проследить особенности отражения дымовского «Адаба» в изданиях, по которым читатель может с ним ознакомиться. Оригинал, как известно, написан адыгским языком на основе арабской графики и широко доступным не является. В распоряжении читателя уже упомянутые нами «Адаб Баксанского культурного движения» (1991), «Антология ранней адыгоязычной литературы» (2010) и сборник «А.Г. Дымов. Избранное» (2003), составленный Ф.Ш. Ошноковой.

Понятно, что антологическое издание – это всегда выборка, однако сопоставление дымовского «Адаба» в антологии 1991 года с тем вариантом,

который представлен в антологии 2010 года, позволяет еще раз убедиться в присутствии и функциональности интерпретационных пределов.

Различия начинаются с того, что в первой части «Адаба», представленного в издании 1991 года отсутствует предваряющая труд религиозная преамбула (*«Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. И благодарность, и хвала Ему, Аллаху Единому. Мухаммеда-пророка, открывшего нам частицу света на нашем пути, Аллах да благословит!»* [Антология... 2010: 238]). Следующий за этим диалог представлен без названия, зато оно есть в антологии 2010 года «Все сотворено Аллахом». Из шестнадцати реплик этого диалога в антологии 1991 года представлено только шесть, все остальные, в которых говорится о величии Бога, не представлены. Текст, который следовал за этими шестью, представлен без заголовка «Это Аллах одаряет», при этом диалог, в форме которого построен текст, сокращен почти наполовину, и, опять же, отсутствует та его часть, в которой поэтапно раскрывается мысль, что все, окружающее человека, и все, чем он дорожит, сотворено «Аллахом, у которого нет сотоварищей».

После этого наблюдаем пропуск пяти рассказов, предшествующих рассказу «Аманат»: «Что нравится и не нравится Аллаху», «Расулы – посланники», «Путь Мухаммеда, да будет он благословен Аллахом», «История появления того, кто станет благословен Аллахом», «Честность благословенного Аллахом». Между рассказом «Аманат» и «Чистота» отсутствуют «Верность пророка, да благословит его Аллах», «О переселении благословенного Аллахом из Мекки в Медину, о том, как он покинул этот мир», а также заметки: «Ибадат», «Обязанность совершать намаз». После рассказа «Чистота» отсутствуют миниатюры «Истинджа», «Андез», «Что нарушает андез», «Что неприменимо к намазу», молитва «Ташшахуд», а также составленные в виде диалога между персонажами по имени Сулейман и Зейнаб четыре рассказа, в облегченной форме поясняющие разницу в совершении намаза мужчиной и женщиной. Таким образом, из двадцати двух текстов, составлявших, если судить по антологии 2010 года, первую часть дымовского «Адаба», в антологии 1991 года было представлено лишь пять.

Начало второй части «Адаба» в антологии 1991 года также отмечено «утратой» четырех повествовательных миниатюр религиозного содержания, которые следовали друг за другом с первых страниц и до рассказа «О пользе слова»: «Столпы ислама», «Две фразы Шахады», «О детских годах и нраве Мухаммеда, да будет он благословен», «Каким он был, прежде чем стать пророком». Далее, после рассказа «Работа» «выпадают»: «О честности и верности того, кому дано благословение Аллаха», «Кем работал достойный блага от Тха, до того, как стать посланником», «О миссии Мухаммеда, да будет он благословен Аллахом, о том, как он был призван к религии», «О благе миссии того, кто будет благословен Аллахом». После рассказа «Сдержанность» можно наблюдать следующие пропуски: «Как пытались сбить с пути посланника Аллаха, да будет он Им благословен, и как он был сдержан», «Абу Джахль», «Абу Лахаб», «О том, как сдержанностью послушные Аллаху

противостояли козням», «Хиджра нашего господина Мухаммеда, да будет он благословен Аллахом», «Как мединцы встречали того, кто будет благословен Аллахом». После рассказа «Человечность» пропущен связанный с ним по смыслу рассказ «Человечность того, кто будет благословен Аллахом». За рассказом «Скромность», завершающего «Адаб» в антологии 1991 года, должны были следовать: «Скромность того, кто будет благословен Аллахом», «Об отношении того, кто будет благословен Аллахом к тем, кто младше его, о том, как он за них молился», «О том, как достойный блага от Тха, будучи сильнейшим, умел прощать», «О том, как благословенный Аллахом покинул мир». Таким образом, из двадцати девяти текстов, составивших, судя по антологии 2010 года, вторую часть дымовского «Адаба», в антологии 1991 года было представлено лишь десять.

Для антологии 1991 года было отобрано лишь то немногое, что не отмечено явной печатью религиозного мировоззрения. Названия отобранных рассказов способны сказать за себя: «Аманат», «Чистота», «Полезность слова», «Виды лжи», «Вред лжи», «Достоинство правдивости», «Ответственность», «Время», «Труд», «Сдержанность», «Человечность», «Склоняющий голову». Подобная выборка, конечно, уменьшает шансы увидеть и оценить должным образом и сам «Адаб», и культурный контекст, порождением которого он был. Зато сравнение с текстом, опубликованным в антологии 2010 года, определенно убеждает в том, что «дидактика А. Дымова основана на религиозных традициях, — это самая первичная и элементарная информация, она становится очевидной в процессе чтения» [Кажарова и др. 2020: 219]. Основная часть опущенных в ходе выборки текстов представляет собой переложение хадисов, так при чтении «Адаба» без купюр становится очевидно, что главным его героем является пророк Мухаммед. В своем целостном виде повествование «Адаба» организовано так, что тема школьного прилежания прочитывается как одна из составляющих вопросов веры и духовного совершенствования. Таким образом, тексты, «восстановленные» в антологии 2010 года, позволяют констатировать произошедшее некогда смещение смысловых акцентов, а также учитывать нежелательную возможность закрепления таковых. Строить догадки о том, почему именно такой принцип отбора текстов оказался предпочтителен в 1991, когда времена антирелигиозной пропаганды были уже позади, затруднительно. Важно другое. Если бы произошедший в итоге перенос смысловых акцентов не беспокоил З.М. Налоева, он не стал бы восстанавливать пропущенные фрагменты в антологии 2010 года. Составитель, которому по каким-то причинам пришлось презентовать материал сообразно определенным смысловым пределам, по прошествии времени, дал толчок к осознанию этих пределов, восстановив в новой антологии пропущенные звенья.

Выборка «Адаба», опубликованная в антологии 1991 года, воспроизводится в издании «А.Г. Дымов. Избранное», составитель Ф.Ш. Ошнокова. Справедливо отметить, что на сегодня эта книга — единственный обстоятельный труд о личности и творчестве А.Г. Дымова. В свете затронутых нами аспектов необходимо сосредоточиться на тех ее местах, которые касаются «Адаба». Описывая во вступительной статье его

тематический состав, исследователь, по сути, характеризует именно ту часть произведения, которая была «оставлена» ранее для восприятия: «Доходчиво, в форме вопросов и ответов, обращаясь к детям со словами «мой младший брат», Дымов излагает правила хорошего тона, которые должны соблюдать благовоспитанные дети <...>. Просто, лаконично, оперируя конкретными примерами из повседневной жизни самих ребят, Дымов раскрывает суть таких сложных нравственных категорий, как лживость, правдивость, сдержанность, ответственность и др.» [Дымов 2003: 10]. Можно сказать, здесь обозначен именно тот уровень значений, дальше которого любой читатель, знакомящийся с урезанным вариантом произведения, продвинуться не смог бы.

Подытоживая наши наблюдения, можно отметить, что кроме «белых пятен», которыми пестрит история культурнических достижений адыгских «арабистов», есть обстоятельство, которое обуславливает специфику восприятия того, что удалось восстановить исследователям – это вынужденные интерпретационные пределы. Мы не всегда отдаем себе отчет в их функциональности. Между тем они незримо присутствуют в трактовках, уже перешедших в разряд исследовательской классики, и на этом уровне определяют степень полноты и точности этих трактовок, особенности издательской презентации сочинений, которые посчастливилось вернуть из забвения, формируют представления, которые предшествуют знакомству читателя с этими сочинениями.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Адаб... 1991 – *Адаб* баксанского культурного движения / Сост. З.М. Налоев. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 440 с.

Аль-Джанаби 2014 – *Аль-Джанаби М.М.* Философия современной мусульманской реформации. – Москва: Садра, 2014. – 436 с.

Антология... 2010 – *Антология* ранней адыгоязычной литературы / Сост. З.М. Налоев. (На кабардинском). – Нальчик: КБИГИ, 2010. – 352 с.

Бабич, Ярлыкапов 2003 – *Бабич И.Л., Ярлыкапов А.А.* Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия. – М.: РГБ, 2003. – 144 с.

Введение... 2006 – *Введение* в литературоведение / Под ред. Л.В. Чернец. – М.: Высшая школа, 2006. – 680 с.

Дымов 2003 – *Дымов А.Г.* Избранное / Сост. Ф.Ш. Ошнокова. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 124 с.

Кажарова и др. 2020 – *Кажарова И.А., Кучукова З.А., Берберова Л.Б.* Авторская модальность дидактического текста и читательское восприятие (на материале «Адаба» А.Г. Дымова) // Научный диалог. – 2020. – № 8. – С. 215-229. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-215229.

Крымский, Миллер 1903 – *Крымский А.Е., Миллер Б.В.* Всеумульманский университет при мечети 'Азхар в Каире, его прошлое, его современная наука, печать и журнальная деятельность // Древности восточные. Труды Восточной комиссии Императорского Московского археологического общества / Изданные под редакцией действительного члена Общества и Секретаря Восточной Комиссии А.Е. Крымского. – М.: Типография и Словолитня О.О. Гербека, 1903. – Т. 2. – Вып. 3. – С. 169-199.

Кумыков 1996 – *Кумыков Т.Х.* Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX века. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 328 с.

Налоев 1978 – Налоев З.М. Литература баксанского просвещения // Налоев З.М. Из истории культуры адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – С. 152-191.

Налоев 2009 – Налоев З.М. Этюды по истории культуры адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 2009. – 656 с.

Общественно-политическая... 1976 – *Общественно-политическая* мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX века (Материалы конференции 28-29 марта 1974 г.). – Нальчик: КБНИИ, 1976. – 323 с.

REFERENCES

Adab baksanskogo kul'turnogo dvizheniya / Sost. Z.M. Naloev [Adab Baksan cultural movement. Compiled by Z. M. Naloev]. – Nalchik: El'brus, 1991. – 440 p. (In Russian)

AL'-DZHANABI M.M. *Filosofiya sovremennoi musul'manskoi reformatsii* [The philosophy of modern Muslim reformation]. – Moskva: Sadra, 2014. – 436 p. (In Russian)

Antologiya rannei adygoyazychnoi literatury / Sost. Z.M. Naloev [Anthology of early adygolanguage literature. Compiled by Z. M. Naloev]. – Nalchik: KBIGI, 2010. – 352 p. (In Kabardian)

BABICH I.L., YARLYKAPOV A.A. *Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoi Kabardino-Balkarii: perspektivy i posledstviya* [Islamic revival in modern Kabardino-Balkaria: prospects and consequences]. – M.: RGB, 2003. – 144 p. (In Russian)

DYMOV A.G. *Izbrannoe* [Favorite. Compiled by F.Sh. Oshnokova]. – Nalchik: El'brus, 2003. – 124 p. (In Russian)

KAZHAROVA I.A., KUCHUKOVA Z.A., BERBEROVA L.B. *Avtorskaya modal'nost' didakticheskogo teksta i chitatel'skoe vospriyatie (na materiale «Adaba» A.G. Dymova)* [Author's Modality of Didactic Text and Reader's Perception (by Example of A. G. Dymov's "Adab")]. IN: *Nauchnyi dialog*. – 2020. – No. 8. – P. 215-229. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-215229. (In Russian)

KRYMSKII A.E., MILLER B.V. *Vsemusul'manskii universitet pri mecheti 'Azhar v Kaire, ego proshloe, ego sovremennaya nauka, pechat' i zhurnal'naya deyatel'nost'* [All-Muslim University at the 'Azhar mosque in Cairo, its past, its modern science, printing and journal activities]. IN: *Drevnosti vostochnye. Trudy Vostochnoi komissii Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva / Izdannye pod redaktsiei deistvitel'nogo chlena Obshchestva i Sekretarya Vostochnoi Komissii A.E. Krymskogo* [Oriental antiquities. Proceedings of the Eastern Commission of the Imperial Moscow Archaeological Society / Published under the editorship of a full member of the Society and Secretary of the Eastern Commission A.E. Krymskiy]. – M.: Tipografiya i Slovolitnya O.O. Gerbeka, 1903. – Vol. 2. – Iss. 3. – P. 169-199. (In Russian)

KUMYKOV T.Kh. *Kul'tura, obshchestvenno-politicheskaya mysl' i prosveshchenie Kabardy vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [Culture, socio-political thought and education of Kabarda in the second half of the XIX – early XX century]. – Nalchik: El'brus, 1996. – 328 p. (In Russian)

NALOEV Z.M. *Etyudy po istorii kul'tury adygov* [Studies on the history of the Circassians]. – Nalchik: El'brus, 2009. – 656 p. (In Russian)

NALOEV Z.M. *Literatura baksanskogo prosveshcheniya* [Baksan Literature]. IN: NALOEV Z.M. *Iz istorii kul'tury adygov* [From the history of the Circassian culture]. – Nalchik: El'brus, 1978. – P. 152-191. (In Russian)

Obshchestvenno-politicheskaya mysl' adygov, balkartsev i karachaevtsev v XIX – nachale XX veka (Materialy konferentsii 28-29 marta 1974 g.) [The socio-political thought of the Circassians, Balkars and Karachais in the XIX and early XX centuries]. – Nalchik: KBNII, 1976. – 323 p. (In Russian)

Vvedenie v literaturovedenie / Pod red. L.V. Chernets [Introduction to literary studies. Edited by L.V. Chernec]. – M.: Vysshaya shkola, 2006. – 680 p. (In Russian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA

УДК 821.0

DOI 10.31143/2542-212X-2020-4-284-293

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ ИССЫ БОТАШЕВА**А.М. САРБАШЕВА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: alenasarb@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается творчество балкарского писателя, патриарха сценической литературы Исы Боташева (1925-1991). Исследовательское внимание фокусируется на драматических произведениях художника слова («Рассвет в горах», «Судьба Солтана», «Абрек», «На рассвете», «Подвиг горянки»), поскольку центральное место в его духовном наследии занимает драматургия. Особая заслуга писателя заключается в том, что он является основоположником историко-документальной драмы в балкарской литературе. Отмечается специфика художественного осмысления драматургом исторической эпохи, реконструкции событий прошлого с точки зрения эстетической и когнитивной мотиваций. Из анализа становится очевидным творческая попытка автора преодолеть господствовавшее на предыдущих этапах развития национальной словесности стереотипное мышление, выраженное в альтернативном принципе создания характеров, увлечении социально-историческим фоном в ущерб исследованию внутреннего мира действующих лиц, клишированному восприятию действительности и т.д. В работе выявляются новаторские тенденции (полифонизм конфликтных линий, определение нравственной сущности героя в условиях классового противостояния, синтез документального и художественного, обновление системы образов), характеризующие оригинальность мышления писателя, глубину и широту авторской позиции в решении сложных эстетических задач. Исследование показало, что Исса Боташев внес позитивные коррективы в процесс возрождения и актуализации драматургического направления в балкарской словесности второй половины XX века. Основными методами исследования являются историко-биографический, типологический.

Ключевые слова: Исса Боташев; традиции; новаторство; историко-документальная драма.

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN ISSA BOTASHEV'S CREATIVE WORKS**A.M. SARBASHEVA**

*Institute for Humanitarian studies – branch of the FSBSE «Federal Scientific Center 'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: alenasarb@mail.ru*

Abstract. The article examines the works of the Balkar writer, patriarch of stage literature Issa Botashev (1925-1991). Research attention is focused on the dramatic works of the artist of the word ("Dawn in the Mountains", "The Fate of Soltan", "Abrek", "At Dawn", "The Feat of the Mountain Woman"), since drama is central to his spiritual heritage. A special merit of the writer is that he is the founder of historical documentary drama in Balkar literature. The specificity of the dramatist's artistic understanding of the historical era, the reconstruction of past events from the point of view of aesthetic and cognitive motivations is noted. It becomes obvious From the analysis, that the author's creative attempt to overcome the stereotypical thinking that prevailed at the previous stages of the development of national literature, expressed in the alternative principle of creating characters, passion for the socio-historical background to the detriment of the study of the inner world of the characters, the cliched perception of reality, etc. tendencies (polyphonism of conflite lines, defining the moral essence of a hero in conditions of class confrontation, synthesis of documentary and fiction, updating the system of images) that characterize the originality of the writer's thinking, the depth and breadth of the author's position in solving complex aesthetic problems. The study showed that Issa Botashev made positive adjustments to the process of revival and actualization of the dramatic direction in Balkar literature in the second half of the 20th century. The main research methods are historical, biographical and typological.

Keywords: Issa Botashev; traditions; innovation; historical and documentary drama.

Боташланы Жарахматны жашы Исса (1925-1991) – белгили малкъар жазыучу, миллет маданиятны фахмулу келечиси ёз халкъыны тарыхында кетмезлик ыз къойгъанды. Ол Къабарты-Малкъар Республикада Кёндеден элде туугъанды, орта школну 1941 жылда бошагъанды. Уллу Ата журт урушну ал кезиуонде эл колхозда чалгъычы, эсебчи болуп, 1942-1943 жыллада уа Эльбрус райкомда инструктор къуллукъда ишлегенди. Болсада таулу жашны кёлю чыгъармачылыкъ, маданият ишлеге тартылгъанды. Ол себепден кесини иш сынауун малкъар драма театрны артисти болуп да айнытханды. 1944 жылда, кюйсюз къадарны бушуулу оноууна бойсуна, халкъы бла бирге кёчгюнчюлюкню азабын да сынагъанды. Боташланы Иссаны жаш жыллары Фрунзе шахарда ётгендиле. 1948 жылда кыргъыз кырал филармонияда кёчгюнчюледен къуралгъан «Кавказский ансамбль» деген тепсеу эм жыр къауумгъа киргенди, анда да фахмусун ачыкълагъанды.

1958 жылда СССР-ны жазыучуларыны биригиуоне киргенди. 1959 – 1964 жыллада Москвада Горький атлы Литература институтда окъугъанды, анда бийик адабият курсланы бошагъанды. Кёчгюнчюлюкден къайтхандан сора миллет маданиятны аякъ юсюне салыргъа уллу себеплик этгенди. Республикада Драма театргъа, андан сора сурат музейге башчылыкъ этип да тургъанды.

Малкъар халкъны маданиятыны айныуунда кыйыны уллу болгъаны себепли Боташланы Исса «КЪМАССР-ны искусствосуну сыйлы къуллукъчусу», «РСФСР-ны искусствосуну сыйлы къуллукъчусу» деген бийик атлагъа тийишли болгъанды, кёп Сыйлы кыагъытла бла да саугъаланнганды.

Миллет адабият илмуда жазыучуну чыгъармачылыкъ иши сансызлай къалмагъанды. Аны чыгъармалары алимлени, кесаматчылары ишлеринде къаралгъандыла [Эльбердов 1965; Толгуров 1974, 1975; Теппеев 1976, 1985; Янин 1978; Пименов 1985], илму китапланы бетлеринде сюзюлген да этгендиле [Урусбиева 1985; Сарбашева 2003, 2009, 2010]. Алай болгъанлыкъгъа,

жазыучуну чыгъармаларында суратлау төреле бла жангычылыкь энчи тинтилмегендиле. Ол себепден, ишибизни жазылгъаныны сылтауу олду.

XX ёмюрню 50-чи жылларыны экинчи жарымында миллетибизни кыраллыгы кыйтарылгъаны бла байламлы маданиятыбыз айнып башлайды. Малкъар халкъны жашауунда жарыкь тюрлениуле жазыучулары жангы чыгъармачылыкь жетишимлеге кёллендиредиле. Аллаиланы санында Боташланы Исса да болады.

Белгилесича, кёп жаш жазыучула суратлау чыгъармачылыкь жолларын акь сёзден башлагъандыла. Боташланы Исса да аллай төреден азат болмагъанды. Ол кёчгюнчюлюк кезиуге дери окьуна кыаламыны жютюлюгюн назмучулукьда сынап башлагъанды, биринчи суратлау чыгъармаларын «Кызыл Эльбрус», «Социалист Кыабарты-Малкъар» деген республикалы газетлени бетлеринде басмалагъанды. Чыгъармачылыкь кыдарында жазылгъан «Жюрегимден жырлайма» (1957), «Таула сакълайдыла» (1968), «Ёмюрюм» (1981), «Айланч-кыйланч жолла» (1989) деген назму жыйымдыкьлада Боташланы Исса жашау жолун кыралны кыдары бла байлап сюзгенди, кесини төлюсюню сыфатын суратларгъа итингенди. Алай миллет окьуучулары эслерин энчи да халкь чыгъармачылыкьны төрелерине таянып кыурагъан «Кулистан», «Мудах жаш», «Эгер» деген поэмалары бийлегендиле. Иссаны суратлау сёзге фахмусу бла шагърей болургъа башха миллетли окьуучулары да онглары болгъанды: жазыучуну назму эм сахна чыгъармаларындан кыуралгъан китаплары орус тилге кёчюрюлюп басмалангъандыла («От дома к дому», 1965; «Горы ждут», 1978; «Поет зурна», 1981; «Орлы любят высоту», 1985).

Болсада Боташланы Иссаны ниет хазнасыны төрюнде сахна чыгъармачылыкь болгъанды. Ол себепден илму ишибизде аны сахна чыгъармаларына эсибизни буруп, аланы тинтип, суратлау төрелени эм жангычылыкьны белгилерге мурат этебиз. Айтылгъан борчха жетиширге тарых, тенгleshдириу, сюзюу амалла бла хайырланабыз.

Башында белгиленнгенича, 1957 жылда кыралда тюзлюк тохташхандан сора малкъар халкь кёчгюнчюлюкню кыйынлыкьларын сынагъан башха миллетлеча туугъан жерине кыйтады, аны маданияты да жангыдан «солуу алып» башлайды. Анга шагъат 1958 жылда Боташланы Иссаны «Таулада танг жарыйды» деген пьесасына кёре салыннган сахна оюн болады. Халкъны жашауунда ол уллу байрамча ётеди. Чыгъарма «Шуёхлукь» деген альманахда да басмаланады. Ол революция бла инсан урушха жоралангъанды. Пьесада тау эллени бири Кёнденненни Серябряковну аскерлеринден азатлау суратланады. Белгиленнген заманда адабиятта тохташхан төрелеге кёре, чыгъарманы мурдорун класс сермеш, чюйреликле кыурайдыла. Драматург жигитлени инсан урушда жигитликлерин, таукелликлерин ачыкьлайды. Жазыучу Хызырча, Даутача, дагъыда башхаланы кылыкьларын кёргюзтюрге, энчи илишанларын ачыкьларгъа итинеди, аланы юслери бла миллетни адеп-кыылыкьда, турмуш жашауда энчиликлерин суратлайды. Жигитле эки кыауумгъа юлешинедиле: тюз (Смирнов, Ахмат, Келлет, Фаризат эм башхала) эм терс кылыкьлыла (Таумырза, Хажос-эфенди, акь офицер Кабанов, Азнор, Салим эм башхала). Боташланы Исса сахна чыгъармада, тохташхан (норматив) эстетиканы

жорукъларына бойсунуп, хар бирин акъ неда къара тюрсюнле бла суратлайды, ол себепден бир-бир жигитлени сыфатларын толу ачыкълаялмайды. Чыгъарманы сюзгенде, аны суратлау жетишимлерини юсюнден да айтыргъа тийишлиди. Пьесада тынгылы къуралгъан сыфатла да бардыла. Аллаиладан бири таулу тиширыу Фаризатды. Жазыучу аны тарых болумлада дуниягъа къарамы, ангылауу къалай тюрленнгенин кёргюзтеди. Кюрешни жолун сайлардан алгъа, пьесаны тюз къылыкълы жигитлери тюрлю-тюрлю болумлада сыналадыла. Сёз ючюн, жарлы жаш Хызыр бла къарт Дауут кёп чойреликледен бла чурумладан ётедиле. Жашауда болгъан тюрлениулени терен ангылагъандан сора уа азатлыкъ ючюн кюрешге чыгъадыла. Боташланы Исса белгиленнген жигитлени сыфатларын къурауда жашау кертиликге жууукълашдырады. Жанр жаны бла къарап айтханда уа Иссаны бу чыгъармасы жигитлик драмасы дерчады.

1960 жыллада малкъар халкъны сахна чыгъармачылыгъы тири айнып башланады. Драматургла бусагъат заманда адамны жашау халине эс бурадыла. Боташланы Иссаны («Солтанны къадары», «Урланнган жигит»), Маммеланы Ибрахимни («Феодал», «Кёзлери болгъан суймеклик», «Тойдан сора»), Залийханланы Жанакъайытны («Ёгюз бла Желмаууз»), Къулийланы Къайсынны («Дунияда суймеклик барды»), Сотталаны Адилгерийни («Хожа») сахна чыгъармалары жамауатны жашауунда адеп-къылыкъ бла байламлы соруулагъа жораланнган миллет драматургияда биринчи сынаугъа саналадыла.

Боташланы Исса 1960 жылда Москвада сахна чыгъармачылыкъ бла кюрешген совет жазыучула бардыргъан семинарны ишине къатышады. Малкъар жазыучу белгиленнген жыйылыуда «Солтанны къадары» деген пьесасын кесаматчылагъа кёргюзтеди. Сынаулу драматургла чыгъарманы суратлау шарайыпларына эс бурадыла, аны суратлау даражасын кючлендирир муратда авторгъа кёз къарамларын ачыкълайдыла. Айтылгъан оюмланы эсге алып, Боташланы Исса 1961 жылда сахна чыгъармасын комедия жанрны жорукъларына бойсундуруп къурайды эм орус тилде «Хочу быть первым» деген ат бла «Советская драматургия» деген журналны 20-чы китабында басмалайды. Белгили сахна кесаматчы Ю. Оснос чыгъармада эсленнген суратлау жангычылыкъны белгилейди. Ол оюмлагъаннга кёре, сахна чыгъармалада тёрели суратланнган болумлагъа жазыучуну жангы кёз къарамы шарт болады [Оснос 1961: 81].

Боташланы Иссаны «Солтанны къадары» (1961) деген кюлкюлю лирикалы сахна чыгъармасыны баш жигити таулу жаш Солтанды. Ол адабиятта эрттеден суратлана келген сыфатды: эринчек, ичгичи эм жаншакъ адамды, колхоз жашаугъа терс кёз бла къарайды, шахар жашаугъа тартынады. Шешаны башы дайым да хуржунундан къарап айланнган Солтаннга элни адамлары чамланадыла, тырман этедиле. Сёз ючюн, Кериуанны «Кесинги ичгиге аллай бир къалай хорлатханса, антсыз?» деген сорууна жаш тюз жууап табалмайды.

Боташланы Исса сахна чыгъармасында суратланнган болумланы жарсыуулугъун Солтанны эринчеклигинде, эссизлигинде, тюзелирге излемегенинде кёреді. Аман къылыкълы жашны тегерегинде айланнган адамла аны жашау халине кесамат кёз бла къарайдыла:

Хажимуса. Алай алапат атны да ол жоюп, дагыда бизни терследи да кетди! «Сиз мени ичими, жүрегими неден ауругъанын къарап кърмегенсиз?», дейди бизге. Ол ёлмесин, биз аны ичине къараргъа рентгенми болгъанбыз!

Кериуан. Кёп болмай, комсомол фермада Османнга тюбеген эдим да, ол а Сары жолла башында Солтанны бир аман мудах болуп тургъанлай къргенме дегенди. Оллахий, аллах къргенден, ол алай айтханда, жашха жаным бек ауругъанды.

Хажимуса. Кериуан, сен къартлыгъында акъылынгдан шаша тебреген болурса дейме. Ол атны жарсыуун этгенми сунаса сен? Ол кёп ичсе жияучуду. (Жамычыны кърюп.) Солтан тас болгъан болур деп къркыа эдинг да, ма келип турады. Халкъ – ишде, ол а – жамычы тюбюнде ёлюр жукъусун этеди.

Кериуан. Эй, Солтан, Солтан, мен а сени жанлы бола тебреген эдим.

Хажимуса. Башында акъылы болгъан адам Солтан жанлы къалай болур.

Кериуан. Энди мен Солтанны адамлыгъы барды деп ёмюрде да айталмам [Боташев 1972: 183].

Эллилени сёзлерине, оюмлауларына тынгылап, Солтан тюз жолгъа турады, ичгичиликден «ол аман затдан, шайтан намазлыкъдан айырылгъанча» [Боташев 1972: 195] айырылады, колхоз ишчиледен аперимлик сёзлеге тийишли болады. Жаш чыгъарманы ахырында адамлагъа ыразылыгъын айтады:

Солтан. ...Билемисе, Мухаммат, арба жолда ажаша барып, тёшден кетгенден сора, анга жол къргюзтюрге суйгенле кёп табылыучудула. Ол кюн бизни жолдашларыбыз манга да алай эте эдиле.

Мухаммат. Мен, сени ызынгдан жетип, халынгы алай бузулуп къргенде, айтханымы этмезсе, къайтмазса деп кёлюме келген эди.

Солтан. Багъалы Мухаммат, иги сёз ташны да эритеди дейдиле. Сен, кесинги ариу сёзюнг, адамлыгъынг бла мени, терсине кетип баргъан жеримден, тюз жолгъа къайтаргъанынг ючюн сау бол! [Боташев 1972: 195-196].

Алайды да, Солтанны жашаууну, кылыгъыны да тюз жанына тюрлениулерини, ниет ёсююню баш сылтауу эллилени эслиликлеринде, анга ийнаныуларындадыла. Сахна чыгъарманы жигитлеринден бири Кериуан, Сафар бла ёхтемленип, былай айтады: «Ырхыны аллын тыйгъанча, юркюп баргъан жылкыны тыяргъа кишини кёлундан келир деп эсимде жокъ эди. Кёрдюнгмю, Нафисат, таулада къалай жигит уланла туадыла! [Боташев 1972:201].

Боташланы Исса чыгъармачылыкъ ишинде юй-турмуш болумладан азат болмайды. Болсада аны фикирин тарых болумлада жигитни къадары, кылыгъы, ниет сезими бла байламлы соруула бийлейдиле, алагъа жораланып сахна чыгъармала жазыладыла. Аллайланы санында жазыучуну къарайчайлы жазыучу Байрамукъланы Халимат бла бирге къурагъан Уллу Ата Журт урушха аталгъан «Таулу тиширыуну жигитлиги» деген драмасыды. Чыгъарманы баш жигити жашауда керти болгъан батыр къарачайлы тиширыу Эркенланы Залийхатды. Сюжетни мурдорун партизанланы немисли фашистлени бла кюрешлери къурайды. Залийхатны кылыгъында жаланда бир шарт белгиленеди – дертчилик: ол немислилени кёлларындан жоюлгъан къарындашлары ючюн дерт жетдиреди, болсада ич дунясы уа, ачыкъланмай,

кем кыалады. Ол халда башха жигитлени Веберни, Альбрехтни, Исламны да сыфатлары толу кёргюзтүлмейдиле.

Алай жазыучуну чыгъармачылыккы усталыгыны айныууна шагъатлыккы этген шартла да аз туюлдуле. Сёз ючюн, Мурат бла Томайны сыфатларына кыарасаккы, ала, жашау кертиликке келишип, толу кыуралгъандыла дерге боллуккыду. Аллындан эки жигит да сатхычлыккы жолну сайлап, немислилеге кыуллуккы этедиле. Артдараккыдан ала сатхычлыккы сезимден азатланадыла. Фашистле Муратны полицияны башчысы болургъа чаккырадыла. Жаш, жауну мурдарлыккы ишлерини юсюнден хапарланы эшитип, жангы кыуллуккыгъа алданмай, партизанлагъа кыошулады.

Сахна чыгъармада тынгылы кыуралгъан сыфатладан бири Томайды. Ол терс кыылыккылы жигит болса да, драматург аны этген ишлерини сылтауларын ачыккылайды. Томайны кыылыгында сатхычлыккы, кыуллуккыгъа жутлуккы шартла белгиленедиле. Немисли полицияны таматасы болуп тургъан заманында ол байлыккыгъа итинеди. Кесини жутлуккыгъу юсюнден Алий-эфендиге жашырмай айтады. Душман, хорланып, кыача башлагъанда, Томай жунчуйду, ичин кыорккыу алады. Кыыйынлыккыда ол кеси-кесин аяккытуп этгенин да ангылайды. Немисли комендант Альбрехт бла ушагында аны бушуулуккыгъу толу ачыккыланады. Чыгъараманы ахырында жашауун учуз, сыйсыз, ажымлы ётдюргенин, жангылгъанын ангылап, кеси-кесине азап жетдирирге умут этеди.

1960 жылланы ортасында малкыар сахначылыккыда жангы жигитлени эм драма чюйреликни излеу бла байламлы магъаналы тюрлениуле болгъандыла. Ол жаны бла Боташланы Иссаны «Кыушла бийикни сюедиле» (1965) деген чыгъармасын белгилерчады. Драматург республикада молибден эм вольфрам хазырлау бла байламлы Тырныауз комбинатны юсюнден хапарлайды. Ишни заманында адамла кеслерин кыалай жюрютедиле, инсан борчларын кыалай ангылайдыла дегенча сорууланы юсюнден оюмлайды жазычу.

«Кыушла бийикни сюедиле» деген пьеса жашауда болгъан ишге кёре кыуралгъанды. Ол себепден анга тарых кертиликни суратлагъан драмасыды дерге тийишлиди. Аны жигитлери Бетал Калмыков, Виктор, Вера дегенча жашауда болгъан адамладыла. Ала бла бирге Чомай, Харун, Махай эм башха кыуралгъан жигитлени сыфатлары да суратланадыла. Аланы кыылыккыларыны юсю бла жазычу заманны энчилигин кёргюзтюрге итинеди. Сахна чыгъарманы хар оюн бёлюмю энчиди: биринчи кесекке жигитле магъадан излейдиле, экинчиде – кыуллуккычу Харун бла кюреш бардырадыла, ючюнчюде урушну кезиуо эм андан сора жашау суратланадыла.

1960 жылланы ахырында миллет сахначылыккыда жангы тарых-шагъат кыагытлы ыз белгиленеди (историко-документальное направление): эртте тохташхан эстетикалы тёреледен азатланыр муратда жазычула ишлеринде суратлауу жетишимлеге итинедиле. Шагъат (документ, архив) кыагытла бла хайырланыу адабиятны жангы излемине бойсунады. Бу ишде Боташланы Иссаны атын энчи айтырчады. Ол чыгъармаларында белгили тарых болумлагъа таянады, чыгъармачылыккыны андан ары айныуунда белгиленнген ыз бла барады. Шагъат кыагытлагъа кёре кыуралгъан чыгъарманы тынгылылыккы жазыучуну «Абрек» (1969) деген драмасында да ачыккыланады. Аны баш

жигити Асланны прототипи инсан урушда битеу да Шимал Кавказда этген жигитликлери бла атын айтдыргъан малкъарлы жаш Къалабекланы Солтан-Хамит болгъанды. Автор бу белгили адамны юсюнден халкъда жюриген хапарланы, аны ишлери бла байламлы шагъат къагъытланы жыйып, ала бла тынгылы шагъырей болуп, суратлау сыфатны къурагъанды.

Драманы мурдорун класс чюйрелик къурайды. Ол себепден ишге къатышхан жигитле төредеча бир бирге келишмеген эки къауумгъа юлешинедиле: бир жанында – халкъны эркинлиги ючюн къажау кюреш бардыргъанла – Аслан, Зулкъай, Сергей, Омар, Тахир; башха жанында – Элкъурут, Таубий, Атабек, Гордеев, Къурман эфенди.

«Абрек» деген чыгъармада Асланны сыфаты жигит уланны сыфатыча суратланады. Анга кесини этген ишлеринден тышында башхаланы сёзлери да шагъат этедиле (Сёз ючюн: «Тау бийле анга: «Къолгъа тюшмезлик абрек», – деп бош айтмагъандыла», – дейди Анна [Боташев 1972: 32]). Жазуучу, тарых болумланы тинте, баш жигитни къылыгъын жаланда жамауатда тюрлениуле бла байламлы этип къоймайды. Жашау кертилик жигитни ич дунясыны юсю бла ачыкъланады, аны ниет ёсюую халкъны оюму бла, тарыхы бла байламлы болгъаны шарт бериледи. Аслан халкъ жырланы терк-терк эскереди. Энци да «Гапалауну жырын» айтады, Гапалауну жигитлиги анга юлгю болгъанын чертеди:

«...Жайлыкъланы къоруй кетди, ханс болду, ой!
Жарлы балам бу дуниядан тас болду, ой,
Анасына жигит туугъан Гапалау!
Стауатда толукъазан къайнайды, ой!
Сени юсюнде тогъуз къазыкъ ойнайды, ой,
Анасына жигит туугъан Гапалау!

Анна. Аслан, бу жырны сен къуру да айтычуса. Кимни юсюнденди?

Аслан. Бизни халкъны Гапалау деп бир жигит жашы болгъанды. Ол жарлыланы тыянчакълары, байла бла бийлени уа къанлы душманлары эди. Байла бла бийле аны жойгъандыла. Хурметли халкъ а, жигит жашына жыр этип, бюгюн да жырлайды...» [Боташев 1972: 23].

Таулу жаш кесини къадарын халкъ жырлада айтылгъан жигитни къадары бла тенглешдиреди, аныча къыйын, жарсыулу болгъанын черте, жырны тизгинлерин терк-терк къайтарады:

Ёксюз болуп, ёсген эдинг, Гапалау,
Кёп къыйынлыкъ кёрген эдинг, Гапалау,
Анасына жигит туугъан, Гапалау! [Боташев 1972: 41].

Бу тизгинле сахна чыгъарманы мурдорун къурагъан класс чюйреликни жютюлюгюн кючлейдиле, баш жигитни ниет сезимлерин ачыкълайдыла.

Сабий жылларын жалчылыкъда ётдюрген Аслан тюзлюк ючюн кюрешни къыйын жолун сайлайды. Аны абреклике халкъына жетдирилген къыйынлыкъны ачыуу чыгъаргъанды. Болсада жигитни сайлагъан жолу тынч

түююлдү. Бир талай замандан Аслан жангызлай бардыргъан кюреш магъанасыз болгъанын, халкъны эркин жашауу ючюн жамауат кюрешге къатышыргъа кереклисин ангылайды. Чыгъармада сыфатны айныуу жигитни ич дуниясыны айныуу бла кёрюнеди: сахна чыгъарманы ахырында тарых болумлада жигитни кёз къарамы, ич дуниясы, халкъ ючюн кюрешни ангылауу да түрленедиле.

Чыгъармадан чыгъармагъа жазуучуну суратлау оюмлауу теренден терен бола барады. Айтылгъаннга шагъатлыкъ «Танг аласында» (1975) деген драмасы этеди. (Бу чыгъарма «Таулада танг жарыйды» деген трилогияны экинчи кесегиди.) Болсада халкъыны тарыхында болгъан уллу түрлениулени суратлай, Боташ улу ол болумланы туудургъан жашауну энчилигин да тинтеди, аны бла бирге жангы заманны келирине ийнаннганын да кёргюзтеди. Чыгъарманы сюжет ызларыны къуралыуларына кёре, ишге къатышхан жигитлерини къадарлары бирча болмагъанча, жашаугъа кёз къарамлары да энчидиле. Жазуучуну жигитлерини ниет ёсюулерин (Салим), къылыкъларыны осал шартларын да (Маштай, Къындыр) кёргюзтюрге къолундан келгенди. Сёз уста кесини суратлау оюмун класс сезимге хорлатмайды, «жашау болумлагъа, төрелеге, жигитлерини къылыкъларын бериуде... диалектика байламлыкълары унутмайды» [Толгуров 1978: 245].

Чыгъармада сыфатлары жетишимли къуралгъан жигитледен бири Салимди. Ол терс къылыкълары жигитлени санындады. Къындыр башчылыкъ этген бандит къауум бла бирге жангы жашаугъа къажар кюреш бардырады: къошлагъа от салады, колхоз малны урлап сюреди. Болсада, башха «ниет» шуёхлары бла тенгледиргенде, Салимни халинде намыс, адеп шартла белгиленедиле. Ол эслиди, этилген ишлени сылтауларын ангыларгъа итинеди. Саясат жаны бла къарангы болгъанлыкгъа, Салим Къындырны бардыргъан ишини магъанасызлыкгъын, этген умутларыны толмазлыкъларын ангылайды. Боташланы Исса жигитини ниет сезимлери, жашау оюмлауу түрленгенлерин ачыкълауда усталыггын кёргюзтеди.

Чыгъармачыны сейир къуралгъан жигитлеринден бири Фаризатды. Ол жангы жамауат жашаугъа кертичиди, таукел адамды. Алай къыз ассыры сагъайгъан адамды, кесинден башхалагъа ышанмайды, ишеклиди, ишинде женгиллик этеди. Сёз ючюн, класс душманла бла бирге ол дин тутхан къартны да, большевиклеге къаргъыш этген тиширыуну да бирча къара чёпге алады. Партияны буйругъун толтурама деп, жамауатха хата жетдиреди. Ол айтылгъан буйрукъну оздуруп толтурургъа излейди. Болсада жазуучу жигитни ич дуниясында иги жанына түрлениулени, тиширыуну ётюрюк сезимлеринден азатлана башлагъанын да кёргюзтеди. Чыгъармада суратлау жаны бла бир къауум кемчиликле болсала да (сёз ючюн, къара-акъ түрсюнле бла хайырланыу), аны суратлау даражасыны ёсююне шагъатлыкъ этген жангы шартла да белгиленгендиле. Толгурланы Зейтунну айтханына кёре, «Танг жарыггында» деген пьесасында къуралгъан бир-бир сыфатла драматургню кёз къарамыны кенглигин эм теренлигин шартлагъандыла. Ол себепден жазуучу ишексиз жетишимлеге жетгенди, класс кюрешни, адеп-намыс ангылаулары араларында чюйреликни тынгылы ачыкълагъанды, душманны, аны

огъурсузлугъун азайтмагъанды, инсан урушну жютюлюгюн кючлендиргенди [Толгуров 1974].

Жазыучуну чыгъармачылыкъ аулагъында энчи жерни Уллу Ата Журт урушну кезиун суратлау, аны кыйынлыгъын, бушуулугъун оюмлау аладыла. «Таулада танг жарыйды» деген трилогияны ючюнчю кесеги «Тюбеширбизми?» деген жигитлик драма 1980 жылланы башында Уллу Хорламны кыркъжыллыгъына аталып жазылгъан эди. Дагъыда Боташланы Иссаны ахыр сахна чыгъармаларындан бири урушда Сталинград шахарны кьоруулауда жигитлиги бла атын айтдыргъан Батырбекланы Омаргъа аталгъан «Сени жулдузунг ёчюлмез» деген драмасы болгъанды. Белгиленнген чыгъарма жазыучуну саулугъунда басмаланмай кьалгъанды. Драматургну тилеги бла пьесаны кьол жазмасын орус тилге «Твоя звезда не погаснет» деген ат бла малкьар назмучу Мотталаны Светлана кёчюрген эди [Моттаева 2020] эм этилген кёчюрмеси ючюн 2013 жылда «Факел Победы» деген жандауурлукъ фондну Лауреаты деген сыйлы атха тийишли болгъан эди. Бюгюнлюкде ол басмада малкьар тилде энчи чыгъаргъа хазырлана турады. Ол себепден бу белгиленнген эки чыгъарманы бирден тинтип, келир заманда илму ишибизде сюзерге мурат этебиз.

Алайды да, Боташланы Иссаны чыгъармачылыгъы малкьар адабиятны тарыхында тийишли жерни алгъанды, аны магъаналы кесеги болгъанды. Жазыучуну суратлау дуниясы кёп тюрсюнлюдю, жашау кертиликни бла суратлау оюмлауну терен байламлыгъыны шартыды. Сахна чыгъармаларында Боташ улу анга дери адабиятта тохташхан тёрелени бузуп, суратлау жангылыкъла (класс чойреликде жигитни кылыгъын не жаны бла да ачыкълау, къара-акъ тюрсюнледен азатланыу, сыфатланы тизмесин жангыртыу) тохташдырыргъа итиннгенди. Жазыучу биринчи болуп миллет сахна чыгъармачылыкъда тарых-документли ызны кьурагъанды. Суратлау сёзню устасы кеси заманына кьуллукъ этгенди, анга кертичи болгъанды. Фахмулу жазыучуну ниет хазнасы бюгюнгю эм келлик тёлюлеге миллет маданиятыбызны жетишимлерини ёлюмсюз юлгюсюча кьаллыкъды.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Боташев 1972 – *Боташев И.Ж.* Пьесы [на балк. яз.: Пьесала]. – Нальчик: Эльбрус, 1972. – 218 с.

Моттаева 2020 – *Моттаева С.М.* На крутых поворотах судьбы и времени // Кабардино-Балкарская правда. – 2020. – 7 сент.

Оснос 1961 – *Оснос Ю.* Старое в новом // Театр. – 1961. – № 4. – С. 81.

Пименов 1985 – *Пименов В.* Найдёт путь к сердцам // Кабардино-Балкарская правда. – 1985. – 22 авг.

Сарбашева 2009 – *Сарбашева А.М.* Балкарская драматургия: этнофольклорная традиция и эволюция жанра. – Нальчик: Издательство КБИГИ, 2009. – 240 с.

Сарбашева 2010 – *Сарбашева А.М.* Балкарская драматургия в период возрождения (1960-1970) // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. – С. 209-226.

Сарбашева, Теппеев 2003 – *Сарбашева А.М., Теппеев А.М.* Исса Боташев // Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конец 80-х гг. XX в.) Биобиблиографический словарь. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – С.122-124.

- Теппеев 1976 – *Теппеев А.М.* Перевал [на балк. яз.: Аууш] // Заман. – 1976. – 25 авг.
Теппеев 1985 – *Теппеев А.М.* Все еще впереди // Кабардино-Балкарская правда. – 1985. – 30 сент.
Толгуров 1974 – *Толгуров З.Х.* Преодоление традиций // Кабардино-Балкарская правда. – 1974. – 8 окт.
Толгуров 1975 – *Толгуров З.Х.* Нехоженными тропами // Кабардино-Балкарская правда. – 1975. – 14 сент.
Толгуров 1978 – *Толгуров З.Х.* Время и литература [на балк. яз.: Заман бла литература]. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 246 с.
Урусбиева 1981 – *Урусбиева Ф.А.* Драматургия // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – С. 229-242.
Эльбердов 1965 – *Эльбердов Э.* Заявка И. Боташева // Кабардино-Балкарская правда. – 1965. – 10 апр.
Янин 1978 – *Янин Э.* Пробуждая доброту // Кабардино-Балкарская правда. – 1978. – 13 дек.

REFERENCES

- BOTASHEV I. Zh. *P'yesy* [Plays]. – Nalchik: El'brus, 1972. – 218 p. (In Balkar)
ELBERDOV E. *Zayavka I. Botasheva* [Application of I. Botashev]. IN: *Kabardino-Balkarskaya Pravda*. – 1965. – 10 apr. (In Russian)
MOTTAYEVA S.M. *Na krutykh povorotakh sud'by i vremeni* [On sharp turns of fate and time]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 2020. – 7 sept. (In Russian)
OSNOS YU. *Staroye v novom* [Old in the new]. IN: *Teatr*. – 1961. – No. 4. – P. 81. (In Russian)
PIMENOV V. *Naydet put' k serdtsam* [Will find a way to hearts]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1985. – 22 aug. (In Russian)
SARBASHEVA A.M. *Balkarskaya dramaturgiya v period vrozhdeniya (1960-1970)* [Balkar drama during the revival (1960-1970)]. IN: *Ocherki istorii balkarskoi literatury* [Essays on the history of Balkarian literature]. – Nalchik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2010. – P. 209-226. (In Russian)
SARBASHEVA A.M. *Balkarskaya dramaturgiya: etnofol'klornaya traditsiya i evolyutsiya zhanra* [Balkar dramaturgy: ethno-folk tradition and evolution of the genre]. – Nalchik: Izdatel'stvo KBIGI, 2009. – 240 p. (In Russian)
SARBASHEVA A.M., TEPPEYEV A.M. *Issa Botashev* [Issa Botashev]. IN: *Pisateli Kabardino-Balkarii (XX – konets 80-kh gg. XX v.) Biobibliograficheskii slovar'* [Writers of Kabardino-Balkaria (XIX – the end of the 80s of the XX century) Bibliographic dictionary]. – Nalchik: El'-Fa, 2003. – P. 122-124. (In Russian)
TEPPEYEV A.M. *Pereval* [Pass]. IN: *Zaman*. – 1976. – 25 aug. (In Balkar)
TEPPEYEV A.M. *Vse yeshche vpered* [Everything is still ahead]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1985. – 30 sept. (In Russian)
TOLGUROV Z.Kh. *Nekhozhennymi tropami* [Unkempt paths]. IN: *Kabardino-Balkarskaya Pravda*. – 1975. – 14 sept. (In Russian)
TOLGUROV Z.Kh. *Preodoleniye traditsiy* [Overcoming traditions]. IN: *Kabardino-Balkarskaya Pravda*. – 1974. – 8 oct. (In Russian)
TOLGUROV Z.Kh. *Vremya i literature* [Time and literature]. – Nalchik: El'brus, 1978. – 246 p. (In Balkar)
Urusbieva F. *Dramaturgiya* [Dramaturgy]. IN: *Ocherki istorii balkarskoi literatury* [Essays on the history of Balkarian literature]. – Nalchik: El'brus, 1981. – P. 229-242. (In Russian)
YANIN E. *Probuzhdaya dobrotu* [Awakening kindness]. IN: *Kabardino-Balkarskaya pravda*. – 1978. – 13 dec. (In Russian)

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA

УДК 821.352.3

DOI 10.31143/2542-212X-2020-4-294-306

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭЗИИ БЕТАЛА КУАШЕВА:
СИСТЕМА ОБРАЗОВ, ИДИОСТИЛЬ, ПОЭТИКА
(К 100-летию со дня рождения поэта)****Л.Б. ХАВЖОКОВА
Ф.С. БЕЙТУГАНОВА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр РАН»*

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, beytfatima@gmail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию поэтического наследия кабардинского поэта Бетала Ибрагимовича Куашева. Поэтика и художественно-композиционная организация стихов и поэм Б. Куашева до настоящего времени не стали предметом отдельного исследования, чем и обусловлена актуальность заявленной темы. В статье впервые проводится комплексный анализ художественной парадигмы творчества поэта с акцентированием внимания на системе образов, метрико-рифмовочной конструкции произведений, жанровом разнообразии, а также на национально маркированном идиостиле автора. Исследуется уникальный и новаторский для адыгской (кабардино-черкесской) литературы инверсионный синтаксис, позволивший поэту провести реформу кабардинского стиха. Рассматриваются основные мотивные линии лирики и лиро-эпики Б. Куашева, выявляются виды рифм, использованные им в оригинальных сочетаниях (концевая рифма + фольклорная, например). Полученные результаты могут стать теоретическим подспорьем при дальнейшем исследовании творчества Б. Куашева, а также при изучении адыгской поэзии, в частности, лирических и лиро-эпических произведений. Они могут найти практическое применение в спецкурсах, исследовательских работах преподавателей, аспирантов и студентов.

Ключевые слова: Бетал Куашев; кабардинская поэзия; поэтика; стиль; метрика; ритмика; жанр; инверсия.

**ARTISTIC FEATURES OF BETAL KUASHEV'S POETRY: SYSTEM OF
IMAGES, IDIOSTYLE, POETICS
(To the 100th anniversary of the birth of the poet)****L.B. KHAVZHOKOVA
F.S. BEYTUGANOVA**

*Institute for Humanitarian studies – branch of the FSBSE «Federal Scientific Center 'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, beytfatima@gmail.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of the poetic heritage of the Kabardian poet Betal Ibragimovich Kuashev. The peculiarities of poetics and artistic-compositional organization of poems and poems by B. Kuashev has not yet become the subject of a separate study, which explains the relevance of the stated topic. For the first time, the article provides a comprehensive analysis of the artistic paradigm of the poet's creativity, focusing on the system of images, metric-rhyming construction of works, genre diversity, as well as on the nationally marked idiostyle of the author. A unique and innovative for the Adyghe (Kabardino-Circassian) literature inversion syntax is investigated, which allowed the poet to reform the Kabardian verse. The main motive lines of B. Kuashev's lyric poetry and lyric-epics are considered, the types of rhymes used by him in original combinations (end rhyme + folklore, for example) are revealed. The results obtained can become a theoretical help in further research of B. Kuashev's work, as well as in the study of Adyghe poetry, in particular, lyric and lyric-epic works. They can find practical application in special courses, research works of teachers, graduate students and students.

Keywords: Betal Kuashev; Kabardian poetry; poetics; style; metrics; rhythm; genre; inversion.

КІУАЩ БЕТІАЛ И УСЫГЪЭМ ХЭЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЭ ЩХЪЭХУЭНЫГЪЭХЭР: ОБРАЗ КЪЭГЪЭЩЫКІЭР, ТХЫГЪЭХЭМ Я БЗЭР, ПОЭТИКЭР

(УсакІуэр кыызэралъхурэ илъэси 100 щрикъум ирихъэлІэу)

КІуащ БетІал кыикІуа гъуэгуанэри и творчествэри кыызэщІэкъуауэ кыыщыгъэлъэгъуа тхыгъэ зыубгъуахэр щыІэщ, ахэр Налл Заур, Тхъэгъэзит Зубер, Къэрмокъуэ Хъэмид, Кхъуэлүфэ Хъэчим сымэ ятхауэ илъэс зэхуэмыдэхэм дунейм кыитехъащ. Апхуэдэуи абы и гъащІэмрэ и гуащІэмрэ кыыщетхэкІыжа лэжыгъэхэр «Къэбэрдей литературэм и тхыдэм теухуа очеркхэм» (1965 гъэм – адыгэбзэкІэ, 1968 гъэм – урысыбзэкІэ), Абазэ Албэч зэхигъэува «Къэбэрдей тхакІуэхэр» (1999 гъ.) тхылъым, автор гупым зэдатха «Писатели Кабардино-Балкарии: XIX – конец 80-х гг. XX в.» (2003 гъ.) биобиблиографииэ псалъалъэм, «Къэбэрдей усэм и антологием» (2008 гъ.) иту кыыдэкІащ. А псор кыыдолъытэри, мы тхыгъэм кыриубыдэу усакІуэм и биографиэмрэ илэжъахэмрэ, илъэс бжыгъэкІэ гъэбелджылауэ е лъэхъэнэкІэ зэщхъэщыхауэ (псалъэм папщІэ, щеджа, зауэм щыхэта, зауэ нэужьым, н.), дакыитеувыІэн мурад диІэкъым, и творчествэр кыызэщІэкъуауэ джынри пщэрылъ зыщытщІыжыркъым, сыту жыплэмэ апхуэдэ Іуэхум и зэфІэхыным монографииэ е диссертаци лэжыгъэ псо и пщалъэщ, нэхъ мащІэкІи зупщытыныр дзыхыщІыгуэдэжэщ. Ди къэхутэныгъэм и кІуэцІкІэ дэ гулъытэ зыхуэтщІыныр КІуащ Б. и усыгъэр адрейхэм къащхъэщызыгъэкІэ художественнэ щхъэхуэныгъэхэрщ, жанрхэм я къэгъэлэрыхуэкІэмрэ мотивхэм я гъэлэжъэкІэмрэщ, усакІуэм и бзэ шэрыуэрщ, абы и лирикэ икІи лиро-эпикэ тхыгъэхэм я ухуэкІэ-гъэпсыкІэ гъэщІэгъуэнырщ – поэतिकэрщ.

КӀуаш Б. и образ кӀэгъэщӀыкӀэр зыхуэбгъадэ хӀун щыӀэкъым, зыхэбгъэгъуэщӀни гъуэтыгъуейщ. Абы и тхыгъэхэм щихуа образ системэм, зэрыжаӀу, хэплъхъэни хэпхыни щымыӀу, и фӀагъхэр нэрылъагъу пщищӀрэ и гъэщӀэгъуэнагъри кызыэщӀикъуэу, япӀу тетхыхъауэ щытащ Нал Зур. УсакӀуэм и художественнэ щӀэинымрэ щӀэныгъэ лэжыгъэхэмрэ зэхуихъэсыжу, 1958, 1966 гъэхэм тхылъитӀу кыщыдигъэкӀым, пӀублэ псалъэм Налом щитхыгъащ: «КӀуашым и образхэм кӀару кӀезытыр ахэр тэмӀу, щӀуэ, умы-КӀуаш БетӀалмэ кыпхуэмыгъуэтын образхэу зэрыщытыр аращ. Апхуэдэ оригинальнэ образ кӀэзыгъуэтыф зи хабзэр усакӀуэ щыпкӀэхэрщ. <...> КӀуашым фӀэкӀа нэгъуэщӀ гуэрым кыпкырыкӀынкӀэ хӀунтэкъым жыхуэпӀэным хуэдэхэу образ хӀэлэмэтыщэхэр и хӀушӀэщ абы» [Налоев 1958: 30-31].

УсакӀуэм и творчествэр куууэ зыджыжа, убгъуауэ тетхыхъа критик, литературэдж КӀэрмокъуэ Хъэмиди абы и образ системэм и телъыджагъыр кыыхигъэщӀащ: «КӀуашым и хъэтӀыр (и бзэр, и образыр) нэгъуэщӀым хэгъуэщӀнкӀэ Ӏэмал иӀэкъым, абы и усэбзэр кыбоцӀыху и зы сатыр закӀуэкӀэ – а сатырым дэнэ ущрихъэлӀми, КӀуашым зэриӀэдакӀэщӀэкӀыр кӀэпӀӀэнуу. КӀэпӀӀэнуу, апхуэдизкӀэ ӀупӀщ, щӀэщыгъуэщ, белджылыщи» [Кармоков 1996: 289].

Дэтхэнэ усакӀуэ, тхакӀуэми и художественнэ дунейр нэсу зэфӀэувауэ, и ӀэдакӀэщӀэкӀхэр лӀэпкӀ литературэмрэ щэнхабзэмрэ я зыужыныгъэм хуэлажъэу кыщылгытапхъэр адрейхэм кӀахэзыгъэщхъэхукӀ образ щӀэщыгъуэхэр кыыхуэгъэщӀрэ ахэр езым и хъэтӀкӀэ кыӀуэтэфмэщ. Наломрэ КӀэрмокъуэмрэ гу зылъатахэм дэ ди еплъыкӀэр щӀыдгъужмэ, гупсысэ пыухыкӀам дыхуашӀ: КӀуаш БетӀал и тхыгъэ кӀэскӀэ куэд дыдэу узыщрихъэлӀэ образ хӀэлэмэтхэм усакӀуэм нобэр кыздэсым зыри зримыкӀуэфӀа лъагъуэ адыгэ литературэм хишыну зэрыхуээфӀэкӀар хъэкӀ кыпщӀащӀ. Абы щыгъуэми КӀуашым и усыгъэм «ӀэрыщӀу», акъылкӀэ зэгъэкӀуауэ зы образи кыыхэбгъуэтӀнукъым: ар образкӀэ гупсысэрт, усэрт, псэурт, жыпӀэнурамэ, и гушӀэр образ зэфӀэзӀу кызыэрылъэлырт. Нал З. пӀэжу кызыэрихутащи, «ар усакӀуэ куэдым кӀемыхъулӀэ Ӏуэху гугъуш, ауэ БетӀал и гумрэ и щхъэмрэ щӀэ зыщӀэмыт образылъэти, и псэр дихъэхауэ щыусэкли, гушӀэм щигъэплъа образи кыигъуэтырт» [Налоев 1958: 31]. Зи гугъу тщӀым и щыхъэт КӀуашым и тхыгъэхэм кыщыбгъуэтыным гугъушӀэ удехъыркъым, сыту жыпӀэмэ, ищхъэкли кызыэрыхэдгъэщауэ, абы и усэхэри поэмэхэри образ бжыгъэншэхэмкӀэ гъэнщӀащ. Псалъэм папӀӀэ, «Си Хэку» фӀэщыгъэм щӀэт усэ закӀуэм образ гъэщӀэгъуэну икӀи щӀэщыгъуэу дызыщрихъэлӀэхэм я бжыгъэр мащӀэкъым. Ахэр апхуэдизкӀэ тхыгъэм щыкуэдщи, абыхэм ямыуфӀэбгъуауэ усэм и кӀыхъагъкӀэ зы сатыри кыыхэгъуэтэгъуейщ, уеблэмэ образ защӀэу зэхэшыхъауэ едзыгъуэ псо кыщыхэхуэ кӀохъу: «*Си Хэкууэ дыщэ губгъуэ, / КӀэхъугъэм и епэр*» [Куашев 1996: 10]; «*Лэгъунуэ из мазэгъуэр...*» [Куашев 1996: 10]; «*АкӀужъыр альп сэхъуауэ / Уи ныджэм щопӀейтей*» («Си Хэку») [Куашев 1996: 10], «*Пшэ уанэу Ӏуащхъэмахуэ / Плъыр сакъыу кыпщхъэщытыщ, / Аузхэм щызэрахуэ / Ӏэщ бжыгъэр вагъуэ лъытыщ*» [Куашев 1996: 10]; «*КӀыфӀыгъэр щӀыпӀэ дэгухэм / ДыгъэщӀэм цхъэщитхъащ*» [Куашев 1996: 10]; «*ЖъакӀацэу цхъэмыж уэрхэр / Хы цхъэфӀу мэбырыб*» [Куашев 1996: 10]; «*Къунанхэм*

пиагъуэ гуартэу / Бгы цхъуантIэхэр яхъуэкIу» [Куашев 1996: 10]; «Хуэдэнишэу уи шу жэрхэм / Зырачмэ, пиэм йопыдж» [Куашев 1996: 11]. Мыхэр адыгэбзэм, хэхауэ къэбгъэлъагъуэмэ, къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и зэфIэкIхэр наIуэ зыщI, а бзэмрэ абыкIэ тха литературэмрэ заужыным усаkIуэм хуищIа хэльхъэныгъэр зыгъэнахуэ щапхъэхэщ.

KIуашым и усыгъэм образу хэтыр зы лэжыгъэм и kIуэцIкIэ кыпхуэщIэкъуэнукъым, ауэ ищхъэкIэ кышщыдгъэлъэгъуахэм нэгъуэщI зыбжани щIыдгъужынщ: «*Жэщыр махуэ ихуэлым / КIыфI зэрыхъуу цIоф...*» [Куашев 1996: 52]; «*Ажал и шабзэ куэдрэ сыкъелами...*» [Куашев 1996: 7]; «*Шы фIалъэм цIыгур игъэгызу / <...> / Ажал пиыналъэм бгыр дэзгызгыу» [Куашев 1996: 8]; «Махъшэ сьдж сатыриц уи Iуфэр, / Уи цIэм мывэр цызэрошх» [Куашев 1996: 14]; «Ешауэ дыгъэ – мафIэ шэрхъым / Къуриш тажхэр пиэплъкIэ щихуанэу, / Шхунс цIыIэу гуаkIуэу ахъшэм нэцхъым / КъуэкIыпIэр жыжъэу хуэпианэу...*» [Куашев 1996: 21]; «*ПицIэгъуалэ Iэлхэу цIыфэ жэпхэм...*» [Куашев 1996: 21]; «*Кавказ кыр дэхухэм, пиэм епыджхэу, / ПIэ хуэплъэ пиццэу затIэщIаиц» [Куашев 1996: 22]; «Пиэплъэ жьэражъэу есуэ дыгъэр / Нэжэгужэу кыдокIуей, / ЗэхищIауэ махуэ бзыгъэр / Къуришым цхъэр кыIэт къудейиц» [Куашев 1996: 31]; «Уейр хъэ джафэу удэфаиц» [Куашев 1996: 80]; «Сын кхъахэу созэи» [Куашев 1996: 80]; «Сын кхъахэу созэи» [Куашев 1996: 82]; «НитI къэбгъаплъэр сфIэIэштIымыц» [Куашев 1996: 88]; «Дыхъэрэн хъэвэм нэхуищыр / Лъы из лъэгъуэуэ кыхонлъ, / Махуэ къэушым и дыщэр / Нур дахэ куэдкIэ зэблонт» [Куашев 1996: 110]; «Нэпсу уэсэнсыр нэхуищым полъэлъ. / Къуришхэу мывэдзэ дзахъэбэм борэныр, / Жэщым цоятэр, нартыдзэу мэфий» [Куашев 1996: 115]; «*Пицыхъэцхъэст. Пианэр зэхэуауэ / Таж дзакъэ къуришхэр цIауфаиц / <...> / Махуей блэкIам и Iэуэлъауэр / Аузым блэуэ дэпцхъэжаиц» [Куашев 1996: 145].* Мыпхуэдэ образхэр куэд дыдэу усаkIуэм и IэдакъэщIэкIхэм кхъахэбгъуэтэнущ. Абы щыгъуэми, Налэ Зауррэ Къэрмокъуэ Хъэмидрэ пэжу гу зэрылътати, «абыхэм я нэхъыбэр конкретнэхэщ, предметнэхэщ» [Налоев 1958: 30], «IупщIщ, <...> белджылыщ» [Кармоков 1996: 289].*

Зытепсэлъыхъым и сурэт псалъэкIэ зэрищIыфыр KIуашым и зэфIэкI нэхъ инхэм ящыщ зыт. ИщхъэкIэ къэдгъэлъэгъуахэри абыкIэ щыхъэту мэув, ауэ, щIэ зыщIэмыт образыгъуэу, образ нэхъ наIуэ дыдэхэм я хэщIапIэу кълъытапхъэр «Нэху» поэмэрщ. Мис, щапхъэ зыбжанэ: «*Дыгъэр хъуфэу къаруунишэ / МэткIу, къопэзэзэх, / Е еша, е мыузынишэ – / Хъуауэ пфIоцIыр цхъэх» [Куашев 1996: 255]; «Унэ кхъахэм зэпхив Iугъуэу / Гъуэзыр цIым кыыхэх...*» [Куашев 1996: 255]; «*Плъыр дыкъауэ пагэу сынхэр / Кхъэм сатырхэу итиц...*» [Куашев 1996: 255]; «*Хъэджафэжъэу укъуеяуэ / ЩIыр гуIэжэуэ цылыц...*» [Куашев 1996: 255]; «*Нэм кыпIысыр мыбэдзауэу / Iэц псэкIуэд кыпфIоцI...*» [Куашев 1996: 255]; «*ПицIантIэ хъэдэ зыдахауэ / Къуажэ псор нэцхъейиц, / НэкIу фэрэкIым ирихауэ / ТеплъэкIэ фейцейиц» [Куашев 1996: 256]; «Унэ пхашэхэр цIывынэц...*» [Куашев 1996: 256]; «*Тыбжъэ хъаруэ нашэкъаишэу / Уэрам зэвхэр шэдиц...*» [Куашев 1996: 256]; «*Тхъэм и нейр зыщепсыхауэ / ПицIантIэр кхъэуэ цымыц...*» [Куашев 1996: 257]; «*Нэ пIащитIым къатIэцI гъуэгур / МывопIэжъэ джафейиц, / ЗэхекIухъыр щатэу Iуэгур, / Бзу гъащтэу фейцейиц» [Куашев 1996:*

257]; «*Вынд и пылэр мэлыц Iуащхьэу / Къагъэсащ зы лыжъ*» [Куашев 1996: 258]; «*Дзыр зи ихалъэхэм я псалъэр / Къутихъэ хэм хуадзау / Къэзыпхъуатэм... щлагъэлъэлыр / Фызым зырадзау*» [Куашев 1996: 259], н. Мы образхэр поэмэм и япэ едзыгъуэм кыххэттхыкIа къудейхэр аращ, етIуанэ, ещанэ едзыгъуэхэми апхуэдэ куэд хыболъагъуэ.

Дызыхэплъахэр кызыэщIэткъуэжмэ, кыххэгъэщыпхъэщ КIуащ Б. кыигъэщIа образхэр, образ къудей мыхъуу, я нэхъыбэр нэщэнэм (символым), языныкыуэхэр – мифологемэм зэрыхуэкIуэр, адрейхэр лъэпкъ гупсысэкIэм и нагъыщэу зэрыувыр.

Образ ухуэнымрэ бзэр гъэлэжьэнымрэ гуэхыпIэ имыIэу зэпхаш. ЗэрыгурыIуэгъуэщи, усакIуэр зэрытхэ бзэр кыдалъхуауэ и анэбзэу, абы ирипсалъэу зэрихъэкIэ зэфIэкIырккым, ар и пкынэлъынэм хыхъауэ, псэкIэ зыхищIэу, а бзэмкIэ гупсысэу щытыпхъэщ. Апхуэмыдэмэ, КIуащым ищхъэкIэ нэрылъагъу щытIа образ системэ къулейр иухуэфынкIэ Iэмал иIаккым. УсакIуэм и гум щызэригъэпIа гурыщIэхэмрэ ахэр кызыэриIуатэ бзэмрэ зэрызэдигъэлажъу щытар куэду гъэщIэгъуэнщ: абыхэм я зэхуакум образ щIэщыгъуэ бжыгъэншэхэр кыдэкIа къудейккым, атIэ псалъэщIи, псалъэжхэм пэблагъэ жыIэгъуэ шэрыуэхэри къапкърыкIащ. Псалъэм папщIэ, критик, щIэныгъэлI зэхуэмыдэхэм (Нало З., Къэрмокъуэ Хь., н.) усакIуэм езым кыигъэщIыжауэ, неологизму бзэм кыххигъэхъауэ псалъэ зыбжанэ кыхагъэщхъэхукIащ: «*ухыгъэ*», «*къэхъугъэ*» [Налоев 1958: 33; Кармоков 1996: 291], «*дзэлI*» [Кармоков 1996: 291]. Абыхэм ящIыгъужыпхъэщ «*лIыхъугъуэ*» псалъэри. Контекстым хэмыту къапщтэмэ, мыбы и мыхъэнэр «*лIы хъуным игъуэ*», «*лIыпIэ щиувэ ныбжъ*» жыхуиIэу кыбгурыIуэнущ, ауэ абы усакIуэм щIилъхъа щлагъыбзэр зэ еплъыгъуэкIэ кызыэрыпфIэщIыным нэхърэ куэдкIэ нэхъ кууш. «*Къуэшхэ, фIэхъус!*» усэм а псалъэр мыпхуэдэу кыщокIуэ:

ФIым хуэушауэ уи хэкур

ЛIыхъугъуэ пщащэу дыгъэлщ. [Куашев 1996: 21]

Мыбдежым КIуащым «*лIыхъугъуэ*»-м кыригъэкIыр «*зи лIы етыгъуэ*» е «*зи лIы дэкIуэгъуэ хъуа пщащэ*» жыхуиIэу аращ, «*къэжэпхъа*», «*ныбжъкIэ балигъыгъуэм нэса*» мыхъэнэри абы щIэлъыжу. Ар кыкIыу адыгэхэм нэгъуэщI зы жыIэкIи къадокIуэкI – *зи дэкIуэгъуэ хъуа*, *зи фэкIэ зызылъэщIа пщащэм «зи шэфэл зэщIыхъа» е «зи шэфэл къэкIуэгъуэ / илъыгъуэ» хужалэ хабзэщ.*

КIуащ Б. Iурылъа бзэ къулейр кызыпкърышар и тхыгъэхэм ящIилъхъа мыхъэнэ куур, кыигъэщIа образ екIухэр, ахэр кызыэригъэлъэгъуа художественнэ Iэмалхэр аркъудейккым, атIэ абыхэм IэкIуэлъагъуэу щигъэлэжъа инверсие синтаксисри («инверсионный синтаксис») Iуэхум кыххэлъытапхъэщ. Ар адыгэ усыгъэр зэмыса къэхъугъэти, псалъэуха ухуэкIэ занщIэм тету къэгъуэгурыкIуа лъэпкъ гупсысэкIэр инверсием тыншу теунэтIа хъуаккым, языныкыуэхэми апхуэдэ гъэпсыкIэр яфIэкъабылаккым, бзэр зэхыIуантIэу, тхыгъэм къеджэгъуей, и мыхъэнэр гурыIуэгъуей ищIу къалъытэри. Абыхэм къащхъэщыкIыу, «*КIуащым ди поэтикэм щIэуэ кыххилъхъа псори лъэзыгъэкIар инверсиерщ*, – итхыгъащ Нало Заур. – Ар адыгэбзэм изэгъа къудейккым. Абы ди бзэм и синтаксисыр иудыныщIэри кыигъэщIэрэщIэжаш, япэм къемызэгъыу къалъытэу щыта жыIэкIэхэр хабзэ ищIащ, ар дыдэмкIи ди бзэм и лъэкIыныгъэр

игъэбэгъуаш» [Налоев 1958: 33]. Налом и еплъыкIэм Къэрмокъуэ Хьэмиди арэзы техъуаш: «Инверсием и фIыгъэкIэ бзэм и къулеигъэмрэ и лъэкIыныгъэмрэ хохъуэ, абы и къуэпсхэм заукъуэдий, и лъынтхуэм лъыр нэхъ уэру щызежэ мэхъу – КIуашым и усэм щынэрылъагъуш ар» [Кармоков 1996: 291], – итхыгъаш абы.

Дэ дызэреплъымкIэ, КIуаш Б. хуэдэу инверсиер зыхуэгъэлэжьа адыгэ усакIуэхэм нобэр къыздэсым къахэкIакъым. Абы папщIэ усакIуэм псалъэхэр зэблигъэувыкI къудейтэкъым, атIэ а IэмалымкIэ и тхыгъэхэм ритмикэ хьэлэмэт ящIилъхьэрт. Апхуэдэ ритмикэр сыт щыгъуи уэрэд макъамэу шэщIа мыхъуами, КхъуэIуфэ Хьэчим зэрыжиIам хуэдэуи «быркъ-шыркъ къыхэбжьахъуэртэкъым» [Кауфов 2016b: 155]. Пэжщ, Нало Заур гу зэрылгытауэ, КIуашым и бзэр гугъут, инверсиер къызэригъэсэбэпымкIэ Маяковский Владимир и тхэкIэм пэблагъэу и усэбзэр, езы Налом и псалъэкIэ жыпIэмэ, «эмоциональнэт» [Налоев 1958: 32]. Дэтхэнэ тхакIуэ, усакIуэми хуэдэу, БетIали къемыхъулIа сатырхэри, нэщIыса мыхъуа рифмэхэри иIэщ, ритмикэр щызэпыуди къыхохуэ, ауэ абы и усыгъэм «быркъ-шыркъи», «быргуэ-сыргуи» дыщрихьэлIакъым.

НэгъуэщI зыми къытеувыIэпхьэщ: КхъуэIуф Хь. зэрыхуигъэфашэмкIэ, «КIуашым и ритмэхэр абы литературэм нэхъ зыщрита зэман дыдэм гъащIэр щIиупскIэу, зэщхьэщихуу къежьа, куэдыщи дэмыкIыу дуней псор зэщIэзыубыда, и пIэм изыхуа «рок» *музыкэ лIэужьыгъуэм* (къыхэзыгъэщар дэращ. – Хь.Л., Б.Ф.) генез къуэпс щэху гуэрхэмкIэ пыщIащ» [Кауфов 2016b: 122]. АбыкIэ тегъэщIапIэ ищIри усакIуэр Германием щыщIам «рок-джаз» макъамэ лIэужьыгъуэр зэхихынкIэ, дихьэхынкIэ хьуну щытауэ зэрыхуигъэфашэрщ. «Джаз музыкэр КIуашым и мыхьэрэму щытауэ урегъэгупсыс, – етх абы, – «ДжонитI» поэмэм а музыкэ теплъэгъуэхэм американхэм я псэукIэм щаIыгъ увыпIэр мызэ-мытIэу къызэрыхэщым – *щIэнэклагъэ хэлъу* (къыхэзыгъэщар дэращ. – Хь.Л., Б.Ф.): а зэманым абы нэгъуэщIу утепсэлъыхьыну гугъут. <...> Зауэм и гурым макъыр, и ритмэ чэтхьар, и музыкэ къуабэбжьабэр, быргу-сыргур «ДжонитIым» «къызэрыщыIур» джаз макъамэ гуэрым къыпыхъуреикIам, «роким» ижъ къыщIихуам хуэдэщ [Кауфов 2016b: 123, 124]. Мыхуэдэ еплъыкIэм щхьэусыгъуитIкIэ арэзы дытехъуэркъым. Япэрауэ, КIуашыр «щIэнэклагъэ хэлъу» зытетыхьа макъамэ лIэужьыгъуэм езыр дихьэхыу щытауэ фIэщ щIыгъуейщ, езыр дэзымышьэх макъамэ мотивхэри и усэхэм я ритмикэм лъабжьэ хуищIынкIэ Iэмал иIакъым. ЕтIуанэрауэ (нэхьыщхьэр мыращ), КхъуэIуфэм къыхигъэщ «ДжонитI» поэмэм и гъэпсыкIэ-ухуэкIэм укIэлъыплъмэ, укыщеджэкIэ и ритмикэм ущIэдэлумэ, «быркъ-шыркърэ» «быргуэ-сыргуэрэ» хэлъын дэнэ къэна, абы и сатырхэр зыр зым кIэлъыпIащIэу псынэпсым хуэдэу йошкIурэх. Мис, зы шапхьэ, и IукIэр зэрыдахэм нэмышI, образ телъыджэхэмкIи гъэнщIауэ:

*Зыкыгъазэщ жыбгъэм зэуи
Уэшхыр ихьэщихуаш,
Дыгъэр пшэм къыкъуэплъщ нэщхьейуи,
Фагъуэу къэнэхуаш.
Дыгъэ къухьэм пшэ сырымэу*

Уафэр щыгъэнащ.

Щыблэ уари гъумэтIымэу

Куэдрэ гъынэнащ. [Куашев 1996: 227]

Къэтхъа едзыгъуитIым я ритмикэр шэщIащ, сатырхэр кIэух рифмэ къулейхэмкIэ гъэпсащ. Ауэ нэхъ куууэ зыхэплъапхъэр усэ гъэпсыкIэ фащэу абы хэплъагъуэхэрщ, сыту жыпIэмэ усэм и ритмикэр къэзыгъэщIыр ар зэрытха жыпхъэрщ, нэхъ тегъэчыныхъауэ жыпIэмэ – сатырхэм я кIуэцIкIэ ударенэхэр здэуу щIыпIэхэрщ, хэлэтыкIа пычыгъуэхэмрэ хэмылэтыкIахэмрэ я зэкIэлтыхъыкIэ хабзэхэрщ. Абы и лъэныкъуэкIэ убгъэдыхъэмэ, щапхъэу къэдгъэлъэгъуа едзыгъуэхэм я гъэпсыкIэм и схемэр мыращ:

U U / – U / – U / – U

пир. 1-нэ пыч.¹

– U / U U / –

пир. 3-нэ пыч.

– U / – U / – U / – U

– U / U U / –

пир. 3-нэ пыч.

U U / – U / U U / – U

пир. 1-нэ, 5-нэ пыч.

– U / U U / –

пир. 3-нэ пыч.

U U / – U / U U / – U

пир. 1-нэ, 5-нэ пыч.

– U / U U / –

пир. 3-нэ пыч.

Мыбдежым зэрыщынэрылбагъуи, дызыхэплъэ усыгъэр хорейкIэ тхащ, сатырхэм я кIуэцIкIэ ударенэхэр щIыпIэ хэхахэм (1, 3, 5, 7 пычыгъуэхэм) тоувэ, жыпхъэм и лэжьэкIэр зэщхъэщызыху пычыгъуэ лей кыыхыхъэркыым е пычыгъуэ бжыгъэр иримыкъуу ритмикэр щызэпыуд, щызэхэкъутэ къэхъуркыым. Усэ сатырхэр, япэр стопаиплIу зэхэтмэ, кыкIэлъыкIуэр стопаищ хъууэ, апхуэдэ хабзэм тегу зэкIэлтыхъащ.

КхъуэIуф Хь. «быркъ-шыркъуу» кыльытар «ДжонитI» поэмэм псалъэ къэпсэлъыгъуей куэд щызэтрихъэ пычыгъуэхэр арауэ кыщIэкIынуу, ауэ абы щыгъуэми ритмикэр къутэркыым, усэр зэрытха жыпхъэм ныкъусаныгъэ игъуэтыркыым. Абы кыидэкIуэуи гу лъытапхъэщ, хамэбзэм кыыхэкIа псалъэхэм, зэм езыхэм хуэдэ хамэбзэхэр, зэми усакIуэм и анэдэлъхубзэ псалъэхэр ягуидзээрэ, Iэзэ дыдэу икIи гъэщIэгъуэну рифмэ къазэрытрищIыкIыр. Уеблэмэ языныкъуэхэм деж псалъэхэр «игъэджэгуурэ» («жонглирует» кыидгъэкIыу), мыхъэнэри (семантикэр) IэщIэмыхуурэ бзэм и зэфIэкIхэр нэрылбагъу тещI. Зи гугъу тщIым и щыхъэту поэмэм и щIыпIэ зэхуэмыдэхэм кыыхэтха пычыгъуэ зыбжанэ къэтхъынщ:

КъыIухъащ порт псор ежъууэ

Новый Орлеан,

Дунеижъым кыкIыжауэ

Хы кхъухъ «Индиан».

Къишэжат абы Европэм

Щызэуа дзэ гуп...

Куэд нэплъахэщ икъукIэ нобэм

Къахуихъын насып... [Куашев 1996: 231]

¹ Пиррихиер япэ пычыгъуэм мэуу.

Хамэбзэ псалъэхэр кыхыхьами, мыбдежым, ищхьэкIэ кьэтхьа едзыгъуэхэми хуэдэу, ритмикэр кьэзылгъахьэ щыщIэныгъэ гуэр хэплгъагъуэркым. Апхуэдэщ кыкIэлгъыкIуэну щапхьэхэри:

ФIамыщI портым гъушI хъар кранхэр

Уафэм худоплгъей,

ФIамыщI щIыфгъуэ мыгъуэ къанхэр

Щолажгъэр абдей.

Транспортерхэр гъушI уэрэдкIэ

Гъуахгъуэхуэ зэроих,

ФIамыщI сабэр кIэ мыкIуэдкIэ

Уэих етгъуэ кыищоих. [Куашев 1996: 232]

Инверсием бзэр зэхилуантIэу, зэблишу кьэзылгъытахэм (е нобэкIэ кьэзылгъытэхэм) мыпхуэдэ жылэкIэхэмрэ образ екIухэмрэ кьагъэщIыныр кьэгъэнауэ, абыхэм я художественнэ лгъаплгъыр зыхащIэну е кьагурылуэну я творческэ кьару илгъу, я зэхэщIыкIми кьитIасэу кыищIэкIынутэкым. Псалгъэм папщIэ, ер зи натIэ негрхэм я фэм и плгъыфэри абыхэм я фэм дэкI гугъуехь мыухыжхэри зэхэшыгъа-зэхэхуэнауэ «*фIамыщI щIыфгъуэ мыгъуэ къанхэр*» жыхуилэ инверсиеу гъэпса щIагъыбзэ куумкIэ кьэпIуэтэн щхьэкIэ, дауикI, KIуаш БетIалу ушытыпхьэт. Апхуэдэуи, «*гъушI уэрэдкIэ гъуахгъуэу зэроих транспортерхэр*» образ хьэлэмэтщ икIи щIэщыгъуэщ. Зыми хыумыгъэгъуэщэну KIуашым и хьэтIщ, и гупсысэ зэлущэкIэщ «*кIэ мыкIуэдкIэ*» жылэкIэри – «*кIэ имылгъу / ух имылгъу*», «*зэпымыууэ*» мыхьэнэ зыщIилгъар.

Нэрылгъагъуэ зэрыхьуащи, БетIал и усыгъэ ритмикэм «рок»-ми «джаз»-ми я нэцэнэ кыхыхьэдгъуэтакым. Языныкгъуэ щIыплэхэм деж зи IукIэкIэ гугъусыгъуу пфIэщI псалгъэхэр щызэтрихьэми, ахэр, япэрауэ, усакIуэм и щхьэзакгъуэ хьэтIыр («идиостиль»-кIэ зэджэр) зыгъэнахуэхэщ, адрейхэм кьахэзыгъэщхьэхукIщ, етIуанэрауэ, абыхэм кьалэн щхьэпэ ягъэзащIэ – псынщIэрыпсалгъэм и гъэпсыкIэм зэрыпэгъунэгъум и фIыгъэкIэ кьеджэм и бзэм зрагъэужь, сатырхэм хэт макъ зэпэджэжхэм усэм и макъамэр яшэщI. А псом инверсие синтакисыр кыхыхьэхэм, усыгъэр укыигъуэлэбжгъуэ гъэщIэгъуэн дьдэ мэхьу. Мис, псалгъэм папщIэ, тхыгъэ зэхуэмыдэхэм кыхыхьэтхэ щапхьэ зыбжанэ:

ДыщэкIыу ди бжгъыхьэр кьэсакIэщ аргуэру.

Зэрехьэр акъуэжгъым гъуэжгъ тхьэмнэхэр уэру... [Куашев 1996: 117]

Шым пэщхьыныр игъэхьуахгъуэу

Уи щхьэгъубжэм сыныблех,

Макъ имыщIуэ си гур гъуахгъуэу

НысфIыпхуокIуэ, фIэхгъус кьуех... [Куашев 1996: 128]

Дунеижгъым Бэтэрэгъым бэр щигъэгът,

Бийм яхуэгъэм щысхь зымыщIэ блэ шэрэгът [Куашев 1958: 247]

Уэр мыхьуам, сыбгъэ дамэнишэт.

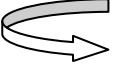
Шыуанынишэ лгъахьит,

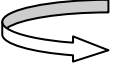
Жыг кьута щIэгъэкъуэнынишэт,

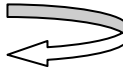

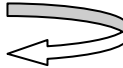

Шэнишэу жэм шхуэл кьашит... [Куашев 1996: 85]

КӀуаш Б. и усыгъэр рифмэ хьэлэмэтхэмкӀи кьулейщ. Абы нэхьыбэрэ щигьэлэжьар кӀэух рифмэ лӀэужьыгъуэрщ, ауэ языныкьуэ и ІэдакьэщІэкӀхэр зэрыщыхьэтти, усакӀуэм ІуэрыІуатэм и рифмэ ухуэкӀэри ІэщІыб ищІатэкьым: нэщІыса дьдэ мыхьуами, абы и кӀапэлыапэ гуэрхэр усэхэмрэ поэмэхэмрэ кьахош. А Іуэхум ехьэлІауэ Налѳ Заур жиІам дэ арэзы дьтехьуэркьым, нэхь ІупщІу кьэбгьэлыагъуэм: «БетІал ди ІуэрыІуатэм пэжыжьэщ – ар кьэгъазэ имыІэу силлабо-тоникэмрэ кӀэух рифмэмрэ хьэщыкь ящІаш» [Налѳев 1958: 31], – итхыгъащ абы. Мыпхуэдэ еплъыкӀэр зэрыщыуагъэр кьыхэдгъэщынымкӀэ илѳабжьэкӀэ кьэтхьыну щапхьэхэм шэсыпӀэ драгъэхьэ:

Пщэдджыжь дьгъэр уи тафэм
 Дыщафэ нуркӀэ щоджэгу
 [Куашев 1996: 19]

Унэ кхъахэм зэпхив Іугъуэу
 Гъуэзыр щІым кьыхех
 [Куашев 1996: 255]

ПщІантӀэр кхъэуэ щымщ,
 Щылыщ унащхьэр кьефыхауэ...
 [Куашев 1996: 257]

Унэ пхашэхэр щІывынэщ,
 КӀуэщІыр ятӀэ лъэгущ...
 [Куашев 1996: 256]

Хьэ пхъэрахэу джазыр банэу
 Бар жьантІащхьэм дэтиц...
 [Куашев 1996: 246]

Іуащхьитхур зекӀуэлӀхэу щыхасэу
 Хэку дахэм Марие щальхуащ,

Гу хейкІэ зэ тепльэр еуасэ

Псэ хэтхэм нэхъ къабзэу къэхъуащ.

[Куашев 1996: 154]

ІуэрыІуатэм и рифмэ ухуэкІэм и нэщэнэ гуэрхэр кыыхэнами, КІуащ Б. и усыгъэм нэхъыбэрэ кыыщыгъэсэбэпар кІэух рифмэм и лІэужыгъуэ зэхуэмыдэхэрщ – рифмэ зэгуэгъумрэ зэблэдзамрэщ. Щапхъэ зыбжанэкІэ къэдгъэлъэгъуэнщ:

Рифмэ зэгуэгъукІэ тхауэ:

Дыхуейкыым топыиэм хуэтпІыну сабий,

Жэщ жейхэр хэгъэщт зыщІхэр дощІыр дэ бий,

ШынэнкІэ гумащІэу кыитхэткыым кыикІуэт,

Жэуаныр кыитхуилъхэм хуэфайцэу ягъуэт. [Куашев 1996: 246]

Рифмэ зэблэдзакІэ тхауэ:

Уэ угуфІэм, сэ си жагъуэ!

Хэхъуэ, зыкъэтІатэ,

ПхуэзыщІын щыІэнкыым дагъуэ,

Уэ пхъэлъ псор гъэбатэ. [Куашев 1996: 108]

КІуащым и усыгъэм жыпхъэ зэхуэмыдэхэм я шапхъэ ущрохъэлІэ. УсакІуэм и поэмэхэр («ДжонитІымрэ» «Нэхумрэ») хорейкІэ тхащ, и усэхэм пычыгъуитІу зэхэт жыпхъэхэм (ямбымрэ хореймрэ) нэмыщІ, нэхъ гугъуу къалытэ пычыгъуищ хъу жыпхъэхэмкІэ тхэхэри къахэбгъуэтэнущ, ахэр куэд дыдэ мыхъуми. Мис зы шапхъэ, амфибрахикІэ тхауэ:

Бэчмырэ пащІабгъуэ, народым и къан,

Уи пшынэр бзэрабзэу кыдокІыр Нартан. [Куашев 1996: 106]

U – U / U – U / U – U / U –

U – U / U – U / U – U / U –

Къэдгъэлъэгъуа пычыгъуэри ар кызыхэтха усэр и кІыхъагъкІи амфибрахием и жыпхъэм йозагъэ. Ямбым и зы шапхъи къэтхъынщ:

ДыщэпскІэ лауэ цхъуантІэ фэхум

Щыхъ нитІыр мащІэу холыдыкІ,

Гу жан ищІауэ мазэ нэхум

Цыжъбанэм щІедзэ кызыэрыкІ. [Куашев 1996: 106]

U – / U – / U U / U – / U

пир. 6-нэ пыч.

U – / U – / U U / U –

пир. 6-нэ пыч.

U – / U – / U U / U – / U

пир. 6-нэ пыч.

U – / U – / U U / U –

пир. 6-нэ пыч.

Едзыгъуэр стопаиплІ хъу ямбым и жыпхъэм иту тхащ, сатыр къэскІэ хэлэтыкІа, хэмылэтыкІа пычыгъуэхэм нэмыщІкІэ, пиррихиер здэув щІыпІэхэри щызэтохуэ.

Ди кьэхутэныгэм кьрикIуахэр кьызэщIэткьуэжмэ, КIуащ Б. адыгэ усэм и гьэпсыкIэр зыужыныгэм льягьуэщIэхэм зэрыхуиунэтIар наIуэ мэхьу. УсакIуэм лъэпкь усыгьэр нэхь ипэкIэ зыхуэхейуэ щыта IэмалыщIэхэр, гьэпсыкIэщIэ кьызырыхильхьар абы и творчествэр зыджа критикхэми, щIэныгьэлIхэми мызэ-мытIэу кьыхагьэщаш. Литературэдж, критик, усакIуэ Сокьур Мусэрбий зэритхамкIэ, «мыбы (КIуащ БетIал. – Хь.Л., Б.Ф.) и япэ сатырхэм езыр зыщыгьуазэ шапхьэхэм я джэрпэджджыр зыгуэркIэ кьецырхьа щхьэкIэ, щIэх кьыгьэлягьуэу щIидзащ ди поэтиер зыщымыгьуазэ усэ гьэпсыкIэ. ЩоджэнцIыкIумрэ КIыщокьуэмрэ я дерсхэр кьилытэурэ, БетIал икьукIэ жан ищIаш адыгэ усэм и Iэпкьльэпкьыр, щIалэгьуэм и кьару мылтытэкIэ ар иузэдащ, нэгьуэщI лъэпкьхэм я усэ культурэм и налэ куэд анэдэльхубзэм екIуу кьыргьэзэгьаш, псалэ кьызырыгуэкIхэр сатырхэм кьышигьэщIэращIэурэ, усэ кьэIуэтэкIэр икьукIэ щIэщыгьуэ ищIаш» [Цит. по: Кауфов 2016а: 156]. «Усэ гьэпсыкIэм и лъэныкьуэкIэ КIуащыр ЩоджэнцIыкIу Алийрэ КIыщокьуэ Алимрэ я льягьуэм тетщ, – итхыгьаш Налю Заури. – КIуащым и тхыгьэхэм я сэбэпкIэ ди поэтием нэхьри зыщиузэщIаш силлабэ-тоникэм. КIуащым и тхыгьэхэр кьулайщ ритмическэ ухуэкIэ зэмылIэужыгьуэхэмкIэ» [Налюев 1958: 34].

КIуащ Б. лъэпкь усэ гьэпсыкIэм хуищIа хэлхьэныгьэр образ дахэхэмрэ егьэпщэныгэм гьэщIэгьуэнхэмкIэ КхьуэIуфэ Хьэчим кьыIуэтащ: «Абы (КIуащ БетIал. – Хь.Л., Б.Ф.) и кхьухьыр «псы хуэмым» (адыгэ усыгьэрщ зи гугьу ищIыр. – Хь.Л., Б.Ф.) кьыщытехьам пасэрей парусникхэм е зи уэнжакьыжым Iугьуэр кьрицыцыкI пароходхэм иджырей крейсер кьахэувам хуэдэт. Андрей кхьухьтетхэми поэтием и тенджыз льягьуэхэр я гьуэгуужь пэтми, щIэуэ кьахыхьам псори зригьэплъыжат» [Кауфов 2016а: 156]. АдэкIэ КхьуэIуфэм пэжу кьыхигьэщаш усакIуэм лъэпкь усэ гьэпсыкIэм хилэжьыхьа дыдэр: «Литературэм и «псы хуэмыр» кьыгьэукьубейуэ тIысыжакьым КIуащыр. «Лыгьэр иридзащ» адыгэ усэхэм я фонетикэм, синтаксисым – псалэ щхьэхуэхэр зэпыувэурэ, жыIэгьуэ, жыIэгьуэхэр псалэуха зэрыхьу щIыкIэм. Зэи адыгэбзэм имыльэгьуа рифмэхэр абы щигьужри, ритмэ зэпыхьэ-зэпыкIхэр, кьыкьуэлъыкIрэ кьыбыргьукIхэр, и кIэм нэсмэ, шэщIауэ, Iэпэ дэупIэ ямыIэу, зэужьу зэпыувэжхэр, усэм Iэпкьльэпкь хуищIаш» [Кауфов 2016а: 157].

ИщхьэкIэ кьэтхьа еплъыкIэхэм арэзы дытехьуэу, мыри щIыдгьужынут: КIуащ БетIал и хьэтIым езы усакIуэм и дуней льягьукIэ, гупсысэкIэ гьэщIэгьуэным и мыхьур тегьэуэжаш. Абы и IэдакьэщIэкIхэр я купщIэкIи, зэрытха фащэкIи, зэрыгьэпса синтаксискIи зыпэбгьэуэ, зэбгьаппцэ хьун нобэр кьыздэсым лъэпкь усыгьэм дыщрихьэлIакьым. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ льябжьэ яхуэхьуа Iуэхугьуэ кьудейхэмкIи КIуащым и творчествэр адыгэ усыгьэм кьыхэщхьэхукIаш. Андрей усакIуэхэми хуэдэу, ар литературэм сыт хуэдэ лъэхьэни кьыдекIуэкI льяпIагьэхэми (хэкур, льяхэр гьэлэпIэным, льягьуныгьэм, пейзажым, н.) лъэлэсащ, ауэ темэ щIэщыгьуэхэр кьыхигьэхьэкIэрэ лъэпкь усыгьэм и гьунапкьэхэм зригьэубгьуаш. Апхуэдэхэм языхэзщ, псалэм папщIэ «ДжонитI» поэмэм кьышиIэт Iуэхугьуэр – цIыхухэр лъэпкькIэ, я фэкIэ, жылагьуэм щаубыд увыпIэмкIэ зэхэгьэж зэращIыр – «расизм» жыхуаIэр. КьызэщIэкьуауэ кьэбгьэлягьуэмэ, КIуащым и усыгьэр, хэгьэгу зэхуэмыдэхэм гукьеуэрэ бэлыхьу илхэр сэтей кьыщIу, дунейм и

щIыпIэ зэхуэмыдэхэм ялъэIэсаш. «ДжонитIым» нэмышI, зи гугъу тщIы Iуэхугъуэхэр мыпхуэдэ тхыгъэхэми лъабжьэ яхуэхъуаш: «Хьэрыпхэм я лъэщэкIэ», «Самум», «Англичанхэр», «Феллахыр мэщакIуэ», «КэбакIуэхэр», нэгъуэщI зыбжанэми.

ИщхьэкIи кызырыхэдгъэщаци, KIуаш Б. лирикэми лиро-эпикэми щылэжьаш, и усыгъэм жанр зэмылIэужьыгъуэхэм уащрохьэлIэ. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ нэмышI, балладэ, кантатэ, уэрэдыпкхэр и Iэдакъэ кыщIэкIаш.

KIуашыр усыгъэм зэрыхуэлэкIуэлъакIуэм нэгъуэщI зы щэхуи хэлът – ар усэм и зэхэлъыкIэр, гъэпсыкIэр кууэ зыджа, IуэрыIуатэр зэхуэзыхьэсыжа щIэныгъэлIт. Художественнэ тхыгъэхэм нэмышI, щIэныгъэ статья зыбжанэ итхыгъаш – «История собирания и изучения кабардино-черкесского фольклора», «30 лет собирания и изучения кабардино-черкесского фольклора», «Стихосложение нартского эпоса», «Строение кабардинского стиха» жыхуиIэхэр. Я псалъашхьэ къудейхэми кызырыбжаIэщи, мы лэжьыгъэхэр лъэпкъ литературэ щIэныгъэм и зэхэублапIэм деж щытахэм, япэу гъуазэ хуэхъуахэм зэращыщым шэч хэлъкыым.

«*СоцIэр сэ: зыкъомым ягу срихъкъым, / Ауэ сэ си гъуэгум срикIуэни*», – щитхыгъат KIуаш БетIал и усэхэм языхэзым. ГъащIэ гъуэгунэр кIэщIу кыыхущIэкIами, усакIуэм и творческэ щIэиныр гъуэгу кIэншэкIэ лъэпкъым кыдогъуэгурькIуэ, абы и тхыгъэ гъэщIэгъуэнхэмрэ купщIафIэхэмрэ адыгэ литературэм и хэлъхьэныгъэ нэс хъуаш.

Ди къэхутэныгъэм и кIуэцIкIэ дыкызыхуэкIуахэр:

– KIуаш Б. адыгэ усыгъэм хамэ лъэпкъ, хамэ щIыпIэ мотивхэмрэ темэхэмрэ кыыхигъэхъаш;

– абы кыыхилъхьа инверсие синтаксисым лъэпкъ усэ гъэпсыкIэм и хабзэхэм зригъэхъуэжаш, усэ гъэпсыкIэм и IэмалыщIэхэр сэтей кыищIаш;

– усакIуэм и IэдакъэщIэкIхэр къэбэрдей-шэрджэсыбзэм хэлэжьыхъаш, псом хуэмыдэжу абы и фонетикэм зрагъэужъаш, лексикэм зрагъэубгъуаш;

– IуэрыIуатэм и рифмэмрэ европей (кIэух) рифмэмрэ зэрызэдэлэжьэфыр, апхуэдэ гъэпсыкIэм усэм и ритмикэр нэхъ шэщIа зэрищIыр KIуашым и усыгъэм наIуэ щыхъуаш.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Кармоков 1996 – *Кармоков Х.Г.* Труды поэта [на каб.-черк. яз.: УсакIуэм и гуашIэ] // Куашев Б.И. Стихотворения и поэмы [На каб.-черк. яз.: Усыгъэхэр] / Ред. Х.Г. Кармоков. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – С. 279-296.

Кауфов 2016a – *Кауфов Х.Х.* Правдивая мелодия поэта: Эссе. Часть первая [на каб.-черк. яз.: УсакIуэм и пэж пшынер. Эссе пэлытэ] // Iуашхьэмахуэ (Эльбрус) [Литературно-художественный и общественно-политический журнал. На кабардинском языке]. – 2016. – № 3 (май-июнь). – С. 140-160.

Кауфов 2016b – *Кауфов Х.Х.* Правдивая мелодия поэта: Эссе. Часть вторая [на каб.-черк. яз.: УсакIуэм и пэж пшынер: Эссе пэлытэ] // Iуашхьэмахуэ (Эльбрус) [Литературно-художественный и общественно-политический журнал. На кабардинском языке]. – 2016. – № 4 (июль-август). – С. 121-158.

Куашев 1958 – *Куашев Б.И.* Собрание сочинений. Том I [на каб.-черк. яз.: Тхыгъэхэр] / Подготовка к печати архива поэта, вступит. статья и комментарии З. Налоева; Ред.: З.П. Кардангушев. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1958. – 416 с.

Куашев 1966 – *Куашев Б.И.* Собрание сочинений. Том II [на каб.-черк. яз.: Тхыгъэхэр] / Подготовка к печати З. Налоева; Ред.: А.Н. Гизатулина, Б.А. Жанимов. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966. – 204 с.

Куашев 1996 – *Куашев Б.И.* Стихотворения и поэмы. [на каб.-черк. яз.: Усыгъэхэр] / Ред. Х.Г. Кармоков. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 304 с.

Налоев 1958 – *Налоев З.М.* Богатое наследие. Комментарии. Том I [на каб.-черк. яз.: Куэд зымыгъашЦэу куэд зылэжъа. Комментариехэр] // Куашев Б.И. Собрание сочинений [на каб.-черк. яз.: Тхыгъэхэр] / Ред.: З.П. Кардангушев. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1958. – С. 3-39; 400-412.

Тхагазитов 2005 – *Тхагазитов З.М.* Сочинения: Стихотворения и поэмы [на каб.-черк. яз.: Усыгъэхэр]. – Нальчик: Эльбрус, 2005. – 704 с.

REFERENCES

KARMOKOV Kh.G. *Trudy poeta (In Circassian: Usakluem i guashchle)* [Works of the poet]. IN: KUASHEV B.I. Poems. – Nalchik: Elbrus, 1996. – P. 279-296. (In Circassian).

KAUFOV Kh.Kh. *Pravdivaya melodiya poeta (In Circassian: Usakluem and page pshyner)* [The poet's true melody: Essays. Part one]. IN: *Iuashchkh'emakhue* [Elbrus magazine]. – 2016. – No. 3 (May-June). – P. 140-160. (In Circassian).

KAUFOV Kh.Kh. *Pravdivaya melodiya poeta (In Circassian: Usakluem and page pshyner)* [The poet's true melody: Essays. Part two]. IN: *Iuashchkh'emakhue* [Elbrus magazine]. – 2016. – No. 4 (July-August). – P. 121-158. (In Circassian).

KUASHEV B.I. *Sobranie sochinenij (In Circassian: Tkhygeher)* [Collected Works. Vol. I]. – Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1958. – 416 p. (In Circassian).

KUASHEV B.I. *Sobranie sochinenij (In Circassian: Tkhygeher)* [Collected Works. Vol. II]. – Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1966. – 204 p. (In Circassian).

KUASHEV B.I. *Stihotvoreniya i poemy (In Circassian: Usyg'eher)* [Poems. Vol. II]. – Nalchik: Elbrus, 1996. – 304 p. (In Circassian).

NALOEV Z.M. *Bogatoe nasledie. Kommentarii (In Circassian: Kued zymygashleu kued zylezhya. Commentary)* [Rich heritage. Comments]. IN: KUASHEV B.I. Collected Works. – Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1958. – P. 3-39; 400-412. (In Circassian).

TKHAGAZITOV Z.M. *Sochineniya: Stihotvoreniya i poemy (In Circassian: Usyg'eher)* [Works: Poems]. – Nalchik: Elbrus, 2005. – 704 p. (In Circassian).

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA

УДК 821.512.142.0

DOI 10.31143/2542-212X-2020-4-307-319

ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ САЛИХА ГУРТУЕВА**Ф.Т. УЗДЕНОВА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: uzdenova_kbigi@mail.ru*

Аннотация. Статья представляет собой осмысление творческой эволюции балкарского поэта С. Гуртуева и освещает основные моменты стадийных изменений его тематической ориентированности и стилеобразующих моделей. Внимание сконцентрировано, главным образом, на мировоззренческих и гражданских проявлениях художественного и критического сознания автора, его эстетической программы. С. Гуртуев заявил о себе в начале 1960-х, в исторически переломный момент, когда национальная художественная мысль открыла новые варианты интерпретации традиционных для советской литературы понятий. Социалистические концепты и идеологемы у С. Гуртуева приобретают конкретное объектное наполнение и эмотивность. Особенностью поэтической рефлексии поэта становится интегрированность его лирического переживания в этноидентификационную составляющую сознания. Чувство родины, понимание своего единства с народом выражены и в образной системе художника. Патриотическая модальность его творчества актуализирована в лирическом отражении событий XX века (Великая Отечественная война, выселение балкарского народа (1944-1957); на завершающих этапах все более отчетливо звучит тревога за традиционные этнообразующие нормы и императивы, недостаточно устойчивые в реалиях современности. В этой связи обращение к «природной символике» в поисках национальной идентичности проявлено в произведениях с выраженной ностальгической компонентой (тбилисский и венгерский циклы, стихи о Зелена Гуре, посвящения матери и др.). Особое внимание в статье уделено моделям дешифровки ключевых концептов поэтики С. Гуртуева («желтый всадник» «дерево», «гора») и вскрыта их органическая связь со спецификой этико-эстетических представлений карачаевцев и балкарцев.

Ключевые слова: С. Гуртуев; балкарский поэт; творческая индивидуальность; поэзия; поэма; символ; жанры; общечеловеческое и национальное.

CREATIVE INDIVIDUALITY OF SALIKH GURTUYEV

F.T. UZDENOVA

Institute for Humanitarian studies – branch of the FSBSE «Federal Scientific Center 'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»

360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18

E-mail: uzdenova_kbigi@mail.ru

Abstract. An understanding of the creative evolution of Balkarian poet S. Gurtuev and the main stage changes in his thematic orientation and style-forming models are presented in the article. Attention is focused mainly on the worldview and civic manifestations of the author's artistic and critical consciousness, his aesthetic program. The early 1960s was an historical moment of the new options for interpreting the traditional Soviet literature's concepts. That time Gurtuev's socialist concepts and ideologemes acquired specific object content and emotiveness. The integration of the lyrical experience into the ethno-identification component of consciousness has become a feature of the poet's poetic reflection. The feeling of the homeland, the understanding of the unity with the people is also expressed in the artist's figurative system. The patriotic modality of his work is actualized in the lyrical reflection of the 20th century's events (the Great Patriotic War, the expulsion of the Balkar people (1944-1957); an anxiety for traditional ethnically-forming normals and imperatives that are not sufficiently stable in the realities of our time sounds more and more clearly at the final stages. In this regard, the appeal to the "natural symbols" in the national identity's search is manifested in the works with a nostalgic component (Tbilisian and Hungarian cycles, poems about Zelena Gur, dedication to the mother, etc.). Particular attention in the article is paid to the models of deciphering the key concepts of Gurtuev's poetics ("yellow horseman", "tree", "mountain") and their organic connection with the specifics of the ethical and aesthetic ideas of the Karachays and Balkars is revealed.

Keywords: S. Gurtuev; Balkarian poet; creative individuality; poetry; poem; symbol; genres; universal and national.

ГУРТУЛАНЫ САЛИХНИ ЧЫГЪАРМАЧЫЛЫКЪ ЭНЧИЛИГИ

Бу илму иш малкъар поэт Гуртуланы Салихни чыгъармачылыкъ жолуну айныуун эм поэзиясыны баш темаларын, назмучуну энчи хаты тюрлене баргъанларын туура этеди. Аслам эс поэтни суратлау эм кесамат сезимлери дуния эм жамауат халлагъа не кёзден къаралгъанларына бурулады.

Фахмулу поэт, белгили тилманч Гуртуланы Салих малкъар литературагъа XX ёмюрню 60-чы жылларында келгенди: тарых магъаналы тюрлениулени заманында, совет адабиятта суратлау эсге, эрттеден келген сезимлеге жангы кёз къарам туугъан кезиуледе. Халкъ Ата журтуна къайтып, адабият таукел айнып, «халкълыкъ», «от жагъа» деген ангыламла миллет жашауда толу магъаналарын алып башлагъан заман. «Гурту улуну назмулары ала жазылгъан заманны шарт кёргюзтюрге болушадыла. Аны поэзиясыны ниетлери кёп тюрлю тин сезимлени – адамланы ич дунияларындан башлап, патриотлукъ, жамауат кертичилик дегенча ийнаныуланы ачыкълайдыла» [Кулиева 2003: 159]. Социалист ийнаныула поэтни чыгъармаларында толу ниет магъана аладыла, аны лирика эм миллет сезимлери бла байламлы боладыла. Ата журтха сезими, миллети бла бирлиги суратлау амалла бла белгиленеди. Аны

чыгъармаларында туугъан жерине кертчилик шартла XX ёмюрде болгъан ишле (Уллу Ата журт уруш, малкъар халкъны сюрюн азап сынауу (1943-1957) аны бла бирге поэтни жүрегине тынгысызлыкъ салгъан жашауну бююнню түрлениуле бла байламлы (миллетни ниет ырысхысы учузлана баргъаны) уста сыфатлау амалла бла кёргюзтюлюнедиде. Миллет энчиликлени ачыкълауда «табийгъат белгиле бла» кенг хайырланады (Тбилисте эм Мажаргъа, Зелена Гурагъа аталгъан назмула, анасына жораланган эм башха чыгъармала). Илму иште Гуртуланы Салихни поэзиясында баш магъаналы белгилени («сары атлы», «терек», «тау») ачыкъ этиуге эм аланы къарачай-малкъар халкъны ниет-эстетика ийнаныулары бла байламлыкъларын кёргюзтюуге аслам эс бёлунеди.

Гуртуланы Солтанбекни жашы Салих 1938 жылда Къабарты-Малкъар республиканы Акъ-Суу элинде туугъанды. Аны сабийлиги Кавказ тауладан узакъда кёчгюнчюлюкте ётгенди. Салих гитчелей, тамата къарындашы Салим бла бирге атасындан ёксюз къалып, анасыны кьолунда ёсгенди.

Гурту улуну поэзиясында анасына сүймеклиги, анга сый-ыспас бере билиую энчи жерни алады. Ол сезим поэтни жүрегине анасыны тёзюмлюгю, таукеллиги, чыдамлыгъы бла бирге келеди, аны суратлау дуниясын кенг да, бай да, кёп түрсюнлю да этеди.

Гурту улу отуздан артыкъ назму китапны, юч пьесаны, литература эссени эм романны авторуду. Андан сора да поэтни къалам къарындашларыны чыгъармачылыкъларыны эм жазуу ишлерини юсюнден жазгъан статьялары да энчи китап болуп («Жулдузла жарыгъы») эм Минги-Тау журналда да басмалана тургъандыла. Башха миллет литератураланы ийнакъларыны чыгъармаларын ана тилибизге кёчюргенди. Былайда Шота Руставелини «Къаплан тери кийген батыр» деген дуниягъа айтылгъан поэмасын, Пушкинни «Евгений Онегин» деген романын, Лермонтовну «Къачхынчы» атлы дастанын, Сергей Есенинни, Константин Симоновну, Евгений Евтушенкону, Николай Рубцовну, Саламея Нерисни, Павло Тычинаны, Григол Абашидзе, Коста Хетагуровну дагъыда кавказ миллетлени кёп къалмай барысыны да айырма назмуларын айтыргъа боллукъду. Автор кеси айтханнга кёре, битеу тилманчылыкъ ишинде бек багъалыгъа Шота Руставелини «Къаплан тери кийген батыр» деген поэмасын бла Пушкинни «Евгений Онегин» атлы романын санайды. Руставелини, болгъаныча, оналты жикли шаири, Пушкинни да, кесиндеча, Онегинни сонети деген ёлчеминде кёчюргенди. 1983 жылда Мюнхенде Руставелиге аталгъан конгрессде кёргюзтюлген 114 кёчюрмеден эм игиге малкъарлы поэт Гуртуланы Салихни кёчюрмеси саналгъанды. Лингафон бла тынгылап, кёчюрмени бла поэманы Шота Руставели жазгъан формасына (гыллыуу, ёлчеми) толу келишгени белгиленгенди. Малкъар адабиятны тарыхында ол махтаулу иш поэтни фахмулулугъуну энчи белгиси болгъанлай къалады. Белгили жазучу, алим Тёппеланы Алим, кёчюрмечилик усталыгъына багъа биче, былай чертеди: «Салих Шота Руставелини «Къаплан тери кийген жигит» деген поэмасын кёчюрме дегенде, кёпле сейир эте эдиле аны таукеллигине. Ол, Руставели бла тенг болуп, хорламгъа жетеригине ийнанганла аз эдиле. Энди уа, кёп жылла озгъандан сора, туура болгъанды – аллай жигитликке жаланда чыгъармачылыкъ фахмусу бийик болуп къалмай, ич дуниясы кертиликке кьуллукъ этген адам

таукелленирик эди... Салих Шота Руставелини кёчюргенден башха ана литературада бир зат этмей кьойса да, аны анга кёп жылланы салгъан кыйыны тамам эди, аны атын малкъар халкъны ниет тарыхыны бек сыйлы бетине жазаргъа»¹.

Гуртуланы Салих Къабарты-Малкъар Республиканы халкъ поэти, Къарачай-Черкес Республиканы халкъ поэти, «Гюржюню ара шахары Тбилисини сыйлы инсаны» деген сыйлы атлагъа тийишли болгъанды, КъМР-ни маданиятыны сыйлы къуллукъчусуду. Ол Украинаны Винница областыны Желюк атлы литература саугъасыны, Къабарты-Малкъарны Культура министерствосуну литература саугъасыны лауреатыды. Анга Гюржю Республиканы Парламентини Сыйлы грамотасы да берилгенди.

Гуртуланы Салихни жашау эм чыгъармачылыкъ жолуну юсюнден бир къауум статья барды. Алада алимле, поэтле, жазыучула (Толгъурланы З., Тёппеланы А., Мусукаланы С., Башиланы С. эм башхала) назмуларына, поэмаларына кесамат эм ыспас сёзлерин айтадыла. Алай жарсыугъа, поэтни чыгъармачылыгына энчи жораланган тынгылы илму ишле аздыла. Ол себепден бу статьяда бизни баш борчубуз – уллу сыйы болгъан, фахмулу малкъар поэтледен бири Гуртуланы Салихни бир къауум чыгъармаларыны энчиликлерин белгилерге, авторну кёз къарамын ачыкъларгъа.

Башында белгилегенибизча, Салихни жазыу иши 1960 жыллада башланганды. Аны «Эрттен» деген биринчи китабы 1961 жылда чыкыгъанды. Жаш поэтни къууанч сезимлери, жашаугъа сүймеклиги ачыкъланады; туугъан жерине халаллыгы, миллет энчилигин уста белгилеу («Туугъан жериме», «Кавказым») шарт эсленеди. «Сарычач кызычыкъ», «Университет», «Студент общежитде» деген назмулада жашлыкъны ич дунясы, биринчи сүймекликни зауукълугъу суратланады. Заманны излемине кёре, чакъырыугъа бойсунган назмула да тубейдиле.

Салихни биринчи китабыны ызындан чыкыгъан назму китапланы – «Ныхытла», «Кюн ортасы», «Къонакъ этигиз», «Тёрт алма терек» суратлау амаллары энчидиле.

– Жерме!

Юсюмде тауум, тарым да,

Ташым, агъачым, кырдыгым, кёгюм –

Мен барын кётюреме, тарыкъмай,

Кёп кере аман этсе да кёлюм [Гуртуев 1974: 68].

Табийгъат белгилени тынгылы хайырланнганы жашау кертиликни толугъа, терен кёргюзтюрге болушады. Адамны жүрек сезимин бла табийгъатны шарт болумун бирге ушатыу поэтни суратлагъан сыфатларын ачыкъ да, магъаналы да этеди. Битеу алып айтханда уа, ала чыгъармада лирика жигитни ниет излемлери бла бирге жашау кертиликни ёзеге болуп келедиле.

Сёз ючюн, поэтни лирикасында *тау* – *анстан хайырланылгъан* белги туююлду: ол малкъар миллетде төрели таукеллик, ёхтемлик эм махтау деген магъанада жүрютюледди. «Тау, мен санга къарындаш болаллыкъмамы...» деген

¹ Из личного архива А.М. Теппеева.

тизгинде авторну терен философия кёз кырамы ачыкъланады. Ол жаны бла Гуртуланы Салих жигитлерини биргелерине болгъанладанды – ушакъда, оюмда, эсде; ала бла бирге кыуанады, жарсыйды, кыйгы этдирген соруулагъа жууап излейди – неге да жан салыргъа итинеди.

«Табийгъат болумлагъа бла шартлагъа жан салыу тере битеудуния поэзияда эрттеден жюрийдю, – деп жазады белгили алим Толгъурланы Зейтун. – Малкыар литературада да эртте тохташхан тере. Хар фахмуну чыгъармачылыкъ ишине эн салгъанча бир затды ол. Салихни поэзиясында мюлк-ырысхыны хар ёзеге, кёз кёрген, кёрмеген да хар илишаны, жердеги, кёкдеги да, адамлача жарсый, кыуана да биледиле» [Толгуров 2008: 14].

Кишиге айталмайма кюйгеними.

Хауа кере, кёк да кере, жер да...

Жазычуну назмуларында, малкыар поэтлени асламысында да *таш, тау, терек* эм башкала – бош айтылмайдыла: таулу адамгъа тау деген да, терек деген ангыламла жаланда кеси магъаналарында жюриген шартла туюлдуле. Лирика жигитни жашауун табийгъат бла тенгледиреуою да магъанасы уллуду. Ол энчилик хар поэтни чыгъармачылыгында да эсленеди. Сёз ююн, Кыулийланы Кыайсынны назмуларында *таш – жигитликни, ётюрлюкню, тёзмлюкню* белгисиди, Мокъаланы Магометни назмуларында *уа – акылманды, билгичди* («Айт манга, *таш*, недеди мени терслигим?»). Терекни сыйлы кёрюп, аны кючюне ийнанып, адамла тилеклерин айтып, дууаларын эшитдирип, кёпле суратлагъандыла. Малкыар поэтлени чыгъармаларында ол тереге окъуна айланганды (Гуртуланы С. «Тёрт алма терек», Кыудайланы М. «Нартланы тереклери»). Дунияны башха халкъларындача, малкыарлыланы бла кыарачайлыланы жан салыу тёрелеринде сыйлы терекле энчи жерни аладыла. Ала миллет адет-тёрелени ёзеге болгъан затладыла. Малкыарда, сёз ююн, Раубазы, Жангыз терек неда Кыарачайда – Джашау тереге, Джангыз терек.

Кёп жылланы ичинде поэзияны жаратылыу эм ёсюу тёрелеринде кыарачай-малкыар поэтлени кеслерини кенг бутаклы суратлау системалары кыуралгъанды. Халкъ чыгъармачылыкъда сакъланган, тарых эм жигитлик жырлагъа, таурухлагъа, нарт таурухлагъа, жомакълары кирген суратлау белгиле поэзиягъа артда келген жангы тёлюлени чыгъармачылыкъларында кеслерини жерлерин тапхандыла. «Тау», «таш», «терек» дегенча табийгъат бла байламлы белгиле малкыар поэзияда эркин хайырланыладыла. Гуртуланы Салихни «Тёрт алма терек» деген чыгъармасы мамыр жашауну уруш юзген ачылыгыны юсюнденди.

«Терек бахча болур мында,

Буз туюмесе, ёсерле да.

Салим татыр алмасындан,

Биргесине – нёгери да...

Жашым – Салим бла бирге

Кюч алсын, кюч алсын терек!» [Гуртуев 1978: 81-82] –

поэманы баш жигити Солтанмек, биринчи сабийине атап, терек орната туруп, уруш жетип келгенин сезмей эди. Авторну философия оюму, кёз кырамы, ниети лирика жигитни сёзлеринде толу ачыкъланадыла.

Табийгъатны шарты – *терек* – жашау илишанча берилиу бла чекленмейди. Ол жашауну жүрюшюню тохтамазлыгъын, аны ёмюрлюгюн ачыкылагъан белгиди. Салихни поэмасыны жигити Солтанмекни сабийлерине аталып орнатылгъан терекле жашауну бла аланы къадарларыны кюзгюсюча ангылашынадыла: төрт алма терек – сабийлени санына кёре – жашауну ёлюмсюзлюгюн кёргюзте, уруш кюйдюрген жерде ёседиле.

Авторну суратлау шартларыны бири – *сары атлы* – төречини неда жакъчыны сыфатында келеди. Кеси да, чыгъарманы муратына кёре, тюзлюкню, халаллыкъны, таза ниетни юлгюсюдю.

Мен – бир мингни келечиси,

Ол а – саппа-сау дунияны,

Жерими кюню, кечеси

Бет тюрсюнюдюле аны [Гуртуев 1978: 79].

«(Быллай) сёзлени («сары атлы» дегенча сыфат – У.Ф.) тинтгенде, аны ич тюрсюнлери, тилден тышында лексика магъанадан эсе, миллет маданият энчиликлерин толуга ачыкылайдыла. Миллетни оюм этиуюн, дуниягъа къарамын ачыкылагъанда, аны тилинде жүрюген «акъыл дуниясын» къуаргъа тюшеди. Былда миллетни философия оюмларыны энчиликлери эсге алыныргъа керекдиле. Ол заманда тилде миллетни кесини «философия излемлери» къалай ачыкыланганын толуга кёрюрге боллукъду» [Бижева, Улаков 2011: 261-262]. Къарачай-малкъар тил маданиятта жүрюген эм анда орналгъан, сёз ючюн, *жаралы таш* дегенча [Узденова 2009] бир къауум сёз тутушланы юслеринден алай айтыргъа боллукъду.

...*Сары атлы* кёрюнгенде, жер уянып, айбат болуп башлайды, къаяла, ауушла араларында жаяу жолчукъла жарыйдыла. Поэмада тюрлю-тюрлю жашау болумла турушунлай суратланадыла, табийгъатны ариулугъун суйген, багъалагъан адамны сыфаты да кёргюзтюлюнеди.

Табийгъат жаланда адамны къуандыргъаны бла чекленип къалмайды: ол кёп тюрлю сезимлени тамырландырады, сууукъ толкъун ургъан кибик, адамны жарсытхан да этеди. Поэмада уруш табийгъатны улугъаныча эшитиледи:

О, жыйырма бла экинчи июнь...

Танг белги тау башларында уюду.

Къарангы къанатларын жерге ийди,

Уку да ашыгъып кирди уягъа [Гуртуев 1978: 86].

Назмуну биринчи тизгинлери окъуна жамауатха уллу къыйынлыкъ келе тургъанына сагъайтадыла. Поэма башха малкъар поэтлени чыгъармаларындан энчиди: сюжет ызыны кенглиги бла окъуучулары, адабиятны тинтген алимлени сагъышландырырчады. Жанр жаны бла алып айтханда, «Төрт алма терек» лирико-философия чыгъармады. Поэтни лирика жигити келир кюнле ючюн, сабийле тынч ёсюп жашар ючюн, къарлы тау башлары ташлары сакъланып, алма терекле чагъып туруп ючюн, жанын аямады. Ала бары да ёмюрлюкню эм жашауну белгилеридиле. Поэманы къуралууна жырла («Салимни алма терегини жыры», «Салихни алма терегини жыры» эм д.б.), ырысла («Къурманкъыз юйге чабаргъа суйдю, аякъларын алалмады», «хар зат кеси жеринде туйюл эди»), кюч берип, чыгъарманы жүрюшюн тири этедиле.

«Алма терек» деген сыфат башха жазыучуланы чыгъармаларында да тынгылы белгиледен бириди. Сёз ючюн, Зумакулланы Танзиляны «Алма терегинде» акъ чагъып, кёгет этген тереклени ичинде саргъалгъан терекни кёрюп, поэт аны жангыдан чагъаргъа умутланып, аякъ тиреп кюрешгенини юсюнден хапарлайды, ызы бла терекни аугъаны, жанып, жылыу бергени ачыкъланады (...Ахыр жылыуун да бизге бере, / Кюйюп, суууп кьошулады кюлге, / Манга тюшсе эди алай ёлорге!). Анга кёре, Бабаланы Ибрахимни «Терекни юсюнден балладасында» терек, адамланы кьюуандырыр ючюн, жел бла кьазауат этеди. Алай бла мамырлыкъ бла игилик, бир сыфатха жыйышдырылып ачыкъланадыла. Анга ушаш, адам дегенинг мамырлыкъны кьоруулап, игиликге итинирге борчлуду, деген оюмну белгилейди поэт. Созайланы Ахматны «Терек ауду» деген назмусунда белги – «Кёп кьанатлы уясыз кьалды – терек аугъанды».

«Хар инсанны ташы, жулдузу болгъаныча, поэтлени, жазыучуланы кьадар тереклери бла бирге чыгъармачылыкъ тереклери да боладыла. Ол чыгъармачылыкъ терек, ёсе, кенгере келип, сора айныууна бла ёсююне чек салып, андан ары бармай, тохтап да кьалады. Не айтыр кереклиси барды: поэтни фикирине бла оюм, жүрек тазалыгъына, кьайгырыууна кёре болады тереги да, – тереги кёкге, жулдузгъа итингени тохтамаз ючюн, поэт чыгъармачылыкъ рухийин бла жамауатны аллында жууаплылыгъын унутургъа керек туююдю» [Толгуров 2001: 22], – деп жазады Толгъурланы Зейтун.

Гуртуланы Салих поэма жанргъа усталыгъы болгъан поэтледен бириди. Аны поэмаларында баш жерни урушну темасы алады. Совет Союзну Жигити Байсолтанланы Алимге жораланган поэма ёлгенлеге, кеслерини жанларын мамыр жашау ючюн жойгъан битеу уланлагъа да аталгъан чыгъармады дерге боллукъду.

Поэманы кьуралыуу да жангыды, аны сахна чыгъармагъа ушатхан илишанларына эс бурурчады:

- *Сен кимсе, Алим?*
- *Анамы тынчлыгъы.*
- *Сен кимсе, Алим?*
- *Къызы кёл тансыгъы.*
- *Сен кимсе, Алим?*
- *Сабийни кюллюгю.*
- *Сен кимсе, Алим?*
- *Жерни эркинлиги* [Гуртуев 2013: 517].

Ол фикирге аны «Чечен уруш» деген чыгъармасы да шагъатлыкъ этеди.

Поэма жашау кертиликни кёргюзтеди. Халкыгъа уруш сынатхан кыйынлыкъланы суратлай, низамсызлыкъ уллу ачыуну сылтауу болгъанын ачыкълайды. Чыгъарманы магъанасы бушуулу, тили шатык, суратлау кючу тынгылы, кьуралыу жиби тизгинлиди.

Гуртуланы Салих жашауну толу суратлагъан поэтди. Ол кесини чыгъармаларында бушуу болумлагъа аслам эс бурады. «Гуртуланы Салихге «уруш» деген сёзню магъанасы энчиди, – деп белгилейди жазыучу Хачим Кауфов. – Ол огъурсуз сёз бла аны атасына тансыкълыгъы байламлыды. Жигит

чечен халкъгъа уруш келтирген къыйынлыкъланы да поэт уллу ачунуча кӛргюзтгенди».

Малкъар миллет уруш чекдирген зарауатлыкъдан тышында кӛчгюнчюлюк азабын да сынагъанды. Аны юсюнден тарыхчыла [Сабанчиев 2004; Тетугев А. 2020] да жаза келгендиле. Бу тема бла байламлы къарачай-малкъар тилни тинтген алимлени илму ишлеринде да талай магъаналы шарт эсленеди, сӛз ючюн, сюргюннге жораланган халкъ жырланы тил байлыкълары [Кетенчиев и др. 2020]. Гуртуланы Салих да кӛчгюнчюлюкге энчи эс бургъанды – аны ачыуун кеси сынагъанды жерлешлери бла бирге. Салихни кӛчгюнчюлюкню юсюнден поэзиясы къара кийген чыгъармачылыкъды, жүрегин инжилтген сагъышды. Ол жалгъан дау аны халкъына къара тамгъа тюшюрген къайгъырыудан толуду. Халкъыны туугъан жеринден айырылгъаны, сюргюнню ёлчемсиз къыйынлыгъы аны чыгъармачылыгъында уруш тема бла бир сатырдады. Ол затла уа фахмулу поэтни поэзиясына мудах ён бергенлей турадыла. 80–90-чы жыллада сюргюнню юсюнден керти сӛз айтыргъа онг табылгъанда, поэт кесини жүрекке сыйынмай тургъан сагъышларын, таркъаймагъан жарсыуун тынгылы кӛргюзтеди.

8-чи Март, къайгъылы туююл халкъ,

Урушчула бузгъан эдиле аны.

Ийнекле да отлай эдиле бир сакъ,

Тынчайтмай эди заман да аланы.

1944 жыл. 8-чи Март [Гуртуев 1988: 219]

Таула солуйдула, тылпыулары – булут.

Тарыкъмай кӛтюрөдиле къарны, бузну.

Онюч жылны къурулай тургъан баула

Жилуубузну этгендиле барыбызны

Ётюрюк хапар, оспар акъыл... [Гуртуев 1988: 221].

Бу назму тизгинле жазыучуну «Келген жолум» (1988) деген китабындандыла. «Поэтни бу китабы... чыгъармачылыкъ ишини ёзегиди, – деп жазады белгили алим, филология илмуланы доктору Башилан Светлана, – халкъыбыз сынагъан къыйынлыкъланы теренден суратлагъан чыгъармаладыла. Нек дегенде, бу китаптагъы назмула бир бирлери бла алай байламлыдыла – оюм, ниет жаны бла айтханда – алагъа энчи чыгъармаладыла дерге болмайса. Китапны аты да анга шагъатлыкъ этип турады: лирика жигит кесини ёз жолун башха – тынч, ташсыз, айланчсыз – жолгъа алышмайды, сатмайды, кесини бийик муратына кертичилай къалады» [Башиева 1988: 5]. Китапны бӛлюмлери («Сынау», «Нӛгерле ышыгъында», «Кӛк бла жер», «Тансыкъ тюшлерим») бир бирлери бла байламлыкъда, къыйынлыкъланы толу да, тынгылы да ачыкълайдыла.

«Сынау» деген назму къауумну магъанасы теренди. Игиликни бла аманлыкъны, терсликни бла тюзлюкню юсюнден поэтни сагъышды:

Байлыкъгъа терилмедим, сукъланмадым;

Ырахат келсе, болады жаз кюнюм,

Мюлк – ол ёмюрлюк болуп да къалмайды,

Ёмюрлюкдю ата жерими кюлю.

Байлыкъгъа терилмедим, сукъланмадым... [Гуртуев 1988: 52].

Уллу дуняны ачыулары, жарсыулары тынгысыз жүрекни сагъайтадыла. Аны назмулары («Японияда ёксюзлеге», «Америкада юйсюзлеге» эм д. б.) адам жүрекни титиретедиле.

Поэтни лирикасында жылдан-жылгъа чыгъармадан чыгъармагъа суратлау сёзю, фахмусу кючлене барады. Аны жүрек тынгысызлыгъы ана тилини сакъланыуу бла байламлыды. «Ана тилинг – бетинги белгисиди, эсинги да» неда *«Тили этеди гитче халкъны уллу»*, – деп чертеди Салих. Ол затла поэтни терен философия оюмун ачыкълайдыла.

Поэтге къадары ичирген суу кёп тюрлюдю... алай анга жашау тежеген сынауладан ётерге кюч-къарыу анасыны суюмеклиги бла бериледи. Салихни поэзиясында анасына жораланнган тизгинледен энчи жылыу урады.

...Анам, кёзлеринге къарайма сени

Келир кюнлерими кёре алада,

Ёсдюм, не кюнюнде да ала суююп

Къарамагъан кюнню кёрмедим анда.

Анам [Гуртуев 1988: 94].

Поэтни чыгъармачылыкъ ишинде жанр формаланы тюрлю-тюрлюлерине тюберге боллукъду. Поэзиясында элегиялагъа, сонетлеге тынгылы эс бурулады. «Бизни поэзиябызда жашау, сезим кюрешни теренлигин сонетни кючю бла ачыкъларгъа Салих биринчи атлам этгенди. Алай атлам, биринчи болса да, жетишимлиди. Поэтни сонет минчакъларыны темасы суюмекликди. Адамны жүрек жарсыуун, тюрлю-тюрлю сезимлерин ачыкълауда биринчи малкъар сонетле, биринчи сынауча къалмай, малкъар поэзияны лирика мадарларын айнытырыкълары баямды» [Толгуров 2018: 8], – деп чертеди Толгъурланы З.

Алай болса да, эм алгъа Гуртуланы Салихни поэзиясы кертилиги бла, магъана энчилиги бла окъуучуну эсин кесине бийлейди. Жашау жолну къыланчларында, дуняны тюрлениулеринде жаланда жангыз ийнаныуу, таянчагъы Адам улу болгъанлай къалады. «Бет ырысны алты къагъыты» деген поэмада Салих ахшылыкъ эте билиуню ниет ырысхыгъа санайды, не тюрлю жашау болумлада да адам адамлыгъын сакъларгъа керекди деп юйретеди.

Фикир, оюм жаны бла алып къарасакъ, ол поэма «жангы чыгъармача окъулады, жашауну къууатын, намысны бийиклигин, инсанны жүрек халаллыгъын кёргюзтюрге итинеди» [Узденова 2009: 55].

Поэманы хар бир бёлюмю авторну кесини кёз къарамын, сезимлерин, ангыламын – «Бет», «Намыс» деген фикирлени кенг, терен кёргюзтеди. Алтынчы къагъытны магъанасы («Бетни къайгъырыуу») адамлыкъны битеу белгилерин жыяды. Хар къагъыт биреуге багъышланады. Поэманы баш оюму – адамны жер юсюнде жумушу, аны къадары ючюн къайгъырыууду, ол кимге да борчду демекликди.

«...Дуня бюгюнлюкде да тынч туююлду. Огъурлулукъну бла огъурсузлукъну орталарында къазауат къызгъанлай турады. Ала эки дунядыла. Огъурлулукъ, айхайда, хар заманда болуучусуча, кесини къанатларын кереди, аны къушу учуп айланады. Алай аны жараларындан акъгъан къан жерибизни ариу бетин чечек таплы этеди... – быллай фикир сёзле

бла башланады Гуртуланы Салихни «Мудак кёк» деген поэмасыны тогъузунчу башы. – Кюрешни иши къоранчсыз болмайды. Алай дуня төресин артха бурургъа амал жокъду. Ол төре – огъурлулукъну хорламлы жолуду» [Гуртуев 2013: 539-540].

Поэма асламысында монологча жазылганды. Урушну юсюнден эсгериулеча къуралып, миллионла бла жоюлгъанлагъа жораланганды.

Тарых шартланы хайырланып, жашауну терен ачыкъларгъа итиниую Салихни энчиликлеринден бириди. Урушха къатышып, жигитлик этген миллетге 1944 жылда терс дау тюрелгенини юсюнден Салих тынгылы хапар айтханы да анга шагъатды.

Аны бла бирге Ата журтуна, халкъына суймеклик поэтге таукеллик, кюч, ёхтемлик да береди, игиликге ийнаныуун суутмай:

*Кёпле махтагъандыла сени, Малкъар!
Орамларынг тардыла, кёлюнг а – кенг.
Тауларынгда тюрленмей турады къар, –
Ниетингча, ол да тауларынга тенг.*

*Жолларынг эркин болуп, кёлюнг а – тар
Болур кибик жашадын онюч жылны.
Алданмадын къысха акъылгъа, Малкъар,
От жагъангда къурумагъанды жылыу... [Гуртуев 1988: 223].*

«Къадар поэтни дунияны кёп узакъ жерлерине элтгенди (Тбилисини кёгюню чууакълыгъын кёргенди, Польшада Зелена Гураны хауасын тогъугъанды), алай къайда да ол, булутланы аны туугъан жерине баргъанларына къарап, ата юйюню жылыуун сезип тургъанды» [Узденова 2010: 565].

*Тбилисини кёгю бек
Ариу кёрюнеди манга,
Басхандагъы назы терек
Кёклюгюн бергенча анга.*

*Уллу жулдуздан толу
Тбилисини кечеси,
Кесине кёреди таулу
Халкъымы бир келечисин.*

*Жарыкъдыла ол жулдузла,
Гюржюлюню кёзлерича.
Кёкге къарай, жол тауусхан
Тауланы кезлеулери.
Тбилисини кёгю [Гуртуев 1998: 422-423]
Бу тейше таныдыла мени, ёрле,
Атлашы да тюрленмеди назмуму:
Минги тауну нарат тийресин кёрген –
Алайы сунуп кёоярыкъды муну.*

*Къарт булутланы кьой сюрюулени баугъа
Тыйгъан кибик, къалынды огъарысы.
Минги тау тийресине тансыкъ болгъан –
Былайны назыларына къарасын.
Зелена Гура [Гуртуев 1998: 432]*

Заманны барыуу, тарыхны атламы жандауурсуздула. Поэтни сынамлы фахму сырында – 1944-1956 жылланы кыйынлыгъы, къазауатда ёлгенлеге кюйю. Кёз аллында уа – башха ачыула:

*Заман, боран бюкген тереклей бола,
Бермейди кырдыкны жашил татыуун.
Ол барлыкъдан эсе, бюгюнча, былай,
Тамбла миллетим къайры атылыр? [Гуртуев 1988: 381].*

Салихни поэзиясыны баш илишанлары – дунягъа сыймеклик, хурмет этиу, жашау сынаулагъа оюмлу къарау, малкъар поэзияда анга дери жюрютюлмеген суратлау амалланы уста хайырланыу, назму сёзюн кесгин, шарт айтыу толусунлай 2017-2018 жыллада «Эльбрус» китап басмада чыкыгъан бештомлукъда да [Гуртуев 2017-2018] ачыкъланадыла. Поэт андан сора да кёп ахшы умутлагъа кёл сала эди, алай, жарсыугъа, 2020 жылда ол дунясын алыпханды.

Гуртуланы Салихни поэзиясын саулай алып айтсакъ, Тёппеланы Алимни оюмуна сыйынады: Гурту улуну битеу чыгъармачылыгъына «Инсан лирика» деген, не заман дуняладан бери да уллу жамауат-тарых магъанасы бола келген деменгили адабият агъымны толкъунларында къараргъа тийишлиди. Гуртуланы Салих дуниядан терен ангылауу болгъан, энчи кёз къарамын назму кепге сыйындыргъан, хар сёзюню магъана кыйматын шарт суратлай билген жазыучуду. Ол малкъар поэзияны от жагъасын кесини назмулары бла, фахмулу кёчюрмелери бла байыкъдыргъан, ёз къарамын поэзияны тилинде белгилеген, адабият дуняны кенг да, жарыкъ да эте билген поэтди. Аны поэзиясы малкъар адабиятта угъай, саулай Шимал Кавказ литературада сыйлы жер алгъанды.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Башиева 1988 – *Башиева С.К.* Крепость доброты [на балк. яз.: Халаллыкъны бекди къаласы] // Гуртуев С.С. Моя дорога [на балк: Келген жолум]. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – С. 5-10.

Бижева, Улаков 2011 – *Бижева З.Х., Улаков М.З.* Лингвокультурологический аспект модернизации этносоциального пространства Северного Кавказа // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2011. – № 6 (44). – С. 259-263.

Гуртуев 1974 – *Гуртуев С.С.* Полдень [на балк.: Кюн ортасы]. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 128 с.

Гуртуев 1978 – *Гуртуев С.С.* Четыре яблони [на балк.: Терт алма терек] // Гуртуланы С.С. Четыре яблони [на балк.: Терт алма терек]. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 79-97 с.

Гуртуев 1988 – *Гуртуев С.С.* Моя дорога [на балк.: Келген жолум]. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 280 с.

Гуртуев 1998 – *Гуртуев С.С.* Чаша бытия [на балк: Ичген сууум]. – Нальчик: Эльбрус, 1998. – 568 с.

Гуртуев 2013 – *Гуртуев С.С.* Избранное: в 2 т. [на балк.: Сайламала: эки томлукъ]. – Нальчик: Эльбрус, 2013. – Т. 1. – 576 с.

- Гуртуев 2017-2018 – *Гуртуев С.С.* Сочинения: в 5 т. [на балк.]. – Нальчик: Эльбрус, 2017-2018.
- Кетенчиев и др. 2020 – *Кетенчиев М.Б., Додуева А.Т., Мизиев А.М.* Особенности вербализации депортации 1943-1957 гг. в карачаево-балкарской народной лирике // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2020. – № 1. – С. 112-119.
- Кулиева 2003 – *Кулиева Ж.К.* Гуртуев Салих Султанбекович // Писатели Кабардино-Балкарии. XIX – конец 80-х гг. XX в. Биобиблиографический словарь / под ред. Р.Х. Хашхожевой. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – С. 157-159.
- Сабанчиев 2004 – *Сабанчиев Х.-М.А.* Сосланы навечно: депортация и реабилитация балкарского народа. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 160 с.
- Тетуев 2020 – *Тетуев А.И.* Депортация балкарского народа в исторической памяти // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2020. – № 1 (48). – С. 87-96.
- Толгуров 2001 – *Толгуров З.Х.* Дерево поэзии Ахмата [на балк.: Ахматны поэзия тереги] // Минги-Тау. – 2001. – № 2. – С. 5-22.
- Толгуров 2008 – *Толгуров З.Х.* Гуртуев Салих. Его поэзия [на балк.: Аны поэзиясы] // Минги-Тау. – 2008. – № 3. – С. 2-14.
- Толгуров 2018 – *Толгуров З.Х.* Поэзия Салиха Гуртуева [на балк. яз.: Гуртуланы Салихни поэзиясы] // Минги тау. – 2018. – № 3. – С. 2-13.
- Узденова 2009 – *Узденова Ф.Т.* Современная балкарская поэма // Вопросы кавказской филологии. – 2009. – № 6. – С. 54-69.
- Узденова 2010 – *Узденова Ф.Т.* Салих Гуртуев // Очерки истории балкарской литературы / под ред. З.Х. Толгурова. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., – 2010. – С. 560-568.
- Узденова 2017 – *Узденова Ф.Т.* К семантической декодировке конструкта жаралы таш («раненый камень») // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. – 2017. – № 2 (33). – С. 116-120.

REFERENCES

- BASHIEVA S.K. *Khalallyk"ny bekdi k"alasy* [Fortress of kindness]. IN: Gurtuev S.S. *Kelgen zholum* [My way]. – Nalchik: El'brus, 1988. – P. 5-10. (In Balkar)
- BIZHEVA Z.Kh., ULAKOV M.Z. *Lingvokul'turologicheskii aspekt modernizatsii etnosotsial'nogo prostranstva Severnogo Kavkaza* [Linguocultural aspect of modernization of the ethnosocial space of the North Caucasus]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2011. – No. 6 (44). – P. 259-263. (In Russian)
- GURTUEV S.S. *Ichgen suuum* [Chalice of being]. – Nalchik: El'brus, 1998. – 568 p. (In Balkar)
- GURTUEV S.S. *Kelgen zholum* [My way]. – Nalchik: El'brus, 1988. – 280 p. (In Balkar)
- GURTUEV S.S. *Kyun ortasy* [Noon]. – Nalchik: El'brus, 1974. – 128 p. (In Balkar)
- GURTUEV S.S. *Sailamala: eki tomluk* [Favorites: in 2 volumes]. – Nalchik: El'brus, 2013. – Vol. 1. – 576 p. (In Balkar)
- GURTUEV S.S. *Tert alma terek* [Four apple trees]. IN: GURTULANY S.S. *Tert alma terek* [Four apple trees]. – Nalchik: El'brus, 1978. – P. 79-97. (In Balkar)
- GURTUYEV S.S. *Chyg"armalaryny beshtomlug"u* [Works: in 5 volumes]. – Nalchik: El'brus, 2017-2018. (In Balkar)
- KETENCHIEV M.B., Dodueva A.T., Miziev A.M. *Osobennosti verbalizatsii deportatsii 1943-1957 gg. v karachaevo-balkarskoi narodnoi lirike* [Features of the verbalization of the deportation of 1943-1957 in Karachay-Balkar folk lyrics]. IN: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. – 2020. – No. 1. – P. 112-119. (In Russian)
- KULIEVA Zh.K. *Gurtuev Salikh Sultanbekovich* [Gurtuev Salikh Sultanbekovich]. IN: *Pisateli Kabardino-Balkarii. XIX – konets 80-kh gg. XX v. Biobibliograficheskii slovar' / pod red.*

R.Kh. Khashkhozhevoi. [Writers of Kabardino-Balkaria (XIX – the end of the 80s of the XX century). Ed. by R.Kh. Khashkhozheva]. – Nalchik: El'-Fa, 2003. – P. 157-159. (In Russian)

SABANCHIEV Kh.-M.A. *Soslany navechno: deportatsiya i reabilitatsiya balkarskogo naroda* [Exiled forever: deportation and rehabilitation of the Balkar people]. – Nalchik: El'brus, 2004. – 160 p. (In Russian)

TETUEV A.I. *Deportatsiya balkarskogo naroda v istoricheskoi pamyati* [Deportation of Balkar people in historical memory]. IN: *Vestnik akademii nauk Chechenskoi Respubliki*. – 2020. – No. 1 (48). – P. 87-96. (In Russian)

TOLGUROV Z.Kh. *Akhmatny poeziya teregi* [Akhmat's Poetry tree]. IN: Mingi-Tau. – 2001. – No. 2. – P. 5-22. (In Balkar)

TOLGUROV Z.Kh. *Gurtuev Salikh. Any poeziyasy* [Gurtuev Salikh. His poetry]. IN: Mingi-Tau. – 2008. – No. 3. – P. 2-14. (In Balkar)

TOLGUROV Z.Kh. *Gurtulany Salikhni poeziyasy* [Salikh Gurtuev's Poetry]. IN: Mingi Tau. – 2018. – No. 3. – P. 2-13. (In Balkar)

UZDENOVA F.T. *K semanticheskoi dekodirovke konstrukta zharaly tash («raneniyi kamen'»)* [Semantic decoding of the zharali tash ("wounded stone") construct]. IN: *Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoi Respubliki i Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. – 2017. – No (33). – P. 116-120. (In Russian)

UZDENOVA F.T. *Salikh Gurtuev* [Salikh Gurtuev]. IN: *Ocherki istorii balkarskoi literatury / pod red. Z.Kh. Tolgurova* [Essays on the history of Balkarian literature. Ed. by Z.Kh. Tolgurov]. – Nalchik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., – 2010. – P. 560-568. (In Russian)

UZDENOVA F.T. *Sovremennaya balkarskaya poema* [Contemporary Balkar poem]. IN: *Voprosy kavkazskoi filologii*. – 2009. – No. 6. – P. 54-69. (In Russian)

Наши авторы

Атласкиров Альберт Русланович – канд. социолог. наук, старший научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: Atlaskirov.albert@yandex.ru

Бабич Ирина Леонидовна – д-р истор. наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук

E-mail: babich@iea.ras.ru

Бейтуганова Фатимат Сафаровна – аспирант Научно-образовательного центра Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»

E-mail: beytfatima@gmail.ru

Бугай Николай Федорович – д-р истор. наук, профессор, главный научный сотрудник Центра «Историческая наука России» Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт российской истории Российской академии наук»

E-mail: nikolay401@yandex.ru

Бухуров Мухамед Фуадович – канд. филол. наук, заведующий сектором адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: mbf72@mail.ru

Варивода Наталья Владимировна – научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: variks1@yandex.ru

Гулиева (Занукоева) Фаризат Хасановна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»

E-mail: gfariza37@mail.ru

Гуртуев Расул Салихович – аспирант Северо-Кавказского института – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

E-mail: rasul.gurtuev@mail.ru

Дзамихов Касболат Фицевич – д.и.н., профессор, директор Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: kbigi@mail.ru

Кажарова Инна Анатольевна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: barsello@rambler.ru

Кожев Заурбек Анзорович – канд. истор. наук, заведующий сектором средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: zaurbek_k@mail.ru

Кузьминов Петр Абрамович – д-р истор. наук, профессор, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: petrakis_hist@bk.ru

Кумыкова Дина Мухарбиевна – канд. филол. наук, доцент, ученый секретарь Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: dina07-09@mail.ru

Кумыкова (Гучапшева) Элина Тугановна – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: etkumyкова@mail.ru

Мамсиров Хамитби Борисович – д-р истор. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: mamsirhb@mail.ru

Машуков Хызыр Вячеславович – начальник отдела грантов управления научных исследований и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: khiz.87@mail.ru

Нальчикова Елена Аниуаровна – канд. истор. наук, доцент, заместитель директора Социально-гуманитарного института по менеджменту качества образования, заведующая кафедрой организации работы с молодежью ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

E-mail: elenalchik@yandex.ru

Прасолов Дмитрий Николаевич – канд. ист. наук, доцент, заведующий сектором этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»

E-mail: dmprasolov@gmail.com

Сарбашева Алена Мустафаевна – д-р филол. наук, доцент, зав. сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

E-mail: alenasarb@mail.ru

Страйхорн Кристиан – магистр истории, международный преподаватель (Сальвадор, Бразилия)

E-mail: christianstrayhorn@gmail.com

Узденова Фатима Таулановна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-балкарский научный центр РАН»
E-mail: uzdenova_kbigi@mail.ru

Фоменко Владимир Александрович – канд. истор. наук, доцент, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
E-mail: fva2005@gmail.com

Хавжокова Людмила Борисовна – канд. филол. наук, зав. сектором кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Хубиев Башир Билялович – д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой теории и технологии социальной работы ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», заслуженный деятель культуры КБР.
E-mail: ktilsr@mail.ru

Яновский Вячеслав Сергеевич – канд. истор. наук, краевед, кавказовед, научный сотрудник Информационно-культурного центра «Музей А.И. Солженицына» в г. Кисловодске – экспозиционного отдела Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля.
E-mail: vyacheslavyanovsky@yandex.ru

Электронный журнал

Кавказология

Caucasology

№ 4 / 2020

DOI: 10.31143/2542-212X-2020-4